

Фиона Макинтош

Месть

Троица – 2

Посвящается Монике и Фреду Ричардс, моим родителям и друзьям.

Вторая книга написана, и это означает, что мне предстоит сказать еще больше «спасибо»! Пип Клименту продолжает будить по утрам меня и моих домочадцев, за что я ей очень благодарна. Мой друг Пол Михэн разработал для меня великолепный сайт. Будете в Сети – непременно загляните. Спасибо Соне Кэдди за то, что читает мои черновики, равно как и Энн Мэддокс, помощь которой я очень ценю. Я не смогу перечислить здесь всех, кто поддержал меня – их слишком много, но я надеюсь, что они знают, насколько я ценю их неугасающий энтузиазм. Особо хотелось бы поблагодарить моих дорогих братьев Грэхема Ричардса и Кима Бликера, а также Линн Шинеллу, которая, кажется, искренне верит, что я владею магией и знаю рецепт волшебной пылицы!

С моим редактором Николя О'Шеа не просто приятно работать. Эта женщина очень талантлива и прекрасно знает свое дело. Мне на самом деле с ней повезло. Спасибо за поддержку всем сотрудникам издательства Harper Collins, и прежде всего Линде Фуннелл и Стефани Смит. Вспоминая, как Робин Хобб и Сара Дуглас обратили внимание на эту трилогию, я до сих пор испытываю что-то вроде благоговейного трепета и от души благодарна им за их одобрение и великодушную критику.

Наконец я хотела бы сказать «спасибо» великолепной, хотя порой и несколько эксцентричной троице, которая сопровождает меня по жизни. Я в очередной раз выражаю любовь и благодарность Уиллу и Джеку, которые постоянно возвращают меня из Таллинора в реальность семейной жизни... и особенно – как всегда – Йену.

Пролог

Темезиус исходил беззвучным криком. Жилы, выступившие у него на шее, сделали ее похожей на ствол старого дерева. Сейчас он принимал на себя всю ярость атаки. Фиггис, который так стойко держался все эти долгие годы, наконец начал терять силы. Трещины в броне, которую он создал вокруг себя усилием воли, быстро расширились.

Изначально Паладинов было десять; благодаря силе мысли и искусству волшебства они держались сотни лет. Но время шло, мощь пленника, которого они стерегли, не иссякала, а они слабели. Узник не успокаивался. Иногда он боролся со всеми одновременно, но чаще старался сломить своих стражей поодиночке.

Первым пал Кит Кайрус, отныне и навеки известный как Первый. Вторым стал Клут из Роркбея, а вскоре за ним последовал и Третий, вернее, Третья – волшебная волчица Солиана. Четвертая, эсианка Джуно, держалась после этого очень долго, но и она не выстояла. Морук Адонго стал Пятым, Шестым – клук Саксен. Седьмым сдался менестрель Саллементро, Восьмой – отшельница Арабелла.

Теперь остались только горный карлик Фиггис и Темезиус из племени великанов. Но Фиггис знал, что его дни сочтены. Каким-то образом эти двое все еще находили в себе силы противостоять натиску беспощадного бога, подобно утесам под ударами штормовых волн. Однако волшебная сила Орлака затопляла их разум, ломала сопротивление...

Темезиус взревел. Кажется, он был готов не только отразить атаку, но и нанести удар. Но Орлак только рассмеялся.

– Какая стойкость, Темезиус! – воскликнул он. – Придется заняться тобой как

следует... – он повернулся к Фиггису. – А тебе пока лучше отдохнуть, мой маленький друг. Потому что скоро мы с тобой снова померяемся силой, и боюсь, тебе придет конец.

Нанак, Хранитель Паладинов, молча наблюдал, как отдыхают его отважные воины, как медленно смягчаются черты их измученных лиц, и его сердце наполняла горечь. Он видел, к чему идет эта древняя битва. Теперь осталось недолго. Фиггис падет, хотя будет бороться до конца. Единственное утешение – это заверения Мекхуда, которым Нанак все больше верил. Старик не сомневался, что их отважные друзья возродятся и снова начнут борьбу. Их души попадают в Сердце Лесов, говорил Меркуд, где начинают новую жизнь среди живых и готовятся к новой битве. Темезиус, надежда и опора Паладинов, падет последним, именно ему предстоит последним пережить всю горечь унижения, когда Орлак победит. Да, он победит... В этом Нанак не сомневался. Только бы гиганту хватило сил продержаться чуть подольше и дать им время подготовиться. А времени отчаянно не хватало.

«Держитесь, мои храбрые друзья, – мысленно шепнул он. – Грядет Триединство. Вы – факельщики, которые освещают ему путь. Выиграйте время, оно нам необходимо».

Но отчаяние оставшихся было слишком тяжело, и они не ответили. Нанак понимал. Он тоже жаждал отдыха. Пусть Лисе освободит его, как бы важна ни была порученная ему задача.

Тишину нарушил безумный хохот Орлака. Теперь бог смотрел на старого Хранителя. Взгляд этих странных, пронзительно-лиловых глаз словно проникал в душу в душу Нанака, пытаясь околдовать старика. Нанак поежился и зажмурился. Не смотреть. Не позволить смотреть Орлаку. И ждать новой атаки. Надо верить Лисе. Лисе укажет им путь и поможет одолеть мятежного бога.

Изредка Нанаку становилось жаль пленника. Принц богов, возлюбленный сын Сонма, украденный из своего мира и вынужденный жить жизнью смертного... Как это печально. И тем не менее, Нанак его ненавидел. И жил ожиданием часа, когда Орлака постигнет кара за страдание Паладинов.

Лисе обещала спасение. Она – Хранительница. Нанак подчинится ее решению.

Он почувствовал, как напряглись Темезиус и Фиггис, как вокруг каждого во мгновение окна выросли незримые стены. Орлак вскочил и заплясал, точно безумный. Он восстановил силы и как будто помолодел. Снова начался бой – не на жизнь, а на смерть, и Орлак наслаждался собой.

И не он один.

За происходящим молча наблюдал Доргрил. Бог, изгнанный Сонмом и брошенный в Пустоту, чтобы целую вечность размышлять о своих преступлениях, вот уже много веков наблюдал за этой битвой, оставаясь незамеченным. И радовался каждой победе Орлака.

Будь у него руки, сегодня он обнял бы сам себя. Освобождение Орлака близилось, и Доргрил чувствовал это. Освобождение, которое обернется победой самого бога-изгнанника.

Глава 1

Все сначала

– Шприц с миром! Надо спасти душу этого упрямца, пока она еще держится в теле!

Элиссандра Квин, не веря своим ушам, попятилась, а одна из помощниц поспешно протянула властной высокомерной повитухе какое-то странное приспособление. Элисса посмотрела на женщину с посеревшим лицом, раскинувшуюся на родильном кресле. Крупные капли пота, казалось, вытекали прямо из корней ее жидких волос, и мокрые прямые прядки прилипли к коже. Лицо роженицы выглядело изможденным и очень печальным. Она слишком устала, чтобы понять смысл безжалостного решения, которое принимали за нее. Повитухи требовали шприц с миром только в одном случае: когда не сомневались, что ребенок погибнет. Считалось, что такого очищения душе младенца достаточно.

Элиссе снова охватила печаль. Призраки недавнего горя, от которого она еще не успела отойти, снова явились, чтобы терзать ее.

Джайн Элкин, супруга одного из придворных, была женщиной милой и доброй, с мягким голосом и мягкой улыбкой, которой одаривала каждого, кто попадался ей на глаза. Она не заслужила такой участи. Ребенок вот-вот родится, но Джайн слишком ослабела, чтобы произвести его на свет.

Повитуха схватила шприц и ввела кончик в открытое лоно женщины, которая теперь лежала совсем неподвижно, затем нажала на плунжер и выдавила миро на головку ребенка.

«Только это не головка!» – хотелось крикнуть Элиссе. Даже не имея опыта в подобных делах, она могла это определить. Повитуха пробубнила слова благословения, вытащила шприц, прикрыла колени Джайн Элкин юбкой, потом распрямила спину и потянулась.

– Обмой ее, – бросила повитуха Элиссе. – Теперь она отправится к богам.

Повитуха, очевидно, посчитала свою задачу выполненной и с важным видом удалилась. Ее помощница последовала за ней, глаза у девушки были широко раскрыты.

Жестоко. Но, увы, такое отношение не было редкостью.

Элисса вспомнила, как рожала сама. Воспоминания были смутными; можно сказать, у нее украли не только ребенка, но и его рождение. Может быть, от боли она лишилась чувств? Элисса так и не поняла, как все случилось. Как она могла потерять сознание... и при этом родить?

Как бы то ни было, за это время праведная отшельница Арабелла приняла у нее роды, а всего несколько мгновений спустя младенец умер на руках у отца. Ребенок издал свой первый и последний крик – а она, его мать, не слышала его, не могла его успокоить. Потом его похоронили в неглубокой ямке среди зарослей, без обряда. Да, вот это на самом деле жестоко.

При мысли о ребенке у Элиссы разрывалось сердце, но куда страшнее были воспоминания об его отце – воспоминания, которые преследовали ее, превращая жизнь в пытку. Прекрасное лицо Торкина Гинта стояло у нее перед глазами – изуродованное, залитое кровью. Таким оно стало через несколько мгновений после того, как началась казнь. Голубые глаза угасли, стали безжизненными и слепыми. Окровавленный труп обмяк, повис на кресте. Люди подходили и касались ног Тора, отдавая последний долг человеку, которого любил весь Тал.

Убедившись, что Тор мертв, Элисса повернулась и посмотрела на его убийцу, короля Лориса. Она поклялась себе, что всегда будет смотреть на это грустное, усталое лицо только с ненавистью. Что бы ни случилось, Элисса обожала королеву – и с такой же силой презирала ее супруга. Довольно было одного его слова, чтобы отменить казнь. Но предпочел этого не делать. Элисса так и не поняла, почему. Ведь Тор был не только придворным лекарем, но и близким другом королевской семьи.

Той зимой, четыре года назад, Элиссе пришлось очень нелегко. С ней остался только Саксен; все остальные, все, кого она знала и любила, ушли из ее жизни – даже Клут, верный спутник Тора. Куда улетел сокол после смерти своего друга? И что случилось с придворным лекарем Меркудом по прозвищу Облегчающий Страдания? Элисса столкнулась с ним на лестнице, когда после казни Тора возвращалась в свои покои. Старик вел себя очень странно, это отметила даже стража. Элисса знала, что Меркуд забрал тело Тора и увез к месту последнего упокоения, но никто не сказал ей, куда именно. Сколько раз она жалела, что не спросила об этом старого лекаря! А теперь и он исчез. Тогда, на лестнице, Меркуд почему-то велел ей искать Саллементро. Откуда он знал, что менестрель – не только ее друг, но и один из Паладинов?

Действительно, прошло несколько недель после казни, и она встретила Саллементро. Однако менестрель утверждал, что не знает никакого Меркуда и никогда не знал. Более того, произнеся те странные фразы, Меркуд послал ей воздушный поцелуй. Что бы это значило? Мягко говоря, между ними никогда не было любви. Элисса терпеть не могла Меркуда, и лекарь об этом знал. Прежде всего за то, что он похитил у нее Тора. О чем думал Облегчающий Страдания, когда у всех на глазах выражал ей расположение?

Внезапно Элисса услышала за спиной всхлип... и вспомнила о служанке Джайн Элкин,

которая стояла в затененной части комнаты.

– Элса?..

– Она умрет? – голосок девушки дрожал. Элисса подозревала, что так и будет, но постаралась говорить спокойно и уверенно.

– Нет. Мы сделаем все возможное, чтобы ее спасти. Помоги ей устроиться поудобнее, а потом как можно скорее найди Саллементро.

Пока Элса протирала лоб Джайн Элкин сложенной в несколько раз мокрой тряпкой, Элисса старательно мыла руки. Она отметила, что никто из повитух этого не сделал. Ее саму приучила мыть руки Соррель.

«На чистых руках нет заразы», – постоянно повторяла старушка.

Элисса отогнала эти мысли. Она больше слышать не желает о Соррели! Сколько тягот и лишений они пережили вместе... Еще один друг, который покинул ее в Сердце Лесов – наверно, самый близкий друг, – после того, как ее ребенок умер! Для Элиссы это было, как ножом по сердцу. Правда, не исключено, что Соррели уже нет в живых.

Джайн Элкин открыла глаза – у нее опять начались схватки – и слабо вскрикнула. Элисса услышала, как хлопнула дверь: это служанка побежала на поиски Саллементро. Молодая женщина перевела дух и снова приподняла юбку роженицы. Она уже решила, что должна сделать, но боялась начинать. В свое время Соррель говорила: если ребенок лежит неправильно, его нужно просто перевернуть, только осторожно. Сейчас Элиссе предстояло проверить это утверждение.

При одной мысли о том, что предстоит им с Джайн, Элисса обливалась холодным потом. Однако она шепнула женщине что-то утешительное, потом засучила рукава, смазала руку маслом и осторожно погрузила ее в лоно.

Через некоторое время Элса, ворвавшись в комнату, сообщила о прибытии Саллементро. Ох... еще не хватало, чтобы менестрель вошел туда, где рождает женщина!

– Не сюда, Саллементро! – крикнула она, бросаясь к двери. – Пожалуйста, встань под окном и спой что-нибудь для госпожи Элвин. Она любит твою музыку не меньше моего. Это ей поможет.

– Я спою «Моя госпожа, моя любовь», – откликнулся менестрель. – Для вас обеих.

Элисса благодарно коснулась его руки и быстро захлопнула дверь.

– Как она? – спросила Элса, на цыпочках входя в комнату.

– Отдыхает. Сейчас хватки снова начнутся... Все идет, как надо.

Элисса не могла скрыть волнения. Ей удалось перевернуть ребенка почти без труда, и теперь, без сомнения, он лежит правильно. Можно надеяться на благоприятный исход.

Она слышала, что некоторые слишком рьяные повитухи вытаскивают младенцев ножками вперед. К чему это приводило, Элиссе доводилось видеть не раз: в городе можно было встретить немало детишек с искривленными ручками и ножками. Конечно, гильдия повитух не признавала своей вины... к тому же, лучше уж родиться кривоногим, чем не родиться вовсе, подумала Элисса. Во дворце шепотом рассказывали о том, как обходились с младенцами, если гибель грозила женщине более знатной, чем госпожа Элвин. Ради спасения жизни матери от ребенка просто избавлялись. Элисса наслушалась жутких историй о повитухах, которые извлекали младенца с помощью ножа. Они разрезали его на куски прямо в чреве матери... вот ужас какой! К счастью для Джайн Элкин, ее положение было не столь высоким, и ради нее никто не стал так утруждаться.

Из открытого окна донесся прелестный голос Саллементро. Менестрель выбрал любимую балладу Элиссы, написанную после того, как он впервые увидел молодую женщину. Элисса стояла на балконе, готовясь увидеть казнь своего возлюбленного...

Мужа. Из всех, кто пришел в тот день на площадь, об их свадьбе знали только Саксен и Клут. Сама Элисса, разумеется, не потрудилась сообщить об этом, когда ее схватили в лесу. Да и какая теперь разница? Тор мертв. Ее сын мертв. Ей оставалось или покончить с собой, или принять эту новую жизнь во дворце. Проблема заключалась в другом: когда Элисса спрашивала себя, почему заставляет себя жить дальше, ей ничего не приходило в голову.

Саксен и Саллементро утверждали, что никогда не потеряют надежду. Элисса с удивлением узнала, что Саллементро тоже один из Паладинов... но какой в этом смысл, если Тор погиб? Нет Тора – не может быть и Триединства. Правда, никто толком не знал, что это такое, но ясно было одно: Тор был его частью, и заменить его никто не мог.

Если бы только удалось сохранить Писания Нанака! Элиссе так и не представилось возможности прочитать вторую книгу, но она не сомневалась: именно в ней написано то главное, что надо знать об Орлаке. Лисе говорила Тору, что мстительный бог вернется в Таллинор, поскольку намерен завершить начатое.

В этой комнате, за окном которой заливался Саллементро, где лежала Джайн Элкин, чье лицо было искажено болью родовых схваток, откровение Нанака казалось ей обычной книжной историей. Раньше при одном виде этих букв Элиссе охватывала дрожь: она знала, что читает о событиях, которые действительно происходили. Но теперь книги для нее потеряны – как потеряны Тор, Соррель и друзья из Сердца Лесов.

Лисе тоже исчезла из ее жизни. И не только ее. Строго Говоря, Элиссе таинственная женщина не являлась ни разу, странно, не правда ли? Только ей одной из всех, кто имел отношение к этим поискам...

Элисса тряхнула головой, снова отгоняя мысли, которые так долго ее беспокоили. Поиски Триединства закончились. Если нет Тора, какой смысл искать остальных?

Схватки у Джайн стали чаще и сильнее.

– Зови повитуху, Элса, – скомандовала Элисса. – Наверно, она сейчас в кухне, набивает свой мерзкий рот. Твоя хозяйка вот-вот родит.

К счастью, повитуха не заставила себя ждать. Она оттолкнула Элиссу – похоже, женщина не поверила служанке и желала увидеть все собственными глазами. Можно не сомневаться: она вернулась не из жалости или сочувствия к роженице, которая никак не могла разрешиться от бремени, а из любопытства. Или ради корысти?

– Она готова разродиться, но очень ослабла, – осторожно заметила Элисса.

Губы повитухи изогнула хмурая ухмылка.

– А я-то думала, что она уже остывает у себя в покоях. Ну ладно, за живого младенца и плата больше... Попробуем.

Когда ребенок Джайн Элкин покинул материнское лоно и завопил, Элисса увидела, точно наяву, как Инквизитор Гот, ликуя, ногами разгребает листву и ветки, прикрывающие тельце ее сына.

Кто-то потянул ее за плечо. Элисса очнулась и увидела, что Элса плачет, а Джайн Элкин протягивают крошечный сверток.

– Сын, – лепетала Элса. – Надо сказать господину. Сегодня вечером он будет самым счастливым человеком в Тале...

Девушка отвернулась и шепотом, чтобы никто больше не услышал, добавила:

– ... Благодаря вам.

– Иди быстрее и сделай все, что должна, – откликнулась Элисса. Она тоже не хотела, чтобы кто-нибудь знал, как она помогла мальчику появиться на свет.

В то время как Элиссандра Квин переворачивала младенца в утробе матери, король и королева готовились к утренней верховой прогулке.

Пока конюх проверял стремяна, Найрия распрямила спину и вдохнула прохладный воздух раннего осеннего утра. Как она любила это время года! Королева уже представляла, как скачет по полям в окрестностях Тала, по отвердевшей от мороза траве, дразня Лориса и точно зная, что его коню никогда не догнать Фрейсина. Конечно, он, как всегда, бросится в погоню – но, конечно, конечно, позволит ей выиграть... И она любит его за это.

Размышления Найрии прервал пронзительный крик. Королева посмотрела в сторону дворцовых ворот и заметила стражника, который тащил за руку тощего мальчугана. Малыш упирался, но силы были неравны.

– Что случилось? – крикнула королева.

– Ваше величество, – стражник поклонился, – кто-то привязал этого ребенка к воротам перед дворцом прошлой ночью. Мы обнаружили его только час назад, во время смены караула.

– Наверное, он замерз, – заметила королева, глядя на мальчика, который казался еще более хрупким рядом с могучим стражником.

– Мы дали ему теплого эля и немного каши. Прайм-офицер Херек приказал его вернуть.

– Кому?

Стражник пожал плечами, но тут же опомнился.

– Прайм-офицер Херек поручил Орго пойти с ребенком в город и расспросить людей, – и он указал в сторону своего товарища.

Найрия вынула правую ногу из стремени. Ее привычка ездить по-мужски всегда производила впечатление на стражников, но женских седел королева не признавала.

– Это просто смешно. Прекратите немедленно!

Лорис, который что-то обсуждал с двумя придворными, собравшимися сопровождать их во время прогулки, обернулся и удивленно посмотрел на супругу.

– Что такое? – спросил он, подъезжая к ней поближе.

Найрия уже стояла на земле, поджав губы и похлопывая себя хлыстиком по бедру.

– Извини, Лорис. Поезжай без меня.

– Почему?

Выслушав ее краткое объяснение, король вздохнул.

– С чего ты вдруг занялась бездомными, Найрия? Ты не обязана отвечать за всех детей Тала. Что ты собираешься с ним делать?

– Пока не знаю, Лорис. Но не таскать же мальчика по городу, пока не найдется тот, кто его узнает! Это может занять несколько дней.

Король пристально посмотрел в ее глаза, светлые, словно выцветшие. Он знал, что в этом споре ему не победить. Когда дело касалось детей, сердце Найрии становилось податливым, как масло. Не имея собственных детей, королева стремилась окружить любовью каждого ребенка, с которым сталкивалась. Лорис мягко потянул за поводья и направил своего вороного к воротам.

– Наверно, тогда я покатаюсь подольше.

– Спасибо, Лорис.

Она и в самом деле была ему благодарна и не преминула показать это, сжав его обтянутую перчаткой руку. Орго с ребенком уже возвращались, и король поехал прочь.

Стражник поклонился. Со стороны могло показаться, что доспехи мешают ему согнуть спину, но дело было в другом: простым воинам вроде него нечасто доводилось стоять рядом с королевой. Мальчишка должен был последовать примеру Орго, но замешкался и тут же получил подзатыльник. Найрия заставила себя сохранить вежливую улыбку. По правде говоря, она предпочла бы высказать Орго все, что думает о подобных манерах. Однако при виде прайм-офицера Херека, который широкими шагами направлялся в их сторону, у королевы потеплело на душе. Херек нравился ей. Да, нынешнему прайм-офицеру не доставало обаяния, энергии и решимости его предшественника... но Кайт Кайрус из тех людей, которым трудно найти замену. Куда он исчез? Королева часто задавалась этим вопросом.

– Чем могу служить, Ваше величество? – спросил прайм-офицер.

– Мне сказали, что этого ребенка прошлой ночью привязали к воротам перед дворцом, Херек. Что еще об этом известно?

Прежде чем Херек или Орго успели ответить, королева нагнулась к мальчику. Будучи высокого роста, в таком положении она без труда могла заглянуть в его заплаканные глазенки.

– Не бойся, – она заставила стражника выпустить локоть маленького пленника. – Спасибо, Орго.

Это означало «Ты можешь идти». Орго вопросительно посмотрел на прайм-офицера, и тот кивнул.

Королева не сводила глаз с мальчика. В чертах его лица угадывалось что-то знакомое, но что? Ей никак не удавалось понять.

– Меня зовут Найрия. А тебя?

– Джил. Мне почти двенадцать лет, – мальчик вежливо поклонился, что произвело на нее достаточно сильное впечатление. – А вы на самом деле королева?

– Да, на самом деле королева, – она важно приподняла брови, и мальчуган, которого это явно позабавило, фыркнул. – Как я понимаю, тебе еще не приходилось завтракать с королевами?

– Я уже завтракал, Ваше величество.

– А я еще нет. Может, составишь мне компанию? – Найрия взяла мальчика за руку и выпрямилась: – Ну, вот и славно.

– Государыня, может быть, я...

Найрия пристально посмотрела на него, приказывая замолчать.

– Спасибо, Херек. «Свободен».

– Ага. Спасибо, – Херек, – подхватил Джил и широко улыбнулся и прайм-офицеру, и королеве.

Элисса все еще не отошла после утренних событий. Сын Джайн Элкин казался слабеньким, но уже сосал грудь – а это было хорошо и для матери, и для ребенка.

Погруженная в свои мысли, она пересекала главный двор, когда голос пажа заставил ее остановиться.

– С вами хочет поговорить Ее величество, – сообщил мальчик, подбегая к Элиссе.

– Прямо сейчас? Он кивнул.

– Меня послали за вами.

Следуя за своим провожатым в покои королевы, которые находились в северной части замка, Элисса отчаянно надеялась, что не встретит там Лориса.

– А король там? – осторожно поинтересовалась она.

– Нет, – ответил паж. – Вы же знаете, по утрам он ездит верхом. И пока не вернулся.

В прихожей им пришлось немного подождать. Однако вскоре фрейлина пригласила Элиссу в приемную и удалилась, а через мгновение из соседней комнаты появилась сама Найрия.

– Здравствуй, Элисса. Спасибо, что пришла. Присаживайся. Я приказала принести лимонного чая...

– Благодарю, Ваше величество. Я прямо от леди Элкин.

Элиссу охватило волнение. Королева выглядела бесподобно – как всегда. Высокая, стройная, она сидела очень прямо, и платье, простое, но из великолепной ткани, только подчеркивало ее изящество. Рядом с ней Элисса чувствовала себя замухрышкой. Она вытерла руки о юбку, скорее от смущения, чем из необходимости.

– Мне сказали, что у Элкинов родился прекрасный мальчик.

Элисса кивнула. К счастью, фрейлина как раз подала чай. Пока она накрывала на стол, в приемной царил молчок. Может быть, дождавшись ухода фрейлины, королева заговорит о чем-нибудь другом?

– Спасибо, Айлин, – произнесла королева. – Тебе налить, Элисса?

Молодая женщина снова кивнула, и Найрия протянула ей красивую фарфоровую чашку.

– Мне говорили, – как ни в чем не бывало, продолжала королева, – что сегодня ты сделала нечто невероятное. Возможно, спасла и мать, и ребенка.

«Будь ты неладна, Элса!» – подумала Элисса и покраснела.

– О, я не думаю... – пробормотала она вслух.

– Не будь такой скромной, девочка моя. Я не первый год живу на свете и видела

слишком много жестокости. Ты спасла две жизни, и мы все перед тобой в долгу... – Найрия хлопнула в ладоши, словно собиралась рассказать что-то смешное. – Я наблюдала за тобой эти годы, Элисса, и решила, что такое дарование не должно пропадать без дела.

– О-о-о...

Элисса не знала, что сказать, поэтому просто поднесла к губам чашку и сделала маленький глоток. Лучше подождать

– Дело в том, что мне крайне необходим новый секретарь. Я хочу, чтобы ты заняла эту должность и помогала мне.

Элисса поставила чашку на стол. Такое предложение... Она не верила своим ушам.

– Но это еще не все, – королева подняла пальчик с ухоженным ноготком. – У меня ты будешь работать только полдня. Я хочу, чтобы ты открыла при дворе маленькую школу. Я считаю, что все дети, живущие здесь, должны овладеть основами чтения и письма. Уверена, тебе это более чем по силам, так что никакие возражения не принимаются.

Молодая женщина судорожно сглотнула. О подобном она не смела даже мечтать.

– Это большая честь для меня, Ваше величество. – К счастью, голос у нее не дрожал.

Найрия позвонила в колокольчик, который стоял рядом с подносом. Похоже, она была довольна собой.

– Один ученик у тебя уже есть, – королева встала, чтобы поприветствовать мальчика, которого ввели в гостиную. – Познакомься с Джилом. Джил, мы с тобой говорили вот об этой даме.

Элисса не отличалась высоким ростом и теперь обнаружила, что серые глаза мальчугана оказались прямо напротив ее глаз. Кажется, где-то она его уже видела... или он очень сильно на кого-то похож. Мальчик вежливо пожал ей руку; Элисса подняла голову, посмотрела на улыбающуюся королеву, потом на своего нового ученика.

– Насколько я понимаю, – проговорила она, – нам с тобой поручено открыть новую школу, Джил. Будешь мне помогать?

– С радостью, – ответил мальчик.

Глава 2

Спеши, посланница

Молодой человек сидел на стуле с прямой спинкой. Этот стул он сделал своими руками – руками, которые сейчас сжимали полупустую кружку, стоящую на шатком самодельном столике для инструментов.

– У меня есть тайна, – тихо произнес молодой человек, глядя на призрачное существо, которое покачивалось перед ним в воздухе.

– Расскажи, – голос, прозвучавший в ответ, напоминал легкое дуновение ветерка.

– Это ужасная тайна, Ярго, – человек замолчал, его глаза удивительного голубого цвета напряженно вглядывались в глаза призрака. – Но я должен ею с тобой поделиться.

Юноша опустил взгляд и уставился на земляной пол. Он молчал, молчал и его собеседник – вернее, собеседница, ибо полупрозрачное создание, испускающее слабый зеленоватый свет, несомненно, было женщиной. И эта женщина всегда знала, когда нужно помолчать. Прошло несколько мгновений; она все так же покачивалась перед своим собеседником, ее одежды колыхались, как парус. Трудно было понять, где заканчиваются волны мерцающей ткани, пребывающие в непрерывном движении, и кончаются ее длинные серебристые волосы.

Вот уже четвертое лето голубоглазый красавец находился здесь – но почему? Этого женщина-призрак так и не выяснила. Его прошлое тоже оставалось загадкой. Ясно, что молодой человек образован и, судя по манерам, жил при дворе. Но о своей прежней жизни он сообщал не больше, чем книги, которые пылились в его домике.

Любопытство мучило Ярго с тех пор как ей поручили присматривать за таинственным гостем. Она незаметно вошла в его жизнь, однако не смогла ограничиться ролью

наблюдателя. Конечно, это было явно против правил, установленных Смотрительницей Лисе – именно от нее и исходило поручение. Но Ярго была молода и пользовалась известностью среди богов Сонма. Она сама обратилась к Лисе с просьбой дать ей какое-нибудь поручение – после того, как ее божественный супруг навлек на себя гнев Повелителя и покрыл свое имя позором. Ярго решила искупить вину мужа, и Лисе пошла ей навстречу, поручив наблюдать за человеком, который представлял для Сонма величайшую ценность.

Одного взгляда этих печальных сияющих глаз было достаточно, чтобы Ярго влюбилась. Конечно, ее чувствам суждено оставаться безответными. Ведь в его мире присутствует лишь ее дух, и наслаждения, связанные с прикосновением, для нее недоступны. Но это было неважно. Прекрасный отшельник очаровал ее.

Он был высок ростом – по меркам его мира, даже чересчур высок, полагала Ярго, – и широкоплеч. Тяжелый ручной труд, которому он ежедневно посвящал некоторое время, явно пошел ему на пользу. Юноша говорил, что усталость тела помогает ему привести в порядок мысли и подготовиться к изучению книг, что требовало от него не меньших усилий. Впрочем, и этим занятием он никогда не пренебрегал.

От Лисе Ярго знала, что наставник юноши, старый Меркуд, могучий Чувствующий, сумел связать могучую силу своего ученика, чтобы извлечь его душу из тела. Освобожденная душа переместилась в тело Меркуда, а душа старика заняла ее место в теле молодого человека, которому предстояло принять мучительную смерть: его приговорили к распятию на кресте и побиванию камнями. Это был выбор самого Меркуда – умереть вместо своего ученика и спасти его.

Больше Ярго почти ничего не удалось выяснить. Она знала, что душа сидящего перед ней юноши совершила в теле Меркуда путешествие из Тала в Сердце Лесов, причем чувствовала себя в этом теле очень неудобно. Здесь, в Сердце Лесов, под наблюдением праведной отшельницы Арабеллы, она вновь вернулась в истерзанное тело, после чего Дармуд Корил, бог лесов, воззвал к силам Сонма, и вместе они вернули юношу к жизни. Это было истинное чудо: от ран почти не осталось следа.

Тем не менее, лишь на второе лето молодой человек снова заговорил. За это время Ярго отметила, что душевные раны заживают не так быстро, как телесные. Почему он страдает? Она не знала. Однако что-то подсказывало ей, что этот человек потерял все. У него не было причин жить дальше. Он продолжал жить, отгородившись от всего мира, словно в невидимом коконе. Такова была его воля.

Ярго сопровождала его во время долгих прогулок. Она тихо плыла рядом, почти невидимая, а в высоте над их головами кружил красавец сокол. День, когда юноша заговорил с ней, стал, наверно, самым счастливым днем ее жизни. Голос ее спутника был скрипучим, как звук механизма, которым давно не пользовались, но в нем уже слышались прежние певучие нотки, и вскоре она, забыв обо всем на свете, упивалась звуками его тихой речи.

Как ей нравилось вызывать у него улыбку! Как она трепетала, когда он чуть склонял голову набок, а потом смеялся – так заразительно! И как редко это случалось... Проще говоря, это был самый красивый мужчина, которого ей доводилось видеть в жизни, и каждый дюйм ее бесплотного тела жаждал лишь одного – прикоснуться к нему.

Да, она продаст душу за то, чтобы погладить эти прямые длинные волосы, которые их обладатель обычно туго стягивал на затылке. Или ощутить, как царапается темная щетина его коротко подстриженной бородки. Но куда сильнее было другое желание, которое он будил в ней: желание познать тайны его прошлого, которые он прятал где-то очень глубоко. Эта дразнящая таинственность в сочетании с давним подозрением – Ярго догадывалась, что жизнь прекрасного юноши приняла такой оборот из-за женщины, – воспламеняла воображение.

Мягкий голос прервал ее размышления.

– Мне нужно, чтобы ты стала моей посланницей, дорогая Ярго.

Молодой человек снова приложился к кружке. Сладкое ягодное вино, которое он пил, некоторое время охлаждалось в ближайшем ручье.

– Я вся внимание, Тор.

Ничто в мечтательном, баюкающем голосе Ярго не выдавало волнения, которое охватило ее. Еще немного – и тайна, которую она пыталась узнать все эти годы, будет раскрыта.

– Тогда тебе придется выслушать мой рассказ, а потом ты отправишься на поиски нужных мне людей. Возможно, это отнимет немало времени. Мне нужно, чтобы ты понаблюдала за ними. А когда почувствуешь, что момент настал – а ты это непременно почувствуешь, – доставишь их в Таллинор. И еще: ты должна их предупредить...

Ярго проплыла по комнате.

– А о чем я должна их предупреждать?

– Скажу чуть позже, – сказал он и провел ладонью по волосам.

Посланница отметила, что он выглядит усталым. Возможно, слишком много читал. А может быть, у него просто беспокойно на душе? Трудно сказать. Оставалось только плыть следом, хотя он сделал лишь несколько шагов к окну. Способность юноши не делать лишних движений поражала. На фоне пылающего заката его худощавая фигура казалась темным силуэтом. Молодой человек молчал, собираясь с мыслями, и Ярго пользовалась этими мгновениями тишины, чтобы лишний раз полюбоваться красотой его стройного тела. Это тело привезли в Сердце Лесов изувеченным и мертвым.

Лисе призвала Ярго, когда Торкин Гинт вернулся к жизни. Слова, которые сказала Лисе, назначая ее Спутницей Торкина, Ярго помнила очень хорошо.

– Его телу нужно много времени, чтобы стать прежним. А душе – и того больше. Он будет требовать: «Оставьте меня в покое». Но я хочу, чтобы ты стала его другом. Этот человек – наша самая большая ценность. Лишь ему по силам одолеть Орлака. Не торопись. Вы с соколом – его поддержка и опора. Постарайтесь разговорить его, рассмешить, заставьте рассказать о прошлом. Вместе вы исцелите его душу.

Это заняло четыре года.

Поначалу Тор делал вид, будто не замечает свою Спутницу. Ярго знала, что Тор беседует со своим соколом, обмениваясь с ним мыслями, и больше ему никто не нужен. Но она не сдавалась. Дармуд Корил и Сердце Лесов вернули искалеченному телу Тора прежнюю красоту. Отшельница Арабелла, вторая из Паладинов, связанная с Тором, много недель ухаживала за юношей, пока могучее волшебство Сердца Лесов возвращало его к жизни.

И когда Тор, наконец, очнулся, это была радость и для Сердца Лесов, и его обитателей. Едва окрепнув и встав на ноги, он покинул убежище и направился куда глаза глядят. Ярго последовала за ним. Она знала, что Лес сам ведет Тора, однако самого юношу, казалось, ничто не беспокоит. Он просто бродил, а невдалеке, как обычно, парил Клут. В один прекрасный день Тор выбрал место на краю рощицы, где протекал крошечный ручеек, и построил это скромное жилище. Он добывал себе еду тем, что охотился, собирал ягоды и плоды и даже сам делал вино. Вот уже четвертое лето здесь не появилось ни одного человека, кроме Арабеллы.

Ярго знала, что сердце Тора переполнено скорбью. Как часто ей хотелось, чтобы он приоткрыл дверцу, за которой скрывалась эта боль, и хоть немного облегчить ему ношу! Похоже, время пришло. Тор устремил взгляд в окно, посмотрел на солнце, которое опускалось за деревья, и заговорил. Его голос, обычно мягкий и певучий, сломался.

– Мне больно вспоминать о том, что тогда произошло.

Ярго ничего не ответила.

Тор помотал головой, собираясь с силами, снова опустился на стул, вытянул свои длинные ноги и скрестил их в щиколотках, потом наполнил кружку и начал рассказ. Впервые он позволил себе выстроить в единую цепочку события, которые привели его к гибели. Но не это заставило его заговорить о прошлом. Что-то произошло в Сердце Лесов. Пал еще один из Паладинов.

Больнее всего было вспоминать ранние годы. Тор знал, что так будет и ему очень и очень помогло то, что он был пьян – второй раз в жизни. Он говорил несколько часов, время

от времени запинаясь; иногда слова просто налетали друг на друга. Ярго молчала, с трудом заставляя себя поверить.

Тор говорил тихо, но его слова гудели у нее в ушах, точно колокол, а картину казни она увидела как наяву. Тор признался, что под конец уже ничего не чувствовал. Он смотрел на себя глазами Меркуда, он видел, как из его собственного тела уходит жизнь, и знал, что душа, умирающая в этом теле – это душа его учителя.

– Он обманывал меня, играл мной, как куклой, которую дергают за ниточки, а потом отдал за меня жизнь, – грустно произнес Тор.

Ярго была готова разрыдаться, когда Тор признался в своем последнем предательстве. Он снова предал Элиссу, свою возлюбленную. Впервые он сделал это, согласившись отправиться в Тал и стать учеником придворного лекаря. Во второй раз – когда оставил ее в лесу. Он предал ее любовь и доверие, сообщив ей, что их новорожденный сын умер... и ни слова не сказав про второго ребенка.

– Но эта казнь была худшим предательством, Ярго. Элисса видела, как я умираю. Она видела, как моя голова раскололась, словно перезрелый фрукт, когда я висел на кресте, и палач бросал в меня камни. Она изливала на меня потоки своей любви и плакала от отчаяния. А потом, уже в теле Меркуда, когда я столкнулся с ней... Я мог дать ей знак... хоть какой-то... но не стал. Я просто позволил себе еще раз предать ее.

– Не стоит корить себя.

Это были просто слова, но едва произнес их, Ярго испугалась. За эти годы она приложила столько усилий, чтобы Тор снова пришел в себя, – и все это будет напрасно, все утонет в этих пьяных слезах раскаяния, если он сломается. Пожалуй, лучше поговорить о другом.

– А теперь ты объяснишь, что я должна сделать?

Тор не колебался.

– Ты должна их найти. Соррель, моего сына, мою дочь. Приведи их ко мне, Ярго.

– Думаешь, время пришло? С чего ты взял?

– Сегодня утром в равновесии сил этого мира что-то изменилось. Разве ты не почувствовала?

– Я слышала, как стонет Сердце Лесов, – ответила Ярго.

– Я чувствую, как оно рыдает в отчаянии. Это означает гибель еще одного из Паладинов. И еще я почувствовал, как торжествует Орлак. Интересно, а мои дети? Мы все связаны с Сердцем Лесов. Думаю, они тоже должны это чувствовать, Где бы ни находились.

Ярго не поняла ни слова. Но теперь ясно, чего он от нее хочет. Она проплыла чуть вперед и теперь покачивалась в воздухе прямо перед Тором.

– Значит, я должна уйти?

– Да. Найди их. Лисе умеет проходить через порталы и откроет тебе путь. Ищи. Найди моих детей. Камни Ордольта приведут тебя к ним, они будут звать тебя. Я передал их Соррели, когда она ушла с моими детьми... – Тор передернул плечами. – Я до сих пор не знаю, что представляют собой эти камни. В свое время отец отдал их мне и сказал, что они имеют огромную ценность.

– И что я должна сказать, если найду этих людей?

– Когда ты их найдешь, – поправил Тор. – Скажешь Соррели, что я прошу ее вернуться в Таллинон вместе с детьми. Что они нужны мне. Прошу тебя, поспеши.

– Может быть, мне сначала посоветоваться с Лисе?

– Я с ней уже советовался. Она разрешила дать тебе это поручение.

Ярго молча парила в воздухе, окруженная переливами света. Она была опечалена. Тор знал это, но без помощи Ярго ему было не обойтись. Время работало против них.

Когда она, наконец, заговорила, ее голос был полон грусти.

– В таком случае я тебя покидаю.

– Я твой должник, Ярго, – произнес Тор.

Еще некоторое время он смотрел, как сияние Спутницы меркнет... пока, наконец, не

угасло совсем.

Тор рассеянно барабанил пальцами по корешкам книг. Что там скрывается? Он снова и снова ломал над этим голову. Готовя повозку, которая должна была отвезти тело Тора в Сердце Лесов, Меркуд сложил на нее самые ценные из своих книг. Теперь, снова вернувшись к жизни и поселившись в своем отшельничьем домике. Тор с жадностью читал их одну за другой.

И только к двум так и не прикоснулся.

Про эти книги Меркуд не знал. Элисса обнаружила их в подземельях Карембоша и унесла их в Сердце Лесов, когда им с Тором удалось вырваться из лап Инквизитора Гота.

Стражники все-таки схватили Тора и Элиссу. Гот торжествовал. Но бесценные книги были спасены благодаря ослику по кличке Кетай. Не привлекая к себе внимания, ослик скрылся в лесу, а книги лежали в сумке, притороченной к его седлу.

Тор не представлял, каким образом они оказались у него. Когда он очнулся, исцеленный Сердцем Лесов, они просто лежали с ним рядом. В толстых фолиантах Меркуда рассказывалось, как управлять силой волшебства; это очаровывало, иногда пугало... Но книги, найденные Элиссой, – Писания Нанака – внушали Тору настоящий ужас. С момента своего воскрешения юноша ни разу не открывал эти книги: они напоминали об Элиссе. Теперь Элисса считает его мертвым... Эта мысль порой становилась невыносимой. Тору хотелось навсегда забыть о Триединстве. Но эта Лисе... Беспокойство, которое она вызывала, снова ожило в нем. Несомненно, у нее есть цель, к которой она стремится и ведет их всех за собой... вернее сказать, тащит. Тор знал, что может полагаться на ее помощь и советы, но терпеть не мог, когда им пытались управлять, не оставляя выбора. Он почти не сомневался, что книги – это часть какого-то хитроумного замысла.

«Да прочти ты их», – посоветовал Клут, который сидел поблизости на жердочке. Он только что поохотился и теперь чистил свой мощный клюв. Наверно, выпотрошил какого-то несчастного зверька – зрелище, от которого Тора бросало в дрожь.

Молодой отшельник провел пальцами по бледной нитке шрама, пересекающего лоб. След камня, еще одно печальное напоминание. Все, через что ему довелось пройти, снова воскресло в памяти. Теперь выбора нет: вперед и только вперед. Тор открыл первую книгу и внезапно уловил легкий аромат лаванды и фиалок. Запах висел в воздухе лишь мгновение, но этого было достаточно. Элисса... Она была последней, кто листал эти страницы. Тор отчаянно пытался снова уловить знакомое благоухание, но оно уже растаяло без следа.

Прошло больше часа, а Тор все смотрел на первую страницу, но не видел ничего, кроме лица своей возлюбленной. Наконец он начал читать.

Глава 3

Прощение

Элисса была счастлива. Такой счастливой она чувствовала себя лишь однажды – в Сердце Лесов, после свадьбы с Тором. Теперь в ее жизни наконец-то появилась цель. Работа личной помощницы Ее величества отнимала немало сил и времени, и Элисса была почти постоянно занята... но это была та самая почва, на которой ее способности расцветали пышным цветом. К тому же девушка очень привязалась к королеве. Несмотря на разницу в возрасте, обе женщины находили смешными одни и те же вещи, обе не испытывали ни малейшего уважения к формальностям – при том, что Найрия всегда держалась так, как подобает королеве, и никак иначе. Но она знала толк в хорошей шутке, и наедине друг с другом женщины позволяли себе повеселиться от души. И если Найрия не ужинала в обществе супруга, то именно Элисса разделяла с ней трапезу.

В свою очередь Ее величество обнаружила, что ее новая помощница трудолюбива, умна, проницательна и мастерски передразнивает некоторых придворных, чье раболепие выводило Найрию из себя. И это было далеко не все, что она узнала о девушке за время этих

вечерних трапез. Лишь две темы считались закрытыми: Торкин Гинт и Лорис. Впрочем, последнюю королева собиралась поднять в самое ближайшее время.

Элисса никогда не говорила о своем возлюбленном. Найрия так и не смогла вытянуть из нее ни слова, но много рассказывала об ученических годах Тора и замечала, как загораются глаза у ее помощницы. Как жаль, что эта прелестная девушка провела столько лет, не получая никаких вестей от любимого, и теперь вынуждена узнавать о его жизни от других людей!

К королю Элисса относилась с почти открытой неприязнью, хотя уличить ее в этом не могла даже сама Найрия. Неприязнь? Нет, скорее ледяное презрение. Это беспокоило королеву. В самом деле, как тяжело, когда между двумя самыми дорогими для тебя людьми начинают лететь искры, стоит им только оказаться в одних стенах! В просторной зале это еще можно перенести, но в комнате... Лорис делал вид, будто ничего не происходит, но королева знала, как ему трудно.

Работа Элиссы в маленькой школе укрепила веру королевы в свою помощницу. Ребятишки, живущие во дворце, обожали свою учительницу. Они с радостью прибегали на уроки, которые начинались после обеда, и изо всех сил старались порадовать ее. Найрия тоже радовалась. Какое это было удовольствие – слушать, как дети распевают хором или читают вслух! Иногда они показывали ей свои рисунки и прописи. Конечно, рисунки были не слишком искусными, а прописи привели бы в ужас придворных писцов, но королева была счастлива.

И все же главной победой Элиссы стал Джил – тот самый мальчик, с которого все началось. Мальчуган потерял мать совсем ребенком, но теперь оправился от потрясения. Становилось ясно, что боги одарили, не только острым умом. Найрия не сомневалась: перед ней человек, который рожден вести за собой других. Джил уже умел читать и писать, и Элиссе оставалось лишь помогать мальчику развивать свои дарования. Целыми вечерами они были вместе, читая стихи, а порой и сочиняя всевозможные истории.

Дружба учительницы и ученика крепла, и Джил, наслаждаясь своей новой жизнью, просто расцветал. Королева поняла, что в Элиссе проснулась надежда стать матерью. Ее подопечная мгновенно освоилась с ролью старшей сестры Джила и не тяготилась ею, но с недавних пор в отношении Элиссы к мальчику стало проскальзывать что-то материнское... при том, что он недавно встретил свое четырнадцатое лето.

Несомненно, эти изломанные, истерзанные души стали друг для друга и лекарями, и снадобьем. Королева была довольна. Если бы только помирить Элиссу с Лорисом! Тогда можно было бы вздохнуть спокойно. В глубине души Найрия подозревала, что Лорис восхищается не только блестящими способностями Элиссы. Юная женщина, достигшая расцвета своей красоты... В свои двадцать четыре Элисса была, наверно, самым прекрасным созданием из всех, когда-либо ходивших по коридорам дворца. Люди оборачивались и смотрели ей в след. Она свела с ума всех пажей и оруженосцев, и ей было достаточно намекнуть, чтобы любой из них бросился выполнять ее поручение. При этом Элисса не страдала ни тщеславием, ни высокомерием, и это было прелестно. Возможно, она догадывалась о своей привлекательности, но хорошо это скрывала. Впрочем... какому мужчине, чья кровь еще не остыла, не понравится маленькая, хрупкая девушка с волосами цвета меда и бледно-зелеными глазами?

Любому. Включая ее супруга?

Найрия постаралась отогнать эту мысль. Лорис никогда не давал ей повода усомниться в своей верности, и после стольких лет брака они все еще наслаждались любовью. Нет, никаких сомнений. Тем более сейчас, когда ей предстоит убедить Лориса сделать Элиссу своим личным секретарем. По правде говоря, королеве не хотелось лишать себя общества Элиссы, которая к тому же показала себя прекрасной помощницей. Но старик-секретарь, который многие годы верой и правдой служил королю, скоропостижно скончался. Похоже, во всем Тале больше не найдется никого, кто сможет его заменить.

Потрясение было так велико, что Элисса не могла этого скрыть.

– Личным секретарем короля?

Найрия сделала глубокий вдох.

– Да.

– Я не справляюсь, Ваше величество.

– Прекрати, Элисса! Ты прекрасно знаешь, как я ценю твою помощь. Но сейчас ты больше нужна Его величеству... – Найрия потянулась через стол и коснулась руки Элиссы. – Помогая ему, ты помогаешь и мне. Ты даже не представляешь, насколько.

Наблюдая за Элиссой, королева отметила, что смятение сменяется недовольством... а может быть, девушка показывает что не желает повиноваться? Правда, пока она лишь поджала свои пухлые губки.

– Кроме того, – продолжала Найрия, – я хочу, чтобы ты продолжала вести занятия в школе. Возможно, тебе стоит подумать о том, чтобы найти себе помощницу и подготовить ее.

– Чтобы она заняла мое место?

– Нет, – спокойно ответила королева. – Чтобы она тебе помогала.

Наступило неловкое молчание. Чтобы как-то оправдать его, Элисса взяла ломтик хлеба, откусила маленький кусочек и принялась жевать.

– А вы уже говорили с Его величеством? – наконец спросила она.

– Конечно. И Лорис сказал, что будет просто счастлив принять тебя на службу. Скучать тебе не придется, но я уверена: ты блестяще справишься. Я знаю, тебе нравится распутывать всевозможные коридорные заговоры. Служа королю, ты окажешься в самой гуще событий. Он будет прислушиваться к твоим словам, обращаться к тебе за поддержкой...

Элисса знала, что королева говорит искренне, и ее терзали противоречия. Если сказать, что участие в делах королевства не привлекает ее, это будет ложью. Но служить человеку, которого она ненавидит... При одной мысли об этом ее трясло. Только одного человека она ненавидела сильнее, чем Лориса. Это был Инквизитор Гот.

Что ж, теперь Гот мертв. А сколько раз за первый свой год во дворце она думала о том, чтобы убить короля? И сосчитать невозможно. Но Саксен чувствовал ее ярость и призывал к осторожности. Этим ничего не добьешься, говорил клук. Зачем уподобляться тому, кого осуждаешь? Зачем самой становиться убийцей? Ведь это не вернет Тора. А убийство короля – преступление, за которое предусмотрена казнь еще более страшная, чем распятие на кресте и побивание камнями.

Молодая женщина представила, как висит вниз головой, со вспоротым животом. Ее внутренности вывалились наружу, покрыты пылью, а собаки и вороны уже собрались вокруг, предвкушая пиршество... Элиссу передернуло.

– Не упускай случай, моя дорогая, – проговорила королева. – Хватай его обеими руками и держи крепко. Скоро ты обретишь настоящую власть.

Королева затаила дыхание. Она только что выложила свой главный козырь.

– Найрия... – Элисса никогда еще не обращалась к королеве по имени. – Если бы кто-то убил вашего мужа...

– Но он не был твоим мужем, девочка, – перебила королева.

Элисса прикусила язык. Она не выдаст свою тайну.

– Тем не менее... Чего бы вам хотелось, если бы кто-то убил Лориса?

– Первым моим желанием было бы убить этого человека, – ничего не выражающим голосом ответила королева. – Но затем я бы задумалась. Око за око... Да, отмщение – это справедливо. Но с Тором все иначе. Ему было предъявлено очень серьезное обвинение. Он совершил преступление против Таллинора. И отнюдь не по неведению. Как я понимаю, перед отъездом его предупреждали, и неоднократно. Понимаешь, Тор очень любил женщин... Не сомневаюсь, ты об этом знаешь. По всей столице за ним тянулся хвост из разбитых сердец, поэтому было еще важнее, чтобы он понял древние законы Карембоша и подчинился им. Меры предосторожности были приняты.

Элисса печально кивнула.

– Ваше величество... Он спас мне жизнь.

– И мне тоже. Откровенно говоря, я места себе не находила из-за того, что его пришлось казнить.

Еще одно потрясение за это утро.

– Но тогда почему вы не остановили короля, Ваше величество? Одно ваше слово...

– Я пыталась, дитя мое. Я умоляла его. Все без толку. Лорис стремится идти по стопам своих предков. Он – хороший король и добрый человек. Уверена, он считал, что именно так и следовало поступить... хотя вряд ли он мог спать спокойно после того, как отправил на смерть человека, к которому был так привязан. По крайней мере, мне так кажется. Казнив Тора, он потерял своего лучшего друга. Меркуд уехал из столицы почти сразу после казни. Эта потеря – как зияющая пустота, которую невозможно заполнить. Я никому об этом не говорила, кроме тебя, девочка моя. Если бы Лорис мог повернуть время вспять, он принял бы другое решение.

Королева посмотрела своей юной собеседнице прямо в глаза и крепко сжала ей руку, словно желая подкрепить этим свои слова.

– Мне бы хотелось, чтобы ты простила Его величество... как это сделал Тор перед смертью.

Воспоминания нахлынули внезапно. Тот ужасный миг, когда она услышала прекрасный голос Тора: «Я прощаю вас, мой король»... Элисса разрыдалась.

– Я не знаю, как его простить, – прошептала она.

– Дай ему шанс, – Найрия обняла свою помощницу, утешая ее. – И ты все поймешь. Попробуй увидеть в нем великодушного человека, мудрого правителя, который любит свой народ. Он способен на сострадание, Элисса. Поверь мне и просто дай ему шанс. Вот и все, о чем я тебя прошу. Нет, девочка моя, не просто прошу – умоляю. Ты нужна ему. А мне нужно, чтобы ты нашла в себе силы и попыталась это сделать.

Элисса шмыгнула носом.

– Меня пугают чувства, которые он у меня вызывает, Ваше величество.

– Тут нечего пугаться, – усмехнулась Найрия. – Пользуйся ими. Лорис будет счастлив услышать в тронном зале мнение женщины. Я и не думаю, что ты сможешь перемениться за один день. Я просто прошу тебя попытаться. Соглашайся. Воспользуйся этой возможностью, воспользуйся мудро – и, возможно, через какое-то время старые раны начнут заживать.

Самые противоречивые чувства боролись в сердце Элиссы, и Найрия решила вмешаться в ход этой битвы.

– Тор нарушил одно из священных правил и ответил по всей строгости закона. Он мертв, Элисса. Ты можешь сколько угодно ненавидеть короля, но Тора этим не вернешь. Попробуй взглянуть на вещи по-другому. Сделай что-нибудь такое, чтобы Тор мог тобой гордиться. Стань опорой трона. Ты получишь все, чего только можешь пожелать, – и для себя, и Для Джила.

При упоминании о Джиле обе улыбнулись.

– Он просто чудо, верно? – робко спросила Элисса. Он бесподобен. Я видела его учебные поединки с ратниками. Видела, как Саксен заставляет его стоять у себя на плечах и учит удерживать равновесие, а потом ходить с завязанными глазами по веревке, натянутой над землей.

Элисса рассмеялась.

– Саксен говорит, что это поможет ему стать первым клинком Королевства, – сказала она. – И сохранять равновесие... в любой ситуации.

Улыбка Найрии стала чуть шире.

– Думаю, у Джила большое будущее. Лучшего прайм-офицера будет трудно отыскать.

– Вы так думаете?

– Слепи тебя Свет, девочка! Неужели ты сама не понимаешь?

– Я не смею желать для него слишком многого. Вы так щедры, Ваше величество. Мы

оба в долгу перед Вами.

– Неужели? Ну, так отдавай долг!

Элисса порывисто вскинула голову, посмотрела на Найрию и словно обмякла. Она прекрасно поняла, о чем идет речь.

– Так как у нас с возвращением долгов? – очень мягко спросила королева Таллинора.

И когда прозвучал ответ – одно-единственное слово, – ее сердце радостно забилося. Именно это слово она и ожидала услышать.

Последние несколько месяцев Тор провел за изучением книг Нанака. В Великом Лесу стало по-прежнему тихо. Ничто не нарушало привычное течение жизни королевства, ничто не нарушало равновесие сил. В Сердце Лесов воцарился покой... но не в сердце Тора.

Он читал историю Орлака и чувствовал, как по коже пробегает озноб. Клут понимал его чувства. В конце концов он начал подбивать своего друга поделиться новыми знаниями, хотя Лисе уже успела кое-что ему рассказать. С тех пор, как Тор воскрес, они ни разу не говорили ни об Орлаке, ни о Триединстве, ни о тех трудностях, которые ждут впереди. Пока Клут желал лишь одного: чтобы Тор не терял присутствия духа. В итоге молодой отшельник наслаждался спокойствием и уединением. Но Клуту было не занимать терпения. Он был уроженцем Роркбеля; есть вещи, которые входят в кровь и плоть и не исчезают от того, что ты превратился из человека в птицу. Но теперь пришло время поговорить.

«Значит, Паладины – это избранники Хранительницы порталов», – начал Клут.

«Да. Из всего Сонма только Лисе может свободно странствовать по мирам».

«Продолжай».

«Случается, что миры приходят в соприкосновение. Место, где это происходит, называется Поляной или Просекой, и там открывается что-то вроде прохода. На одной из таких полян и похитили Орлака».

Тор аккуратно сложил книги обратно в сумку.

«И что ты об этом думаешь?» – Клут слетел на землю и повернул голову, пристально глядя желтоватым глазом на своего друга, который сидел, прислонившись к дереву.

«Ну... Писание Нанака подтверждает наши подозрения. Меркуд и Соррель – приемные родители Орлака в этом мире. После того как Орлак превратил Голдстоун, ныне известный как Карембош, в груды руин, Сонм связал его своей мощью, которую направил через Меркуда. Нанак, один из оставшихся в живых Мастеров, был избран Хранителем Паладинов, а сами Паладины представляют десять народов, которые когда-то населяли Королевства. Боги наделили их способностью творить волшебство – этого требовала задача, ради которой их собрали».

Клут щелкнул языком – так он выражал свое одобрение с тех пор, как стал птицей.

«Мы знаем, что Сонм перенес Орлака в некое тайное место, которое нигде не называется, – продолжал Тор. – Думаю, это не в нашем мире. С тех пор Паладины удерживают его там. Или пытаются удержать. Изначально стражей было десять, но Орлак уже сотни лет ведет с ними борьбу и побеждает одного за другим».

«А как, по-твоему, книги оказались в Сердце Лесов?» – спросил Клут. Казалось, можно было увидеть, как мысли стремительно проносятся у него в голове наперегонки друг с другом.

«Это загадка. Может быть, их доставила Лисе... хотя я не представляю, способна ли она перенестись в Таллинор во плоти. Спутницы вроде Ярго – просто призраки, и переносить предметы не могут... – Тор пожал плечами. – Не знаю».

«Это все дела минувших дней. Сейчас мы знаем, что Паладины возрождаются».

«Верно. Пока у нас есть ты, Солиана, Арабелла, Саксен, Кайрус и Саллементро. Нанак называет еще четверых. Я не могу точно сказать, кто это – люди или какие-то другие существа... Джуно, Темезиус, Фиггис, Адонго».

Клут запрыгал в его сторону. Связь между ними стала сильнее, и Тор слышал почти каждую мысль своего друга.

«Насколько я вижу, мы с Арабеллой посвящены тебе. Саксен и менестрель Саллементро связаны с Элиссой. А Солиана и Кайрус? А другие, которые пока не появились?»

«Ничего не могу сказать. Лисе говорила, что Кайрус – один из Паладинов, но ему отведена особая роль, очень важная. Что это за роль, она пока не объяснила. Возможно, и сама не знает».

«А почему Арабелла не путешествует с нами, если она связана с тобой?»

«Знаешь, меня тоже это удивляло. Лисе сказала, что у каждого из Паладинов своя сила и своя задача. Когда я заговорил об этом с Арабеллой, она совершенно не удивилась. Она считает, что свою задачу уже выполнила».

«Какую?»

«Поженила нас с Элиссой... проследила, чтобы моя душа вернулась в тело после казни, а затем помогла мне исцелиться. А может быть, это еще не все. Может быть, она знает о каких-то других задачах, но не говорит».

«Я чувствую, что Арабелла тесно связана с Сердцем Лесов».

Клут озвучил давние подозрения Тора.

«Не думаю, что она захочет покинуть это место... А может быть, просто не может? – заметив, как юноша кивнул, сокол не стал развивать эту мысль. – Знаешь, вот чего я так и не понял: если мы все так связаны, почему не чувствуем и не узнаем друг друга?»

«Думаю, со временем это произойдет. Связь должна быть. Может, она даст о себе знать в каком-то особом месте? Или что-то должно произойти... что ее разбудит. Когда мы с Меркудом обменивались телами, в какой-то миг я почувствовал, что мы обмялись знаниями и опытом. Это был только миг, но я прочел его мысли... а он, наверно, прочел мои».

«Раньше ты никогда об этом не говорил, – возмутился Клут. – И что ты прочел?»

«Говорю тебе, это был только миг. Я почувствовал, что Орлака удерживают лишь Фиггис и Темезиус. Меркуд это знал. Судя по тому, как недавно стонало Сердце Лесов... боюсь, теперь остался только один из них».

«А что случится после того, как падет последний из Паладинов?»

«Орлак освободится. Лисе сказала мне, что в ярости он разрушит Таллинор и все окрестные королевства. Он сотрет Сердце Лесов с лица земли. Орлак почувствует силу его волшебства – даже боги считают это место особым. Это будет месть миру, который отнял у него жизнь бога, и человеку, который купил его младенцем и заставил жить жизнью смертного. Возможно, он пользуется случаем, чтобы показать богам свою силу и дать понять, что хаос, который он им несет, – это наказание за то, что они не смогли защитить своего принца».

Клут вскочил на плечо Тору.

«Но Меркуд мертв, Тор. На кого Орлаку охотиться? На ком он выместит свою ярость?»

На мгновение стало очень тихо. Оба собеседника чувствовали неловкость. Наконец Тор ответил; если бы они говорили вслух, эти слова прозвучали бы как тихий шепот:

«На мне».

«На тебе? Но почему?»

«Потому что я связан с Меркудом. Лисе предупредила, что его смерти Орлаку будет мало. Он обрушит свой гнев на тех, кто был дорог моему старику».

«Может быть, мы сможем тебя спрятать? Кстати, почему бы тебе самому не стать охотником?»

«До каких пор вы будете меня прятать, друг мой? Орлак придет. В этом можно не сомневаться. Все, что нам остается, – это подготовиться к этому часу. А что касается другой твоей идеи... Я – добыча. Я готов стать приманкой, чтобы поймать охотника в ловушку. Лисе свела нас вместе не просто так, и нам надо понять, чего она от нас хочет, что мы должны сделать, объединив наши умения и знания».

«А если спросить саму Лисе? Думаешь, это еще никому не приходило в голову?» – с нескрываемым ехидством осведомился Клут.

«С ней это не пройдет. Она хочет, чтобы мы все поняли сами. Если мы зададим правильные вопросы, то получим правильные ответы».

«Хорошо, – сокол расправил крылья, перелетел в середину поляны и теперь смотрел оттуда на своего друга. – Как я понимаю, ты исцелился, отправил Ярго на поиски Соррели и детей и сам решил отправиться в путь. И что мы будем делать?»

«Как-то раз Лисе сказала мне одну загадочную вещь... впрочем, она часто говорит загадками... Я только сейчас вспомнил. Она велела мне искать тех, кого легко соблазнить властью и местью. Впечатляет, правда? Намек довольно туманный, но можно догадаться, кто будет больше всех радоваться нашим страданиям – моим и тех, кто мне дорог».

«Тор, в тебе умирает зубной врач. Ты обладаешь потрясающей способностью тянуть долго и мучительно. Ближе к делу».

«Это же очевидно, сумасшедшая птица. Гот! Ксантия! Этой очаровательной парочке больше нечего терять, а вот добиться они могут очень многого».

«Ты прав. Гот – это воплощение зла, а Ксантия – пешка в его руках».

«О, нет, Клут. Она отнюдь не пешка. Ксантия владеет Темным Искусством. Если Орлак доберется до нее и освободит от архалита, который не дает ей воспользоваться своим даром, нам лучше сжечь Тал самим, чтобы они не утруждались».

«Таким образом, мы?...» – Клут явно надеялся услышать четко сформулированное предложение.

«Мы отправляемся искать Гота. Чем враг ближе, тем лучше».

«Как?!»

«А вот об этом я пока думаю», – тихо ответил Тор.

«Кажется, я тебя не совсем понял, Тор. Ты сказал "полетим"?»

Слух у Клута был не менее острый, чем у его друга, и притворяться было бессмысленно.

«Вот именно».

«А-а... – сокол потоптался на ветке, которая висела почти над головой у Тора, и принялся чистить клюв. Так он делал всегда, если чувствовал себя неловко или хотел протянуть время, чтобы подумать. – И как именно мы это будем делать?»

«Я не знаю, какое волшебство позволяет вырастить крылья, дружище».

«Значит, летать придется мне – я правильно понял?»

«Правильно. А я буду тебя сопровождать».

«Ясно. Значит, ты собрался ехать на мне, как на лошади».

Эту шпильку Тор предпочел оставить без ответа.

«Не совсем, но почти».

На этот раз он явно не шутил.

«Ты снова собираешься заняться обменом душ?» – переспросил Клут, словно не мог поверить собственным ушам.

«Я уже переносился в тело Меркуда, – очень тихо ответил Тор. – Это будет почти то же самое».

Клут перестал чистить перья. К такому повороту он был не готов.

«Тор... когда ты вошел в тело Меркуда, его душа уже умерла в твоём теле. И ты это знал».

Тор, который до сих пор сидел, привалившись к дереву, выпрямился и встал.

«Иди сюда, Клут»:

Он протянул руку, и сокол опустился к нему на запястье. Тор погладил великолепную птицу, вкладывая в это прикосновение всю любовь, все доверие, которое испытывал к своему удивительному другу. Юноша заговорил снова лишь после того, как почувствовал, что Клут успокоился, а его тельце немного расслабилось.

«Ты не умрешь. Я много думал об этом, а потом нашел в Писаниях Нанака такую фразу: "Двое могут занимать одно тело". Понимаю, это может быть просто мысль, которая

пришла кому-то в голову сто лет назад и которую никто не пытался проверить, но мне кажется, что из этого будет толк».

«Тор, мой дорогой друг, я боюсь не за свою жизнь. Я один из Паладинов. Один раз я уже умер за тебя, и, если потребуется, снова встречу со смертью, чтобы ты жил. Ты – это все, ради чего мы сражаемся. Все эти бесконечные скитания, постоянная неизвестность, ужасные испытания – все только ради того, чтобы ты жил и встретил свою судьбу. Нет, Тор. Не думай, что я хоть на миг задумаюсь о своей жизни, если речь пойдет о твоей. Я боюсь только за тебя. А ты готов рисковать собой, чтобы проверить какую-то сомнительную идею... Я потрясен».

Тор поднес сокола ближе и посмотрел ему прямо в глаза. Клут склонил голову набок, но не отвел взгляд.

«Не делай этого, Тор».

«Верь мне».

«Давай хотя бы подождем Лисе. Она направила тебя по этому пути, она подбросила тебе эту мысль... – в тоне Клута послышалась надежда. – Значит, она сама что-нибудь предложит».

«Нет. Элисса не сможет жить спокойно, пока жив Гот. Лисе сказала мне об этом. Я должен узнать, где находится Инквизитор. Если я это выясню, мне самому будет легче».

Клут снова прыгнул юноше на плечо.

«Твой враг – не Гот. Ты не должен забывать, кто твой настоящий противник, настоящая угроза для всех нас. Это Орлак!»

Тор вздохнул.

«Орлак пока не объявился, так что придется довольствоваться теми врагами, которые есть в распоряжении. И вообще, я же не сказал, что собираюсь что-то предпринимать. Я просто хочу найти Инквизитора».

«Хорошо. Допустим, я согласился участвовать в этой дурацкой... нет, в этой безумной затее. И что прикажешь делать с твоим телом – холодеющим телом, из которого уходит жизнь?»

Дело все-таки сдвинулось с мертвой точки. Момент, который не следовало упускать.

«Сердце Лесов сможет какое-то время сохранять мое тело».

Тор быстро обрисовал свой план. Клуту не стоит погружаться в размышления о возможной гибели. Хватит и того, что сам Тор чувствовал себя не слишком уютно при мысли о том, что ему снова придется покинуть собственное тело.

«Думаю, все было примерно так: Гот сбежал из дворцовой тюрьмы, и ему хватило наглости явиться на площадь, чтобы поглазеть на мою казнь. В толпе на него никто не обратил бы внимания. Потом, наверно, он покинул столицу – опять-таки смешавшись с толпой».

«Согласен», – откликнулся Клут.

«Даже если не думать о гневном короля... Гот должен понимать: Херек бросится на его поиски просто потому, что задета его гордость – а с ним и весь "Щит". Они будут искать почтенного Инквизитора, пока не найдут, и отправятся ради этого хоть на край мира».

«Продолжай».

«Я подумал: куда бы я сам поехал, если бы хотел оказаться как можно дальше от дворца и его обитателей?»

«На север, конечно».

«Верно, на север. Но не куда угодно. Это должен быть какой-то глухой угол, куда инквизиторы вряд ли когда-нибудь добирались. Гота слишком легко узнать, так что я сомневаюсь, что он рискнет появиться в каком-нибудь городе».

«Или это место, где нарушители закона чувствуют себя вольготно, – подхватил Клут. – Место, где умеют держать язык за зубами и не жалуют власть предрержащих».

По воодушевлению друга он понял, что попал в точку.

«Вот именно! В глуши Гот умрет со скуки. У него слишком большие аппетиты».

Клут смолк. Он думал. Чтобы понять это, не надо было уметь читать его мысли: сокол становился на одну лапу, когда погружался в размышления. Эта привычка всегда забавляла Тора, и впервые за много недель он тепло улыбнулся.

«Ну, дружище, это твои родные места. Как думаешь, где может спрятаться Гот? В Роркхеле?»

Клут опустил вторую лапу.

«Роркхель закрыт для всех, кто не принадлежит нашему народу. Готу потребуется проводник, кто-то из местных жителей, иначе он заблудится в скалах. Но я согласен с тобой. При его аппетитах ему нужен целый город, на меньшее он не согласится. Но ни в Илдагарт, ни в его окрестности он не вернется – это слишком рискованно... – он осекся. – Сколько у нас времени на поиски?»

«Хочешь сказать, сколько выдержит мое тело? Дня два, а может быть, и меньше. Наверно, Дармуд Корил это знает. Давай позовем Солиану и попросим бога лесов принять нас».

Клут захлопал крыльями и перелетел на свою любимую ветку.

«Думаю, ему это не понравится», – заметил он.

«Дармуд Корил хочет спасти Сердце Лесов, Клут. Он нам поможет».

«Ладно. Раз уж ты решил стоять на своем... Лучшее, что я могу предложить – это Карадун».

«Первый раз слышу».

«Его жители стараются, чтобы про их город слышали пореже. Это торговое поселение. Ну, про Киракавию ты, конечно, знаешь».

Он дождался, пока Тор кивнет.

«В Киракавию стекаются обычные товары, которые привозят в Таллинор из северных королевств. А необычные товары... если можно так выразиться... проходят через Карадун. Это весьма процветающий город недалеко от Киракавии».

«Например?»

«Ну, пряности, целебные травы, золото... вино...»

«И что в этом необычного».

Клут продолжал, словно не слышал вопроса.

«... дети, рабы, стракка, которая запрещена во всех королевствах».

Тор понятия не имел, что такое стракка, зато слышал о притонах, где ее курили или глотали ее сок.

Он встал. Видя, как на скулах его друга заиграли желваки, Клут понял, что решение принято.

«Надо найти Солиану. А пока ты поподробнее расскажешь мне про этот Карадун».

Глава 4 Перелет

Саксен издал леденящий душу боевой клич и подбросил апельсин. Джил развернулся. Глаза у него были завязаны шарфом, но последние несколько месяцев мальчик учился полагаться не только на зрение... и это у него неплохо получалось. Взмах меча – и он с удовлетворением услышал сочное «чмок!», с которым клинок рассек спелый плод пополам.

– Браво! – воскликнул Саксен. – И еще!

Он метнулся вправо, не давая мальчику отдыха, снова завопил и подбросил в воздух лимон.

На этот раз Джил действовал недостаточно быстро. Лимон угодил ему в грудь.

– Никуда не годится!

Джил сорвал повязку и засмеялся.

– Саксен, я не собираюсь завязывать глаза перед боем.

– Надеюсь, тебе никогда не доведется побывать в настоящем бою, парень. Но если

все-таки такое случится... я хочу, чтобы ты отбил удар, который идет тебе в голову, даже если у тебя будет время только на то, чтобы услышать, как меч рассекает воздух.

– Знаю, – Джил подобрал лимон и бросил его Саксену. – У меня почти получилось.

Бывший акробат сплюнул. У клуков такое считалось обычным делом, но здесь, в Таллиноре, выглядело несколько странно.

– «Почти» не считается.

– О, Саксен! – Элисса укоризненно покачала головой. Она подошла так тихо, что никто не услышал. – Я помню, ты меня точно так же мучил.

Клук что-то проворчал себе под нос. Элисса воспользовалась тем, что он отвлекся, и улыбнулась Джилу. Он рос не по дням, а по часам, и черты его лица становились тверже. Похоже, он станет на редкость привлекательным юношей. Какая мать могла бросить такого красивого ребенка? Элисса снова отметила, что Джил ей кого-то напоминает... и снова не смогла понять, кого именно. Наверно, это все его осанка. Он держится гордо, почти надменно, и шагает так, словно поставил себе цель и идет к ней. Так, словно считает себя образцом зрелости и мужественности... или знает, что рожден для великих дел.

Да, надо же до такого додуматься... Элисса покачала головой.

Саксен снова закричал.

– Хватит, Саксен!

– Вот только не надо этих нежностей, Элисса! Парень учится владеть мечом.

– Значит, теперь на поле брани сражаются с повязками на глазах? А может быть, на канатах?

Элисса подбоченилась. Это было опасным знаком. Джил рассмеялся.

– Не в бровь, а в глаз, Элисса!

Саксен насупился.

– Идите вы оба куда подальше! Сиди дома, Джил, вяжи детишкам носочки, пока настоящие мужчины защищают пределы Королевств!

Непохоже, что Джил обиделся: он был без ума от Саксена. Вместо этого мальчишка похлопал клука по плечу, точно старого приятеля. В свои четырнадцать он уже догонял бывшего циркача.

– Вязать я уже научился, Сакс! Ты не возражаешь, если я еще поупражняюсь сегодня вечером – вместе со стражей?

– Я-то не возражаю, если только твоя матушка не соберется заплетать тебе косички...

Элисса не удостоила Саксена ответом. Ее гневный взгляд был выразительнее всяких слов, но она не могла скрыть, что при слове «мать» ее охватил трепет. Еще никто и никогда не говорил о ней, как о матери Джилла... да и она о себе так не думала.

Саксен поднял руки, словно сдавался в плен.

– Хорошо, хорошо... – в его голосе появились бархатные нотки. – Элисса, любовь моя... Мне надо с тобой немножко пошептаться. Сегодня вечером. Ты ко мне заглянешь?

Она обожала этот голос. Только к чему такие секреты? Правда, Саксена давно не было дома: вместе с Хереком и его отрядом он объезжал окрестности и лишь недавно вернулся. Строго говоря, в списках «Щита» клук пока не числился, но жил вместе с другими воинами и пользовался едва ли не большей любовью, чем прайм-офицер. Скорее всего, хочет поделиться свежими сплетнями, не предназначенными для детских ушей, подумала Элисса.

– Поужинаем вместе? – предложила она.

Саксен кивнул.

– Только я приду поздно, – добавил он и вышел со двора.

– Я тебе нужен? – спросил Джил.

Элисса обернулась.

– Да, Джил. У меня в комнате лежат несколько книг, я с ними работала. Их надо перенести в покои Его величества. Могу я рассчитывать на твою помощь?

– Конечно. Прямо сейчас?

– Сделай одолжение.

А он уже меня перерос, подумала Элисса. Скоро придется задирать голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Знаешь, Саксен точно так же ругался и кричал на меня, когда я была помоложе.

Джил взял ее под руку.

– Неужели он учил тебя работать с мечом?

– Нет. Он учил меня летать, – она с удовольствием заметила, как у него округлились глаза. – Я никогда тебе не рассказывала про нас с Саксеном? Это было давно...

Мальчик покачал головой.

Я не смел расспрашивать, – признался он. – Мне всегда казалось, что это ваш секрет... очень большой. Его смущение позабавило Элиссу.

– Напомни мне, чтобы я открыла тебе эту великую тайну, сейчас идем. Негоже заставлять Его величество ждать.

Ночь выдалась теплая, в воздух был напоен сладкими ароматами распустившихся цветов, как это всегда бывает в начале лета. Элисса позволила благоуханию наполнить свои ноздри и вздохнула. Она чувствовала себя удивительно счастливой и спокойной. Новый, совершенно неожиданный, но такой приятный поворот в судьбе... Работа с детьми сделала ее жизнь богаче, воспитание Джила наполнило ее смыслом. Элисса поняла, что уже много месяцев не думала про Тора – а раньше вспоминала его едва ли не каждый миг. Теперь рядом Саксен и Саллементро, ее верные друзья, с ними она как за каменной стеной. Но самой приятной неожиданностью – она долго не могла в этом признаться даже себе – стала работа с Лорисом. Наступило лето, а к своим новым обязанностям Элисса приступила в самом начале весны... Да. Три месяца назад.

Король принял ее на удивление сердечно. Поначалу Элисса старалась сохранять холодную отчужденность, но добродушие Лориса могло растопить даже озеро в разгар холодов. Она пыталась не поддаваться, но стоило ему улыбнуться, и она ловила себя на том, что робко улыбается в ответ. Это происходило само собой, помимо воли. Надо же, она всегда считала Лориса высокомерным занудой... Какое заблуждение!

Скромность, с которой король держался со своими подданными, поражала. Этот человек всей душой болел за свой народ и Королевство. Новоиспеченному королевскому секретарю порой становилось стыдно за свои прежние чувства. Лорис предпочитал решать любые вопросы миром, но Элисса чувствовала в нем огромную силу и знала, что он не станет уклоняться от битвы, если иного не останется.

В свою очередь, Лорис глубоко уважал свою помощницу. Поначалу у нее не раз перехватывало дыхание, когда во время государственных советов король оборачивался и спрашивал ее мнения. На этих собраниях она была единственной женщиной, тихо сидела в затененном углу и делала пометки. Поначалу подобное внимание со стороны Его величества настолько смущало Элиссу, что ей хотелось провалиться сквозь землю – тем более что знатные господа в зале чувствовали себя столь же неловко. Однако теперь она привыкла и, когда ее спрашивали, говорила свободно.

Найрия просила ее забыть о смерти Тора и дать Лорису шанс. Легче сказать, чем сделать. Но человек, которому Элисса когда-то поклялась при первой возможности вонзить нож в сердце, опередил ее. Правда, рана была нанесена с удивительной нежностью, а клинка не заметил бы даже самый зоркий человек.

Впервые Элисса поняла это, когда Лорис случайно коснулся ее руки. Ей показалось, что кожа на миг покрылась пупырышками, как от холода.

До сих пор только один человек заставлял ее такое пережить. Только Тор.

Лорис протянул руку, чтобы со стола взять какие-то бумаги, и их руки соприкоснулись. Его загорелая кожа была теплой, мягкие черные волоски вдруг встали дыбом. Элиссе показалось, что в нее ударила молния – только не снаружи, а изнутри. Молодая женщина покраснела, извинилась и убрала руку. Вряд ли Лорис заметил ее смущение. И тем более не слышал, как забилося ее сердце. Совсем как сейчас, когда она вспомнила этот случай.

Саксен словно прочитал ее мысли. Они сидели, прижавшись друг к другу спиной, на маленьком пригорке в окрестностях дворца.

– Ну что, Элисса? Как тебе Лорис?

Пытаясь скрыть смятение, Элисса поднесла к губам кубок с вином и сделала большой глоток. Неужели она чем-то себя выдала? Нет, ни в коем случае. Она не должна. Лорис женат, тем более что она всей душой любит его супругу, свою королеву.

Похоже, Саксену ее беспокойство не передалось. Как хорошо, что они сидят вот так, спина к спине!

– Я знаю, как ты относишься к нему все эти годы, – продолжал клук. – Тобой можно только гордиться! После всего этого ты так хорошо прижилась в этом обществе... Спорю, для этого потребовалось настоящее мужество. А теперь скажи: что ты сейчас чувствуешь? Какие у тебя отношения с Лорисом на самом деле?

– Саксен... ты же знаешь, как я изменилась. Особенно после того, как появился Джил. Потом школа. Потом я стала помогать королю и королеве. Я стала взрослой. У меня появились новые обязанности, и мне это нравится. У меня есть повод жить дальше... – она крепко обхватила себя обеими руками. – Теперь мне есть чего ждать от жизни, и я хочу забыть о прошлом.

Саксен обернулся. Несколько мгновений он смотрел на нее, а потом прижал ее к груди.

– Хорошо сказано, моя храбрая Элисса.

На широкой груди Саксена было уютно. Вот человек, к которому она была так привязана, который стал для нее вместо отца... и сделал для нее больше, чем кровный отец.

– Я счастлива, Саксен. Правда. Тор остался в прошлом. Я смотрю в будущее.

И почувствовала, как напряглись мышцы клука.

– Это хорошо, моя девочка. Я хочу убедиться, что ты в безопасности... потому что мне придется ненадолго уехать. Да, и что касается новостей... я больше не смею это от тебя скрывать.

Его голос звучал как-то странно, и Элисса быстро обернулась. Саксен разглядывал траву.

– Посмотри на меня, Саксен.

Клук поднял голову, и она увидела в его глазах боль.

– Рассказывай. Хуже, чем было, уже не будет.

Саксен долго думал, как сообщить ей эту новость, но ему так ничего и не пришло в голову. Кроме одного-единственного слова – слова, которым было сказано все.

– Гот, – выдохнул он.

– Что?!

Элисса сжала его лицо ладонями, заставив клука смотреть ей прямо в глаза, словно надеялась прочесть в них истину. Движение было таким резким, что она вырвала пару волосков из его бороды, но Саксен даже не поморщился и лишь вздохнул.

– Гот мертв, – ровно и отчетливо произнесла Элисса, уже не веря собственным словам: она видела во взгляде друга смятение.

– А может, и нет, – Саксен отвел ее руки, сжал их в своих ладонях и снова обнял ее.

Элиссе затрясло. От недавней радости не осталось и следа, ужас смел ее, точно порыв урагана.

– Я только что узнал, – клук склонился к ее уху и заговорил мягко и очень тихо. – Гот сбежал в ночь перед казнью Тора, но это не предавалось огласке. Королевская стража не сомневалась, что его найдут еще до заката.

Он почувствовал, как на языке у Элиссы уже вертятся сотни вопросов, и крепче сжал ее плечи, призывая повременить.

– У Гота была сообщница, которая помогла ему скрыться. Ксантия.

На этот раз Элисса не смогла сдержаться и вскрикнула.

– «Щит» не оставляет попыток найти его, – продолжал Саксен. – Вот уже несколько лет мы ведем поиски по всему Королевству. Пока похвастаться нечем. Я хочу помочь нашим

ребятам. Вот почему сегодня ночью я уезжаю.

У Элисы округлились глаза.

– Ты собираешься найти Гота?

– Я должен его найти. Потому что знаю, что он жив.

– Куда ты поедешь? И почему ты уезжаешь сейчас?

– Потому что нельзя терять времени, Элисса. А поеду я на север, в Карадун.

– Один? – теперь Элисса не скрывала тревоги.

– Нет. То есть столицу я покидаю один, а потом... Херек тоже направляется на север. А «Щит» уже в Киракавии.

Элисса покачала головой.

– И что это за Карадун? По-моему, я про него никогда не слышала.

– Милое местечко. Его населяют выродки, которые считают, что законы Таллинора им не писаны. Просто у меня возникло такое чувство, Элисса... Представь себе: я – беглый преступник, все Королевство знает меня в лицо... конечно, такое лицо трудно забыть. Куда бы я отправился? Более подходящего места, чем Карадун, не найдешь. Где каждый сам по себе, там никому ни до кого нет дела.

Саксен собрался рассказать что-то еще. Но в этот миг на пригорок взбежал запыхавшийся паж. Едва переводя дух, мальчик сообщил, что Элису ждут в покоях короля. Клук не смог скрыть раздражения.

– Прямо сейчас?

– Тише, – спокойно произнесла Элисса. – Приказ Его величества.

Паж ничего не сказал, но его глазищи смотрели то на Саксена, то на Элису. Ему велели передать приказ, но не объяснили, как отвечать на вопросы, которые могут быть заданы.

В конце концов, он еще совсем ребенок, подумала Элисса. Она встала и торжественно откинула со лба локоны.

– Я скоро приду, Эдвид. Возвращайся.

Отпустив мальчика, Элисса смотрела на Саксена. Клук уже встал и убирал остатки ужина в корзину, потом выпрямился и порывисто поцеловал молодую женщину.

– Я скоро вернусь. Тебе ничто не угрожает. Не беспокойся.

Вскоре, у дворцовых ворот, они расстались.

– Передай Джилу: пусть побольше упражняется с мечом! – крикнул на прощание Саксен. – Вернусь – проверю!

Тор и Клут стояли в окружении Небесных Огней. Поодаль, в тени, молча сидели Солиана и Арабелла, которых призывали, чтобы присматривать за телом Тора. В Сердце Лесов царила тишина – все внимало Дармуду Корилю.

– Я сохраню твоё тело, Торкин Гинт, – произнес бог лесов. – Но помни: у тебя только два дня, чтобы исполнить задуманное. После того, как солнце сядет во второй раз, для твоей души наступит вечная ночь. Мне будет до нее не дотянуться. Она должна вернуться в тело до второго заката, или ты больше не воскреснешь.

Звон и многоцветное сияние Небесных Огней всегда пленяли Тора, но этой ночью он видел и слышал только бога лесов. Предупреждение было слишком зловещим.

– Я понял тебя, Дармуд Корил. И не забуду твои слова.

– Клут, ты тоже этого хочешь? – спросил бог.

Клут перелетел на плечо Тора, и юноша почти неосознанно погладил пернатого красавца.

Бог лесов заговорил прежде, чем сокол успел ответить. Ответ был не нужен: один-единственный, чуть заметный жест Тора сказал более чем достаточно. Легкая улыбка тронула губы Дармуда Кориля и заиграла мягким светом в его глазах, как всегда, полных великодушия и кротости.

– Отважный Клут, Второй из Паладинов, наша сила всегда с тобой, куда бы ты ни

летел. Пользуйся ею. Сердце Лесов сократит твой путь. Позволь ему вести себя.

Добавить к этому было нечего. Тор мысленно прикоснулся к Небесным Огням, стараясь запомнить эти ни на что не похожие ощущения.

«Помогите мне, дорогие», – беззвучно шепнул он. Огни откликнулись тягучим, мелодичным перезвоном, и тогда Солиана впервые подала голос.

«Слушай наш зов, Тор. И прошу тебя, возвращайся к нам».

– Не будь безрассуден, Тор, – сказала Арабелла. В последний раз она пользовалась возможностью предупредить юношу.

Тор торжественно кивнул, лег на мох, и Огни тут же закружили над ним. Соседнее дерево склонило к нему ветку, на нее опустился Клут. Едва она качнулась под его весом, сияющий хоровод Небесных Огней распался надвое. Одни продолжали танцевать над Тором, другие собрались вокруг сокола пламенеющим облачком, ошетилившимся во все стороны яркими язычками.

Тор закрыл глаза.

«Готов?» – спокойно, почти с нежностью спросил он.

«Еще как», – ответила птица.

Небесные Огни засияли, словно разгораясь, цвета стали чище, звуки громче. Свечение, окутавшее Тора и Клута, набирало силу. Скоро Солиана и Арабелла уже не могли разглядеть ни человека, ни сокола. И тогда Тор призвал Цвета. Их яркое пламя взвилось, словно где-то открылась невидимая вьюшка, и Тор не стал его сдерживать. Наконец оно слилось с сиянием Небесных Огней, юноша ощутил прилив сил... и внезапно понял: перемещение душ произойдет очень легко.

Мысленным взором он увидел ветку, на которой сидел Клут, представил свою душу плотным шариком и без малейшего усилия поднялся над собственным телом. Парение продолжалось лишь миг, но Тор знал, что медлить не стоит. Еще миг... и он открыл глаза. Куда подевались все краски? Их заменили бесчисленные оттенки серого – мир стал таким, каким его видел Клут. Ощущение было странное, но почему-то знакомое... ах, да. В теле Меркуда было почти так же неуютно.

«Добро пожаловать, Тор».

Теперь голос Клута теперь доносился откуда-то изнутри и казался более низким. Тор почувствовал, как сокол расправляет крылья, и потянулся вместе с ними. Потрясающе.

«Благодарю за гостеприимство».

Он и вправду был благодарен.

«Располагайся поудобнее. Чувствуй себя, как дома», – откликнулся Клут и, легко взлетев, стал подниматься все выше и выше.

У Тора был лишь миг, чтобы взглянуть на свое опустевшее тело, над которым по-прежнему кружили Небесные Огни. Справа и слева, точно часовые, стояли Солиана и Арабелла. Тор уже знал, что они останутся здесь, пока он не вернется.

Еще выше... Сердце Лесов вело их – Тор с удивлением отметил, что видит это, глядя глазами Клута.

«Да, все верно, – сокол отлично слышал его мысли. – Мы летим вдоль вон того "пальца"».

«А когда мы покинем Сердце Лесов?»

«Тогда нас поведет Великий Лес. Он укажет нам самый короткий путь в Карадун».

И так, пока лес не кончится... Тор надеялся, что его друг пропустил это мимо ушей. Не стоит поддаваться унынию.

«Какое чудо, Клут! – воскликнул он. – Никогда не испытывал ничего подобного!»

И рассмеялся, а может быть, смеялись они оба – сейчас это было трудно понять. Сокол коротко фыркнул. Его забавляло, что Тор так восхищается такими обычными вещами.

В этот миг зоркие глаза птицы что-то заметили.

«Держись. Я вижу обед».

Прежде чем Тор успел возразить, Клут стрелой взмыл в небо, кувырнулся и... ох,

кажется, он собрался пробить клювом землю! Если бы можно было зажмуриться... Увы, сейчас Тор смотрел на мир глазами своего друга. Короткий прилив тошноты тут же исчез во вспышке охотничьего азарта. Он видел добычу – молодого зайца.

Заяц покинул свое убежище под деревьями, чтобы пощипать сочной травки. Увлечшись, он удалялся все дальше и дальше от леса, который защищал его от опасности. Несмышлениш. Клут знал это, а теперь не только он. Ни один взрослый заяц не позволит себе такой смелости... Или глупости, с грустью подумал Тор.

И тут же снова поймал себя на мысли, что Клут слышит его. С таким же успехом можно было бы размышлять вслух.

«Нам надо питаться, Тор. Все быстро закончится. Обещаю».

Ни один сокол не смог бы мчаться так быстро. Клут падал... нет, не падал – летел, похожий на короткий дротик, такой же бесшумный и смертоносный, не оставляющий жертве ни малейшего шанса ускользнуть – потому что обычно она понимает свою роковую ошибку, когда уже слишком поздно. Заяц вскочил и припустил к деревьям, однако от Клута ему было не уйти. Сокол выпустил когти, и Тор почувствовал панический ужас зверька, который метался то влево, то вправо, надеясь избежать смерти. Затем последовал ужасающей силы толчок. Острые когти пронзили шкуру зверька и начали погружаться в его плоть, разрывая ее и проникая все глубже и глубже, но добыча и охотник продолжали двигаться вперед. Наконец, когда до деревьев осталось всего несколько дюймов, движение прекратилось. Тор вспомнил предупреждение Солианы: нельзя убивать зверей в Сердце Лесов. Клут был очень осторожен.

Зверек умирал и, несомненно, чувствовал это, хотя продолжал отважно сопротивляться. Но Клут сдержал слово. Все закончилось быстро. Острый, как лезвие клинка, клюв сокола вонзился в шею зайца, и Тор почувствовал вкус крови. Она была теплой, густой и выплескивалась судорожными толчками, пока сердце зайца не прекратило биться.

В голове у Тора все смешалось. Восторг, ужас... В этом пире было что-то дикое. Наверно, человеку не следует разделять чувства сокола, в теле которого он на некоторое время оказался. Это не его дело. Тор попытался представить, что отгорожен от Клута прозрачным щитом, но из этого ничего не вышло: с таким же успехом он мог отгородиться от самого себя. Оставалось только одно: замкнуться и сосредоточиться на собственных мыслях. Маленький, притихший, он молча наблюдал, как Клут питает их общее тело.

Позже Клут уселся на одной из верхних веток самого высокого дерева, какое только мог найти, и принялся чистить перышки, вымазанные кровью, слизью и нечистотами.

«Тебе это было неприятно, Тор».

Это было утверждение, а не вопрос.

«А тебе?»

«Мне нравится. Настолько, что я описать не могу. Когда я охочусь, я чувствую себя неуязвимым и всемогущим».

«Полет – это и в самом деле потрясающе. А вот еда... Спасибо, что не стал тянуть».

Клут начал точить клюв.

«Скоро мы еще летаем. Но сначала мне надо навести красоту».

«Можешь не торопиться, дружище. Мое тело понемногу умирает, но это ерунда».

Оба рассмеялись – как одно существо. Так бывало и в старые времена, когда жизнь, казалось, была куда проще.

«Ты представляешь, что делать дальше, Тор?»

«С трудом. Знаешь, все эти годы я жил в Сердце Лесов, точно растение, не о чем не заботясь, и напрасно. Я прочел эти книги и как будто проснулся. Гот угрожает нам и все еще силен. Орлак скоро вырвется на свободу. Элисса в опасности, а меня нет рядом. Все осталось по-прежнему».

«И мы так и не разобрались, что такое Триединство и причем тут мы».

«Ну, по крайней мере сейчас мы что-то делаем, а значит, дело сдвинулось с мертвой точки».

«Согласен. Так что не будем тянуть».

Клут легко взмыл с ветки и ровно, сильно забил крыльями. Он летел.

«Теперь отдыхай, – мягко сказал он. – Нам предстоит лететь несколько часов».

Глава 5

Старые друзья, старые враги

В середине дня в небе над шумным портом Карадуна появился красавец-сокол. Птица летела над узким морским заливом со стороны главной киракавийской гавани.

«Мы на месте», – объявил Клут, опускаясь на дерево на окраине города.

«Устал?»

«Не очень. – Клут ответил слишком поспешно, а в следующем вопросе сокола послышалось раздражение: – И что ты предлагаешь?»

Некоторое время Тор молчал. Именно над этим вопросом он размышлял во время всего перелета. Что делать после того, как они окажутся в Карадуне? Ничего определенного ему в голову так и не пришло, однако он чувствовал нетерпение Клута.

«А как насчет притонов, где курят стракку? Помнишь, ты говорил...»

«Их несколько».

«И как их найти?»

«О... Можно просто кружить над городом – вдруг что-нибудь увидим. А можно спуститься и расспросить местных жителей. Говорящий охотничий сокол вряд ли кого-нибудь УДИВИТ».

«Хорошо, хорошо. Дай подумать».

Клут устал и настроен язвить. А может быть, снова проголодался, зло подумал Тор.

«Я посижу, а ты пока думай, Тор. Не торопись. Твое тело умирает, не мое».

Тор сделал вид, что пропустил шпильку мимо ушей, и оба замолчали. Однако нетерпение Клута передавалось и его другу. Ясно, что сокол тревожился не за себя. Вся эта идея не нравилась ему с самого начала. Теперь выяснилось, что Тор толком не придумал, что делать. Внезапно Тор почувствовал себя полным идиотом. Он подвергает опасности и себя, и своего друга... Как можно было подумать, будто достаточно прилететь в город, чтобы обнаружить человека, которого ищут?! Не говоря уже о том, что оба они занимают одно тело, что это тело птичье, а его собственное тело понемногу остывает где-то далеко на юге...

Стоп... Это удача или судьба? А может быть, Лисе снова взяла на себя роль кукловода?

Тор сомневался, что когда-нибудь об этом узнает. Но один из людей, прогуливающихся по главной улице Карадуна, внезапно показался ему знакомым. Нет, этого человека невозможно с кем-либо перепутать. Даже с высоты, даже не видя лица прохожего, который шел куда-то широким шагом, Тор узнал в нем клука Саксена.

«Так-так-так, – пробормотал Клут, который тоже заметил бывшего циркача. – А он что тут забыл?»

Это было искреннее любопытство, от ехидства не осталось и следа.

«Я уже видел в Кираквии королевских ратников. Саксен вполне мог приехать с ними. А про эти места он должен знать с тех пор, как странствовал с цирком Зорроса».

«Ну да, конечно... – Тор чувствовал, что мысли у него в голове несутся галопом. – Давай посмотрим».

Сокол вздохнул.

«По крайней мере, хоть какая-то ясность».

Он покинул свой насест и полетел, стараясь укрываться за деревьями. Клут справедливо полагал, что соколы в здешних местах редкость, а посему не стоит привлекать к себе внимание.

Саксен скрылся в дверях какого-то трактира, но вскоре снова вышел. Потом заглянул в одну лавку, в другую... Он походил на человека, который задает всем один и тот же вопрос.

«Похоже, настроение у него скверное», – заметил Тор.

«Он ищет».

«То же, что и мы?»

«Возможно. Но почему? И почему сейчас?»

«Давай просто представим, что это так. Мы сможем ему чем-нибудь ему помочь?»

Прежде чем Клут успел ответить, один из прохожих выслушал вопрос клука и начал что-то объяснять. Кивнув в знак благодарности, Саксен зашагал дальше. Оставалось только следовать за ним и радоваться, что весь город засажен деревьями. На миг Саксен скрылся из виду: он свернул на небольшую улочку, направляясь в северную часть города.

«Вон там, Клут».

«Вижу. Попробуем подлететь поближе».

В этой части города оказалось на удивление тихо и безлюдно, в воздухе висел странный запах.

«Это стракка, – сказал Клут, не дожидаясь вопроса. – Когда ее только поджигают, запах у дыма сладковатый, потом он становится кислым. Но не припомню, чтобы она так воняла... Возможно, дело в том, что мы довольно высоко».

Саксен окликнул какого-то паренька, и тот указал ему на побеленное здание недалеко от дерева, на котором надежно укрылся Клут. Здание стояло чуть в стороне от остальных, и запах, похоже, исходил оттуда.

«О, Клут... Кажется, Саксен взял след, который нам не удалось взять».

«Потрясающе. Думаю, ты прав».

Дерево было таким высоким, что с его вершины дом был виден как на ладони. На заднем дворе постоянно находилось несколько человек – там была тропка, ведущая к воде. Служанки стирали белье, кухонные работники мыли овощи, мальчишки сновали взад и вперед, что-то подносили и уносили. Настоящий пчелиный улей. Потом у черного хода появилась женщина с шелковым шарфом, брошенным на голову, и что-то крикнула мальчишке, который задержался у берега. Паренек испуганно обернулся. Женщина вышла на открытое место, мальчик подбежал к ней, и она наотмашь ударила его по уху. Звук удара был слышен даже на ветке, где сидел сокол. Шарфик соскользнул с головы женщины, и роскошные темные волосы рассыпались по плечам.

Ксантия!

Кто произнес это имя первым, так и не удалось понять: они заметили Саксена, который приближался к дому.

«Мы должны предупредить его, Клут».

«Я не могу дотянуться до его разума».

«Рискни. Вылети на открытое место. Мы не можем позволить ему войти в этот дом. Если Ксантия здесь, то и Гот, наверно, тоже».

Клут больше не раздумывал. Еще несколько мгновений – и Саксен шагнет к двери. Ксантия, сорвав злость на своей жертве, уже направлялась обратно к черному ходу. Сокол сорвался с ветки и устремился вниз, метя прямо в золотоволосую голову клука. В последний миг птица издала пронзительный крик и резко повернула в сторону, дернув великана за волосы.

– Какого...

Саксен поспешно обернулся. Одна его рука застыла в воздухе – он уже собирался постучать в дверь.

Клут снова закричал, на этот раз из укрытия. Некоторое время Саксен вглядывался в густую листву. Разглядеть ему ничего не удалось, но интерес к странному дому он явно потерял.

«Быстрее, Клут. Ксантия может выйти в любой миг».

«Я не знаю, что еще можно сделать».

«Ну, крыльями похлопай, что ли!»

Клут повиновался. Саксен сделал несколько шагов к дереву, увидел сокола и, судя по выражению лица, был потрясен. Острые когти задели ухо клука, и царапина кровоточила, но

это его уже не беспокоило. Бывший циркач покачал головой, словно не верил своим глазам, а потом спросил тихо, едва ли не с благоговением:

– Это ты?

Вместо ответа Клут слетел с ветки и опустился на вытянутую руку, затем снова подпрыгнул и полетел вглубь небольшой рощицы. Саксена надо было как можно скорее увести прочь, и Тор с облегчением увидел, что Саксен идет следом.

Когда Клут снова опустился на руку старого друга, по щекам золотоволосого великана текли слезы. Тор почувствовал ком в горле.

– Ты цел, старина... – твердил Саксен, поглаживая птицу по головке. – Как же нам тебя не хватало...

«Я хочу с ним поговорить», – сказал Тор. «Я не слышу его мыслей, а он – моих».

Клута раздражало собственное бессилие. Однако он позволил Саксену гладить себя, пока клук не остановился и не поднял руку, чтобы смотреть на птицу.

– Ты просто чудо, Клут.

«Спасибо», – ответил Клут и слегка дернул головкой, чтобы Саксен знал: он слышит и понимает его. Клук улыбнулся сквозь слезы.

– А ты как здесь оказалась, птица? Что тебе нужно в притоне, где курят стракку? Что ты забыл в этой мерзкой дыре?

Клут подпрыгнул, словно ему было неудобно сидеть на руке у Саксена.

– Так, обмениваться мыслями мы не можем. Это я понял. Но ты меня слышишь, так что попробуй мне ответить.

Сокол захлопал крыльями.

– Почему ты здесь?

«Во имя Света! Пусть спросит что-нибудь попроще», – сказал Клут, обращаясь к Тору.

– Прости. Попробую спросить по-другому, – Саксен нахмурился. – Что-то ищешь?

Снова взмах крыльями.

– Кого-то ищешь?

Еще взмах.

– Гота?

Наверно, Клут расцеловал бы его, если бы мог... но все, что он мог – это снова взмахнуть крыльями. «Браво, Саксен», – похвалил Тор. Клук нахмурился.

– Значит, ты знаешь, что он жив. Ладно, давай я тебе кое-что расскажу...

Саксен уселся на траву под деревом и начал рассказ.

Тор чувствовал себя виноватым. Можно не сомневаться: клук думал, что разговаривает только с Клутом. И даже не догадывался, что не один Клут рад видеть старого друга.

– Иногда Херек берет меня с собой, когда отправляется на задание, – начал клук, пристально глядя на сокола. – Во дворце скучно, а я всегда любил странствия. И вот однажды выясняется, что мы отправляемся в Киракавию. Когда мы выезжали из Тала, об этом даже разговоров не было. Я начал расспрашивать прайм-офицера – кстати, теперь этот пост занимает Херек, – и тот рассказал мне о том, что несколько лет держалось в секрете. Гота не сожгли на костре. Эта мерзавка Ксантия устроила ему побег в ночь накануне казни Тора. Херек признался, что был настолько потрясен тем, что упустил преступника, что до окончания казни ни слова не сказал ни королю, ни королеве. А Лорис решил, что такие вещи не следует предавать огласке – по крайней мере до тех пор пока Гота снова не схватят. Оба думали, что это будет нетрудно – и Херек, и король. Однако воины «Щита», отправившись на поиски, вернулись ни с чем. Поэтому пришлось распространить слух, будто Гот умер в тюрьме. Отравился. Непонятно, зачем и каким образом, но... Решено поймать его и казнить тайно. После казни Тора весь Тал был в отчаянии, и люди поверили в эту историю с отравлением. Как будто никому дела не было до того, что случилось с человеком, из-за которого погиб Тор...

Саксен сморгнул слезы и замолчал, собираясь с мыслями.

– Почему он должен был умереть такой смертью, Клут? Ты ведь из-за этого нас

покинул, верно? Сначала исчез Тор, потом ты... Элисса горевала, наверно, целый год. Кроме тебя, у нее после Тора ничего не оставалось.

Тора переполняли не менее сильные чувства, и Клут попытался успокоить друга.

«Просто слушай», – посоветовал он.

– Как бы то ни было, Херек решил, что навлек на себя позор, упустив заключенного, и поклялся сделать все возможное, чтобы найти Гота, – продолжал Саксен. – И до сих пор не отказался от своего слова... В общем, для начала мы заглянули в одно местечко под названием Ласточкино гнездо – по слухам, там было беспокойно, – а потом сделали большой крюк и отправились на север, в Киракавию. А я покинул их с утра пораньше и приехал сюда. Думаю, если искать кого-то вроде Гота, Карадун – самое подходящее место.

Клут возбужденно захлопал крыльями. Саксен лихорадочно думал – Тор почти видел, как это происходит.

– Он здесь? – спросил клук.

Клут сделал вид, что от радости не может усидеть на месте, перелетел на ветку повыше и замер, глядя на белое строение. Саксен проследил за взглядом сокола, и на его щеках заиграли желваки.

– Значит, будем следить за этим домом, пока я сам все не увижу.

Сказано – сделано.

Когда стало смеркаться, Саксен потянулся; Клут почти в точности повторил его движение.

– Пойду погляжу, – бросил клук. Он бесшумно скользнул между деревьями, покинул рощицу и осторожно пересек улицу.

«Что он собирается делать?»

«Тор, время – наш враг. Нам надо возвращаться в Сердце Лесов».

Нельзя сказать, что Тор пропустил предостережение мимо ушей. Но после его «Кыш, птица» они продолжали наблюдение в полном молчании.

Гот лежал среди шелковых подушек. На нем было что-то вроде длинной, почти до пят, свободной рубашки из легкого шелка – теперь бывший Инквизитор предпочитал одеваться именно так. Легкие складки хорошо скрывали неудобу. Когда-то Гот был крепок и силен, но теперь от его мускулов почти ничего не осталось, и причиной тому была стракка. Комната могла показаться роскошной, но лишь на первый взгляд: она давно пережила свои лучшие времена... как и тот, кто в ней находился. Однако стракка творила чудеса, заставляя забывать о подобных мелочах. Гот мог вообразить, что он по-прежнему возглавляет Инквизицию, по-прежнему живет во дворце, его могущество по-прежнему безгранично, что он богат, что его почитают... и боятся. Да, боятся. Это всегда нравилось ему больше всего.

Дни были долгими, мучительно яркими – обычно Гот курил стракку по вечерам. Правда была беспощадна, как ядовитая змея, и наносила удар по-змеиному точно и стремительно, стоило только вынырнуть из дурмана. Иногда бывший Инквизитор плакал от боли. Тогда приходила Ксантия и начинала его утешать.

Гот так и не понял, почему она не покидает его. Ксантия говорила о родстве душ, объясняла, что у них одни враги, одни мечты и желания. Однако каждый раз, погружаясь в приятное забытие, Гот видел, как его спутница поджимает губы. Нет, эта жизнь ей не по вкусу. А он сам? В этом Гот сомневался. Но ведь она спасла его от смерти! Как дерзко она приказала этим жалким идиотам впустить ее в камеру! Такой простой план – и какой жестокий. Людьми вроде старой коровы Хегги можно жертвовать без зазрения совести. Ксантия дала ей денег, Хегги согласилась отправиться с ней в тюрьму и остаться в камере вместо Гота. В конце концов, что ей сделается? А если разобраться... даже если ее накажут как сообщницу, это ничего не значит. Вот за что он любит Ксантию. За жестокость. Ее жажда власти и неутолимая жажда мести опьяняют... почти как стракка.

Гот помнил, как она предложила ему задержаться в Тале и посмотреть казнь Торкина Гинта. Он помнил, как они посмеивались и только поглубже надвигали капюшоны... а эти

глупцы вокруг рыдали, оплакивая осужденного. Сколько Чувствующих Инквизитор заклеил собственноручно, но ни разу не испытывал такого удовольствия, как при виде Тора, висящего на кресте.

А еще он увидел Элиссу. Да, ради такого стоило рискнуть. Настоящая королева. Как она стояла на балконе – гордая, непокорная, не сломленная! Наверно, у него встал бы от такого зрелища... если бы было чему. Будь проклят клук, который лишил его мужского достоинства.

Ксантию эти тонкости, похоже, совершенно не беспокоят. Если женщина не собирается с тобой спать, ей наплевать, что у тебя между ног. Зато она может восхищаться твоим умом, твоей хитростью, твоей способностью заставить весь мир плясать под твою дудку.

А и вот самый восхитительный момент: камень угодил в лоб Торкину Гинту, и череп молодого лекаря раскололся. Да, этот юнец принял смерть храбро, этого нельзя отрицать. А это «Я прощаю вас, мой король»! Великолепный плевок напоследок. Воистину, в тот день Гот получил ни с чем не сравнимое наслаждение. Оставалось лишь стиснуть покрепче зубы, чтобы не расхохотаться во весь голос.

Когда Гинт умирал, у Ксантии горели глаза, щеки покраснелись от удовольствия. И пока другие в ужасе и молчании взирали на мертвое тело, которое висело на кресте, словно тряпичная кукла, на зияющую рану во лбу и потоки крови, Ксантия обернулась и посмотрела на Элиссу. Конечно, муки соперницы – упоительное зрелище. Острые зубки Ксантии впивались в нижнюю губу, пока не показалось несколько капелек крови, а плечи чуть подрагивали от беззвучного смеха, когда девчонка простирала руки, словно хотела дотянуться до своего умирающего любовника. А как эта гордячка изменилась в лице, соизволив наконец-то повернуться к своему законному королю! Тут Ксантия не сдержалась и чуть слышно захихикала.

Увы, досмотреть это представление не удалось. А жаль. Вот бы полюбоваться, как Торкина Гинта снимают с креста... или даже потрогать мертвое тело, чтобы убедиться, что это не сон. Когда Гот сообщил о своих желаниях Ксантии, и она подняла его на смех.

– Думаешь, после такого можно выжить, болван?

Болван. Это слово звучало в затуманенном мозгу Гота, словно несмолкающее эхо. Инквизитор не любил, когда над ним смеются. Никто никогда не посмел бы назвать его болваном. А Ксантия посмела. За это ее стоило бы возненавидеть. Она видит его насквозь, знает все его слабости. Как-то она даже привела ему одиннадцатилетнюю девочку – вроде как для развлечения. Но девочка только ревела и пускала сопли. И вообще, какие развлечения после всего, что произошло? Вот если бы рядом оказался тот златовласый клук – хотя бы на расстоянии плевка... Пусть ему, Готу, свяжут руки, скуют цепями ноги. Он все равно сумеет добраться до ублюдка, разорвать ему горло зубами... и искупается в его крови.

Гот снова грезил наяву, когда восхитительный туман, в который погружала стракка, начал редеть. Действие снадобья заканчивалось. Почти закончилось. И сейчас, точно подводное чудище из глубин моря, начинает подниматься его самый большой страх. За ним кто-то следит. Его кто-то выслеживает. Да, еще немного – и этот соглядатай, эта мерзкая крыса побежит к королю, расскажет, где прячется от кары Инквизитор Гот, и попросит награду...

Бывший Инквизитор сунул в рот длинную стеклянную трубку, глубоко затянулся, и его тело обмякло. Зелье начало действовать. Снова возвращался покой. Если слишком часто курить стракку, вкус перестает ощущаться. Исчезают все чувства и ощущения. Говорят, можно пить кипящую воду из котла и не чувствовать боли. Вот на что способна стракка. Порой Готу казалось, что его жизнь кончена, но... нет, пока он не готов проверить, правду ли говорят о свойствах этой травы.

Вот кто точно уверен, что все только начинается – это Ксантия. Она все твердит и твердит про какого-то сумасшедшего бога, который жаждет мщенья. Гот не понимал ни слова, но спорить с женщиной бесполезно... а с такой, как Ксантия – даже опасно. Ведь это Ксантия добывает ему самую лучшую стракку. Нет, нельзя ссориться с Ксантией. Иногда

Готу казалось, что не будь Ксантии, не было бы ни стражки, ни этих комнат.

– Терпение, терпение, – ворковала она, прижимаясь губами к его уху. – Сегодня у меня для тебя есть хороший товар.

И он терпел, как она велела.

Но что ей нужно? Чего ради они торчат в этом вшивом пиратском городишке, когда можно сесть на любой корабль и отправиться к Чужестранным островам? Гот задумался. Его мысли были по-прежнему затуманены, но одно воспоминание все-таки выступило из мглы. Именно Ксантия предложила ему прятаться в притоне, где курят стракку.

– Мы можем здесь оставаться месяц, два, и никто нас не тронет, – повторяла она.

Но как долго они здесь прячутся? Гот не помнил.

Нет, он точно грезит. Он видит то, чего нет. Бывший Инквизитор увидел, как в его окно смотрит ненавистный клук.

Гот перекатился на другой бок и закрыл глаза. О, если бы! Если бы клук Саксен в самом деле оказался здесь, рядом! О, как страшна была бы месть....

Инквизитор еще раз втянул дым из стеклянной трубки и провалился в небытие.

Саксен был уже готов распахнуть окно, ворваться в комнату и убить чудовище. Только вмешательство Клута помешало ему совершить этот опрометчивый поступок.

Судя по всему, бывший Инквизитор был без чувств.

Рядом с кроватью, заваленной выцветшими подушками, стояло что-то похожее то ли на песочные часы, то ли на причудливый стеклянный кувшин, в котором булькала и пузырилась жидкость. Пурпурный дым поднимался вверх и плавал под потолком. Инквизитор превратился в бледное подобие самого себя. Он страшно осунулся, исхудал до неузнаваемости... но как не узнать эту изуродованную, судорожно подергивающуюся плоть, которую трудно назвать человеческим лицом? Да, поиски наконец-то увенчались успехом.

Но что дальше? Вот над чем лихорадочно размышлял Саксен. Похоже, Гот уже не способен никому причинить вреда. Вместо того, чтобы рисковать... Может быть, лучше вернуться в Тал? Известить Херека, который уже возвращается на юг, в столицу? Или первой эту новость должна узнать Элисса? Да, конечно. Вряд ли она обрадуется, услышав, что Гот на самом деле еще жив. Но сюда можно будет вернуться – и не в одиночку, а с отрядом королевских воинов, схватить этого выродка и найти для него достойную кару. Равно как и для его подлой сообщницы. Саксен кивнул. Мудрое решение.

Он услышал крик Клута, но предупреждение запоздало. Что-то крепко ударило клука по голове, и он без чувств рухнул на землю.

Саксен очнулся. Он не понимал, где находится, и не чувствовал ничего, кроме слабости. Где-то во тьме послышался громкий голос. Очень знакомый. Ненавистный. Голос Ксантии.

Кто-то крепко держал клука.

– Только шевельнись, бродяга, глотку перережу, – человек шипел Саксену прямо в ухо. – А потом пасть порву до самой задницы.

Забавное обещание. Клук почувствовал, как в носу щекочет от смеха, но сдержался. Когда находишься в подобном положении, разумнее делать то, что тебе говорят. Однако он чуть приподнял веки и попытался оглядеться, хотя перед глазами плыл туман. Скорее всего, его оттащили на задний двор. Здесь было темно, хоть глаз выколи. Ксантия, похожая на безумного упыря, стояла в дверях и бранилась на чем свет стоит. Комната у нее за спиной была ярко освещена.

Потом пленник сообразил, что женщина не узнает ни его самого, ни человека, который его схватил. Поистине, клука Саксена хранили звезды! Не стесняясь в выражениях, Ксантия объясняла «подзаборникам», что их ожидает, если они не уберутся отсюда прежде, чем она досчитает до ста. После этого дверь с треском захлопнулась.

– Ну что, будешь выделяться, долговязый?

Клук сплюнул, почувствовал на губах привкус крови и помотал головой. Еще один незнакомец щелкнул кремнем о кресало, и темноту разогнал язычок пламени.

– А теперь запомним друг друга. Того, кто хочет твоей смерти, стоит знать в лицо.

Первое, что заметил Саксен, – это синевато-багровый шрам, который наискось пересекал лицо незнакомца от виска до скулы. Под рассеченной бровью чернела пустая глазница. Саксен пожал плечами. Может быть, один глаз для этого красавца – слишком много? Потом бывший акробат вспомнил о кинжале, который очень некстати упирался ему в гортань, и решил, что силы явно неравны. Пожалуй, драку стоит перенести на другое время.

– Где мой сокол?

Одноглазый был похож на человека, который услышал что-то новое и весьма забавное.

– Клук? Так-так. Что-то ты далеко забрался, золотце.

Если хочешь по-настоящему оскорбить клука, назови его «золотцем». Однако Саксен сдержался.

– Где мой сокол?

– Теперь это наш сокол, – Одноглазый ткнул пальцем в сторону кустов, где смутно темнел чей-то силуэт. Человек держал сокола. И держал очень крепко.

Саксен снова посмотрел на Одноглазого.

– Можешь взять все мои деньги и...

– Уже взял, – Одноглазый тряхнул у него перед носом кошельком и улыбнулся.

Свет в доме погас. Кругом стояла тишина.

– Отдай птицу, – Саксен понизил голос. – Иначе я тебя убью.

– Пока что нож держу я клук. А мой друг сломает твоей птице шею, если ты на меня полезешь. Так что будь умницей и делай то, что тебе говорят. Вали из Карадуна, и побыстрее.

Саксен решил подойти к делу с другой стороны.

– Зачем тебе сокол?

– Хам, куда мы плывем, хищные птицы в диковинку. Тем более такие красавцы. На Чужестранных островах за него отвалит кучу золота. Ее величество обожает соколов. Ей нравится смотреть, как они убивают птичек.

– Я не шучу.

– Что, собрался меня прирезать?

Саксен медленно кивнул. Интересно, что будет дальше... И с удивлением услышал смех Одноглазого.

– Ох, как страшно. Аж поджилки трясутся. Ладно, дружочек, до новой встречи... – грабитель снова рассмеялся, дал Саксену крепкого пинка и погрозил ему пальцем. – Топай, топай, мой золотой. Я сохранил тебе жизнь, потому что вижу: то, что я у тебя забрал, тебе очень дорого. Очень. Но не стоит перегибать палку. Меня зовут Янус Квист. Не забудь, ладно?

Больше Саксен ничего не слышал. Он только успел заметить, как Квист кому-то подмигнул. Потом на голову клука Саксена опустилось что-то тяжелое, и он упал, как подкошенный.

– Бери его, езжай на юг и брось где-нибудь, – приказал Янус Квист. – Чем ближе к столице, тем лучше. Не хочу, чтобы он сюда возвращался.

Глава 6

Расставание душ

Клут так увлеченно искал место, откуда можно будет увидеть Гота, что не услышал шагов. Разбойник подкрался к соколу, набросил на него птичью сеть, а в это время остальная шайка схватила Саксена и утащила куда-то в темноту. Чьи-то ловкие пальцы осторожно извлекли пернатого пленника из сетки и стянули ему клюв тонкой бечевкой. При этом Клут все-таки успел клюнуть негодя, но это было слабое утешение.

«Не сопротивляйся, Клут. Побереги силы. Давай подождем и посмотрим, что им нужно».

По правде говоря, Тор не ощущал в себе и половины той храбрости, которую внушал другу. Трудно сохранять присутствие духа, когда твое тело находится где-то очень далеко.

Надежды почти не осталось, когда друзья поняли, какую судьбу уготовили им Квист и его шайка. Они слышали приказ предводителя и могли лишь в отчаянии следить, как Саксена волокут по улице.

Здесь Клут был бессилен. Ему оставалось думать лишь об одном: что сулит им это опасное положение и как спасти Тора.

«Забудь обо мне, глупец! – рявкнул он. – У нас на счету каждый миг! Думай о себе, только о тебе... о том, как отсюда выбраться».

«Я не собираюсь...»

Клут не дал ему договорить. Ярость билась в каждой из его хрупких косточек, в каждом перышке, и Тор чувствовал это.

«Давай так: ты больше не станешь рисковать и делать наше положение хуже, чем оно есть. Понял? А теперь призови всю свою смекалку и что-нибудь придумай. Времени нет. Сейчас Квист засунет меня в мешок, и я перестану понимать, где нахожусь. Потом мы окажется на корабле, который плывет к Чужестранным островам. Ты умрешь во мне, и я тоже умру – потому что мое сердце будет разбито. Ты погибнешь, Второй из Паладинов не выполнил свой долг... Ты не можешь так со мной поступить. И поэтому сделаешь то, что я тебе сказал. Прямо сейчас!!!»

«Чего ты от меня добиваешься?» – заорал Тор. Сейчас ему стало по-настоящему страшно.

«Думай, как можно воспользоваться своим даром. Думай, Тор! Думай! Вспомни все, что знаешь. Ответ в тебе самом. Лисе всегда говорила: на все есть ответ, надо только правильно задать вопрос. Не сдавайся! Спасай себя. Нас... – тихо добавил он и смолк.

На миг Тор почувствовал себя потерянным и беспомощным. Когда он был ребенком, не любовь родителей и не их поддержка позволяли ему чувствовать себя защищенным от всех бед. Дело было в другом: он знал, что обладает силой, природу которой никто не может постичь. Для него не было ничего невозможного. Даже когда Меркуд предложил ему ритуал перемещения душ, Тор верил, что он у него получится. Но прошло несколько лет, и его уже гложут сомнения. Он может сделать выбор... и погибнуть. А Клут? Нет, Клут не сомневается. Клут, его самый близкий, самый верный друг. Клут без колебаний примет смерть, если решит, что это спасет Тора.

И Тор решился.

Он не допустит гибели Клута. Он не допустит, чтобы победа досталась страшилищу, одурманенному ядовитым снадобьем, женщине без чести и совести и одноглазому морскому разбойнику. Он вспомнил, как они с Элиссой были детьми, и она учила его превращать стыд в силу, жалость к самому себе – в стремление к цели, а страх – в ярость. Это было давно, но сейчас он сможет найти в себе смелость, которая ему так нужна.

Тор ушел в себя, призвал Цвета, и они тут же откликнулись на его зов, взметнувшись, как пламя. Теперь Клут, казалось, был где-то далеко-далеко. Зато Тор почувствовал связь с собственным телом, которое лежало в лесу под охраной Солианы и Арабеллы. Чтобы найти его, не нужно было искать дорогу по звездам. У него осталось всего несколько часов. Несколько часов – и его тело умрет, и тогда конец и Клуту, и Триединству. Тора охватил гнев, и Цвета забушевали с той же яростью.

«Верь в себя».

Кто это сказал? Тор не знал, но мысленно повторил эти слова. Верь в себя.

И прыгнул.

«Счастливого пути, дружище, – крикнул Клут – ему, похоже, никогда не изменяла смелость. Между их разумами уже установилась связь. – Не забывай меня».

«Я тебя люблю, Клут», – прошептал Тор.

«Знаю».

Связь оборвалась. Тор продолжал путь в одиночестве. Он чувствовал только одно: он двигается быстро. Вокруг была пустота, и он летел сквозь нее. А где же Цвета? Может быть, это они сияют у него за спиной? Или он сам стал Цветами? Быстрее, быстрее... И никаких звуков.

Сколько времени он летел, прежде чем это произошло?

Оплеуха ледящего холода. Движение замедлилось. Тор растерялся. Что такое? Где-то глубоко зашевелилось дурное предчувствие... и тут же почувствовал: что бы ни подбиралось к нему, нельзя допустить, чтобы оно дотянулось до него из глубины своего убежища.

«Лети дальше!» – вопили какие-то голоса. Неистово, настойчиво.

Тору показалось, что он узнал их, но вскоре голоса стихли, и остался только страх.

Затем зазвучал другой голос. Холодный, неприятливый... От него так и веяло холодом.

«А-а... значит, это и есть Тор», – сказал ледяной голос.

«Кто ты?»

Тор весь дрожал – то ли от страха, то ли от холода.

«Я – это я».

Беспредельный ужас охватил Тора. Он больше не двигался. Он умирал каждое мгновение, которое проходило здесь, и чувствовал себя так, словно его посадили на кол или пронзили копьем.

«Орлак?»

Голос рассмеялся. В этом смехе не было теплоты, но его обладатель явно веселился.

«Я не Орлак, хотя он меня интересуется, как и тебя».

«Где он?»

Прежде чем Тор услышал ответ, раздался другой голос. В нем звенела холодная ярость, и от него раскалывалась голова.

«Отойди от него!» – произнесла Лисе.

Первый голос рассмеялся.

«Он просто пролетал мимо. А мне одиноко».

«Вперед, быстрее! – теперь Лисе обращалась к Тору. – Время – твой враг».

Тор заставил себя выйти из оцепенения. Вскоре он снова мчался сквозь пустоту. Воспоминание о том зловещем ледяном голосе все еще тревожило его, но скоро зазвучали другие голоса – дружеские, приветливые. Они пели, встречая Тора.

Это были Небесные Огни. Они казались отзвуком его собственных Цветов. Вот они летят навстречу, кружат рядом с ним, молят не отставать... И Тор повиновался.

Толчок был таким внезапным и таким мощным, словно Тор врезался сам в себя. Если разобраться, так оно и было. Тора подбросило, он услышал возглас Арабеллы, но не мог открыть глаз. Даже сделать вдох оказалось почти невозможно. Неужели он снова в собственном теле? Нет, все как-то неправильно. Надо дышать, дышать...

«Ты нас напугал», – раздалось у него в голове ворчание Солианы.

Тор попытался сесть. Арабелла поспешила помочь ему и заключила юношу в объятия.

– Я же предупредила тебя, Тор: не рискуй.

Отшельница смахнула слезы и стремительно исчезла в тумане... Нет, это туман у него в глазах. Еще немного – и картина снова стала четкой. Небесные Огни потускнели, опали, осталось только мягкое белесое сияние.

Дармуд Корил стоял рядом.

– Я рад, что ты вернулся к нам, Торкин Гинт.

– Спасибо, что послал Огни мне навстречу, – голос у Тора был сильным.

– Они сами отправились тебя спасать, – ответил бог лесов. – Они полетели к тебе, сын мой. Они очень боялись за тебя. Они сказали, что должны привести тебя домой.

Тор мысленно погладил один из огоньков, почувствовал, как тот запел от радости, и коснулся сразу всех, пользуясь Цветами – это был особый, единственно понятный для них

обоих язык.

– Спасибо, друзья мои.

Солиана пошла прочь. Весь ее вид говорил о том, что она испытывает бесконечное облегчение.

Некоторое время Тор двигался еле-еле. Собственное тело казалось чужим и непослушным. Неуклюже ковыляя, он все-таки догнал волчицу.

«Прости меня».

«Я знаю, – печально ответила Солиана. – Мы столько прошли вместе. Страшно подумать, что мы могли потерять раньше, чем ты достигнешь своей цели».

Тор не знал, в чем его цель. Но терпеть не мог, когда этот вопрос поднимали открыто.

«Я потерял Клута».

«Я догадалась».

«Как?»

«Его с тобой нет. Клут – твой защитник, первый из Паладинов, кто связан с тобой. Он скорее умрет, чем покинет тебя».

«Он не умер».

«Все может быть. Но это его выбор».

Ее голос зазвучал еще печальней, и Тор порывисто повернулся.

«Не говори так, Солиана!»

«Для нас смерть – это освобождение, Тор. Ты должен это понимать».

«Я не понимаю... – пробормотал он и споткнулся. – Я вообще ничего не понимаю».

«Старайся как можно больше двигаться, – деловито откликнулась волчица. – Скоро ты снова привыкнешь к своему телу».

«Мне надо прогуляться. Прогулка будет долгой».

«Прогуляться с тобой за компанию?»

«В Карадун?»

Арабелла услышала его последние слова и обернулась.

– Ты хочешь вернуться. – Арабелла была потрясена.

– Да. Я отправляюсь немедленно.

– Ты не можешь этого сделать! – воскликнула отшельница.

– Я должен найти Клута.

– Отговори его, Солиана. Скажи ему.

Тор остановился.

– Что она должна мне сказать?

Солиана была спокойна, как и всегда, и говорила тихо. «Кажется, Десятый теряет силы».

– Сколько он еще продержится? – ничего не выражающим голосом спросил Тор.

– Мы не знаем, – Арабелла, казалось, дала волю отчаянию и страху. – Именно поэтому ты не должен покидать Сердце Лесов. Здесь ты в безопасности.

Тор вздохнул.

– Именно поэтому я должен покинуть Сердце Лесов, Арабелла. Здесь безопасно. И здесь от меня нет никакого толку. Я же дичь, помнишь?

Он шагнул к отшельнице, она позволила себя обнять, и Тор нежно поцеловал ее в губы.

– Обещаю тебе, что не стану больше рисковать. Но я должен найти своего сокола. Он принадлежит мне – а я принадлежу ему.

Тор долго смотрел в ее темные, цвета густого дыма глаза, подернутые пеленой глаза. Наконец отшельница кивнула.

«Сердце Лесов снова будет вести тебя, Тор», – сказала волчица.

Тор погладил пышный, густой мех Солианы и снова с восхищением отметил, как серебристые кончики волосков вспыхивают при каждом движении.

«Я могу перенестись в Карадун, Солиана? Помнишь, когда мы с Элиссой бежали из Карембоша...»

«Нет, Тор. Ты можешь использовать этот способ, чтобы вернуться в Сердце Лесов, но никак иначе. В Карадун тебе придется добираться обычным путем, но деревья помогут тебе двигаться так быстро, как это только возможно».

Наверно, волки все-таки умеют усмехаться, потому что Солиана усмехнулась. Тор был не на шутку удивлен.

«Наслаждайся путешествием. Все необходимое ты получишь на краю Великого Леса».

Тор остановился у ручья, где они с Элиссой впервые занимались любовью. Опустившись на колени перед неспешным потоком, он стал пить, пытаясь вызвать в памяти картины той лунной ночи. Первый глоток напомнил вкусом их поцелуй, и Тор мысленно поблагодарил ручей за этот подарок.

Потом юноша снова повторил про себя указания волчицы, выпрямился, опустил руки и закрыл глаза, ожидая знака. Он научился давно безоговорочно доверять Сердцу Лесов. Оно никогда не причинит ему зла.

Что-то коснулось его ног. Потом послышался шорох листвы. Тор открыл глаза, и его охватило волнение. Ветви деревьев опутывали его. Юноша заставил себя успокоиться и едва успел перевести дух, когда они выпрямились и, точно катапульта, подбросили его в воздух. Путешествие началось. Его охватило упоение, граничащее с экстазом. Он снова летел, на этот раз в собственном теле, и от восторга хотелось кричать.

Следующее дерево поймало Тора прежде, чем он успел выдохнуть, и перебросило его дальше. И еще раз. И еще. Деревья не давали ему упасть, ловко подхватывали на лету и отправляли дальше. Тор засмеялся. Он мог поклясться, что деревья смеются вместе с ним, и понял, что посылает им Цвета, благодаря их. Карадун был все ближе.

Прошел лишь день, когда Тор достиг границы Великого Леса. На карте Лес напоминал отпечаток огромной растопыренной пятерни, и сейчас Тор находился на самом кончике «пальца», который указывал на север. Путешествие не оказалось утомительным. Деревья были так добры к нему! Всю дорогу они подбадривали его, вливали в него силы... Когда последнее из них опустило его на землю, до цели оставалось идти не больше, чем полдня пути. Солиана сказала правду. На земле, под кустами, аккуратной кучкой лежали вещи. Ясно, что их отбирали очень тщательно. Чистая одежда, новая, но неприметная – даже в разбойничьем городке в такой одежде его вполне могли принять за странника, который ожидает попутного корабля. В кожаной поясной сумке обнаружилось несколько вещей, которые, несомненно, оказались там не просто так. Вероятно, их предназначение должно было стать понятно позже.

Он мысленно позвал Клута, но ответа не получил. Что ж, не стоит медлить... Тор почтительно поклонился Великому Лесу, благодаря его, услышал тихий шепот деревьев и зашагал прочь. Путешествие обещало быть долгим.

Глава 7

Тайна Элиссы

Вообще-то, в это утро Элиссе следовало наслаждаться покоем. Несколько ее учеников подхватили лихорадку; ничего серьезного, но уроки пришлось отменить. Какая это редкость, подумала Элисса, – несколько часов, которые она может посвятить самой себе. Король и королева отправились кататься верхом и не скоро вернутся. Можно покинуть покои Лориса, погулять, немного побыть с Джилом. Но... Вместо этого она бродила по кабинету короля, касалась письменного стола, стула, перекладывала с места на место бумаги, которыми давно не было нужды заниматься. Она бранила себя за то, что не уходит... и понимала, что просто не может уйти.

Молодая женщина подошла к высокому окну и стала смотреть на площадь перед дворцом, вспоминая, как последний раз оставалась одна в этих покоях. Тогда Лорис с Найрией отправились в поездку по королевству. Королева долго убеждала супруга, что это

необходимо, и Лорис, который поначалу и слышать ничего не хотел, в конце концов уступил.

Примерно в это же время Элисса впервые заподозрила, что король уделяет ей слишком много внимания... и что сама она наслаждается этим, – не столько его вниманием, сколько собственными чувствами, которые просыпались в ней. Она наконец-то призналась себе, что более чем равнодушна к Лорису. Она так старалась думать о нем как о темной туче на небосклоне своей жизни – и вдруг поняла, что этот человек озаряет ее дни, подобно яркому свету солнца. Как Элиссе не хватало его, когда он отправлялся в какую-нибудь дальнюю поездку! Она давно научилась скрывать свои переживания, каковы бы они ни были. Ее страдания и радости, ее желания – это груз, который она должна нести сама. Однако теперь, когда чувства короля уже не вызывали сомнений, ее охватил страх.

Лорис разговаривал с ней на безмолвном языке взглядов и улыбок. Казалось, его внимание к ней превратилось в бечевку, один конец которой он держит в руках, а другим пытается связать ее. Правда, он прикасался к ней только взглядом. И Элисса почти не сомневалась: этого никогда не произойдет, потому что Лорис любит свою жену.

Может быть, лучше просто сбежать из дворца? Положение становилось угрожающим. Элисса совершенно не хотела, чтобы из-за нее начался скандал. Она искушает короля одним своим присутствием, впоследствии он может об этом пожалеть... а лучший способ избежать искушения – это избавиться от того, что искушает.

Нет. Не Лорис пугает ее. Ее пугают собственные чувства. Пугает то, как страстно она жаждет прикоснуться к нему, даже если он просто задевает ее, проходя мимо. Пугает желание находиться рядом – подольше поработать, заглянуть вечером в его покои, чтобы уточнить какую-нибудь мелочь... А какое это наслаждение – жаль, что подобное случается редко: сидеть напротив, потягивая вино, смотреть ему прямо в глаза... И беседовать, как со старым другом.

Но после этих бесценных минут, проведенных наедине с Лорисом, Элисса ненавидела себя. Предательница! Может быть, Найрия догадывается о чувстве, которое растет в них обоих? Женское чутье в таких случаях обычно не обманывает. Однако королева ни разу даже не заикнулась об этих вечерних встречах. Она даже намеком не давала понять, что близость между самыми дорогими для нее людьми вызывает у нее раздражение. Напротив, она открыто подбадривала их, давала понять, что искренне желает, чтобы дружба между ними крепла. Это успокаивало.

Элисса прижалась лицом к холодному стеклу. Если она сбежит, ничего хорошего из этого не получится. Не исключено, что она бежит от пустых страхов... а плохо от этого будет королю, королеве, Джилу. Нет, она останется здесь и будет трудиться на благо Таллинора. И ничем – ничем! – не даст королю повода надеяться, что их отношения станут... еще более близкими. Желает он этого, или это ей только кажется.

В то время как Элисса мысленно произносила эту клятву, Их величества король и королева Таллинора, катались верхом в своих охотничьих угодьях. Под королевой Найрией был Фрейсин, ее любимый жеребец. Ни Лорис, ни Херек не возражали, когда она решила присоединиться к ним во время утренней прогулки, хотя знала, что в это время они обычно обсуждают планы на день. Случалось, что их сопровождал Джил, и Найрия знала, что король искренне наслаждается обществом юноши.

Сегодня королева проснулась рано. Сон, который она увидела под утро, был очень странным и ярким: ей явилась женщина, которая сказала, что сегодня утром Найрии не следует оставлять Лориса в одиночестве. По правде говоря, королеве и самой хотелось побыть с супругом, поэтому она приказала приготовить все необходимое для утренней прогулки верхом. И теперь, летя по полям рядом с Лорисом и Хереком, она радовалась, что послушалась приказа неведомой гостьи.

Внезапно она поняла, что размышляет об отношениях между Лорисом и его юной помощницей. Прежде всего, она благодарна девушке: с ней король стал заметно спокойнее.

«Ты нашла ключ к его душе, Элисса». Сколько раз она сама повторяла это! Будучи старше ЭлиССы, королева не могла не заметить ее красоты и очарования. А недавно она стала замечать кое-что еще. Король то и дело бросал на ЭлиССу взгляды, которые невозможно спутать ни с чем. Взгляды, которые до сих пор предназначались лишь ей одной.

Нет, никакой враждебности у королевы это не вызывало. Элисса сама не понимает, что сводит мужчин с ума. Но Найрия слишком хорошо это понимала. Никто не способен устоять перед чарами ЭлиССы. Можно не сомневаться: даже у старого Корина начинает играть кровь, когда она рядом! Для каждой у нее найдется доброе слово, она всегда великодушна. Женщин, которые не любят ее, можно пересчитать по пальцам – при том, что красивее девушки не найти во всем Тале.

Найрия отметила, что последнее время король постоянно приглашает ЭлиССу на придворные церемонии. Конечно, она способна украсить любой праздник. Можно даже не сомневаться: даже в грязной дерюге она будет прелестна, как небесное создание. Хрупкое сложение, тонкий вкус и легкий нрав – вот что не дает ей затеряться среди тучных, вечно недовольных придворных дам. Возможно, этого недостаточно, но Найрия видела девушку в работе и обнаружила в ней острый ум и силу духа. Загоните ее в угол, и более опасной противницы вам не найти. Да, она, Найрия, оказала мужу неоценимую услугу, убедив его принять ЭлиССу к себе на службу... хотя сердце подсказывало королеве, что ее супруг неравнодушен к своей помощнице.

Конечно, это тяжелый удар. Они с Лорисом любили друг друга с детства. Отец Найрии, человек богатый и знатный, был известен своей верностью и храбро сражался плечом к плечу со старым королем Мортотом. Найрия выросла во дворце. Они с Лорисом играли в садах, пока их отцы строили планы сражений... Найрия улыбнулась. Слава Свету, за годы своего правления Лорису ни разу не довелось созывать военный совет. И слава Свету, в те годы, когда они были невинными детьми, эти советы созывались постоянно. Стоит ли удивляться, что их родителям не понадобилось много времени, чтобы договориться о свадьбе? Найрия обожала Лориса. Она никогда не любила никого другого. Она до сих пор любит его, как в первые дни их супружества. Наверно, так бывает только в сказках. Она сама это понимала. И вот, когда жизнь подходит к концу, другая завладела его сердцем. Как жестоко.

Да, она сама свела их... но неужели они не могли подождать, пока она умрет? Королева вздохнула. Воздух свеж и пахнет лавандой. Осталось совсем немного... Она знала это и покорно принимала свою судьбу. Вот почему для нее была так важна эта поездка по королевству. Последний раз они с Лорисом могут предстать всему Таллинору королем и королевой, встретиться со своими подданными, поговорить с ними, сесть с ними за стол и показать всему миру, как они любят друг друга.

Хорошо, что ей удалось этого добиться. Она смогла попрощаться с Таллинором и его народом, который она так любила.

Лорис все еще думает, что у них вся жизнь впереди. Но в ночь перед казнью – ночь, которую она не забудет никогда, – юный Торкин Гинт просил ее быть осторожной. Но за этими словами скрывалось нечто иное. «Однажды твое сердце может не выдержать» – вот что они означали. Конечно, ведь незадолго до этого Тор заглянул в нее и знал, насколько она больна. Тогда он спас ей жизнь, но теперь... Тот, кто мог бы спасти ее, лежит в своей могиле, где бы она ни находилась.

Прекрасный юноша стал горсткой праха. Это было единственное темное пятно на царствовании Лориса, единственное его деяние, за которое Найрии было стыдно. Мальчика не стоило казнить. Лорис торопился вынести приговор, не внял ничьим советам... даже советам своей супруги. Возможно, он уже тогда был очарован ЭлиССой, подумала королева. Страсть ослепила его, а где говорит страсть, там молчит разум. Как бы то ни было... Лорис мог спасти любовника ЭлиССы, если бы захотел.

О, сердцу королевы было от чего болеть.

Боль возникала все чаще, становилась все сильнее – Найрия обнаружила, что может

предугадать, когда невидимый кулак безжалостно стиснет ее сердце. Она повернула голову и увидела, как Лорис живо обсуждает что-то с прайм-офицером. Потом он засмеялся. Как она любит его, как желает, чтобы он и дальше правил Королевством. У них нет наследника не потому, что они ничего для этого не сделали. Это было единственное облачко на безоблачном небе их брака, который длился почти тридцать лет. Но, может быть, у Лориса еще есть время исполнить свою тайную мечту.

Найрия надеялась, что следующей королевой станет Элисса. Это лучший выбор, который может сделать Лорис. Она – само совершенство: молодая, красивая, умная, сильная... и без ума от короля. Правда, Найрия была уверена, что сама Элисса еще не осознает этого. Ее жесты, движения, позы – все говорит об этом. Да, рядом с Лорисом Элисса пока что чувствует неловкость. Но все признаки уже налицо. Ни король, ни его помощница не знают, что Найрия наблюдает за ними. Они не знают, что взгляды выдают их, когда они следят друг за другом, надеясь, что этого никто не замечает. Они даже не догадываются о том, о чем догадывается она – молчаливый свидетель расцвета их любви. Возможно, когданибудь они поймут, что именно она настаивала на том, чтобы они трудились вместе, именно она убеждала Элиссу дать королю шанс и отказаться от своей вечной ненависти. Поймут и посмеются.

Лорис по-прежнему добр и внимателен к своей королеве, все еще обожает ее... и желает другую. Найрия приняла это. Было время, когда они с Лорисом любили друг друга каждую ночь – жадно, страстно. Но постепенно Найрии становилось хуже, и им то и дело приходилось отказывать себе в подобных наслаждениях. Найрия поймала себя на том, что не может даже вспомнить, когда они занимались любовью в последний раз. Неужели это было так давно? Нет, так негоже. Лорису нужна женщина.

Когда Фрейсин поравнялся с другими всадниками, Найрия почувствовала, что боль в груди становится сильнее. Она покачала головой. Как жаль, что она не смогла дать Лорису все, чего он хотел. Остается только промчаться с ним рядом во весь опор по полям – в последний раз.

Когда Саксен пришел в себя, голова у него раскалывалась, а на затылке клук нащупал огромную шишку. Он сидел в канаве и смущенно взирал на людей Херека, которые нашли его и привели в чувство. Поняв, что произошло, клук был уже готов вернуться в Карадун, однако ратники убедили его отправиться в Тал под предлогом того, что это намного ближе.

Саксен осторожно ощупал шишку, вспомнил о том, как ее получил, и скривился. Похоже, Квист приказал своим молодцам отвезти его подальше юг, чтобы пленнику было проще вернуться в столицу, чем в их городок. Тогда ратники правы. В Тал так в Тал.

Однако, опасаясь за Клута, бывший циркач постарался оказаться во дворце как можно быстрее. Рассказать Элиссе про Гота, предупредить ее – и снова в Карадун... клуку не терпелось свести счеты с этим мерзавцем Янусом Квистом и найти Клута. Нельзя допустить, чтобы Второй из Паладинов умер в мешке на какой-то разбойничьей посудине, кишасей крысами. Он, Саксен, – единственный, кто знает об этом злодеянии. И кому мстить, если не ему?

По прибытии в Тал Саксен сразу доложил обо всем прайм-офицеру, который только что сам вернулся в столицу. Услышав о решении клука оставить ряды «Щита», Херек растерялся. Саксен никогда не числился в списках отряда, но ратники уже привыкли к этому золотоволосому великану. Он был весел и добродушен. Вот уже несколько лет он делился с воинами своими секретами: как сохранять равновесие, как побеждать, полагаясь не только на острый глаз и грубую силу. Херек понимал, насколько ему будет не хватать клука – остроумного, всегда готового прийти на выручку. С чего ему вдруг понадобилось куда-то ехать? Саксен уходил от ответа, но Херек догадывался, что бывший акробат настроен решительно. Однако это была не единственная новость, которая ждала прайм-офицера, и к этой второй новости Херек был не готов.

– Ты его видел?

Саксен нахмурился.

– Как тебя сейчас. Он был так одурманен каким-то зельем, что я мог схватить его, как ребенка... и тут этот ворюга шарахнул меня по голове. Трудно было найти более подходящее время, верно? – он мрачно ухмыльнулся. – Денег у меня было немного. Хуже, что я упустил добычу.

– Та женщина с ним?

– Да.

Саксен заметил, что Херек с трудом удержался от крепкого словечка.

– Я слышал, тебя нашли мои воины.

– Да. Я лежал в придорожной канаве и стонал. Эти разбойники отвезли меня подальше на юг и бросили. Думаю, им надо было выиграть время, чтобы снарядить корабль и отчалить... – и клук потер шишку на затылке, которая все еще болела.

Прайм-офицер расхаживал по комнате, забыв все недавние заботы. Он снова бросит за решетку и Гота, и эту стерву Ксантию, а потом собственными руками оттащит бывшего Инквизитора на костер.

– Как думаешь, они все еще в Карадуне?

– А ты бы рискнул там задержаться? – фыркнул Саксен.

Херек гневно посмотрел на него, но промолчал.

– Все равно не стоит это так оставлять, – продолжал клук. – Начнем с притона. Если след еще не остыл, пусть твои люди гонятся за Готом, пока не останется ни одной щели, где он сможет прятаться. Объяви в Карадуне, что готов хорошо заплатить за какие-то сведения, и готов поспорить: кто-нибудь принесет эти сведения на блюдечке. В этом городе больше сброда, чем где бы то ни было, так что любая тайна там остается тайной, пока никто не предложил за нее цену.

Прайм-офицер задумчиво кивнул.

– А ты, Саксен? Куда ты направляешься?

– Мне надо кое с кем встретиться по поводу одной птицы, – загадочно ответил клук и пожал Хереку руку, как это принято в Таллиноре. – Увидимся, прайм-офицер.

Херек чуть задержал его ладонь в своей.

– Возвращайся скорее.

После долгих поисков Саксен нашел Элису в королевских покоях. Старый камердинер короля разрешил клуку подождать в маленькой приемной. Вскоре дверь кабинета распахнулась.

– Саксен! Ты вернулся!

Забыв правила этикета, личная помощница короля бросилась клуку на шею. Камердинер приподнял брови, но, благоразумие – или осторожность – заставила его отвернуться и заняться своими делами. В конце концов, дело касалось только этих двоих.

– Ненадолго, – ответил Саксен, заключая ее в объятья. Когда клук отпустил молодую женщину, она скорчила недовольную гримаску.

– Где мы можем поговорить? – он кивнул в сторону камердинера.

– Не беспокойся. Иди сюда. Сядем у окна. А теперь... расскажи мне про Карадун.

Саксен посмотрел в ее глаза, расширенные и полные беспокойства, и взял ее за руку.

– Я его видел.

Элисса медленно моргнула, словно услышала что-то несурзное и не могла в это поверить.

– Ты видел Гота?

Саксен кивнул.

– Ты не мог ошибиться? – тихо спросила она.

– У Гота слишком приметная внешность, чтобы его с кем-то спутать.

– Кто может это подтвердить? Кто его еще видел?

– Из воинов «Щита» – никто, только я. Правда, есть еще один свидетель...

Появление камердинера, который принес поднос с двумя бокалами, заставило его смолкнуть. Старик учтиво поклонился.

– Я подумал: может быть, вам и вашему гостю захочется чего-нибудь холодненького, сударыня...

– Как мило, Корин, – Элисса улыбнулась. – Спасибо вам. У меня в самом деле в горле пересохло.

Камердинер снова отвесил легкий поклон и удалился. Саксен удивленно взирал на бокалы.

– Эль! С каких это пор?

– Только старый Корин знает, как я люблю эль. Где-то около полудня, когда почти все во дворце обедают, я позволяю себе выпить стаканчик.

Она не удержалась от лукавой улыбки, которая осветила ее лицо, словно солнце. На душе у Саксена потеплело.

– Твое здоровье, – сказал он. Элисса кивнула, и оба сделали по глотку.

– Ты говорил... – улыбка исчезла без следа. – Кто еще видел Гота?

Саксен заметил, как у Элиссы побледнели щеки. Сможет ли она принять это известие? Нет, отступить уже поздно. Раз уж разговор начат...

– Я видел, как за ним наблюдал Клут.

Он был готов к чему угодно, но не к такому. Элисса словно остолбенела.

– Клут? – прошептала она, словно впервые услышала это имя.

Саксен не ответил.

– А он тебя узнал?

– Он подлетел ко мне, Элисса. Видишь ссадину на ухе?

Элисса кивнула.

– Это он меня предупреждал. А потом сел ко мне на плечо, и мы наблюдали за притоном, в котором курят стракку. Гот валялся там почти без чувств.

Элисса недоуменно посмотрела на Саксена, и он передернул плечами – жест, который в обычае только у клуков.

– Стракка – это трава. Ее листья курят. Пристраститься к ней ничего не стоит. Опьяняет эта травка почище любого вина.

Молодая женщина кивнула.

– Расскажи мне про Клута.

– Уверен, он тоже искал Гота. И нашел его раньше, чем я. Не исключено, что он тоже понял: если кто-то объявлен вне закона и хочет на время затаиться, лучше места, чем Карадун, не найдешь.

– Ты уверен? – на глазах Элиссы заблестели слезы.

– Что это был Клут? Таким штукам ни одного сокола не научишь. Я задавал ему вопросы, и он хлопал крыльями. Это точно был он.

Элисса вытерла глаза рукавом и попыталась успокоиться.

– Я рада, что Клут жив, – наконец сказала она. – А что с Готом? Чего от него можно ожидать?

Саксен обнял ее и крепко прижал к себе. Пусть девочка знает, что ей есть на кого опереться – сейчас ей это нужно больше всего.

– Мы с Саллементро находимся здесь, чтобы защищать тебя. Я уже не говорю о ребятах из «Щита» и отборных воинах королевской стражи. Так что Гота можешь не бояться.

Сам он не верил ни одному своему слову и чувствовал себя последним мерзавцем.

– Завтра... – он прочистил горло, – я возвращаюсь в Карадун.

– Опять! – Элисса быстро сделала глоток. – Собираешься раз и навсегда разделаться с Готом?

– Увы, нет. Я отправляюсь искать Клута. Его поймали морские разбойники. Боюсь, они успели покинуть берег и уже плывут в сторону Чужестранных островов.

– Но почему ты вернулся, не убив Гота?

Саксен чувствовал, что готов провалиться сквозь землю от стыда.

– Они оглушили меня, кинули на телегу и отвезли подальше от Карадуна. Когда я пришел в себя, то понял, что оказался ближе к главному лагерю «Щита» и к тебе, чем к разбойничьему городу. Вот я и решил вернуться и поделиться с тобой последними новостями.

– Получается, теперь твоя главная цель – не Гот? – спросила Элисса, хотя уже знала ответ.

Саксен покачал головой.

– Нет, Элисса. Готом пусть займется Херек со своими ребятами. Мне надо искать Клута. Мы же оба Паладины, так что он мне как брат.

Остаток времени они говорили о Джиле. Вскоре Саксен ушел, напоследок крепко обняв Элиссу, и пообещал, что без сокола в Тал не вернется.

Когда дверь за клуком захлопнулась, Элисса вернулась в кабинет короля – в еще большем смятении, чем покидала его.

– Но я не умею драться, Саксен! Ямузыкант!

Саксен вздохнул.

– Саллементро, я не предлагаю тебе участвовать в битвах, – устало проговорил он. – Я прошу тебя защищать Элиссу. Ты – Паладин, ее второй защитник. Боги избрали тебя не только за твой голос... хотя должен признать, он у тебя выше всяких похвал.

Оба улыбнулись. Это была старая песня, они заводили ее не раз и всегда приходили к одному. Наконец, менестрель смягчился.

– Да, да, да. Я повторяю себе это снова и снова. Если я – один из Паладинов и нахожусь здесь, разумно предположить, что однажды мне уже довелось пережить страшную боль.

Саксен кивнул.

– Можешь не сомневаться, так и было. Это твоя судьба. Мы оба связаны с Элиссой, наше предназначение – защищать ее и, если понадобится, умереть за нее. Но мы похожи на людей, которые бредут в тумане, Саллементро. Никто из нас не знает, что происходит на самом деле. Мы знаем только одно: надо делать все возможное, чтобы те, кого мы защищаем, остались целы и невредимы. Теперь мне предстоит отправиться на поиски Клута. Боюсь, он в большой опасности.

– Я буду ее защищать.

– Знаю, – Саксен коснулся плеча Саллементро. – И еще – береги Джилу.

Клук и менестрель обнялись.

– Ты надолго?

Бывший циркач пожал плечами.

– Постараюсь не задерживаться. Но Клута украли морские разбойники. Скорее всего, мне придется пересечь море, а там... кто знает, что меня ждет? Ладно, солнце уже высоко, мне пора. Дорога на север займет не один день, а погода портится.

Саллементро уже собирался сказать, что на ближайшие дни и в самом деле предсказывали плохую погоду, но тут на дворцовой колокольне загудели колокола. Последний раз этот зловещий звук раздавался в тот день, когда было объявлено о казни Торкина Гинта. Не говоря ни слова, Саксен и менестрель вскочили и бросились в сторону дворцовой площади, куда, обгоняя друг друга, уже сбегались мужчины, женщины, дети...

Джил скатился с лестницы и налетел на Саксена. Клук покачнулся, крепко толкнув троих или четверых человек.

– Осторожнее, парень! – рявкнул Саксен.

Джил бросился к поварихе, которую сбил с ног, попутно извиняясь перед остальными. Саксен покосился в сторону лестницы. Недурно... Одним прыжком мальчик перемахнул целый пролет. Уроки не прошли даром.

Паладины и их юный ученик продолжали пробираться вперед. Саксен шел первым,

раздвигая толпу могучими плечами, словно лодка в ледоход. Странно: при таком скоплении народа на площади стояла мертвая тишина.

На каменных плитах лежала королева Найрия. Кто-то подsunул ей под голову скатку. Королева не шевелилась. Ее кожа напоминала воск, из-за уха на светлый бархат плаща стекала струйка крови. Рядом на коленях стоял Лорис, его лицо исказила боль. Король окинул взглядом толпу и беспомощно простер руки к своим подданным.

– Кто-нибудь может помочь? – в его голосе звучала мольба.

Корин, верный слуга короля, положил королю на плечи свои иссохшие руки, покрытые старческими пятнами, и чуть сжал пальцы.

– Она ушла к Свету, государь, – тихо прошептал он, склонившись к его уху.

Лорис закричал, словно ему нанесли смертельный удар. Он поднял обмякшее тело жены и прижал к груди. Теперь всем стало видно, что плащ пропитался кровью.

Королева Таллинора была мертва.

Никто не шевельнулся. Люди были слишком потрясены, чтобы произнести хоть слово. Потом послышался одинокий голос: женщина просила пропустить ее. Саксен сразу узнал Элиссу. Но Джил уже устремился к своей учительнице, помогая ей пробраться сквозь толпу. Элисса выбежала на площадь и замерла, словно не могла поверить своим глазам.

Потом она всхлипнула и опустилась на каменные плиты рядом с королем и королевой – достаточно близко, чтобы слышать, как король снова и снова шепчет, рыдая и прижимаясь губами к окровавленному уху своей жены:

– Это кара за мои грехи.

Глава 8

Одетые лиловым

В Тале был траур. Так повелось испокон веку: когда умирал кто-то из королевской семьи, жители Таллинора одевали город в лиловый цвет – цвет смерти. В знак скорби владельцы занавешивали входы своих лавок лиловыми занавесками, на окнах домов появились лиловые флаги, на одеждах горожан – лиловые лоскутки. Даже маленькие девочки украшали волосы лиловыми цветами. Дважды луна должна стать полной, а потом пойти на убыль и снова вернуться на небо, прежде чем столица и все Королевство снимет лиловое облачение.

Дворец погрузился в ледяную тишину. Люди занимались лишь самым необходимым, в кухне готовили поминальные трапезы – легкие, скудные, пригодные лишь для того, чтобы утолить голод. Обитатели дворца будут соблюдать пост до тех пор, пока тело королевы не предадут огню.

Три дня и три ночи она будет лежать в холодной каменной постели, в часовне, чтобы подданные могли с ней попрощаться. Новость о смерти Найрии распространялась, как пожар, и люди сотнями прибывали в столицу со всего королевства. Они приезжали издалека, их было множество, и королю пришлось выделить деньги из казны, чтобы накормить всех.

Элисса словно со стороны видела, как молится, смотрит на людей и вместе с ними оплакивает королеву. Она пыталась вести уроки, но никто из учеников не мог сосредоточиться.

На второй день она отказалась от попыток, отменила занятия и отпустила детей. Лорис заперся у себя, никого не принимал, ни с кем не разговаривал, и Элиссе было нечем заняться.

Джилу повезло больше: в дни траура он напросился на строевые учения и вместе с Хереком и другими воинами отправился в горы.

Саксен тоже покинул город. Он оставался с Элиссой дольше, чем собирался, пока молодая женщина не приказала ему отправляться в путь. Все верно: здесь от него толку мало, а потерю Клута ему будет пережить труднее, чем смерть королевы. Вчера клук уехал, и Элисса горько плакала. Может быть, это еще один человек, которого она потеряет навсегда?

Рядом оставался только Саллементро, но он так занят подготовкой музыки для

поминальной службы, что Элисса не могла рассчитывать на его общество. И ей оставалось только одно: сидеть у часовни, в полумраке, грустить и размышлять о том, как будет жить дворец, лишившись своего самого дорогого сокровища.

Она наблюдала за молодой парой, которая плакала над мертвой королевой, и вспоминала, как горевала сама, потеряв Тора. Тогда ей даже в голову не могло прийти, что она сможет снова влюбиться, захочет прикоснуться к телу мужчины и наслаждаться его прикосновениями. Но Лорис сотворил невозможное. И она заплакала, вспоминая, как мечтала всего несколько недель назад: чтобы королева куда-нибудь исчезла, и Лорис принадлежал ей.

Теперь королевы не стало. Ее желание исполнилось.

И Элисса ненавидела себя.

Она смотрела, как люди проходят через часовню. Людской поток не иссякал. Все потрясены, все в горе. Многие из них, кажется, еще вчера видели королеву живой и здоровой. Она ехала по своей стране – как всегда, блистательная, одетая с безупречным вкусом, счастливая и сияющая. Она согревала сердца только своим взглядом и не скрывала, что рада видеть своих подданных. Она любила их, и они отвечали ей любовью. А теперь им остается лишь пролить слезы над ее холодным телом.

Верный Херек рассказал Элиссе, что произошло в день смерти королевы. Они с Лорисом каждое утро выезжали на прогулку, и королева решила отправиться с ними. Они во весь опор мчались по полям, когда Найрия потеряла сознание, упала с коня и ударилась головой о камень. Когда такое случилось в прошлый раз, во дворце находился ученик лекаря Торкин Гинт. Он спас ей жизнь. Но теперь... может быть, у королевы не выдержало сердце, а может быть, удар оказался слишком сильным. Этого уже никто никогда не узнает. Как бы то ни было, когда Херек и Лорис спешили и подбежали к ней, она была уже мертва.

Кроме того, Херек рассказал Элиссе, что король целый час звал Найрию и не хотел никуда уезжать. Прайм-офицер не посмел предложить государю вернуться, пока тот не пришел в себя.

– Он вдруг замолчал и сел в седло, – сказал Херек. – Потом попросил, чтобы государыню положили ему на колени, и позволил коню самому выбирать дорогу. К счастью, я увидел конюха, который пас лошадей. Я приказал ему скакать во дворец что есть духу и передать, чтобы ударили в колокол.

Вот и все, что стало известно Элиссе. Она не разговаривала с королем с того злосчастного утра. Казалось, она была последней во дворце, кто узнал об этом страшном событии. Теперь на ее плечи легли заботы по подготовке к погребению. Согласно обычаям Таллинора, тело должно быть сожжено в течение трех дней после смерти. Как только наступит четвертая ночь, душа умершего уже не сможет найти дорогу в Свет и будет обречена вечно блуждать во мраке.

Лорис ни за что не допустит, чтобы с Найрией такое случилось. Ее сожгут на третий день.

Глава 9

Тайна раскрыта

Личная помощница Его величества встретилась со своим государем во время поминальной трапезы, однако не услышала от него ни слова. Все это время король сидел, стиснув зубы, и при первой же возможности удалился.

Однако спустя некоторое время к Элиссе подошел Эдвид, паж короля, и передал ей просьбу, которой она ожидала меньше всего.

– Он просит меня прийти? – удивленно переспросила молодая женщина.

– Да, сударыня. Он хочет вас видеть прямо сейчас, – повторил Эдвид.

– Хорошо, – Элисса встала. – Сейчас приведу себя в порядок и тут же приду.

Саллементро, который в этот миг пел собравшимся печальную балладу о любви и

смерти, бросил в сторону Элиссy вопроcительный взгляд, но она лишь покачала головой и послала менестрелю воздушный поцелуй. Это означало: «поговорим после».

Осторожно постучав в дверь, ведущую в покои короля, Элисса почувствовала истинное облегчение, когда ей открыл Корин. По мнению Джилы, он был глубоким стариком, но Элисса любила его за мудрость, которая светилась в его слезящихся глазах. После того как Меркуд ушел неизвестно куда, Корин был последним из слуг, которые помнили старого короля Мортy и знали Лориса ребенком.

Тепло приветствовав Элиccy, Корин пригласил ее в приемную.

– Уверен, Его величество будет весьма благодарен вам за то, что вы согласились навестить его в столь поздний час, – произнес он со старомодной вежливостью и наполнил вином ее кубок.

Чего-чего, а вина Элиссе совершенно не хотелось. Это неожиданное предложение вызвало у нее что-то возле прилива тошноты.

– Прошу, сударыня, – Корин протянул ей кубок. Старик явно не умел читать мысли.

– О, Корин... – Элисса все-таки заставила себя улыбнуться. В конце концов, этот человек был так добр! – Я никак не могу прийти в себя после того, что случилось... Как государь?

Корин тихо вздохнул.

– Он оправится не сразу. Но вы же его знаете: его ум не знает покоя, а теперь все церемонии завершены, и он знает, что должен продолжать управлять королевством... После того как Их величества так надолго покидали столицу, чтобы проехать по стране, и после этого... хм... – он передернул плечами.

– Я понимаю, – Элисса пригубила из кубка – только из вежливости. – Нам предстоит работа?

– Сомневаюсь. Мне кажется, ему просто нужно, чтобы кто-то был рядом.

Последние слова Корин произнес шепотом, потому что в комнату вошел Лорис.

Элисса встала. Ее охватило какое-то томительное беспокойство. Лорис только что принял ванну, и капли воды все еще поблескивали в его бороде и волосах. Темно-лиловая рубашка была небрежно расстегнута, и Элисса могла разглядеть его мускулистую грудь, поросшую темными волосами. Молодая женщина поспешно поставила кубок на стол. Кубок такой красивый, дорогой... его надо было скорее поставить, чтобы не уронить.

Она была уверена, что сумела загнать свои чувства в самый потаенный уголок своей души, но сейчас они нахлынули снова. Да, Лорис прекрасен. Он гораздо старше ее, но при этом совершенно неотразим. Печаль сделала его более уязвимым, более желанным. Элиссе хотелось бежать прочь, но она лишь робко улыбнулась, когда король бросил на нее быстрый взгляд.

– Благодарю, Корин. Ты свободен, можешь лечь пораньше. Сегодня мне уже ничего не понадобится.

Низко поклонившись, старик камердинер вышел прочь. Дрейк, огромный охотничий пес, еще один верный спутник короля, проводил его до двери – он провожал всех посетителей. То ли в шутку, то ли по рассеянности, Корин пожелал псу спокойной ночи.

Мысли молниями проносились в голове у Элиccы. Что ей следует сказать? Как себя держать?

– Спасибо, что пришла, Элисса, – внезапно произнес король.

Молодая женщина вздрогнула так сильно, что едва не подскочила на месте.

– У тебя все в порядке? – он заметил ее испуг, но не понял причины.

– Я... я... День был такой долгий, Ваше величество. Простите... Думаю, что вам тяжелее, чем кому бы то ни было...

Ей захотелось вырвать собственный язык. Это же надо – сморозить такую чушь! Однако король как будто ничего не заметил. Он наполнил свой кубок, потом предложил ей кресло. Маленький камин уже успели растопить, и яркое пламя делало приемную удивительно уютной. Ночи становятся все холоднее... Элисса вспомнила про Саксена. На

севере скоро наступит зима. Как он там?

– Я хочу поговорить о Джиле, – сказал Лорис.

Его величество никогда не был любителем светских бесед, и Элисса это знала. Но Джил... От неожиданности она сделала слишком поспешный глоток, вино попало ей не в то горло, и она закашлялась.

– Во имя Света, сударыня, – король шагнул к ней и похлопал по спине, – что с вами сегодня? Вы весь вечер как на иголках.

– Все хорошо, Ваше величество, – выпалила Элисса, улучив момент между приступами кашля. – Простите меня... Я просто отвыкла от вина. С тех пор как вы уехали, я к нему даже не притрагивалась.

Это была жалкая попытка уйти от разговора. Убедившись, что его гостя дышит ровно, Лорис перестал хлопать ее по спине, но тут же уселся рядом. И это было еще хуже.

– Помилуй, Элисса, это же «Мораш». Оно совсем как материнское молоко. Попробуй – такое же мягкое, сладкое... Самое легкое вино, какое только бывает. Его делают из мелкого зеленого винограда, который растет на горных склонах Арандона. Я выбрал его специально для тебя.

Какая трогательная забота... даже забавно.

– Спасибо, Ваше величество. Мне оно очень нравится... вернее, понравится после того, как я смогу правильно сделать хотя бы глоток.

– Зови меня «Лорис», Элисса. Сейчас мы не занимаемся государственными делами.

Опасный знак, заметила про себя Элисса.

– М-м-м... вы говорите, что хотели бы поговорить со мной о Джиле, Ваше величество?

Лорис вздохнул. Холодное упрямство собеседницы явно задело его.

– Да, да... совершенно верно. Я хочу представить мальчика к повышению. Он станет помощником прайм-офицера. Как ты понимаешь, до звания прайм-офицера ему останется только шаг. И к этому шагу его пора готовить.

Элисса встала.

– Но это смешно, Ваше величество!

Король бросил на нее усталый взгляд поверх кубка, и она взяла себя в руки.

– О... простите за дерзость, государь, но Джилу всего пятнадцать. Неужели вы ожидаете, что ратники будут относиться к нему с должным почтением?

Лорис открыл было рот, чтобы ответить, но Элисса еще не закончила.

– Воины «Щита» просто выставят его на посмешище, она расхаживала взад и вперед, меряя шагами комнату. – Они не станут слушаться мальчишку, у которого молоко на губах не обсохло. Они считают своим долгом сделать из него мужчину. И я уже видела, как они мучают его – несомненно, с самыми добрыми намерениями, но это настоящие пытки. Он принимает все как должное и всякий раз возвращается, чтобы снова это пережить, но мне становится не по себе. Кроме него, в гарнизоне мальчиков такого возраста нет... Просто он слишком мал.

Она с мольбой посмотрела на Лориса.

– Он больше не мальчик, Элисса, – возразил король – он – мужчина. Да, он молод, но тем не менее... Меня с двенадцати лет готовили к тому, что я буду править королевством. И короновали, когда мне не было и семнадцати.

– О, да. И я не сомневаюсь: вы были окружены толпой наставников, готовых объяснить вам, как это делается, Ваше величество. А этого ребенка бросили, когда ему исполнилось двенадцать. Его научили, как вести себя при дворе, но он не рожден для этой жизни – в отличие от вас.

Король медленно пригубил из кубка и спросил почти небрежно:

– А откуда ты знаешь, для чего он был рожден?

Этого вопроса Элисса не ожидала.

– Государь, ваша супруга, да упокоится ее добрая душа в Свете, нашла его привязанным к дворцовым воротам. Джил там оставила собственная мать. Разве знатная

дама могла так поступить?

– Нет, конечно. Но ты даже не догадываешься, кто он такой и как появился на свет.

– А вы?

Элиссе охватил гнев. Она никому не позволит причинить мальчику зло. Даже самому королю.

– В том-то и дело, что я знаю. Я потратил на это немало времени. Мальчика уже кое-чему научили – думаю, ты поняла это, как только с ним познакомилась. Он умел читать, писать, считать. У него острый ум и хорошие манеры. Его родители – не какие-нибудь нищие бродяги. Тебя это никогда не удивляло?

Действительно, поначалу Элисса не раз ломала голову над этой загадкой. Но потом... Какая разница, каким было детство ее ученика? Она поступила со своими сомнениями, как с ненужной вещью, на которую постоянно натываются и в конце концов прячут в чулан, где она покрывается пылью на самой дальней полке. На самом деле, ей просто не хотелось об этом думать. Джил – ее сын. Только ее.

– Я не задавалась таким вопросом. Ваше величество, – холодно сказала она.

– В таком случае, позволь тебя заверить: Джил – мальчик из отличной семьи.

Несомненно, Лорис заметил, что собеседница не желает его слушать, но продолжал.

– Он никогда не видел отца, но мать сделала все возможное, чтобы мальчик не вырос неучем. Кстати, это вполне добропорядочная женщина, и она привела его к дворцовым воротам только потому, что знала: ей осталось недолго. Она выбивалась из сил, чтобы сын получил все необходимое. Потому что, как я тебе уже говорил, был благородного происхождения.

Король Таллинора ступил на скользкую тропу и сам это чувствовал. Он поднес бокал к губам и сделал большой глоток.

– Кто его отец, Ваше величество?

– Всякое говорят.

– Откуда вы можете знать, что люди говорят правду?

– Потому что есть люди, которым я доверяю.

– Например?

– Например, Меркуд... – этот допрос начал раздражать Лориса. – Тебе еще не надоело?

– Нет! – вскипела Элисса. – Потому что я его мать!

Но Лорис и сам вышел из себя. Во всяком случае, его уже не слишком заботило, что последует за его словами.

– Ты не его мать, Элисса! Ты просто его воспитательница. А вот я – его...

Он не закончил.

Элиссе показалось, что внутри у нее все сжалось. Вино вскружило ей голову... и вот воздушный замок, который она строила последние несколько лет, разлетелся вдребезги, уничтоженный одной-единственной фразой. Конечно. Джил не ее сын, она не его мать. Ее сын мертв. Его тело давно стало землей, и на ней выросли лесные травы.

И тело его отца, Торкина Гинта, лучшего лекаря и величайшего волшебника в Королевстве – тоже. Человека, который принял смерть с таким достоинством – столько достоинства не найдется у всех этих дворцовых приживалов, вместе взятых. Он не заслужил казни. И никто не посмел бы отправить его на смерть, если бы не человек, который сидит перед ней. Который смотрит на нее с таким сочувствием, с таким раскаянием. По приказу этого человека ее мужа предали жестокой, отвратительной смерти.

Из груди молодой женщины вырвался крик. Ужас снова нахлынул на нее. Все старые желания и искушения снова вырвались на свободу. И она с кулаками набросилась на виновника всех ее бед. Она всем телом чувствовала каждый удар, каждую пощечину – и ненавидела Лориса за то, что он даже не пытается ее остановить. Он даже не шевелился, лишь печально смотрел на нее, принимая наказание.

Наконец, ярость иссякла, и Элисса без сил опустилась на пол. Ей не хватало воздуха. Рядом она слышала тяжелое дыхание Лориса. Наверно, на ее крик сбежит весь дворец...

Но нет, ни топота ног в коридорах, ни стука в дверь... Кажется, лишь пса немного беспокоило то, что здесь произошло. Он с непривычной живостью подошел к Элиссе и теперь слизывал слезы с ее лица.

– Место, Дрейк, – раздался голос короля.

Пес попятился, и Элисса почувствовала, как сильные руки Лориса поднимают ее. Когда ее лицо оказалось напротив лица короля, она разлепила веки. На одной щеке ссадина, из которой сочится кровь, другая скула опухает. Рубашка разорвана и словно нарочно выставляет напоказ это тело, к которому так хочется прикоснуться. Элиссе стало дурно.

– Тебе пора отстаивать честь «Щита» в кулачных поединках, – заметил Лорис.

Этого было достаточно, чтобы слезы хлынули градом. Ужасно. И выхода нет и быть не может.

– Да, напоминай мне время от времени, чтобы я больше не пытался блистать перед тобой остроумием.

– У вас кровь, Ваше величество, – пролепетала она сквозь слезы, глядя на короля.

– Пустяки, просто царапина. Я получил по заслугам. Прости, Элисса. Мне на самом деле очень жаль. Я был не вправе говорить тебе об этом – вот так, напрямую. Лучшей матери, чем ты, для Джила не найдешь. Ему очень повезло.

Они стояли слишком близко друг к другу. Лорис взял ее за руку и положил свою ладонь себе на грудь. Как громко стучит сердце... Чье? Ее собственное – или то, что бьется у нее под рукой? Она не знала, но хотела только одного: чтобы это не кончалось. И еще она хотела прижаться к этой широкой мускулистой груди всем телом и рыдать, оплакивая Джилу, Тору, Саксена, Клута, Найрию – всех, кого ей довелось потерять... и свою глупую, бессмысленную любовь к Лорису, королю Таллинора.

– Ты прощаешь меня? – с нежностью спросил он.

– Только если вы позволите мне заняться вашей раной.

Лорис кивнул.

Элисса неохотно высвободилась из его объятий, смочила платок водой из кувшина и утерла ему лицо. Затем позвала пажа. Слава Свету, мальчик спал и ничего не слышал. И слава Свету, что сегодня стражников отпустили на покой – десятку крепких воинов ничего не стоило выломать дверь.

– Эдвид, – проговорила Элисса, – принеси из моих покоев корзинку с травами. Джил тебе все покажет. Быстрее, мальчик. А потом можешь снова отдыхать.

Паж убежал. Оставшись с Лорисом наедине, Элисса вежливо попросила его присесть и протянула кубок, который снова наполнила вином. Она чувствовала, как глаза короля следят за каждым ее движением. Нет, она сделает все, чтобы не встретить этот взгляд. Или хотя бы постарается.

Слава Свету, Эдвид вернулся скоро. Поблагодарив мальчика, Элисса закрыла за ним дверь и попросила Лориса запрокинуть голову, чтобы осмотреть царапину. Потом все-таки пришлось присесть рядом, чтобы промыть ее смесью травяных настоев, приготовленных несколько дней назад. Настой был крепким и еще не успел выветриться. Лорис невольно поморщился. Щиплет... Однако Элисса знала: если воспользоваться этой настойкой, заражения можно не опасаться. Это был еще один урок Соррель: зараза убивает, поэтому убей ее первой.

– Простите, что я снова причиняю вам боль, Ваше величество.

Лорис вздохнул.

– Ты совсем рядом, а я даже не смею сказать, сколько страданий ты можешь причинить одним словом. Это гораздо больнее.

Элисса замерла. Они и в самом деле были так близко друг к другу, что между их лицами можно было просунуть разве что две сложенные ладони.

– Вы не должны так говорить, государь, – прошептала она.

Лорис выпрямился и спрятал ее ладони в своих.

– Я должен это сказать, Элисса. Иначе я сойду с ума от боли. Я люблю тебя. Я люблю

тебя с того дня, как увидел тебя в тронном зале, бледную, измученную, полную отчаяния. Ты была так прекрасна, исполнена такого достоинства, даже когда казнили Торкина. Да, я не могу исцелить рану в твоём сердце... но я прошу у тебя прощения. Казнь можно было остановить, но я был уже слишком очарован тобой. Я ревновал тебя потому что знал: это его тело, а не мое, прикасалось к твоему. Это было невыносимо – думать о том, что ты принадлежишь другому, оставаясь недоступной для меня. Все эти годы, пока ты находилась рядом, я сходил с ума. Порой мне приходилось призвать всю силу своей воли, чтобы не протянуть руку и не погладить тебя по голове, когда мы работаем...

– Прошу вас, государь! – воскликнула Элисса. – Пепел королевы еще не остыл.

– Тише, Элисса. Найрия знала.

Он взял со стола, который стоял рядом, кусок исписанного пергамента, и молодая женщина тут же узнала, почерком королевы. Лорис развернул лист полностью.

– Она написала это за несколько дней до смерти. В тот день мы вернулись из путешествия по стране. Она благодарит меня за то, что я был таким внимательным и любящим во время этой поездки, – он грустно усмехнулся. – Ладно, все я читать не буду... Вот: она признается, что знала – все это время, каждую ночь я чувствовал себя глубоко несчастным, потому что желал и не мог утолить своего желания. Она пишет, чего я так страстно желал: чтобы рядом со мной была Элиссандра Квин. Найрия просит не казнить себя за это и не страдать. Какие бы чувства ни возникли между нами после ее смерти, они благословенны. После ее смерти... Похоже, она знала, что скоро умрет.

Король умолк. Кажется, ему было слишком тяжело перечитывать это послание, хотя Элисса заметила, что пергамент разворачивали не раз и не два. Она протянула правителю Таллинора кубок с вином, и Лорис единым духом осушил его.

– Я должен закончить то, что начал. Найрия надеется, что я решусь сделать тебя своей королевой, поскольку именно такая пара должна править королевством, когда грядут беды. Не знаю, что она хотела этим сказать, но в то утро, перед тем как отправиться на ту прогулку... в день своей смерти... Найрия говорила мне, что во сне ей явилась женщина. Она сказала ей, что скоро над Таллинором нависнет страшная угроза, и понадобится немало сил, чтобы прокладывать королевству путь во времена испытаний. По словам Найрии, эта женщина говорила, что ты нужна Таллинору как никто другой, и что Джил должен стать прайм-офицером.

– Во имя Света, Лорис! – воскликнула Элисса. – И ты всему этому веришь?

Однако внутри у нее все перевернулось, лице снова вмешивается в их жизнь.

– Я верю что нам суждено быть вместе. Я верю, что Найрия, которая даже в смерти осталась такой же великодушной и сильной, какой была при жизни, благословила наш брак, за одно это она заслуживает большей любви, чем я мог ей когда-либо дать. Я верю, что Джил должен стать прайм-офицером, и его надо к этому готовить... на то есть множество причин. А армию – к тому, что мирные времена скоро закончатся. Старый Меркуд предупреждал меня, но я слишком мало беспокоился об обороне Королевства. Еще бы, я правил столько лет, и за эти годы Таллинор ни разу ни с кем не воевал. В наши дни люди не знают ничего, кроме мира и процветания. Но Меркуд был необычным человеком, Элисса. Он знал то, что скрыто от других. И этот сон Найрии... Меня предупреждают. Я никогда не пренебрегал предупреждениями, а этим не пренебрегу тем паче. А теперь... Скажи, что ты тоже любишь меня, Элисса. Скажи, что мне это не почудилось.

Его слова набегали друг на друга. Он смотрел Элиссе в глаза, словно надеялся прочесть ответ раньше, чем он будет произнесен.

Молодая женщина молчала, пытаясь собраться с мыслями. Нет. Она слишком любит его.

– Я пыталась запретить себе это, мой король. Я пыталась возненавидеть вас. Но у меня ничего не вышло. Я безумно люблю тебя, Лорис. И желаю тебя всем сердцем. Хотя чувствую, что предаю свою королеву.

Его глаза затуманились.

– Будь моей королевой. Будь рядом и правь вместе со мной.

Элисса перевела дух. Перед ее глазами встало лицо Тора, и она мысленно сказала своему супругу «Прости». А потом произнесла те слова, которые и надеялся услышать Лорис.

– Я буду вашей королевой, государь. И буду любить вас, пока смерть нас не разлучит.

Лорис обнял ее и прижал ее к себе. Потом их губы соединились, и поцелуй был долгим и сладким. Время исчезло. Исчезли привычные звуки дворца – во всяком случае, влюбленные их не слышали. Они стали единым целым. Любовь наложила на них свою печать.

Наконец, объятия разжались, и Элисса опустила голову на грудь королю. Ей казалось, что она плывет над землей – для этого было достаточно просто прикоснуться к нему щекой... и хотелось лишь одного: чтобы это упоение никогда не кончалось. Потом она вспомнила про архалит и в ужасе отпрянула.

– Что такое? – Лорис ласково провел пальцами по ее волосам. Во имя Света, сколько раз он об этом мечтал.

– Но я все еще Неприкосновенная! У меня не может быть любовника – это запрещено. И тем более мне нельзя выходить замуж, даже за короля. Ты казнил людей и за меньшую провинность, государь.

– Найрия подумала и об этом, любовь моя. Она не один год убеждала меня изменить положение Неприкосновенных в Таллиноре. И вынужден признать: после того, как я распустил Инквизицию, народ Таллинора стал гораздо счастливее. Все это время я хранил верность старому закону. Его приняли давно, и в те времена он и в самом деле был благом для всех. Но Гот и его помощники сделали этот закон своим орудием и пользовались им, чтобы расправляться с неугодными. То же самое касается и Неприкосновенных. Считалось, что ребенок, рожденный от женщины, способной творить волшебство, вырастет чудовищем, которое уничтожит все вокруг. Это просто поверье, которому много веков. Есть легенда про Чувствующего, который едва не разрушил весь наш мир. Но теперь, думаю, нам пора стать мудрее, старше и идти вперед и не цепляться за вчерашний день с его пережитками.

Элисса слушала Лориса, и в груди у нее бушевала целая буря. Она была почти счастлива, но при имени Орлака у нее пробежал по коже озноб. Она все-таки дочитала Писания Нанака. Однажды Орлак вернется. Он не выдумка, не легенда. И он на самом деле намерен уничтожить Таллинор. Но сейчас ей не хотелось даже думать об этом.

– А что ты собираешься делать с Академией и Неприкосновенными?

– Академия – это наше сокровище. Пусть в ней продолжается работа, пусть она служит прибежищем для женщин-Чувствующих. Но они больше не станут приходить туда лишь потому, что больше нигде не могут укрыться от гонений. Нет, это будет их выбор. Пусть туда приходят лишь те, кто желает, чтобы их дар служил Королевству.

– А архалит?

– В этом больше нет нужды. Понимаю, те из вас, кто носит камень, уже не смогут от него освободиться. Но ни одну Чувствующую больше не заставят его носить. Вы все сможете вести обычную жизнь. Мы в долгу перед вами.

– О, Лорис! – Элисса порывисто обняла его. – Одного этого будет достаточно, чтобы твое правление запомнили на века. Ты дал свободу тем, кто так долго был в заточении...

Эта маленькая хвалебная речь явно понравилась Лорису.

– Неприкосновенным разрешат выходить замуж, – продолжал он, – но за их детьми какое-то время придется наблюдать. Старые привычки долго умирают.

– Я так тобой горжусь... Ты разрушил стены, которые лишают твое королевство силы. Ты готов открыть двери перед одаренными, поддержать их, и за это тебе воздастся сторицей, Лорис. Я знаю.

За этим последовал новый поцелуй – на этот раз более глубокий и долгий. Поцелуй, когда не хочется отрывать губы от губ.

Наконец, это произошло, и Элисса почувствовала, насколько устала. Она зевнула.

– Я должна идти.
– Может, все-таки останешься? Элисса улыбнулась.
– Нет. Пока мы не поженимся – нет.
– Ну, тогда встретимся за завтраком для утреннего поцелуя.
– Ты винишь себя? – спросила она, высвобождаясь из его объятий.
– Я уже много лет виню себя за те чувства, которые ты рождаешь во мне. Да, я любил тебя, продолжая любить Найрию. Но в этом письме она благословляет нас. Она хотела, чтобы после ее смерти мы соединились, поэтому на душе у меня мир. Я счастлив, что знал ее, и что она была моей королевой столько лет.

Конечно, он прав. Но Элисса заставила его пообещать, чтобы он не выказывал ей любви прилюдно, пока не закончится траур. Лорис согласился.

Это означает, что ты не должен брать меня за руки, Лорис. И когда ты смотришь на меня, в твоем взгляде не должно быть любви, – она погрозила ему пальцем. – Помни: еще несколько месяцев ты король, а я – твоя личная помощница.

– Обещаю, – он прижал руку к груди. Сердце, которое билось там, принадлежало ей.

– Да, Лорис... прежде, чем я уйду – пожалуйста, расскажи, что ты знаешь про Джила. Прошу тебя.

Лорис пристально посмотрел ей в глаза. Он понял, что может вполне доверять этой женщине. Женщине, которая скоро станет его супругой и королевой. Между ними не должно быть недомолвок.

– Джил – мой сын. Он унаследует трон Таллинора.

Глава 10

Новая встреча в заведении

Когда Тор прибыл в Карадун, там уже не было ни Гота, ни Ксантии, ни Януса Квиста. Тор остановился на захудалом постоялом дворе. В комнатухе, которую ему отвели, не было ничего, кроме грязи и старой кровати, которою даже не перестелили после того, как прошлый постоялец уехал. Однако здесь можно было жить, не подвергаясь опасности быть узнанным, что и требовалось. Прежде, чем войти в город, Тор изменил свою внешность с помощью волшебства, но вскоре стало очевидно, что в этом нет нужды. Гот исчез. Во всяком случае никто не знал, куда он подевался, а если кто-то и знал, то не спешил делиться своим знанием с незнакомцем.

Ну что ж... Разыскать Гота – не самое важное, это дело терпит. Тор надеялся, что Саксен поспешил вернуться в Тал и позаботится о безопасности Элиссы. На клука можно было положиться. Что же касается его самого... Ему предстоит искать Клута. И для начала выследить этого Януса Квиста, причем действовать очень осторожно, даже задавая вопросы. Подозрительность у местных жителей в крови, они мало кому доверяют... тем более южанам. И тем более гостям из столицы.

Обычно узнать такие вещи легче всего – а может быть, и быстрее всего – в порту. Однако Тор понял, что в заведениях с красивыми девушками у него куда больше шансов. Звонкая монета, пара бокалов, несколько нежных слов на ушко... кто знает, что за дверцы можно открыть этими ключиками?

Квиста не назовешь красавцем, но этот человек знает себе цену, и в благородстве ему не откажешь. Достаточно вспомнить, что он не стал прятать лицо – главарь морских разбойников играл честно. К тому же он оставил Саксена в живых. В этом человеке есть что-то располагающее. А кроме того, у него есть сила и власть, а где сила и власть, там и женщины. Нетрудно догадаться, где он проводит время, вернувшись на берег с добычей.

Вскоре Тор уже стоял неподалеку от одного портового заведения, наблюдал, как входят и выходят посетители, и размышлял. Янус Квист торгует не только ловчими птицами. Помнится, он говорил, куда отвезет Клута, и это многое объясняет. Клут рассказывал, какие товары появляются в Карадуне. Например, рабы. Живой товар – дорогой товар; не

исключено, что Янус Квист занимается этим прибыльным делом. И не безуспешно: его отличает самоуверенность преуспевающего человека. Вот еще один повод соблюдать осторожность.

Интересно, кого здесь ждет самый теплый прием, думал Тор, подходя к дверям. Наверно, главное – это уверенность в себе. Стоит показать слабость, и этим тут же воспользуются. Тор знал, что нравится женщинам – да и не только им. Он высок ростом, широкоплеч, и люди, увидев его, оборачиваются... но этого мало. Красавец может пробудить любопытство, но сейчас нужно нечто большее. Юноша поймал себя на том, что в раздумье стоит на крыльце, когда вспомнил слова Ярго.

«Ты самый загадочный человек из всех, кого я знала».

Вот оно. Тайна. Если у мужчины есть тайна, он неотразим. Ничто так не будоражит воображение женщины. Кстати, кто ему об этом сказал? Самый загадочный человек, которого он знал – прайм-офицер Кайрус. Женщины постоянно увивались за ним, но почти ничего они о нем не знали.

– Женщины очень любопытны, – говорил Кайрус. Чем больше ты скрываешь, тем больше они стремятся выведать твои секреты. Сохрани свои тайны – и сможешь удержать женщину.

Тор улыбнулся, вспоминая мудрый совет прайм-офицера, потом толкнул дверь и вошел в удивительно чистую прихожую. И это в городе, куда стекаются негодяи и мерзавцы со всего королевства, в последнем оплоте человечества на границе королевства, за которой только скалистые пустоши! Чистота и роскошь, которые здесь царили, сделали бы честь даже столице. В зале играли трое музыкантов – надо сказать, играли превосходно. У стойки бара негромко беседовали мужчины, девушки обслуживали посетителей. Похоже, здесь умели вести дела. Тор вспомнил заведение Мисс Вайлет лучшее из всех, где он когда-либо побывал.

Девушка за стойкой встретила Тора чуть более прохладно чем ожидалось. Он заказал «Сорвино». Эта густая желтая настойка стоила довольно дорого, но пилаась легко, а для того чтобы согреться прохладным вечером, мир так и не придумал ничего лучшего. Тор нечасто пил крепкие напитки – после переезда в столицу он предпочитал вина, особенно южные сорта. «Сорвино» он выбрал не только потому, что хотел себя побаловать: во-первых, ее делают на севере, а во-вторых, беднякам такая выпивка не по карману.

В зале работали только девушки, даже за стойкой, и от этого даже воздух казался свежим. После третьей рюмки «Сорвино» Тор почувствовал, что взгляды, устремленные на него, становятся теплее, а красотка за стойкой, принимая у него деньги, даже подмигнула.

– Что привело в наши края такого прекрасного странника? – осведомилась она.

– О... – протянул Тор. – Наверно, жажда странствий.

– Путешественники редко появляются в Карадуне, – девушка по-прежнему улыбалась, но это было явное предупреждение.

– Мне здесь нравится. Здесь я чувствую... – он отвел взгляд, словно никак не мог подобрать подходящее выражение, – ...неузнаваемым.

– Правда? – девушка вскинула брови. Она явно забавлялась. – Тогда лучшего места тебе и в самом деле не найти.

– Я тоже так думаю, – откликнулся Тор и привалился спиной к стене – так ему было лучше видно, что происходит вокруг.

– А как тебя зовут? Знаешь, у нас тут безымянные гости не в чести.

– Петерсин, – Тор назвал первое имя, которое пришло в голову, и поднял стакан. – За то, чтобы нас пореже узнавали.

Девушка понимающе улыбнулась и направилась к другому посетителю.

В зале былолюдно. Украдкой разглядывая гостей, Тор отметил, что сюда не пускают кого попало. Во всяком случае, для морских разбойников, воров, убийц и работоторговцев эти господа были слишком хорошо одеты. Похоже, у владельца этого заведения железная хватка... а может быть, и железные кулаки. А какие у девушек наряды... Ничуть не хуже,

чем в заведении мисс Вайлет.

Некое очаровательное создание подошло к стойке и принялось расставлять бокалы, чуть наклоняясь вперед. Каждое движение девушки было продумано: она как бы невзначай касалась то одного, то другого посетителя – именно в тот миг, когда гость, подняв глаза, мог заглянуть в вырез ее платья. Тор чуть заметно улыбнулся. Старая уловка... но действует она, надо признать, безотказно.

– Добрый вечер, сударь, – чуть церемонно произнесла девушка. – Простите, что пришлось вас потревожить.

– Вам незачем просить прощения. Это было восхитительно.

– Чем могу служить?

– Сделай одолжение, принеси мне поесть... Что у вас тут самое вкусное?

– У нас все блюда хороши, господин...

– Петерсин, – подсказал Тор.

– Рыба, жареное мясо, рагу из зайца?

– Пожалуй, принесите рыбу, Э-э-э...

– Меня зовут Силия. Если пожелаете чего-нибудь еще, почтенный, вам стоит только позвать меня. Уверяю, я доставлю вам гораздо больше удовольствия, чем рыба, – и она исчезла за какой-то дверью – скорее всего, там находилась кухня.

Тор перевел дух. Очаровательна и умна, умна и очаровательна. Девушка за стойкой снова подошла к нему и предложила еще один «Сорвино».

– Можно полюбопытствовать, кому принадлежит это заведение?

– Госпоже Эйрине, сударь, – девушка украдкой указала глазами в сторону узкой лесенки, которая вела на площадку. Несомненно, оттуда зал был виден, как на ладони.

Проследив за взглядом девушки, Тор заметил женщину в платье цвета морской волны, великолепно сложенную и очень красивую, которая опытным взглядом обзревала свои владения. В ней было что-то от Мисс Вайлет. Нет, не в наружности, а в манере держаться.

Рядом с бледной кожей ее рыжие волосы казались ослепительной вспышкой, а глубокий цвет платья еще ярче оттенял их. Да, красива... и молода. Даже издали было заметно, что старость придет к этой женщине очень и очень нескоро. Как и полагается владелице заведения, дама была накрашена – возможно, именно для того, чтобы казаться старше. Но никакая пудра, никакие румяна не могли скрыть красоту, данную ей от рождения.

Словно почувствовав на себе взгляд, хозяйка повернулась и посмотрела Тору прямо в глаза. Потом поманила одну из девушек. Та взбежала к ней по лестнице, женщины обменялись парой тихих фраз, девушка быстро взглянула на Тора и кивнула. Госпожа Эйрина повернулась еще немного и чуть склонила голову. Теперь можно было не сомневаться, что она приветствует Тора. Молодому человеку ничего не оставалось, как поднять бокал, отвечая на приветствие.

С этой женщиной стоит поговорить. Но как?

Девушка, с которой разговаривала хозяйка, появилась как раз в тот миг, когда Тору принесли рыбу.

– Простите за беспокойство, сударь, – негромко произнесла она, – но госпожа Эйрина хочет видеть вас этим вечером.

– Отлично! – Тор с трудом верил своей удаче. – Благодарю за приглашение. Но сначала мне хотелось бы поесть.

– Но, сударь... мы можем подать вам рыбу и после того, как вы переговорите с госпожой.

– Как тебя зовут? – спросил Тор, посмотрев ей в глаза.

– Эйме, сэр. Я к вашим услугам.

– Так вот, Эйме, сейчас я голоден. Как говорится, когда я ем, я глух и нем. Если Госпожа Эйрина желает со мной встретиться, я с удовольствием навещу ее после ужина. А теперь прости.

И Тор принялся за еду.

Кайрус учил его не зря. Возможно, после такого ответа хозяйка разгневется. Но любопытство, которое он вызовет, будет еще сильнее.

Девушка растерялась, смущенно извинилась и исчезла. Тору стало ее жаль. Будем надеяться, что хозяйка не станет срывать на ней досаду. Если он сумеет узнать то, что хочет, то непременно купит у этой Эйме сегодняшнюю ночь. По крайней мере, она сможет выспаться в уютной постели.

Когда Тор снова посмотрел на площадку, величественной хозяйки там уже не было. Что ж, возможно, он не упустил свою удачу.

Как и обещала Силия, рыба была выше всяких похвал. Покончив с ужином, Тор заказал кружку эля и стал ждать госпожу Эйрину. Время от времени к нему подходили девушки. Вечер перешел в ночь. Тор выслушивал соблазнительные предложения, стараясь смягчить отказ вежливостью и вином. Однако попытки что-нибудь разузнать о Янусе Квисте так ни к чему и не привели. Одна из девушек даже заподозрила неладное и удалилась, оставив на столе недопитый бокал. Да, как все скверно... Тор уже начал корить себя, когда появилась Эйме.

– Госпожа Эйрина спрашивает, готовы ли вы подняться и выпить с ней бокал вина, почтенный Петерсин.

– Вот уже несколько часов как готов, Эйме. Благодарю тебя. Как насчет повеселиться чуть попозже?

В ответ она только улыбнулась и жестом пригласила Тора следовать за ней.

В комнате, куда отвела его Эйме, было уютно: камин, где весело горел огонь, пухлые кресла, пуфики и диваны, на которые так и хотелось присесть. Две шпалеры на стенах привели Тора в восторг. Судя по богатству красок и тонкости работы, это было творение лучших мастеров Илдагарта. Нет, это не салон владелицы заведения в грязном городишке на границе Королевства. Здесь обитает женщина с великолепным вкусом, которая не один год прожила в столице. Хорошо бы разузнать побольше об этой госпоже Эйрине... Устроившись в кресле, Тор потянулся к изящному графину, который стоял на соседнем столике, и плеснул себе в бокал немного вина.

Он даже не заметил, как хозяйка вышла из потайной дверцы и появилась у него за спиной.

– Тебе хватило наглости заставить меня ждать, Торкин Гинт!

Тор вскочил, едва не опрокинув на себя бокал, обернулся... и застыл, хлопая глазами. Краски были смыты, тяжелый бархат сменила мягкая полупрозрачная кисея, а вместе с платьем исчезли и огненные локоны. Волосы, которые рассыпались по бледным плечам хозяйки, были прямыми, густыми и черными, как вороново крыло.

– Ну, скажи что-нибудь, – ее разбирал смех.

– Эйрин!

– Она самая!

– Твои... волосы...

Он чувствовал себя полным идиотом.

– Это парик. У меня их полным-полно, – Эйрин, Королева Вина из Хаттена, рассмеялась мягким, грудным смехом, пересекла комнату и взяла его за руки. – Не желаешь поцеловать старого друга?

Тор смотрел на нее и не мог оторваться. Да, это была Эйрин. Она стала чуть старше... но это все та же прелестная девушка, похожая на игристое вино. Девушка, в которую он бы непременно влюбился... если бы не Элисса.

Через миг они оба уже смеялись.

– Во имя Света, что ты делаешь в этом городе?

– Я – владелица этого заведения, Тор, – Эйрин потянулась к графину. Она казалась немного уязвленной. – Тебе следовало бы мной гордиться.

– Подожди, подожди! – он перехватил ее руку. – Я так горд, что просто слов нет. То есть... когда ты рядом, у меня захватывает дух...

Эйрин тепло улыбнулась и снова рассмеялась. Такой знакомый смех... Тор наклонился и поцеловал ее в щеку. Они посмотрели друг на друга и снова поцеловались, на этот раз по-настоящему.

– Ох, Тор... Я всегда надеялась, что снова попробую, каковы твои губы на вкус.

Крепко обняв Эйрин, Тор потянул ее к диванчику.

– Я хочу все знать, – объявил он. – Садись и рассказывай про свою жизнь.

– Непременно, – в ее голосе послышалось сомнение, – но сначала мне надо кое-что уточнить.

– Спрашивай.

Он только что встретил старого друга. Он был счастлив и сиял.

– Зачем ты здесь? И почему расспрашиваешь девушек про Януса Квиста?

Тор почувствовал, как улыбка исчезает у него с лица. Да, вести не лежат на месте.

– Потому что мне нужно с ним встретиться.

– А откуда ты вообще про него знаешь? – спросила Эйрин, опускаясь в кресло напротив.

Вот влип... Рассказывать все как есть – нельзя. Кто поверит, что он прилетал сюда в виде сокола, да еще делил это тело с его законным владельцем?

– От одного своего друга. Ему как-то раз довелось встретиться с Квистом.

– Понятно. И как зовут друга?

– Саксен. Саксен Фокс.

– Я его не знаю, Тор.

– Ты и не можешь его знать, Эйрин. Он клук. А откуда ты знаешь Квиста?

– Я знаю постоянных клиентов. К тому же он из местных.

– Ты веришь ему больше, чем мне?

– Я этого не говорила, – отозвалась Эйрин, медленно потягивая вино. – Я сказала, что знаю Януса Квиста. Он не любит чужаков... Особенно тех, кто сует нос в его дела.

Тор пристально посмотрел ей в глаза. Она слишком старательно выбирает слова. С чего бы это?

– Ладно, Эйрин. Допустим, он украл одну вещь, которая принадлежит мне. Это меняет дело?

Эйрин рассмеялась.

– Ослепи тебя Свет, Тор, он же этим живет! Он морской разбойник. Морские разбойники грабят, а награбленное продают.

Дело принимало серьезный оборот.

– Может быть. Но эта вещь мне очень дорога. И я хочу ее вернуть.

– Если ты никогда не видел Квиста, откуда ты знаешь, что именно он украл твое сокровище? – спросила она, покачивая бокалом и глядя куда-то в сторону.

– Одно время эта вещь хранилась у Саксена. Янус оглушил его и ограбил. А то, что он украл, принадлежало мне.

Внезапно Тор понял, что Эйрин чувствует себя очень неловко. Даже сейчас эта молодая женщина была великолепна, но... Он видел, как она подносит бокал к губам, но так и не сделала ни глотка.

– Может быть, я могу предложить тебе что-нибудь взамен? Это тебя утешит?

– Эта вещь незаменима, – глухо отозвался Тор и поставил свой бокал на стол.

– Но Янус ее уже продал, – она подалась вперед, и теперь он чувствовал ее дыхание. – Дольше одного дня он у себя добычу не держит.

– Потому я и хочу как можно скорее с ним встретиться... Эйрин, а тебе-то что за дело до этого человека? Откуда ты о нем столько знаешь?

В комнате стало тихо, потом молчание стало неловким. Эйрин подняла глаза и спокойно встретила взгляд своего гостя.

– Он мой муж.

Этого Тор не ожидал. Однако прежде, чем он успел хоть что-то сказать, Эйрин подняла

руку, словно хотела коснуться ладонью его губ.

– Подожди. Я расскажу тебе, как жила после того, как ты уехал из Хаттена, и ты все поймешь.

Она снова наполнила его бокал – вино было превосходным, южных сортов, – и еще раз повторила свою просьбу: ничего не говорить, успокоиться и просто слушать. И первое, о чем он узнал – это о том, как она злилась и горевала после его отъезда. Потому что он не попрощался и не сказал, куда уехал.

– Эйрин... – Тор уже знал, что возражения бесполезны, но все же попытался оправдаться. – Ты же сама запретила себя любить... Ты же сама говорила, что мы будем только друзьями. Помнишь?

– Да.

В ее словах слышались печаль и сожаление – или это ему только показалось.

После его отъезда Эйрин почувствовала, что ее жизнь опустела. Тем не менее она осталась у Мисс Вайлет. Но тут ее жизнь изменилась к худшему. Мисс внезапно скончалась, и заведение выкупила богатая пара. Муж распоряжался кухней, баром и делал это из рук вон плохо. Его жена занималась Девушками и делала это отвратительно. Девушки ненавидели новую хозяйку, а клиентов становилось все меньше и меньше.

Тора охватила печаль. Мисс была не просто чудесной женщиной – она была Чувствующей.

– А как твои братья, Эйрин?

– А, вот тут-то и начинается самое главное. Думаю, ты догадываешься, что Петису очень не повезло в жизни. Представь себе: у тебя есть сестра, она старшая, поэтому ее слово решает все. И ты начинаешь с ней спорить. Просто потому, что ты мужчина. Откровенно говоря, мужского в нем было мало. Он был для меня как младшая сестренка. Думаю, он догадывался, и это только портило дело.

Тор кивнул.

Эйрин рассказала, что один матрос жестоко избил Петиса, потом бросил юношу прямо на улице, а сам сел на свой корабль – и поминай как звали.

– Хуже всего то, что он сотворил с его лицом, – с болью добавила Эйрин. – Никогда не забуду, как его звали. Норд Джеспер. Когда-нибудь найду его и убью.

Петис так и не смог оправиться от этой потери и сбежал из Хаттена.

– Он всегда чувствовал себя несчастным и незащищенным – да так оно и было. Наверно, это моя вина. Пока была жива мама, все звали его «солнечным зайчиком»... – Эйрин передернула плечами. – В общем, я отправилась его искать. Наше заведение стало просто омерзительным, меня от него тошнило, а своих братишек я любила и люблю. Кроме них, у меня никого не было. Поэтому я решила найти Петиса. Я думала, что мы поселимся где-нибудь и начнем жить по-новому. Знаешь, я даже собиралась отправиться в Тал и отыскать тебя. Говорят, ты пользовался большим успехом при дворе.

Они улыбнулись – почти одновременно и оба с сожалением.

– Мне понадобилось три месяца, прежде чем я нашла Петиса в Карадуне. И опоздала на несколько часов. Он уже умер.

Эйрин замолчала. Тор привлек ее к себе, она прижалась к его груди и стала совсем маленькой.

– Его погубила стракка, – девушка смахнула слезы. – Он никогда не умел сказать «нет», а эта стерва Ксантия убеждала его курить все больше и больше.

– Ксантия? Такая черноволосая? Очень хороша собой?

– Ну, насчет «хороша собой»... я бы не сказала, Тор. А ты откуда ее знаешь?

– Мы встречались в Илдагарте. Она мне задолжала.

– Думаю, не тебе одному, – в голосе Эйрин звучала горечь.

– Расскажи, что было дальше, – попросил Тор, напомнив себе поговорить с Эйрин о Ксантии.

– У меня просто руки опустились. Петис умер, тело только-только остыло. Денег нет,

жить негде, одного брата надо хоронить, другого кормить... Я научилась только одному ремеслу. Так мы с Янусом и познакомились. Он был моим первым клиентом. Знаешь, поначалу я просто не могла к нему прикоснуться. От одного вида его физиономии с дырой вместо глаза меня мучило. И он это понял. И вместо того, чтобы швырнуть меня на кровать и сделать все, что полагается, он со мной разговаривал. Он нанял меня на час, и весь этот час мы проговорили. Мне кажется, ты единственный мужчина, который может прийти в заведение, нанять девушку и просто с ней разговаривать... – она подумала о чем-то своем и улыбнулась. – На другой вечер он пришел снова, и снова на час, и мы снова разговаривали. И так четыре ночи подряд. Правда, я говорила за двоих. А он просто слушал. Думаю, сначала ему стало меня жаль, а потом он меня полюбил.

– А ты? – спросил Тор.

– Так, как тебя – нет.

Она заметила, как он удивлен.

– Да, я нарушила собственное обещание. С ним у меня никогда не было такого, как с тобой. Но я полюбила Януса за сострадание, а теперь люблю за его доброту и за все хорошее, что он для меня сделал. Люблю его всем сердцем. Если бы ты знал его так, как его знаю я, ты бы понял: это настоящий человек. Да, он грабитель, и это у него хорошо получается. Но ты знаешь, что добрую половину своих денег он тратит, помогая людям? К западу от города живет крестьянская семья. У них сгорел весь урожай, пала скотина, потом умер отец семейства, и вдова осталась с шестью детьми на Руках. Янус заботится о том, чтобы они ни в чем не нуждались. И это только один пример. Я могу предоставить тебе целый список тех, кто жив только благодаря его участию. В том числе все, кто здесь находится.

Тор пробежал пальцами по ее волосам.

– А как ты относишь к тому, что он торгует рабами?

Странно, что от ее взгляда на нем не загорелась одежда.

– Янус Квист – единственный из морских разбойников, который никогда до такого не опускался. Он – единственный, кому хватает совести не торговать людьми.

Вот те раз...

– У меня нет слов, – честно признался Тор.

Эйрин махнула рукой.

– О, с тобой это случается. Понимаю: Янус у тебя что-то украл, и ты хочешь это вернуть... Но знаешь, мне пришлось бы очень несладко, если бы не он.

– Значит, теперь это твое собственное заведение?

– Да. Янус выкупил его и подарил мне, – она рассмеялась. – Видел бы ты, какие лица были у девушек, когда они увидели новую хозяйку! Но я многому научилась у Мисс... и прежде всего – заботиться о людях, от которых зависит твой доход. Все мои девочки прекрасно питаются, хорошо одеты, им ничто не угрожает. У многих есть семьи, и я слежу, чтобы они бывали дома. Я хорошо им плачу, а они делают все, чтобы мое заведение процветало. Знаешь, Тор, мне на самом деле нравится такая жизнь.

– А ты все еще...

– Что? – Ну...

– «Сплю с мужчинами за деньги» – ты это хочешь сказать?

Тор покраснел и кивнул.

– Бывает. Если клиент хорош собой... – она улыбнулась. – Но такое случается очень редко.

Тор прочистил горло.

– А Квист? Он не против?

– Да что ты. Я же говорила тебе: Янус – удивительный человек. Он женился на мне, чтобы я стала законной жительницей города. Его имя – лучшая защита. Люди уважают его и... немного побаиваются. Когда он дома – надо сказать, такое случается нечасто – я его жена, а он мой муж. Но моя жизнь – это моя жизнь. Он не лезет в мои дела. Все, что я заработала, – мое.

Тор покачал головой.

– А как маленький плутишка Локки?

– Просто чудесно, Тор. Ему тринадцать – можно сказать, почти взрослый мужчина. Он живет здесь. Девочки его обожают, как ты можешь догадаться, а он над ними постоянно подшучивает. Я зарабатываю достаточно, чтобы нанимать для него учителей... кстати, все наши девочки научились читать и писать. Думаю, это очень важно. Никогда не забуду, как капитан Марголин научил меня грамоте... – Эйрин вздохнула. – В общем, Локки счастлив и собирается служить в «Щите», когда подрастет. Иногда мне кажется, что он слишком хорошо соображает, и это не всегда идет ему на пользу.

– Он и в восемь неплохо соображал! Оба рассмеялись.

– Так что ты собираешься делать, Тор? Я имею в виду... насчет Януса...

Тор передернул плечами – в точности как она.

– Я собираюсь его найти. Может, поможешь?

– А что это за сокровище, которое он у тебя украл?

– Он украл мою птицу.

Эйрин недоверчиво посмотрела на него.

– Мы с этим соколом очень многое пережили вместе, – объяснил Тор. – Янус украл его у моего друга Саксена, и сказал, что продаст его на Чужестранных островах, где такие птицы в цене.

– Верно. Там на соколов большой спрос. Может быть, я найду тебе другого, а ты его обучишь?

– Нет. Мне нужен Клут. Прости, Эйрин, но это мой друг. Клянусь, я не причиню твоему мужу никакого вреда, когда найду его.

– Не причинишь ему вреда? – Эйрин запрокинула голову и расхохоталась. – Лучше позаботься о себе, Тор. Тебе с ним не справиться – да и не только тебе. Он один стоит десятерых. Ну, может, не десятерых, но... Я сама видела, как он голыми руками разделался с шестью головорезами.

– Никаких драк не будет, – спокойно произнес Тор. – Повторяю: я не желаю ему зла. Я просто хочу вернуть то, что принадлежит мне.

– А если у него уже нет твоей бесценной птицы?

– Значит, Янус поможет мне ее найти.

– Знаешь, Тор, в твоей наглой самонадеянности есть что-то очаровательное. Ты очень изменился. Ты уже не тот застенчивый мальчик, которого я когда-то посвятила в мужчины.

Тор улыбнулся.

– Мне пришлось измениться, Эйрин. А вот ты все та же. Все такая же красивая и все так же режешь правду в глаза.

Лесть пришлась ко двору.

– Так ты мне поможешь?

– Как? – она недоуменно посмотрела на него.

– Скажи мне, куда мог отправиться Янус, и помоги сесте на корабль, который плывет туда же.

Эйрин задумалась. Медленно потягивая вино, она смотрела на огонь. Тор не торопил ее. Сейчас ей надо решить, как не предать мужа, но помочь любовнику.

– Он собирался на Ворронин, – произнесла она наконец. – Это один из Чужестранных островов. А оттуда отправится в Кипрес.

– Давно он отплыл?

– Три дня назад.

– И как долго туда добираться?

– Если на быстром корабле при попутном ветре, то к Восьмерику успеете.

Тор кивнул.

– А у тебя не найдется знакомого, у которого есть быстрый корабль и который сейчас стоит в порту? – с надеждой спросил Тор.

– Есть. Черная Рука, например. Мерзкий человек. Настолько мерзкий, что и представить невозможно.

– Я рискну, Эйрин. Как мне попасть на борт?

– С моей помощью. Во-первых, он должен мне денег, во-вторых...

– ... он не захочет ссориться с Янусом Квистом, правильно?

Эйрин рассмеялась.

– Где-то так. Если не ошибаюсь, он отплывает завтра. Я подумаю, что можно сделать...

Кстати, какие у тебя планы на эту ночь? Ты уже снял комнату?

Он заметил подавленный зевот и поцеловал ей руку.

– В «Якоре».

Эйрин поморщилась.

– Да-да, знаю, что ты хочешь сказать, – Тор фыркнул. – Клоповник. Но для моих целей как раз то, что надо. Главное, что есть крыша над головой.

– Почему бы тебе не переселиться сюда?

Тор покачал головой и встал.

– Нет, не стоит слишком часто пользоваться старой дружбой. Спасибо и за то, что сделаешь для меня завтра.

– Считаю это очень настоятельной просьбой, Тор. Я не могу допустить, чтобы этот старый пройдоха, который сейчас владеет «Якорем», драл с тебя деньги. В такую конуру хороший хозяин собаку не поселит. Я не шучу: оставайся здесь. У нас полно комнат.

Она заметила в его взгляде нерешительность.

– Может, тебе кто-то из девушек приглянулся? Мне показалось, ты положил глаз на Эйме. Проведи свою последнюю ночь на твердой земле как следует. Я слышала, ты до сих пор питаешь слабость к женщинам, – она невинно отвела глаза и встала, чтобы помешать угли кочергой.

– Интересно, откуда такие слухи, Эйрин. Кажется, ты давно не бывала в столице?

– О, я пристально следила за твоими успехами. Похоже, Мисс собирала все новости, которые касались тебя, и всегда была рада со мной поделиться. Думаю, у вас есть общий друг.

Тор кивнул и запустил пальцы в свою шевелюру.

– «Был», – поправил он. Эйрин фыркнула.

– Знаешь, эта привычка у тебя сохранилась еще с тех самых пор. Ты причесываешься пятерней, когда смущаешься.

– И часто я это делал, пока мы с тобой болтаем?

– Часто, часто. А что случилось, Тор? Примерно за день до смерти Мисс рассказывала, будто ты отправился в Илдагарт... с каким-то важным поручением короля. Тогда я даже не представляла, где это находится.

– Да, я туда ездил, – Тор вздохнул, вспоминая тот миг, когда снова увидел в Карембоше свою прекрасную Элису. – И долго не возвращался в Тал.

– И... – его задумчивость будила любопытство, однако Эйрин заметила в глазах своего бывшего любовника печаль.

– Это долгая история, Эйрин.

– Может, поведаешь ее мне?

Голос молодой женщины стал мягче: она чувствовала его боль.

– А времени хватит?

– У нас вся ночь впереди. Делать мне все равно нечего... к тому же моя постель – самая мягкая во всем заведении... И обещаю, она не сломается.

Тор растерялся. Он был готов посмеяться над этой шуткой – Эйрин намекала на происшествие, которое имело место во время их первой и последней ночи... но предложение его ошеломило.

– Не уверен, что у меня хватит денег на целую ночь со знаменитой госпожой Эйриной, – он почувствовал, как рука сама тянется к волосам, и одернул себя.

Глаза знаменитой госпожи Эйрины лукаво блеснули.
– О, все за счет заведения, Тор... В память о прошлом.

Они любили друг друга страстно и долго. Это было истинное наслаждение – заново узнавать друг друга с помощью поцелуев и ласк. Наконец, Тор в изнеможении рухнул на огромные пуховые подушки. Уютно угнездившись в объятьях Эйрин, он еще раз с восхищением отметил, какая нежная у нее кожа. Впервые за много лет он прикасался к чему-то столь чудесному. Он уже начинал забывать, как это согревает душу – провести ночь с женщиной, которая тебя по-настоящему любит.

– Ты такая красивая, Эйрин... – прошептал он. – Спасибо.

Она и в самом деле любила его все эти годы. И всегда надеялась, что однажды он вернется в ее жизнь... или хотя бы в ее объятия. И вот он здесь. Он набрался опыта, он знает, как доставить женщине удовольствие – но это все еще тот потерянный мальчик, которого она столько лет назад выбрала Королем Моря. Что с ним случилось, что оставило в его душе такие раны?

Тор ласкал ее грудь. Неожиданно Эйрин поняла, что он разговаривает с ее набухшими сосками, объясняя, как они ему нравятся, и фыркнула.

– Приятно слышать, как ты смеешься, – проговорил он, поднимая глаза.

– Сейчас моя очередь что-нибудь услышать. Я чувствую, тебе есть что рассказать. И если я это не услышу, то сойду с ума, – она запустила пальцы в его густые темные волосы и с силой притянула его к себе, словно желая поцеловать. Тор уныло улыбнулся. Старина Кайрус прав. Он определенно знал женщин.

– Это не слишком веселая история, Эйрин, – предупредил он. – Боюсь, смеяться будет не над чем.

– Все равно. Я хочу услышать твою грустную повесть.

И он рассказал ей все. Когда первые солнечные лучи засияли над горизонтом, они крепко обнимали друг друга, словно боясь выпустить... и вместе плакали.

Глава 11 На борту «Осы»

Эйрин, как всегда, была на высоте. Рассказ Тора привел ее в смятение – что неудивительно, – и она поклялась, что никогда никому не расскажет о том, что услышала. Остыв от новой череды нежных и неторопливых ласк, Эйрин отправилась на поиски капитана «Осы». Каким образом Эйрин договаривалась с Черной Рукой, Тор не знал, но в полдень уже обнимал ее на причале. «Оса» отплывала к берегам Чужестранных островов, и Эйрин договорила, чтобы Тору предоставили каюту на борту – небольшую, но вполне уютную.

– Как мне отблагодарить тебя, Эйрин? – спросил он. Какая чудесная девушка... и как жаль, что с ней приходится так скоро расставаться.

– Просто береги себя. Возвращайся и найди свою Элиссу. Вы должны быть вместе. Вы это заслужили.

Она была печальна, и Тор попытался ее развеселить.

– Ах... Я думал, ты надеешься, что я вернусь целым и невредимым в твои объятия, – он изобразил самую очаровательную улыбку.

– Твое сердце с самого начала принадлежало ей. И... – Эйрин устремила полный скорби взгляд на носки своих туфель, – ... подозреваю, оно всегда будет принадлежать ей одной.

В этот миг к ним подбежал матрос с «Осы» – совсем молодой парнишка, но, судя по его обветренному лицу, уже успевший поплавать по морям.

– Капитану не терпится выйти в море, почтенный. Вам пора подниматься на борт.

И, не дожидаясь ответа, помчался обратно.

– Пожалуйста. Эйрин, – взмолился Тор. – Не грусти. Я не могу оставлять тебя в таком горе.

– Не волнуйся, – она через силу улыбнулась. – Прошлая ночь была бесподобна. Я рада.

– Э-э... ты не станешь рассказывать про нее своему мужу? – он сделал вид, что не на шутку обеспокоен, и Эйрин улыбнулась, на этот раз от души.

– Просто еще один клиент, Тор. Никому и в голову не придет, что это не так. Кстати, я приготовила тебе еще один подарок. Он ждет тебя на борту.

Тор недоуменно посмотрел на нее, но времени на расспросы уже не оставалось. На палубе громко засвистел боцман – это был сигнал к отплытию. Быстро поцеловав Эйрин в губы, Тор пожал ей руку и побежал вверх по сходням.

Черная Рука получил свое странное прозвище благодаря гирлянде высушенных человеческих кистей, которая болталась на главной мачте его корабля. Их было сорок три – такую цену платили капитану мужчины и женщины, когда он считал нанесенное ему оскорбление достаточно тяжким. Капитан с гордостью показал Тору свои трофеи. Он помнил всех своих данников по именам и мог подробно рассказать, за какие преступления несчастный лишился столь ценной части своего тела. Имени самого капитана уже давно никто не помнил. Жуткая кличка должна была напоминать тем, кто плавал с ним под одним флагом – а в первую голову тем, кто с ним не плавал, – что с капитаном следует считаться.

Будучи почти одного роста с Тором и в два раза шире в плечах, он производил неизгладимое впечатление благодаря громкому голосу и желтым зубам, которые непонятно как держались в кровоточащих деснах. К этому следовало добавить запах изо рта – даже матросы, разговаривая со своим капитаном, старались держаться от него с подветренной стороны. Черная Рука знал об этом и не упускал случая доставить провинившемуся несколько неприятных минут. К его немалому удивлению «гость» – так капитан именовал Тора – стоял от него на расстоянии шага и даже не морщился. Тор не стал объяснять, что для этого пришлось прибегнуть к волшебству.

Он едва успел войти в каюту, когда в дверь заглянул парнишка, который оповестил его об отплытии.

– Капитан надеется, что сегодня вы с ним поужинаете, почтенный, – выпалил он и исчез.

«Какое счастье, не могу дождаться», – подумал Тор, представляя, как капитан сидит напротив и улыбается, позволяя гостю любоваться своими кошмарными зубами.

Он оглядел душную каюту. Интересно, что за подарок приготовила Эйрин. После всего, что она уже для него сделала... Его повесть явно обеспокоила прекрасную хозяйку заведения, и утром они больше молчали, чем разговаривали. Конечно, Эйрин поверила каждому его слову; другое дело, что во время рассказа Тору пришлось соблюдать известную осторожность. Эйрин лучше не знать, что он Чувствующий; в итоге все, что касалось волшебства, пришлось опустить. Про казнь девушке тоже ничего не было известно: Мисс Вайлет – единственная, кто снабжал ее новостями из столицы, – к тому времени уже умерла. К счастью для Тора, весть о казни знаменитого лекаря так и не достигла севера Королевства.

Для Эйрин это была печальная история о прекрасном юноше и его возлюбленной, потерянной, вновь обретенной... и под конец жестоко вырванной из его объятий. Такое не могло не тронуть ее пылкую душу, и слова Тора пьянили ее, как сладкое вино. Конечно, выдавать полуправду за правду было неприятно... но иногда для пользы дела лучше о чем-то промолчать.

Он уже понял, что Эйрин живет точно в коконе. Морские разбойники возвращались домой не с добычей, а с деньгами – все сделки заключались прямо в море. Деньги оседали в лавочках, под прилавками трактиров и постоянных домов. Окруженный плодородными пашнями, Карадун обеспечивал себя всем необходимым и не нуждался в товарах из других областей Королевства. Любопытно, очень любопытно. Правда, как сказала Эйрин, не чеши, если не чешется. Тор не сразу понял, к чему она это говорит, но потом сообразил. Талу,

похоже, куда удобнее наблюдать за разбойничьим городком со стороны. Карадун оказался чем-то вроде крошечного государства в государстве. Его жители на юг не стремились и насаждать там свои порядки не собирались... И в самом деле, зачем чесать то, что не чешется, тем более что тянуться придется очень далеко?

– А рабы? – спросил Тор. – Откуда их берут?

Эйрин пожала плечами.

– Не отсюда и вряд ли из Таллинора. Чаще всего их вывозят с островков на юго-западе. Насколько я знаю, с одного островка на другой можно добраться на плоскодонке. Янус говорил, что тамошние обитатели так и делают – они не любят сидеть на месте. Эти люди не славятся ни смелостью, ни жестокостью, поэтому их ловят без особого труда.

Размышления Тора прервал стук в дверь.

– Входите! – крикнул он и повернулся к двери, Парень, который появился в каюте, был длинноногим и худощавым, но не слишком рослым. По всей видимости, он недавно встретил свое тринадцатое лето, а густые черные волосы язык не поворачивался назвать иначе, как копной.

– Узнаешь? – улыбка у него была от уха до уха.

Тор смутился.

– Не узнаю, – ответил он, когда обрел дар речи. Изумрудные глаза заискрились лукавством.

– Пожар на корабле... заведение в порту... три дыюка и...

– Локки! – воскликнул Тор. – Ослепи тебя Свет, дружище, как ты изменился!

– Хорош, верно?

Кое в чем младший братишка Эйрин совершенно не изменился.

– И чудо как скромненький, – добавил Тор, пожимая мальчику руку. – Рад тебя видеть, Локки. Эйрин столько о тебе рассказывала...

Локки радостно осклабился.

– Странно, как она время нашла, – заметил он, вскинув брови.

Тор забыл, что еще восьми лет от роду Локки называл вещи своими именами. В тринадцать он по-прежнему не лез за словом в карман, и его острый язык рос вместе с ним. Однако у Тора было немного больше опыта.

– Говорить такие вещи о сестре – подло, низко и недостойно. Имей в виду: чем бы она ни зарабатывала, на эти деньги ты учишься и получаешь шанс хоть чего-то добиться в этой жизни.

Локки Гилбит нечасто терял дар речи. Но сейчас это произошло. Однако Тор еще не закончил. Он сам не ожидал, что так разойдется.

– Я не говорю о том, что это удивительная женщина. Ума и вкуса у нее больше, чем у всех девушек из заведений Таллинора, вместе взятых. Так что будь добр, относись к ней с уважением, Локки. Она это заслужила.

Он уже заметил, что задел мальчишку за живое. Парень просто хотел блеснуть остроумием. Сложность состояла в том, что у Тора не было настроения для шуток. После встречи с Эйрин он словно вспомнил, сколько наслаждения может доставить женщина. Телесные удовольствия – это само собой. Но если не считать тех безмятежных дней, проведенных в Сердце Лесов, когда они с Элиссой только что поженились и полностью растворились друг в друге и любви... было ли в его жизни хоть несколько дней, когда он мог так насладиться дружбой? Не той дружбой, которая связывала его с Клутом – при том, что они делили одно тело. Сжимать в объятиях женщину, слышать ее мысли, любить ее... Казалось, Тору посчастливилось заглянуть в небесный сад, где живут боги.

И после этого ему предстоит несколько дней плыть по морю в обществе капитана Черной Руки и его трофеев, в душной тесной каюте, а куда – одному Свету известно... Злость требовала выхода, и Локки просто оказался под рукой.

– Извини, Тор... я не хотел сказать...

– Я знаю, что не хотел. Все в порядке. Не думай об этом, просто постарайся запомнить:

если решил сказать про кого-то гадость, убедись, что человек того заслуживает.

– Обещаю. И еще раз: прости меня.

Локки тихо закрыл дверь, и Тор тут же пожалел о том, что случилось. Надо будет непременно помириться с Локки. В самом деле, не стоило перегибать палку... Но в голове уже завертелся хоровод мыслей. Что с Клутом? Что почувствует Элисса, узнав, что Гот жив? Куда бежал Инквизитор, где будет скрываться, пока он гоняется за Янусом Квистом? Тор снова и снова задавал себе этот вопрос. А Ксантия? Останется она с Готом или покинет его? Наконец, у Тора разболелась голова, и он решил выйти на палубу.

Там он обнаружил второго помощника капитана, который разговаривал с командой. Паруса «Осы» наполнял свежий ветер, который обычно поднимается после полудня. Это означало, что корабль быстро и легко пройдет по узкому проливу и окажется в открытом море. Привалившись к перилам, Тор вполуха слушал разговор. Через несколько дней «Оса» должна была бросить якорь у берегов одного из островов Трефельского архипелага, где ждал старший помощник с грузом рабов. После этого корабль отплывал в Кипрес – самый большой город на Чужестранных островах.

Меркуд рассказывал своему ученику о Кипресе. Строго говоря, этот богатый город был чем-то вроде маленького королевства, им правила королева Силвен. По слухам, королевы Кипреса держали во дворце невольников мужского пола. «Для особых услуг» – Тор помнил, как старик ехидно усмехнулся при этих словах. Как бы то ни было, Кипрес был сильным государством, которым правила сильная женщина, и заслуживал уважения, хотя с Таллинором почти не торговал.

– Похоже, будет шторм, – послышался голос помощника капитана. – Так что держите ухо востро.

Знакомый паренек – Тор уже знал, что это корабельный юнга Райк, – подошел поближе.

– До весны мы в море уже не выйдем, сударь.

Тор обернулся и пристально посмотрел на юнгу.

– Неужели?

– Капитан согласился поднять якоря, хотя погода не ахти, почтенный. Если надвигается шторм, мы стоим в порту и носа не высовываем.

– Неужели ради рабов он готов бросить вызов небесам Райк?

– О, дело не в рабах, почтенный. Дело в пассажирах. Госпожа Эйрина за вас хорошо заплатила, а еще у нас на борту есть особый гость. Я слышал, как Черная Рука говорил: этот человек отвалил столько денег, что хватило и нам заплатить, и припасов купить, и еще осталось.

Тут мальчик сообразил, что сболтнул лишнего, и его глаза округлились. От него может быть толк, подумал Тор. Главное – не заставлять его считать деньги в капитанском сундуке.

– А этот человек... – он поспешил сменить тему разговора, – его тоже пригласили к ужину?

– Нет, почтенный. Пока мы на море, его велено не беспокоить. Мне поручили ему прислуживать, сударь, – важно добавил юнга. – Вот как.

– Понятно. Важное дело тебе поручили, Райк. Должно быть, это очень важное лицо, раз ему так стараются угодить.

Райк широко улыбнулся.

– О да. Это праведный отшельник. И денег у него много.

– Можешь сказать своему праведнику: если ему наскучит уединение и захочется поговорить о погоде, я к его услугам.

– Непременно передам, почтенный Петерсин, – улыбка юнги стала еще шире. – Как только пойду в его каюту, так и передам.

Эйрин скрыла его настоящее имя. Тору оставалось лишь поблагодарить звезды, которые послали ему такую умную женщину. Бывает, что не только вещи, но и людей не стоит называть своими именами. Потому что у стен бывают уши – в том числе и такие,

которым слышно, о чем ты думаешь. Тор вспомнил, что о таких ушах Меркуд предупреждал его особенно настойчиво. Старик не зря учил своего воспитанника, как прятать свои мысли за воображаемым щитом, чтобы никто не смог их прочесть.

Первые дни плавания не были отмечены ничем особенным. Ветер стих, сменившись легким бризом, и корабль двигался медленно, — куда медленнее, чем хотелось бы Черной Руке. Ужиная в компании капитана, Тор замечал, что настроение портится у него день ото дня. Трудно было представить что-то более скучное, чем эти трапезы. Однако Черная Рука настаивал, чтобы гость сидел с ним за столом и часами слушал рассказы о его самых удачных набегах, когда разбойникам с «Осы» удавалось захватить богатый корабль, а рабы-моруки едва помещались в трюмах.

— Если половина передохнет — плевать, — язык у капитана уже заплетался, но он то и дело прикладывался к бокалу с чем-то крепким. — За тех, кто выживет, в Кипресе хорошо заплатят.

Тора утомляли эти рассказы, равно как и общество разбойника. Он жаждал поскорее шагнуть на берег, поскольку это будет первым шагом к поискам Клута. Другое дело — Райк и Локки: они могли скрасить даже самый унылый путь. Юнга крутился, как белка в колесе — если он не выполнял очередной приказ капитана, то прислуживал таинственному отшельнику, — однако ему то и дело удавалось урвать минутку-другую, чтобы поболтать с «почтенным Петерсином». Тор чувствовал, что Райк в него чуть ли не влюбился: на лице паренька было написано самое настоящее благоговение. Что же касается Локки, то он отрабатывал путешествие на Чужестранные острова, но считался родственником Януса Квиста, а потому тяжелой работы ему не поручали.

— Черная Рука не хочет ссориться с Янусом, — объяснил Локки, — поэтому не поручает мне ничего такого, где я могу проштрафиться.

— Выходит, Янус на всех нагнал страху?

— Янус — самый удачливый капитан во всем Карадуне, поэтому его все уважают. И еще всем известно, что он всегда играет по-честному. Если команда сдается без боя, Квист забирает только половину груза и никого не убивает. Зато ему очень нравится гоняться за чужими кораблями. Это для него самое милое дело. А вот проливать кровь он не любит.

— То есть они просто отдают ему половину — и все?!

— Конечно. Они же знают: если они не будут драться, он никого не тронет. Все честно-благородно, все довольны. И Янусу это выгодно: он не потеряет ни людей ни времени, быстрее продаст добычу и быстрее получит прибыль.

— Разумно, — заметил Тор, на которого рассказ Локки произвел весьма сильное впечатление.

— Ну еще бы. Эйрин говорила тебе, что он не торгует рабами? Вижу, говорила. Зато у него повсюду «уши» — он сам это так называет. И ушки эти всегда на макушке, так что Янус узнает о том, что лежит у корабля в трюме еще до того, как этот корабль вышел в море. Еще никогда не случалось, чтобы Янус вернулся в порт с пустыми руками. Зато он щедро платит своим ребятам и заботится о них. Не то что другие капитаны. Никакого сравнения... — Локки скорчил недовольную гримасу. — Вот тот же Черная Рука. Его слушаются только потому, что боятся, потому что если ему не понравится, как ты на него посмотрел — оглянуться не успеешь, как останешься без руки. Клянусь Светом, вот болван! Он дождется что, кто-нибудь его непременно прикончит. И в команде у него одни болваны, которых на другие корабли не берут. Больше никому не хочется рисковать своей шкурой.

— Вот-вот, — подхватил Тор, словно размышляя вслух. — Матросы работают спустя рукава, толком не обучены. Кормят их чуть ли не отбросами... и кораблю, как я вижу, пора в док.

— Ты совершенно прав. Молись, чтобы мы не попали в шторм. Честно говоря, я сомневаюсь, что «Оса» его выдержит.

— Я слышал, что до весны она в море не выйдет. Значит, всю зиму Черная Рука простоит в порту?

– Если будет что ставить. Матросы поговаривают, что это уже давно пора было сделать, но у нашего капитана главный советчик – жадность. Сначала появился тот отшельник, потом ты – и он уже поднимает паруса. Знаешь, похоже, за этого святошу заплатили целое состояние.

– А кто он такой?

– Понятия не имею. Я его даже одним глазком не видел. Кругом одни секреты. Даже Райк, у которого обычно язык как помело, помалкивает. Похоже, боится.

– Он говорил, что отшельник вроде как изувечен, но и только.

– Я тоже это слышал. Думаю, он от кого-то скрывается, поэтому не хочет показывать свое лицо.

– Гм-м... занятно.

Надо непременно придумать, как встретиться с этим таинственным праведником. Может быть, он и не праведник... но поболтать с ним будет интересно – хотя бы для того, чтобы скоротать время. Пока корабль не причалит, для спасения Клута все равно ничего нельзя сделать, так что лучше отвлечься и не терзать себя.

– А как тебя сюда занесло? – спросил Тор.

– Эйрин тебе не сказала? Тор покачал головой.

– Она решила, что Янус вряд ли тебе поверит. Честно говоря, он вообще никому не доверяет, кроме Эйрин. Что бы ты ему ни говорил, он все равно пошлет тебя куда подальше вместе с твоими объяснениями. А вот если я за тебя поручусь, Янус примет тебя более благосклонно. Так что можешь считать меня своим талисманом, – закончил Локки, к которому снова вернулось его обычное самодовольство.

Да, жаль будет, если кто-нибудь собьет с парнишки эту очаровательную спесь.

– Твоя сестра – воистину мудрая женщина, – заметил Тор. Он не кривил душой: эта хрупкая девушка не переставала его удивлять еще с тех пор, как выбрала его Королем Моря... когда все было куда проще, а впереди была вся жизнь.

– Послушай, мне правда стыдно, что я так отзывался об Эйрин. Я ее люблю. Если бы не она...

Тор сжал плечо мальчика – жест, который был красноречивее всяких слов. Локки должен понять, что говорить об этом больше нет нужды.

На четвертый день путешествия Тору стало уже не до праведника, прячущегося в каюте. Корабль перекашивался через волны, и где-то в животе возникало неприятное шевеление, предвещающее тошноту. Тор решил, что не рожден быть моряком. Но когда с «вороньего гнезда» донесся крик впередсмотрящего, он забыл про морскую болезнь.

– На западе шторм!

Через миг вся команда была на ногах.

Тор посмотрел на низкие темные тучи, которые плыли навстречу кораблю. Похоже, ливень будет сильный. Совсем как в тот вечер, когда Меркуд приехал в Гладкий Луг и постучал в дом его родителей. Тогда небеса были точно такого же цвета. Потом началась гроза, дул ветер и дождь лил как из ведра...

Сколько всего случилось после той ночи, когда Меркуд по прозвищу Облегчающий Страдания предложил Тору стать своим учеником и отправиться за ним в Тал! В тот вечер Тор показал придворному лекарю три шарика, которые кружились и переливались разными цветами. Их можно было крутить в руке, как настоящие, хотя это был всего лишь образ. Помнится, тогда старик побледнел, как полотно. Камни Ордолта – вот как он назвал эти шарики.

Глядя на предгрозовое небо, Тор задумался. Камни – настоящие камни – он отдал Соррели в Сердце Лесов. Решение пришло в порыве отчаяния, когда он прощался со своими чудесными детьми. Он должен был дать им что-то на память, и больше ничего не пришло ему в голову. К тому же ему почему-то показалось, что камни помогут Гидеону, Лаурин и Соррели спастись. Кроме этих трех каменных шариков, ничто не связывало его с прошлым и его тайнами. Может быть, для этого они и нужны – чтобы сохранять связь между детьми и

их родителями?

Позже Тор узнал, что внутреннее чувство не обмануло его. Согласно Писанию Нанака, эти камни на самом деле были волшебными – более того, появились благодаря волшебству.

В миг похищения маленький Орлак держал в руке три цветка. Странное место, где выросли эти цветы, боги никогда не называли Поляной. Для нее у них было другое имя – Ордолът. Проходя по portalу из одного мира в другой, цветы высохли, съежились и превратились в три твердых каменных шарика. Так появились Камни Ордолъта. Вот что за камушки лежали, бережно сохраняемые, у приемных родителей Тора, пока он не достиг тех лет, когда смог принять их.

И все-таки: для чего они нужны? Тор снова задавался этим вопросом. Они дают силу, необходимую для продолжения неких таинственных поисков, – но что это за сила?

Его размышления прервал коренастый матрос.

– Шли бы вы лучше вниз, почтенный. Буря вот-вот грянет, – он указал пальцем на темно-синие тучи, которые теперь едва не задевали верхушки мачт.

Тор кивнул и отправился в трюм, отправив мысли о камнях в самый дальний угол памяти, чтобы поразмышлять об этом в другой раз.

Ночь выдалась беспокойной. «Оса» раскачивалась на волнах, струи дождя хлестали ее. Потом на два дня шторм утих, но матросы предупредили Тора, что насчет погоды обольщаться не стоит. Черная Рука приказал чинить корабельные снасти; впрочем, ни Тор, ни Локки не верили, что от этого будет хоть какой-то толк. Они были согласны друг с другом: если снова начнется шторм, девятый вал может оказаться для «Осы» последним.

– Сколько осталось до Трефельских островов? – спросил Тор, стоя с Райком на палубе.

– Капитан говорит, что мы подзадержались, но через пару дней будем на месте.

– Отлично. Значит, наши планы не слишком изменились.

– Конечно, нет, почтенный, – подхватил Райк. – Вы не представляете, как я рад, что встретил вас. Надеюсь, когда-нибудь снова смогу вам услужить.

Тор ответил юнге улыбкой. Парнишке, судя по всему, было одиннадцать, от силы двенадцать. Он был тощим и издерганным, но стоило ему разговориться – и у него внутри как будто ослабевал туго стянутый узел. После этого на него было приятно посмотреть. Похоже, это капитан превратил мальчишку в запуганное, забитое существо.

– Кем хочешь стать, когда вырастешь, Райк? Моряком?

– Нет, сударь. Я всегда мечтал стать великим поваром.

В горле у Тора уже клокотал смех, но в глазах у мальчика была такая тоска, такое страстное желание, что он не посмел рассмеяться.

– Чудесно, Райк. А почему? Объясни мне.

– Все мужчины в моей семье были поварами, сударь. Говорят, дед моего прадеда, Орт Сэвил, готовил для самого короля – еще до того, как дворец в Тале перестроили.

Тор был потрясен.

– Вот это да. А как вышло, что внук его правнука драит палубу на разбойничьем судне?

Райк вздохнул.

– Черная полоса, почтенный. Оба моих старших брата умерли, потом сестренка, мама... Зеленная лихорадка. Остались мы с отцом и мои сестренки-тройняшки, совсем маленькие... И наш трапезный зал в Илдагарте.

– Так ты из Илдагарта? Я никогда там... вру, был, только один раз. Такой прекрасный город, там даже развалины красивы.

– Истинная правда, почтенный. У моего отца был самый знаменитый трапезный зал в Илдагарте, «Шпалера». Отец нарочно так его назвал, потому что лучше илдагартских шпалер ничего на свете не бывает.

– И что случилось, Райк?

– Я же говорю, почтенный: черная полоса. Старшие умерли, мама умерла, и отцу стало не под силу управляться на кухне. По правде сказать, сударь... думаю, он просто больше не

хотел готовить, – глаза у парнишки затуманились. – Моя мама очень хорошо готовила, и вообще она была славная женщина. Думаю, когда она умерла, это разбило отцу сердце, и он возненавидел и жизнь, и еду.

Тор положил руку ему на плечо.

– И тебе пришлось искать работу?

– Отец запил, почтенный, а кто будет кормить моих сестричек? Я все, что зарабатываю, все им отдаю. Ну, еще тетка помогает, как может, но все равно им едва хватает, моим красавицам. Знаете, сударь, когда-нибудь я стану знаменитым поваром, как мой отец и мой дед. И тогда мои сестренки будут ходить в шелках и танцевать с принцами.

Трудно было в это поверить, глядя на грустного паренька, сидящего на корточках на деревянной палубе.

– А ты умеешь готовить, Райк?

– Конечно, сударь. Только никто из команды про это не знает. Я же во всем помогал отцу на кухне. Знаете, что мама говорила? Что я все схватываю на лету, быстрее остальных. Я уже все рецепты выучил, и все мелочи помню, хотя мне еще совсем мало лет. Я с семи лет кручусь на кухне.

– Можно спросить, сколько тебе лет?

– Двенадцать, почтенный.

– Если я смогу что-нибудь сделать, чтобы твоя мечта сбылась, я непременно это сделаю, Райк.

– Спасибо, сударь, – глаза у мальчика сияли. – Вы так добры... – он услышал окрик второго помощника и вскочил: – Мне нужно идти, сударь. Сегодня на ужин будет заяц. А на первое – гороховый суп.

При слове «заяц» Тор вспомнил трапезы Клута и решил, что от второго, пожалуй, откажется.

– Жаль, что не ты сегодня на кухне, Райк.

Юнга улыбнулся.

– Это уж точно. Терд сыпет в еду все приправы без разбора. Когда-нибудь я вам такой ужин приготовлю, почтенный Петерсин, – пальчики оближешь.

И он помчался прочь, опасаясь, что капитан узнает о его нерасторопности.

Тор покачал головой. Надо и в самом деле подумать, что можно сделать для мальчика. А не замолвить ли за него словечко перед капитаном?

Подходящий момент, похоже, настал во время ужина. Суп и впрямь оказался пересоленным и переперченным. Черная Рука пребывал в отвратительном расположении духа – впрочем, как и Тор, которого тошнило от качки, а во рту горело от жгучих пряностей.

– Не больно радуйтесь затишью, почтенный лекарь, – проговорил капитан. – Заметили, как ветер упал?

Тор кивнул. Если не разжимать губ, есть надежда, что мерзкая жижа, названная по ошибке гороховым супом, мирно достигнет желудка. Что касается капитана, то он то и дело проливал суп себе на подбородок, а потом слизывал его языком. Десны у него кровоточили, и от вида алых капель вперемешку с зеленовато-желтыми кляксами мороз продирает по коже.

– Это знак, – сказал капитан.

– Вы хотите сказать, что это затишье перед бурей? – Тор все-таки заставил себя проглотить еще пол-ложки супа, поскольку в этот миг не смотрел на капитана.

– Вот-вот. Будет шторм. Скажу вам откровенно, почтенный, у меня на душе кошки скребут. Но я попробую выкрутиться. Если получится, мы доберемся до островов, а там нам уже никакие демоны не страшны.

– Я тоже на это надеюсь, – вежливо ответил Тор.

– Юнга! – рывкнул капитан.

Райк словно возник из воздуха.

– Еще супа! – капитан рыгнул прямо в лицо парнишке. – И живо, а то задницу надеру! Вот он, случай. Пожалуй, не стоит его упускать.

– А вы знаете, капитан, – как бы невзначай заметил Тор, растягивая губы в добродушной улыбке, – что юный Райк – сын известного повара?

– И что? – Черная Рука подозрительно посмотрел на своего гостя.

– Думается, от него будет куда больше пользы на кубрике. Ходят слухи, что парень прекрасно готовит.

– Что, в самом деле? – капитан повернулся так, что его нос, похожий на картофелину, указывал точно на Райка, который приближался к столу с супницей в руках. Похоже, пареньку стало не по себе.

– Да, капитан?

– Ты в самом деле умеешь готовить, юнга?

Райк нервно взглянул на Тора.

– Да... умею. Умею, сударь... капитан...

Черная Рука ухмыльнулся.

– Такой косорукий оболтус, как ты, умеет готовить? Вот что я тебе скажу: даже не пытайся подмазываться к моим гостям, парень. С этого дня будешь сидеть на кубрике, мыть посуду, и чтоб носу оттуда не высовывал, пока я сам тебе не скажу. Ясно?

– Ясно, капитан, – дрожащим голосом откликнулся мальчик.

Тор был готов провалиться сквозь землю. Он не думал, что все так обернется. Он хотел помочь Райку, а теперь мальчишке на этой посудине житья не будет.

– ... И налей мне еще супа, щенок безмозглый!

Наверно, Райк просто не выдержал. Страх, качка... Корабль резко накренился, переваливаясь через гребень волны, и все содержимое супницы выплеснулось на колени капитану. Черная Рука истошно завопил. Райк стрелой вылетел из каюты, и Тору, который судорожно вцепился в столешницу – стол был крепко привинчен к полу, оставалось только гадать, как мальчишке удалось при этом не споткнуться. К счастью, жидкость уже успела немного остыть. Однако можно было не сомневаться: капитан и не думал притворяться. Не будь Тор обеспокоен участием Райка, он наслаждался бы этим зрелищем. Не иначе как в дело вмешались боги... Пошатываясь, он подошел к капитану, чтобы оказать ему помощь, но думал он совсем о другом: как не допустить, чтобы мальчика выпороли. Как выяснилось позже, порка Райку не грозила.

Снова начался шторм, и наутро Тору не хотелось вставать с койки. А вот чего ему хотелось – так это проснуться где-нибудь на берегу и понять, что все это плавание было просто дурным сном. Ему даже удалось задремать, но настойчивый стук в дверь прервал его сон. Локки. Точно, Локки: Тор узнал голос, который звал его. Похоже, парень не на шутку встревожен. Тор скатился с койки и впустил мальчика, мимоходом порадовавшись, что каюта такая тесная: два шага – и ты у двери.

– Быстрее, Тор. Райк...

– Ох... Только не говори, что Черная Рука решил его наказать, – пробормотал Тор, пытаясь отыскать штаны. – Что он придумал? Выпороть Райка на глазах у всей команды?

– Если бы. Сегодня капитану шлея под хвост попала. Он решил, что одна рука у Райка лишняя.

Тору показалось, что на него вылили ушат холодной воды. Тошноты как не бывало, даже в голове прояснилось.

– Вот мерзавец! – он отстранил Локки и первым шагнул из каюты. – Куда?

– На палубу.

Тор и Локки едва ли не взлетели на палубу. При этом братишка Эйрин успел сообщить, что второй помощник, похоже, ошибся, прокладывая курс.

– Похоже, теперь мы в самом сердце бури! – крикнул он.

То что предстало глазам Тора, и в самом деле напоминало ночные кошмары. Он никогда не видел такого неба – оно было грязно-желтого. Тор с трудом перевел дух. Казалось, он только что слышал, как гигантская невидимая тварь разом высосала весь воздух

вокруг корабля. Тишина не предвещала ничего доброго.

Но куда хуже было то, что происходило на палубе.

Малыша Райка привязали к главной мачте, одна рука поднята над головой и крепко прикручена веревками. Юнга оцепенел, лишь водил своими темными глазами, похожими на глаза загнанного оленя. Тор заметил, что парнишка обмочился со страху. Матросы толпились вокруг, гоготали и отпускали грязные шутки, а перед ними, прихрамывая – боль в обожженном паху давала о себе знать, расхаживал Черная Рука, громогласно сообщая всему миру, какая участь ждет всех, кто ему не угодил. Зрелище было омерзительным.

Все, о чем мог думать в этот миг Тор, – это о Клуте. Он вспомнил его таким, каким увидел в первый раз: несчастный калека, прибитый за ухо к столбу, окруженный хохочущей толпой. Рядом стоит Корлин – человек с каменным сердцем, – и горожане призывают его не щадить пленника. Тора охватила ярость. Она волной поднималась из глубины его существа – в точности как в тот день. Локки что-то говорил, но Тор уже почти не слышал его. Вокруг уже бушевали Цвета.

– Тор, – бормотал Локки, – мы ему ничем не поможем, и сами без рук останемся. У этих ребят из-за шторма душа в пятки ушла. Может быть, сегодня мы все утонем, и они это знают. И плевать они хотели, кто прав, а кто виноват. Они просто хотят посмотреть на кровь и чужие муки.

Тем временем Черная Рука повернулся к мальчишке.

– Ты готов, юный Райк? Значит, ты у нас повар? Ну, больше тебе не придется резать мясо, потому что одна твоя рука будет болтаться у меня на мачте.

Внезапно воздух как будто стал до невозможности густым. Райк судорожно подергивал подбородком, словно пил его большими глотками, переводя взгляд с одного матроса на другого, умоляя о помощи. Но в ответ раздавался только смех. Эти люди и в самом деле хотели увидеть, как отлетает в сторону маленькая рука, как кровь фонтаном хлещет из обрубка, а капитан вывешивает рядом с сорока тремя своими трофеями новый, сорок четвертый.

В этот миг Райк встретился глазами с Тором.

– Почтенный Петерсин! – закричал юнга. – Спасите меня, сударь!

– Это тебя не касается, лекарь, – зарычал капитан, повернувшись к своему гостю. – Попробуй только мне помешать, и я ему обе руки отрублю, а потом сброшу в море.

Ветер усиливался. Корабль начало крутить.

– Он просто ребенок, капитан! – крикнул Тор, пытаясь перекричать вой бури.

– Он крепко обидел меня, лекарь. Не лезь не в свое дело.

– Не могу!

Разбойник махнул своим людям, две пары крепких руки схватили мнимого лекаря и прижали к палубному ограждению. Тор даже не сопротивлялся. Для того, что он задумал, руки не нужны. Цвета пробудились, оставалось только отдать им приказ.

Черная Рука криво ухмыльнулся и снова повернулся к мальчику, которого теперь колотила крупная дрожь. Его колени подогнулись, и если бы не веревка, юнга рухнул бы на палубу. Еще шаг – и он истошно завопил:

– Помогите!

– Руби, руби! – рявкнул кто-то из матросов. Остальные расхохотались. Не смеялись только Тор, Локки – и человек, который только что появился на палубе. Лицо незнакомца скрывал низко надвинутый капюшон. Локки чуть заметно дернул головой, указывая на него.

– А вот и твой отшельник. Вылез из раковины.

Тор кивнул, но смотрел только на капитана. Черная Рука взял у помощника топор с короткой ручкой, торжественно показал его матросам, и те радостно загомонили.

– Давай, не тяни! – снова крикнул кто-то из команды.

Райк рыдал и с мольбой смотрел на Тора.

«Спокойно, мальчик». Тор жалел, что юнга не слышит его мыслей.

Черная Рука примерился. Тор закрыл глаза. Он взывал к Цветам.

Капитан громко крикнул и замахнулся. Топор со свистом описал широкую дугу, Тор услышал вопль, от которого кровь стыла в венах, и скорее догадался, что кричит Райк, чем узнал голос мальчика. Потом глухой удар, стон... Тор открыл глаза и увидел лезвие топора, которое глубоко вошло в грудь капитана. На лице разбойника было написано такое удивление, что становилось смешно. Но рана была смертельной. Кровь хлынула, точно река в половодье. Он попытался что-то сказать, однако слова умерли у него на губах, а потом умер и сам капитан Черная Рука.

Грузное тело с грохотом рухнуло на палубу, забрызгав кровью всех, кто стоял рядом. Матросы смолкли, только ветер выл в снастях.

Райк удивленно вытаращил глаза. Кажется, он не верил, что остался цел. Матросы бросили Тора подбежали к своему капитану, не понимая, как такое могло случиться.

– Отвязывай Райка, – бросил Тор, обращаясь к Локки. – Быстро.

Вокруг тела уже собралась вся команда, некоторые осторожно подталкивали его носками сапог. Локки пришлось тащить Райка на себе: после пережитого мальчик не мог даже разговаривать, не то что идти.

Ветер крепчал, шторм усиливался. Внезапно над кораблем сверкнула молния, и главная мачта раскололась точно в том месте, где несколько мгновений назад висел Райк. Искры полетели в разные стороны, несколько упало на тело капитана, и оно тут же вспыхнуло.

– Настойка! – завопил Локки. – Он вылакал утром целую бутылку, чтобы заглушить боль, а еще полбутылки вылил на себя. Горит-то как...

Тор кивнул. Снова сверкнула молния, и прямо над головой раздался оглушительный раскат грома. Корабль начало кружить, и вода вокруг него вскипела.

– Локки, нам надо убираться с корабля!

По деревянной обшивке побежали трещины. Еще немного – и «Оса» развалится на части. Шторм неистовствовал. Да, сегодня погибнут многие. Тор видел, как матросов швыряет в разные стороны, прямо на снасти. Некоторые пытались прыгнуть в бушующее море, но их снова отбрасывало от борта. По палубе перекашивался труп капитана, пятная кровью пылающие доски.

Локки дрожал от ужаса. Смерть была близка, и он чувствовал это. Райк больше не всхлипывал; он замер в объятиях приятеля и притих.

– Давай его сюда, – скомандовал Тор, стараясь удержаться на ногах.

Молния снова ударила в корабль, который уже полыхал. Еще миг – и гибель в огне будет неизбежна.

Локки обвил руки Райка вокруг шеи Тора, и мальчишка уткнулся в плечо своему защитнику. Он был легким, как перышко.

– А теперь держись за меня, Локки! – крикнул Тор и полез через палубное ограждение. – Что бы ни случилось – держись!

– Мы не выплывем! – откликнулся Локки. Вид разгневанного моря наполнил его благоговейным страхом.

Однако они прыгнули. И тут острые глаза Тора заметили стремительное движение темной фигуры. Кто-то прыгнул в море. Отшельник. Капюшон слетел у него с головы, и Тор, наконец, смог рассмотреть его лицо.

«Осу» занесло в самое сердце шторма, и воздух был жарким, но Тор почувствовал, как мороз продирает по коже. Ему было слишком хорошо знакомо это страшное лицо, похожее на обгорелую маску. На мгновение он поймал злобный взгляд маленьких ледяных глаз.

И увидел, как его ужас отразился на безобразном лице, словно в кривом зеркале.

Это был Гот.

Глава 12

Два обморока

– Но, святой отец... Испытания послушников начинаются через две недели!

Гидеон стоял у окна в покоях Отца-наставника мрачнее тучи, что на него было совершенно не похоже. Сам преподобный Пирс молчал и тихонько посасывал свою любимую трубку, которую собственноручно изготовил много лет назад, как раз для таких случаев. Потом он опустился на выдавший виды стул, и тот жалобно заскрипел под его весом.

Юноша обернулся.

– Святой отец, я ее почти не знаю. Мы никогда не встречались, она пишет мне редко, а я отвечаю ей и того реже. С чего ей вдруг понадобилось, чтобы я ехал на север, в Петрин? Что я ей скажу? Насколько мне известно, она может умереть еще до того, как я туда доберусь. Вот и получится, что я зря ехал и зря потерял время. А мне его и так не хватает. Я не успеваю подготовиться.

Наглая, откровенная ложь. Кто-кто, а Гидеон в дополнительных занятиях не нуждался. Он знал, что с легкостью пройдет Испытания. Чтобы скрыть неловкость, мальчик запустил в свои темные прямые волосы пятерню, словно причесываясь, и с недовольным видом вернулся за письменный стол.

Преподобный Пирс пристально смотрел на своего подопечного. Послушник Пятой ступени, известный своими успехами, почти готовый принять постриг и вступить в Орден Ференианцев. Остается только Шестая ступень, несколько месяцев обучения. За годы, проведенные в монастыре, мальчик очень вытянулся и, скорее всего, станет еще выше. К тому же, надо признать, он не по годам умен и словно самой судьбой предназначен для того, чтобы занять высокий пост. Нрав у него легкий, открытый... и тем более странно, как он встретил это предложение. Отец-наставник прочистил горло.

– Как я понимаю, других родственников у тебя нет. Да, ты почти не знаешь свою бабушку, но она исправно делала пожертвования эти последние одиннадцать лет, и хотя ты и не помнишь своих родителей, она должна их помнить... К таким людям следует относиться с почтением.

Наставник сделал несколько коротких затяжек, взял глиняную кружку с травяным чаем, положил в нее две полные ложки меда и принялся неторопливо помешивать. Каждое его движение было исполнено сочувствия и сострадания. Да, бабушка напомнила о себе весьма не вовремя. У мальчика впереди самое главное в жизни испытание – испытание перед постригом и рукоположением. Гидеон достоин голубой ленты. Он так и будет менять ленты одну за другой – белую, желтую, зеленую... а может быть, сразу же предъявит свои права на голубую. Или даже на алую. Неслыханно. Но кто знает, чего может добиться столь одаренный мальчик?

– Гидеон, – преподобный Пирс осторожно подбирал слова, – ты не из тех, кому учение дается с трудом. Думаю, тебе все это скажут, хотя я понимаю твое беспокойство. Тебе очень важно получить голубую ленту, мы все тобой гордимся... Но дело в том, что твоя бабушка очень тяжело больна, и наш долг – убедиться, что ты выполнил ее последнюю волю и встретился с ней перед смертью. Сам аббат Маггеридж настаивает на этом.

Мальчик хотел возразить, но наставник коротким жестом остановил его.

– Если ты – в чем я очень сомневаюсь – не сможешь показать на Испытаниях всего, на что способен... а на что ты способен, мы знаем... аббат Маггеридж готов сделать в твоих бумагах особую пометку. На мой взгляд, это уже немало. А ты как думаешь?

Гидеон глотнул несладкого чая и с вызовом посмотрел на учителя. Глаза у мальчика были невероятного голубого цвета – точно под цвет желанной ленты. Это продолжалось лишь миг, потом Гидеон отвел взгляд и тихо вздохнул.

– Конечно, вы правы, святой отец. Просто мне немного не по себе. Я же совсем не знаю бабушку. Мне сказали, как ее зовут, я получил от нее несколько писем. Простите, наверно, вам кажется, что я думаю только о себе... Но Испытания – это для меня так важно!..

Гидеон прикусил губу. В нем шла борьба.

– Значит, я уезжаю сегодня после полудня? – эти слова явно дались мальчику нелегко.

– Да, да. Очень хорошо, – отец Пирс облегченно потянулся. – Надеюсь, твоя бабушка

доживет до твоего приезда. Не сомневаюсь, она будет рада увидеть такого славного мальчика...

Он шумно вздохнул.

– Как бы то ни было, Гинт, тебе не помешает выбраться куда-нибудь на несколько дней.

«О нет. Опять».

Слова наставника напомнили Гидеону о неприятном происшествии, которое случилось на днях.

– Странное дело, – продолжал отец Пирс. – Здоровый мальчик ни с того ни с сего лишается чувств... Ты нас так перепугал. Снова полночи сидел за свитками – или я ошибаюсь?

Он устался на свою трубку, потом чуть поднял глаза и посмотрел на Гидеона. Это было утверждение, а не вопрос.

– Я пойду, святой отец. Спасибо за чай.

Путь Гидеона лежал в восточное крыло. Что правда, то правда: ему не с чего было падать в обморок. Но это произошло, причем прямо в монастыре. И самое скверное, что в этот миг он выступал перед новыми послушниками. Этим самым послушникам пришлось тащить его бесчувственное тело в больницу. Потом мальчики постарше с жаром рассказывали Гидеону, что глаза у него закатились так, что стали белыми, а какой-то умник даже сказал, что изо рта у него шла пена, и он нес какую-то околесицу. Последнее вызвало столь бурный восторг, что монах-лекарь выгнал всю компанию из больницы. Но в чем дело? У Гидеона никогда не случалось ни обмороков, ни припадков. Он ел за шестерых и вовсе не корпел по ночам над свитками и фолиантами – просто потому, что ему не было нужды лезть из кожи вон. Что-то необъяснимое...

И Гидеону хотелось лишь одного: чтобы весь этот шум вокруг него прекратился.

Он вошел в свою келью, небольшую, но вполне уютную. Как староста Пятой ступени, он пользовался некоторыми благами, недоступными другим послушникам. Например, отдельной кельей. Его ровесники жили в одной комнате вчетвером, а у мальчиков помладше была одна келья на восьмерых, а то и на десятерых. В свое время Гидеону тоже пришлось терпеть шум общих спален и слушать, как его соседи жалуются на свои беды, но теперь он наслаждался уединением. Ему нравилось, что в монастыре все живут по строгим правилам и каждый миг расписан. Другой жизни он не знал. Все, что происходило до того, как он попал в монастырь, почти забылось, в памяти остались лишь туманные видения, о которых не было времени размышлять. Гидеон смутно помнил старушку, которая отдала его сюда маленьким ребенком. И кто может упрекнуть его за то, что он не слишком стремится повидать ее, даже накануне ее кончины? Мальчик подозревал, что встреча окажется столь же неприятной, сколь и бессмысленной.

Он – лучший из послушников Ордена, его считают самым одаренным, и не исключено, что он станет старостой «Алых». А потом... конечно, никто не говорил об этом вслух, но... когда-нибудь он сам станет аббатом, король станет обращаться к нему за советом, и его слово будет иметь немалый вес, когда решение будет касаться этой части королевства...

Но ему нет равных и в иного рода занятиях – в тех, где требуется быстрота, сила и ловкость. Так все говорят. Множество глаз заврожено следит за тем, как он скачет на лошади или бежит наперегонки с другими мальчиками. Он всегда оказывался первым, всегда побеждал. Вдобавок, он высок ростом, красив. Чего еще желать?

Гидеона не беспокоили ни сами слухи, ни те, кто их распускал. Тем не менее он и в самом деле слышал все – даже те вещи, которые не предназначались для его ушей. Слух у мальчика был удивительно острым, что служило поводом для бесконечных шуток. Кое-кто даже уверял, что Гидеон слышит, как птицы дышат на ветках. Гидеон веселился. Вот глупость... Но временами он и сам в это верил.

И почти не удивился, когда его прозвали «колдуном». Гидеон ненавидел это прозвище, но оно прилипло к нему сразу и навсегда. Оставалось только принимать его как неизбежное,

и с великодушной снисходительностью пожимать плечами. Борься с этим было бессмысленно.

Интересно, какими они были, его родители. Кем надо быть, каким даром обладать, чтобы произвести на свет колдуна? Да, это так и останется тайной. И что с ними случилось, он тоже никогда не узнает. Может быть, их уже нет на свете? Почему, как только он родился, они оставили его бабушке, а сами исчезли? Расстались ли они друг с другом? Гидеон запрещал себе задавать такие вопросы. Но время от времени, во сне, они снова звучали у него в голове...

Кто же он сам?

Иногда ему снился женский голос, который что-то нашептывал. Но стоило Гидеону проснуться, и он уже не мог вспомнить, о чем говорила невидимая женщина. Об этом он никогда и никому не рассказывал. Почему? Насколько он мог судить, она не говорила ему ничего такого, что могло вызвать страх или беспокойство. По правде сказать, этот голос его успокаивал. Гидеон не знал своей матери, но хотел верить, что ее голос звучит так же.

Мальчик заставил себя отвернуться от окна. Пора собираться... Он окинул взглядом келью. Стены сплошь увешаны астрономическими чертежами. Гидеон не скрывал, что наблюдение за звездами и интерес к иным мирам были его страстью, и прямо говорил, что собирается посвятить себя науке о звездах, когда примет постриг.

– Черные дьяволы! – ругался юный послушник, запихивая в свою маленькую котомку сменную мантию. – И зачем мне это нужно!

Бабушка, которую он помнил более чем смутно, пожертвовала монастырю целое состояние. С тех пор как Гидеон узнал эту новость, ему уже в сотый раз приходила в голову одна и та же мысль: навестить старушку перед смертью – самое меньшее, что он может для нее сделать. Вслед за мантией в сумке оказались шапка и грубые шерстяные рукавицы, которые вполне могли пригодиться в Петринских горах. Наконец, мальчик взглянул в небольшое зеркало на стене, убедился, что длинные волосы аккуратно стянуты в хвост, и только после этого взял котомку.

Голова садовая... И как мы собираемся коротать часы одиночества?

Мальчик вытащил из-под деревянного топчана, который служил ему ложем, свежую пачку тряпичной бумаги и, выпрямляясь, ударился затылком о раму. Гидеон еще морщился от боли, когда заметил кое-что на подоконнике. Каменный шарик. Гидеон так и не выяснил, откуда взялась эта вещица, но она была у него, столько он себя помнил. Камушек стал для него чем-то вроде талисмана, и мальчик всегда брал его с собой на Испытания. Задумчиво катая тяжелый шарик на ладони, Гидеон следил, как на его поверхности вспыхивают разноцветные огненные точки – малиновые, золотые, лиловые, изумрудные. Похоже, их не видел никто, кроме него самого. Однажды он показал шарик друзьям, но те только покрутили пальцами у виска. Ну и ладно. Он видел, и это зрелище было завораживающим.

Налюбовавшись, мальчик спрятал свое сокровище в глубокий карман мантии.

Шагая по холодному коридору, Гидеон прощался с послушниками, которые попадались навстречу, потом свернул на крытую галерею, а вслед ему вслед неслись насмешливые голоса:

– Что, удалось сбежать с экзаменов, Гинт?

– Передавай привет бабушке!

Ухмыляясь, Гидеон через три ступеньки бежал по лестнице. Вскоре крики и смех друзей стихли позади. Мальчик вошел в храм. Это было его самое любимое место в монастыре. Гидеон любил эти своды, под которыми сейчас царила тишина, и стройные колонны, и прекрасные сады – он не раз помогал монахам, которые за ними ухаживали. Ему хотелось напоследок насладиться покоем, прежде чем пройти под величественной аркой и оказаться в переднем дворе. Там, ожидая Гидеона и держа под уздцы оседланную лошадь, уже стоял старый конюх.

– Добрый день, почтенный Гинт.

– И тебе того же, Хорис.

Лошадку он узнал сразу. Как здорово, что ему дали Императрицу! Гидеону уже не раз доводилось ездить на этой кобылке. Нрав у нее был спокойный, одно удовольствие. Юный послушник протянул лошади яблоко, которое нарочно сорвал в саду.

– Угощайся, моя девочка, – он погладил кобылку по бархатному носу и повернулся к конюху: – спасибо, Хорис. Это моя любимица.

– Его преосвященство велел позаботиться, чтобы у тебя была хорошая лошадь, а лучше Императрицы у нас никого нет – ответил старик, протягивая мальчику повод. – В торбе корм, на два дня хватит. В Мербери придется пополнить запасы. Да, вот тебе записка. Отец Пирс поймал меня по дороге и просил передать.

И Хорис с почтительным поклоном протянул Гидеону сложенный листок.

Гидеон пробежал записку глазами. Отец Пирс писал, что в одном из седельных выюков лежит кошелек, и советовал не сорить деньгами. В Петрине Гидеона должен воротить некий Гэлбрит, который и проводит его к дому бабушки.

– Ехать тебе дней пять, а то и шесть, – продолжал Хорис – Когда проедешь Мербери, держись главного тракта, а потом сверни в сторону Трех Озер. Попадешь напрямиком в Петрик.

И старый конюх, кивнув на прощание, направился прочь. Крикнув ему вдогонку «Спасибо!», мальчик вскочил в седло, устроился поудобнее, помахал рукой монастырю, а потом легко ударил кобылку каблуками и направил ее на дорогу, которая уведет его от монастыря и всего, что было знакомо и привычно.

Позволив Императрице бежать легкой рысцей и вертя в кармане свой каменный шарик, Гидеон погрузился в мечты. Он представлял себя героем, который отправился в опасный путь. Он командовал войсками, сражался с чудовищами. И вокруг всегда были женщины, которые его обожали.

Ему еще никогда в жизни не доводилось бывать дальше Лидона. Так что это будет любопытно – посмотреть Петрин. Все говорят, что бабушка живет на окраине от города. Значит, можно будет устраивать долгие прогулки и готовиться к Испытаниям. Может быть, не так оно все и плохо... Только бы бабушка дожила до его отъезда.

Выбравшись на широкий тракт, Гидеон снова стукнул Императрицу пятками, заставляя кобылку прибавить шаг. Глаза мальчика мечтательно озирали поля, расстилающиеся справа и слева от дороги, а пальцы и сами собой перекачивали камушек. Внезапно Гидеон понял, что камушек словно наливается теплом. Стоило покрепче сжать его в руке, и прежнее светлое настроение сменилось тревогой, тем смутным чувством, когда ты начинаешь догадываться о ловушке. Однако через миг все прошло. Гидеон успокоился, опустил повод и, дав Императрице немного свободы, пустил ее галопом.

Камешек закатился на дно кармана, а вместе с ним и тревожные мысли.

– Это просто немыслимо! – воскликнула маленькая пышечка.

– Слушай, Лаурин, какое чудо... Я бы месяц к пудингу не притронулась, если бы за это меня увезли отсюда, от этих книжек и свитков, – вздохнула Эмили, единственная настоящая подруга Лаурин.

Девочки подружились, когда им было по пять лет. Каждая искренне стремилась поддерживать эту дружбу и видела, что не одинока в этом желании. Особенно Эмили – неказистая конопатая простушка с торчащими, как у белки, передними зубами. Любовь Лаурин согревала ее, как солнце.

Казалось, Лаурин изо всех сил старается скрыть красоту, данную ей от рождения. Конечно, с большими, глубоко посаженными серо-зелеными глазами ничего нельзя было сделать. Однако ее густые золотистые волосы были всегда гладко зачесаны назад, чтобы никто не заметил, как они блестят. Лаурин старалась как можно меньше двигаться и никогда не отказывала себе в еде. Повариха хвалила ее за хороший аппетит, и это была самая искренняя похвала, которую Лаурин когда-либо слышала.

Однако в эти дни о ней говорил весь монастырь – о ее неаккуратности и легкомыслии,

хотя, если разобраться, вины Лаурин в этом не было. Несколько дней назад, сидя в помещении для переписчиков, она внезапно лишилась чувств и вылила чернила на рукопись, с которой работала. К счастью, чернильница была почти пустой. Когда Лаурин без каких-либо видимых причин внезапно замерла на стуле, у Эмили началась истерика. Тем временем девочка закатила глаза, стала хватать ртом воздух, а затем без чувств упала прямо на подругу, и обе оказались на полу. В итоге следующие два дня Лаурин провела в больнице, где с нее не спускали глаз. При этом сестра Бенит не пускала к ней к ней никого, кроме Эмили, да и той не позволяла задерживаться у постели подруги. Впрочем, чем бы ни был вызван этот обморок, Лаурин уже полностью оправилась. Если разобраться, она прекрасно чувствовала себя сразу после того, как пришла в себя. Однако Настоятельница Гиртонского монастыря поспешила сообщить об этом случае бабушке Лаурин, которая жила в Петрине.

Кроме бабушки, родных у девочки не было, а о ее родителях никто ничего не знал. Посыльный вернулся с письмом от бабушки, в котором старая дама вежливо, но твердо просила, чтобы Лаурин позволили отправиться в Петрин, как только она достаточно окрепнет для путешествия. Девочке следует несколько дней подышать чистым горным воздухом. На самом деле это была не просьба, а требование, как сказала мать-Настоятельница, когда Лаурин попыталась возражать.

– Даже я не смею спорить с твоей бабушкой, Лаурин. Она пишет, что очень хочет тебя видеть, а тебе стоит немного отдохнуть. Она жертвует монастырю столько денег! На эти деньги мы едим, одеваемся. Благодаря пожертвованиям наш орден... ну, я бы не назвала это процветанием, но... Если не ошибаюсь, ты не видела бабушку одиннадцать лет? Давно пора ее навестить.

Прежде чем Лаурин поняла, что происходит, ее вещи были собраны, а сама она уже ехала в повозке на север, где ей предстояло пересест в экипаж. Лаурин была в ярости – по правде говоря, не зная, почему. Да, расставание с Эмили – это ужасно. Зато можно будет отдохнуть от бесконечного переписывания рукописей! Монастырь был ей ненавистен, хотя она считалась одной из лучших переписчиц. В глубине души Лаурин подозревала, что добьется успеха в чем угодно – стоит только захотеть. Но тупо переписывать страницу за страницей, из книги на пергамент... Это не для нее.

Нет, есть все-таки одна задача, с которой ей не справиться.

Лаурин была очень одинока и ничего не могла с этим поделать. Ей было одиноко без материнской любви, одиноко без семьи. Из всех обитательниц монастыря только у Лаурин не было ни братьев, ни сестер. В редкие праздничные дни это чувство становилось острее. Если бы не Эмили... Наверно, Лаурин могла бы просто исчезнуть, и этого никто бы не заметил.

Она ненавидела бабушку, о которой мать-Настоятельница отзывалась с таким уважением. Что это за бабушка, которая никогда не навещает внуку, даже пишет ей редко? Да и от писем легче не становилось; по ним даже нельзя было понять, кто она такая, эта таинственная бабушка. Нет, они так и останутся чужими. Какие чувства, кроме презрения, можно испытывать к бабушке, которая притворяется заботливой родственницей, но даже не думает, что девочке нужно немного тепла – девочке, которая выросла и скоро станет женщиной?

Конечно, Лаурин не признавалась в этом даже себе. Она шла по жизни, как наблюдатель, мало интересуясь чем-либо и кем-либо, кроме своей подруги Эмили. Ей казалось, что все происходит помимо ее воли, без ее участия. Она была в этом мире чужой. И вот снова: ее насильно отправили к бабушке, которую она презирает. Хоть бы старуха умерла, не дождавшись ее приезда! Еще можно попробовать заблудиться – говорят, бабушка живет в лесу. Лаурин не казалось, что это чересчур. Она коротала время, представляя, как будет бродить среди гор. Пожалуй, ради этого стоило отправляться в путь. Наверно, стоит. По крайней мере, можно будет побыть в одиночестве. Это у Лаурин получалось лучше всего.

Девочка усмехнулась, вспоминая отзыв в учебной ведомости. «Могла бы стать вождем, если бы проявляла больше внимания к жизни монастыря». Что это, шутка? Какой из нее

вождь? Кто захочет за ней пойти? Ее никто не любит, кроме Эмили. Более того, с ней больше никто не хочет водиться. Правда, в последнее время она размышляла о мужчинах и жизни за стенами монастыря. Вообще-то, думать о подобных вещах грешно, но кто сказал, что она примет постриг? Да, то-то все удивятся, когда узнают о ее решении. Лаурин собиралась странствовать по Шореллу. Может быть, стать писарем. Вот это жизнь! Интересно, а если на нее кто-нибудь положит глаз? Кто знает, влюбляются ли мужчины в толстушек? Лаурин скорчила гримасу. В один прекрасный день она встретит такого. Это будет замечательный человек, сильный, умный, – человек, который способен вести за собой других. Они полюбят друг друга, и ему не будет нужна никакая женщины, кроме Лаурин. И она не будет толстой. Она будет такой же красавицей, как ее мать.

Больше всего Лаурин любила сидеть где-нибудь и думать о том, какими были ее мать и отец. Отец был полон сил, смел и хорош собой, мать – невероятно красива и стройна. Они безумно любили друг друга, но судьба разлучила их, поэтому им пришлось покинуть единственную дочь. А может быть, они погибли в объятиях друг друга, и эта смерть была ужасна и печальна. Как бы то ни было, последние слова, которые мать говорила своей собственной матери, той самой таинственной бабушке, были одни и те же: «позаботься о Лаурин». Вот когда мечта превращалась в кошмар. Позаботься о Лаурин! Отправь ее как можно дальше, чтобы жила, одинокая и нелюбимая, среди жестосердечных женщин, которые не умеют прощать!

Повозка с грохотом катилась по дороге. Лаурин достала из верхнего кармана круглый каменный шарик, и на душе сразу стало спокойнее – как всегда. Только вот странно: когда камушек успел так нагреться? Девочка повертела его в руке, глядя, как его гладкая поверхность переливается разными цветами. Кроме Лаурин, никто этих переливов не видел, но это и к лучшему: для всех это был просто каменный шарик. Камень как камень... Но у Лаурин была еще одна причина им дорожить: он связывал ее с родителями. Когда она появилась в монастыре, при ней была только котомка с одеждой и этот камень. Мать-Настоятельница рассказывала, что Лаурин принесли в Гиртон холодным зимним днем, больше десяти лет назад, и шарик был аккуратно вшит в одну из ее рукавичек.

Охваченная страхом и смятением, хрупкая четырехлетняя девчушка плакала часами и несколько месяцев не могла прийти в себя. Казалось, у нее только и было утешения, что каменный шарик, который она не выпускала из рук. Все эти годы Лаурин не расставалась со своим сокровищем. Для нее он был воплощением души ее матери – где бы ее мать ни находилась и кем бы ни была. Во всяком случае, девочке нравилось так думать.

За размышлениями она не заметила, как прибыла в город. День был пасмурным и туманным. Лаурин помогли выйти из повозки и проводили к большому экипажу. Потом к ней присоединилось еще несколько человек: женщина, которая непрерывно болтала с двумя своими дочками, и очень высокий пожилой господин, который, казалось, ни на кого на свете не обращал внимания. Вот и славно, подумала Лаурин. Путь До Петрина займет три дня, и все это время она собиралась последовать его примеру.

Девочка достала из кармана маленькую книжку со стихами и спряталась за ней, делая вид, что погружена в мир слов.

Из своего укрытия она выходила только для того, чтобы поесть вместе с попутчиками или поспать. Девочки пытались заговорить с Лаурин, но когда их попутчица принялась рассуждать об эпидемии чумы и о том, может ли она распространяться через водные преграды, мечтам о дружбе пришел конец, даже если таковые имели место. После своей тирады Лаурин заметила на губах соседа легкую улыбку. Похоже, старик тоже не любил пустую болтовню и мастерски умел отбивать у собеседников охоту втягивать его в такие разговоры, а в Лаурин увидел некое подобие себя – как резчик видит готовый предмет в грубой заготовке.

Дни казались долгими и скучными. Наконец, Лаурин поняла, до Петрина осталось совсем недалеко. Экипаж опустел: мать со своими болтливыми дочками сошла в Вербане, а старик – еще раньше, в Дивине. Для Лаурин это не имело значения: она всегда пребывала в

одиночестве.

В центре Петрина экипаж остановился, Лаурин вышла и тут же услышала, как какой-то человек окликает ее по имени. Наверное, это почтенный Гэлбрит, который должен ее встретить. Так говорила Мать-Настоятельница.

– Ну, вот мы и приехали, – пробормотала себе под нос Лаурин и скорчила ему гримасу.

Глава 13

Послание Ярго

Гидеон выпрямился в седле и потянулся. Они с Императрицей только что миновали городские ворота Петрина. Мальчик остановил кобылу и осторожно слез с нее – он ехал весь день, а до этого целую ночь и ожидал не самых приятных ощущений. Некоторое время юный послушник рассеянно разглядывал стену темного леса, окружающего Петрин, потом помотал головой. И что он здесь делает? Императрица издала тихое ржание и тоже мотнула головой. Ей хотелось в конюшню, где тихо и покойной.

– Гидеон Гинт? – человек, который подошел к нему, снял шляпу и широко улыбнулся. Гидеон улыбнулся в ответ, кивнул и перекинул сумку, которую только что снял с седла, на другое плечо, чтобы позвать незнакомцу руку.

– Меня зовут Ийайн Гэлбрит. У меня небольшое хозяйство в тех местах, где живет твоя бабушка. Я тут собрался в город, вот она и попросила вас встретить... У тебя только этот мешок, и больше ничего? – он снова улыбнулся. – Наверно, у тебя еще деньги остались... надо же поставить лошадь в конюшню... верно?

Гидеон был озадачен.

– Да, почтенный... все мои вещи... Были еще вьюки, но там ничего нет.... М-м-м... но я приехал один. Я не знаю, кого вы ждете...

– Это и есть та кобыла? – перебил его конюх, который подошел к ним.

– Добрый вечер, Ангис, – откликнулся Гэлбрит.

Гидеон бросился искать деньги, которые дал ему отец Пирс. За Императрицей надо будет присмотреть, пока он не вернется в монастырь. Он начал шарить по карманам, и его пальцы нащупали камень. Ничего себе! Шарик почти обжигал руку.

– Так где деньги, Гинт? – добродушно осведомился Гэлбрит, после чего повернулся к конюху, который уже взял Императрицу под уздцы. – Как твоя женушка, Ангис?

У Гидеона потемнело в глазах. Гэлбрит и Ангис продолжали болтать, но где-то далеко, а жар, исходящий от камня, затопляет все вокруг. Кажется, камень о чем-то предупреждал. В голове прозвучало слово «Таллинор». Но тут вторая рука нащупала монеты, и мир снова стал прежним. Гидеон понял, что его будущий провожатый и конюх таращатся на него во все глаза.

– Все в порядке, парень? – Гэлбрит легонько встряхнул его.

– М-м-м... о-о... э-э-э... простите. Простите. Наверное, я просто устал. Долгая дорога... – Гидеон натянуто рассмеялся, протянул Ангису деньги и последовал за Гэлбритом.

Они забрались в старую телегу, в которую были впряжены две не менее старые лошади. Гидеон снова сунул руку в карман, но теперь камень был чуть теплым. Тем временем начало смеркаться, заморосил дождь.

– Никак не могу избавиться от этой прекрасной пары... – тараторил Ийайн Гэлбрит, покачиваясь на козлах. – Понимаешь, это мои первые лошади...

Гидеон не перебивал. Слова скатывались с него, как капли дождя с дубленой кожи. Предоставив вознице рассказывать о лошадях, он погрузился в размышления. Что случилось с камнем? Наверно, ничего страшного... а может быть, ему следовало почувствовать опасность... или даже понять, что сам камень опасен. Но нет: когда держишь этот шарик в руке, становится спокойнее... и хорошо, что он такой теплый. В этом ощущении было что-то уютное, безопасное. Всегда.

А что он услышал?

Гидеон напряженно вспоминал, выхватывая из памяти обрывки слов и мыслей. Где-то за стеной дождя бубнил Гэлбрит. Он рассказывал, как пашет на своих лошадках. Если верить его словам, они тянули плуг с такой силой, что он резал землю, как масло.

– Таллинон, – прошептал он во тьму.

– М-м-м... что ты сказал? – переспросил Гэлбрит, щелкая кнутом над головой лошади, которая шла первой.

– Нет, ничего. Просто... повторяю вопросы. У меня скоро Испытания.

Похоже, Гэлбрит слушал своего гостя так же внимательно, как тот слушал его. Разговоры прекратились сами собой, потом Гэлбрит запел балладу о двух влюбленных, безбожно перевирая слова. Гидеон радовался, что избавлен от необходимости поддерживать беседу.

Когда телега остановилась перед постоянным двором «Пастух и собака», уже накрапывал дождь. Впрочем, постоянным двором назвать это заведение было трудно. Просто трактир с каменными побеленными стенами, под соломенной крышей, с низким потолком, столиками из потемневшего дерева... и очаровательной красоткой, которая стояла за стойкой. Ее милый петринский акцент и обтягивающая блузка с весьма смелым вырезом заставили Гидеона мгновенно забыть о странном происшествии, потому что с ним самим, похоже, происходило то же самое, что и с камнем. Мальчик улыбнулся, и красавица ответила широкой улыбкой.

– А вот и наша великолепная Глория, – произнес Гэлбрит, пробираясь между столиков – в трактире было полно народу. – Мы не будем останавливаться, Глор. Я просто заберу одну даму с девочкой, и мы поедem.

– А мы не успеем выпить по кружечке эля, почтенный Гэлбрит? – с надеждой крикнул ему вслед Гидеон.

Глория рассмеялась и кивнула. Похоже, она уже заметила на мальчике облачение послушника-ференианца.

– Тебе лучше выпить фруктового пунша, – заметила она.

Несколько сидевших рядом мужчин услышали это и тоже рассмеялись, но совершенно беззлобно. В трактире царил веселье, плавал табачный дым. Гидеон наслаждался, и когда снова появился Гэлбрит, ему показалось, что время пролетело слишком быстро. Крестьянина сопровождала маленькая женщина, тощая, как палка, чьи темные волосы были стянуты на затылке в тугий пучок, и пухленькая девчушка в облачении послушницы Гиртонского монастыря. Вид у девочки был несчастный.

– Привет, – окликнул ее Гидеон.

Девочка что-то проворчала в ответ, но ее слова потонули в хриплых голосах посетителей, которые хором затянули какую-то непристойную песню.

– Пока, Глория, – прошептал Гидеон и поплелся за странной компанией, в которой он непонятно почему оказался. Само собой, Глория его не услышала, но заметила, как он помахал рукой, и подмигнула.

«Спорю, ей бы это и в голову не пришло, будь я в рубашке и брюках», – подумал Гидеон. До сих пор он, кажется, никогда не думал о том, что жизнь за пределами монастыря и все, что она сулит, – это не так уж плохо. Например, можно приткнуться к такой девушке, как эта Глория... При этой мысли он почувствовал слабость в коленях.

Снаружи воздух становился все более сырым и холодным, вечернее небо потемнело и напоминало цветом чернила. Гидеон даже не мог полюбоваться своими любимыми звездами – их скрыли тяжелые тучи. Дождь лил как из ведра, и времени на церемонии и светскую болтовню уже не было.

– Бегом! – протрубил Гэлбрит. Гидеон, сам не понимая, что делает, схватил девочку за руку, и они сломя голову помчались через двор. Вскоре он уже помогал своей спутнице забраться на телегу, а Гэлбрит натягивал над их головами холщовый полог.

– Меня зовут Гидеон, – выпалил мальчик. – Честно говоря, я толком не понимаю, что

здесь делаю. Кажется, у меня занемогла бабушка, и мне надо ее навестить. Она живет где-то неподалеку.

И он вытер со лба дождевые капли.

– О-о! – удивленно воскликнула девочка.

Гэлбрит громко прикрикнул на лошадей, снова запел во весь голос, и разговаривать стало невозможно.

– Меня зовут Лаурин, – только и успела пролепетать девочка.

Скоро дорога снова побежала по полям, и Гэлбрит вспомнил про своих гостей.

– Как я понимаю, вы родственники, – крикнул он, заглушая шум дождя. – Значит, вас знакомить не надо. Гидеон, это моя жена, Джин. Скоро приедем к вашей бабушке, только вот темень, хоть глаз выколи... не проскочить бы поворот. Не возражаете, если я буду смотреть на дорогу, а не на вас?

Он что, и с ней, и со мной разом говорит? Гидеон задумался, потом переглянулся с Лаурин. Она, похоже, тоже ничего не понимала. Мальчик пожал плечами, украдкой повертел у виска и кивком указал на Гэлбрита. К его облегчению, девочка улыбнулась.

Джин Гэлбрит словно в рот воды набрала, ее супруг то бранился, то что-то бормотал себе под нос. Телега считала колдобины, и один раз ее тряхнуло так сильно, что Гидеон прикусил язык.

Наконец Гэлбрит успокоился.

– А-а, прекрасно, не пропустил! – торжествующе прокричал он. Резкий поворот – и телега покатила по узкой тропинке. Вдалеке уже мерцали окна маленького домика, из трубы весело валил дым.

Лошади остановились на мокрой лужайке перед домом и жалобно заржали. Им явно не терпелось поскорее отправиться в теплую сухую конюшню. Гидеон с удивлением смотрел, как Гэлбрит помогает девочке вылезти из повозки. А она-то что здесь забыла? Но ливень становился все сильнее, и сейчас надо было поскорее укрыться, не тратя времени на расспросы. Дети обежали вокруг телеги, чтобы забрать свои пожитки и поблагодарить молчаливую Джин, которая только кивнула из-под полога, а Гидеон пожал Гэлбриту руку. Возница спешил домой не меньше, чем его любимые лошади.

– Не стоит благодарности, парень. Право... – он похлопал Лаурин по плечу, – Не стоит благодарности, моя девочка. Теперь сама справишься, или проводить тебя до двери?

Лаурин уже собиралась ответить, что справится сама, когда дверь домика распахнулась, и в проеме показалась невысокая полноватая женщина.

– Все, детки, пора. Передайте бабушке поклон и извинения, но я спешу. Загляну через пару дней. И всего наилучшего.

Гэлбрит забрался на повозку и устроился рядом с женой.

Гидеон решил, что стал жертвой какой-то шутки. Нет это просто какой-то всеобщий заговор... Но чтобы этот старый зануда Пирс над кем-то подшучивал? Однако дождь лил и Гидеону ничего не оставалось, кроме как подхватить котомку и бегом броситься к двери. Когда они с Лаурин оказались под крышей, Гэлбрит с супругой уже уехали.

Если бы Гидеон сунул руку в карман, он наверняка застыл бы на месте: каменный шарик полыхал жаром и бился точно маленькое сердце. Но сейчас рука мальчика касалась локтя Лаурин – он поддерживал свою спутницу, чтобы та не поскользнулась. Дети не на шутку волновались. Но не только они: старушка прикрывала рот ладонью и не скрывала слез. Когда дети подбежали к ним, она раскинула руки и заключила обоих в объятия. Она оказалась такой маленькой, что им пришлось наклониться.

Наконец, бабушка выпустила своих маленьких гостей, смахнула слезы и просияла.

– Добро пожаловать домой, дети.

Гидеон, окончательно смешавшись, прочистил горло. Надо было что-то сказать, но что? Он посмотрел на Лаурин. Девочка тоже выглядела потрясенной, но это было потрясение иного рода: ее зеленые глаза сверкали от ярости, губы сжаты.

Старушка провела их в кухню, где весело потрескивал огонь. На печи весело булькал

котел, а от аромата похлебки у Гидеона заурчало в животе. Как он давно не ел! Старушка бормотала что-то уютное и ласковое, но мир царил недолго. Лаурин не выдержала.

Она резким движением откинула мокрый капюшон. Оказалось, что ее затылок прикрывает белый плат, какой носят послушницы Гиртонского монастыря.

– Слушайте, что здесь творится? – выкрикнула она. – Сначала меня заставили тащиться в такую даль, чтобы повидать бабушку, которую я почти не знаю. Потом какой-то болтун, которого я уж точно не знаю, встречает меня, тащит в трактир, где дышать нечем, оставляет со своей женой, из которой слова не вытянешь, а теперь я должна познакомиться... с тобой!

Она гневно посмотрела на Гидеона.

– Как я понимаю, ты – мой брат, которого я никогда не видела и про которого даже не разу в жизни не слышала!

Похоже, девочка завелась надолго: начинала она куда тише, чем закончила, и останавливаться не собиралась. Однако старушка сложила руки, словно в молитве, и коснулась губ кончиками пальцев. Движение было мягким, плавным, но исполнено такой торжественности, что Лаурин умолкла – правда, раздраженно фыркнув напоследок.

Гидеон снова откашлялся. Он чувствовал себя совсем неловко. Надо было что-то сказать, а в голову ничего подходящего не приходило. Лаурин все еще кипела гневом. Мальчик не разделял ее чувств, но был вовсе не против объяснений. Он запустил пальцы в свою мокрую шевелюру и пригладил ее, точно гребнем. Старушка улыбнулась.

– Ты так похож на своего отца, мой мальчик... – прошептала она.

На своего отца? Гидеон был озадачен. Старушка сразу понравилась ему, но эта таинственность раздражала.

– М-м-м... простите... Как вас зовут?

– Зовите меня Соррель. Думаю, пока вам будет проще звать меня по имени.

Улыбка у нее была такая теплая, что Гидеону показалось, что он защищен ото всех бед на свете. Однако он твердо решил во всем разобраться.

– Мне почему-то кажется, что я вас знаю. Но, если честно, не помню, почему. Может, вы объясните, что случилось... – он покосился на Лаурин. – Нам... Э-э-э... то есть... мне сказали, что вы очень тяжело больны и хотели встретиться со мной перед... э-э-э... смертью. Теперь я не знаю, что и думать. У меня нет родных, и я первый раз слышу, что у меня есть сестра... Не знаю, почему почтенный Гэлбрит привез нас сюда, почему вы приветствуете нас так, словно мы должны друг друга знать...

– Я все объясню. Но вы проделали такой долгий путь, замерзли... и, наверно, проголодались. Может быть, сначала поужинаете? Я специально для вас готовила.

Гидеон разглядывал старушку. Ее волосы напоминали цветом серебро и были аккуратно собраны на затылке. Круглое личико сияло добротой и покоем; казалось, оно никогда не выражало ничего, кроме радости и готовности помочь если не делом, то словом, – как и карие глаза, в уголках которых все еще блестели слезы. Наверно, ей лет сто. Несмотря на свою полноту, она выглядела хрупкой, почти беззащитной, но не больной. В конце концов, что ему терять? Почему бы не полакомиться горячей похлебкой после шести дней на вяленом мясе и сухом хлебе? Соррель сама сказала, что все объяснит потом. Гидеон улыбнулся и встал, предлагая свою помощь.

Лаурин устроилась на другом конце стола. Она тоже проголодалась, устала, а ярость только отнимала у нее силы. Маленькая старушка, похоже, не желала им зла – наоборот, стремилась окружить своих гостей заботой. Наконец, Лаурин тоже решила, что не стоит пренебрегать гостеприимством. Этот Гидеон, решила она – один из тех омерзительно правильных мальчиков, которых так много среди ференианцев. Только посмотрите, с какой радостью он участвует в этом фарсе... Однако в глубине души Лаурин понимала, что юный послушник ведет себя куда более достойно, чем она сама. Матери-Настоятельнице такое не понравится. Вот-вот, теперь помогает этой мнимой бабушке накрывать на стол. А он симпатичный, внезапно поняла Лаурин. И это тоже не понравится Настоятельнице. У нее насчет Лаурин уже есть планы – главное, чтобы она поскорее приняла постриг. И тогда

Лаурин уже никуда не денется. Ладно... Девочка заставила себя не думать о монастыре. Хватит с нее нынешних сложностей.

Ужин оказался восхитительным. Ни Гидеон, ни Лаурин еще не пробовали такой похлебки, и мальчик не преминул сказать Соррели все подходящие слова благодарности. Жаркое было сочным, а домашний хлеб вообще выше всяких похвал – с этим не могла поспорить даже Лаурин. Дети уплетали за обе щеки, а старушка улыбалась и смотрела на них. Наконец, на столе появился горячий пирог с фруктами и кувшин густых сливок, какие можно отведать только в деревне.

Наслаждаясь едой, ребята не заметили, каким зорким стал взгляд Соррель. Она, в отличие от своих гостей, не упускала ничего.

Гидеон – вылитый отец, по крайней мере на вид. В девочке кипит сила. Эта сила пока таится под спудом – совсем как у матери, Элиссандры Квин. Малышку трудно назвать красавицей, но со временем... Стоит ей немного похудеть, и каждый узнает изысканные черты Элиссы.

Соррель сосредоточилась и представила, как касается разума мальчика. Гидеон, только что увлеченно поедающий пирог, перестал жевать, улыбнулся. Улыбка стала рассеянной, потом встревоженной... О да, он почувствовал, даже вдали от Таллинора... Хороший знак. Что же касается Лаурина, то Соррель могла лишь ощущать ее силу. Девочка заслонила свой разум щитом, даже не осознавая этого. Прекрасно. Пожалуй, не следует продолжать, чтобы не повредить деткам. Тем временем мальчик и девочка негромко беседовали. Гидеон рассказывал про Ференианский орден, Лаурин – про Гиртон. Соррель решила, что им надо немного успокоиться. Как раз пора убирать со стола. Их последние спокойные минуты...

Старушка задумчиво покачала головой, и Гидеон сразу это заметил. У мальчика был зоркий глаз.

– Я могу вам помочь, Соррель?

– Не надо, мой мальчик. Посиди у огня и поговори с Лаурином. Я сама приберусь, а потом присоединюсь к вам.

Лаурин уже устроилась у очага, точно кошка, и наслаждалась теплом. Гидеон предпочел кресло напротив, старое, но уютное.

– Что ты об этом думаешь? – шепнул он, кивком указав на Соррель, которая сейчас стояла к ним спиной.

– Не знаю, что и думать, – язвительно отозвалась девочка. Что мы здесь делаем? Кто ты такой? И кто она? Пламя преисподней...

Гидеон укоризненно зацокал языком, однако крепкое словцо в ее устах произвело на него неизгладимое впечатление. Да у старого аббата Маггериджа пальцы бы в тапочках скрутило!

– Согласен. Все это так странно, непонятно... Но мне кажется, что эта Соррель – вполне безобидная старушка. В любом случае, нам деваться некуда. Давай послушаем, что она скажет, а утром решим, как быть дальше.

– А вдруг она подсыпет нам сонного порошка в чай, а потом закопает в лесу? Откуда ты знаешь?

Гидеон внезапно понял, что у его собеседницы очень красивые глаза. И вообще она прехорошенькая, хотя и полновата... Может быть, его позабавила эта мысль, а может быть, слова Лаурина, но он от души рассмеялся.

– Смех в старом тихом доме... Какое чудо, – тихо проговорила Соррель. Никто не заметил, как она подошла к очагу.

Гидеон скорчил гримасу, словно его застали за каким-то непристойным занятием, а Лаурин захихикала. Мальчик уже начинал ей нравиться.

Подавшись удобнее в кресле, Соррель протянула Лаурин подушку. Старушка держала в обеих ладонях кружку с травяным чаем, и вид у нее был торжественный.

– Этой ночью я должна вам многое объяснить, – казалось, она произносит речь или читает священный текст. – Рассказ будет долгим. Заклинаю вас: выслушайте все до конца и

не перебивайте. От того, как внимательно вы будете слушать, может зависеть ваша жизнь. Это будет для вас настоящим испытанием. Может быть, вы услышите что-то такое, что вас напугает. Но ничего не бойтесь. Я здесь для того, чтобы вас защищать.

Она многозначительно смолкла и посмотрела на детей, которые таращились на нее, совершенно потрясенные.

– А теперь слушайте.

В очаге плясали языки пламени, дождь выбивал по окнам свою мерную дробь. Пока Соррель не закончила свою историю, ни Гидеон, ни Лаурин не произнесли ни слова.

Наконец все смолкло, лишь уныло капала вода с крыши да выл ветер, – когда успел кончиться дождь? Прошло много времени, однако Гидеону больше не хотелось спать. Он был смущен, озадачен и взбудоражен. Все это слишком невероятно, чтобы быть правдой, но почему старушка говорит так уверенно?..

Лаурин первой нарушила молчание.

– Вы хотите, чтобы мы вам поверили и считали себя братом и сестрой? Вы хотите, чтобы мы поверили, будто мы родились в другом мире и что наши родители способны творить волшебство? И что вы тоже умеете творить волшебство и нас сюда доставили?

Старушка кивнула, и Лаурин почувствовала, как по спине пробегает холодок. Как она ненавидит эту Соррель! Ни одному слову из ее рассказа нельзя верить... но тогда откуда старушка знает все сомнения Лаурин, все ее страхи? Откуда знает, что она всем чужая, что ей нужна семья, что она отчаянно желает знать, кто она такая и почему ее бросили совсем маленькой? После этого даже разговоры о другом мире начинали походить на правду. Лаурин не хотела себе в этом признаваться, но ей стало легче. И вовсе она не странная. Она просто-напросто не имеет ничего общего с Гиртонским монастырем.

– Вы сумасшедшая? – холодно спросила девочка.

– Мне бы хотелось быть сумасшедшей, Лаурин. Тогда ты могла бы снова переписывать свои рукописи, а Гидеон – бороться за голубую ленту, которая ему так нужна... и получить ее. И мы бы все зажили по-прежнему. Если бы я была сумасшедшей, мне не пришлось бы думать об испытании, которое ждет нас.

– «Нас»! – Лаурин почти кричала. – Вы говорите так, словно у меня нет выбора!

– Выбора нет ни у вас, ни у меня, моя девочка. Ваш отец зовет вас домой.

– Отец! это слово прозвучало, как плевок. – У меня нет отца, почтенная. Иначе он был бы рядом и не отказался бы от меня.

Спокойствие Соррель только распаляло ее.

– У него не было выбора, Лаурин. Мы попали бы в руки Инквизитора Гота и погибли, но мне удалось перенести вас в безопасное место.

Гидеон решил вмешаться. Лаурин вполне могла ударить старушку или... Он уже представил, как его сестра с воплем выбегает в ночную темень. Девочку трясло от ярости, готовый вот-вот выплеснуться наружу.

– Лаурин...

– Что? – она резко обернулась. Это был вызов: – что, братишка, сумеешь меня утихомирить?

– Давай попросим Соррель доказать, что это правда, – тихо проговорил он, стараясь не глядеть на старушку. Он видел только прекрасные глаза Лаурин, слышал, как она тяжело переводит дух. – Пусть что-нибудь покажет – что-нибудь такое, чтобы мы поверили, что эта история про нас. Согласен: она больше напоминает глупую сказку. Но мне почему-то кажется, что Соррель – никакая не сумасшедшая. По правде говоря, мне в монастыре всегда было немного неуютно. Как будто я носил чужую одежду. Да, я был там счастлив. Но что-то мне говорит, что Соррели надо доверять. Я упираюсь, но ничего не могу поделать: мне очень хочется в это поверить.

Лаурин была готова сорваться. Она посмотрела на Соррель, снова ни Гидеона – так, словно желала испепелить их взглядом.

– Ты хоть слышишь, что говоришь? Только этим вечером ты строил глазки девице,

которая подает эль в трактире. А теперь готов... отправиться в иной мир? Ты такой же сумасшедший, как и она, Гидеон.

Она помрачнела, но Гидеон был этому рад. Конечно, Лаурин очень не по нраву его слова, но она готова слушать. Надо только подождать. Соррель, кажется, задремала, хотя мальчик догадывался, что это не так.

Наконец Лаурин подняла глаза и посмотрела на него.

– Согласна. Пусть докажет.

Гидеон улыбнулся, но его сестра быстро отвела глаза.

– Соррель... Лаурин согласилась. Докажи нам, что мы – брат и сестра. Покажи, что связывает нас с твоей историей о Торкине и Элиссе.

Старушка открыла глаза и с нежностью посмотрела на Гидеона и Лаурин.

– Гидеон, скажи мне, что ты взял с собой, не считая одежды.

Вопрос был такой странный, что мальчик растерялся. Он заморгал, не понимая, о чем идет речь, и передернул плечами.

– Ну... угольный карандаш, новую пачку бумаги... больше ничего. Я не брал ничего лишнего, Соррель, – ответил он, почему-то чувствуя себя виноватым.

– Подумай получше. А пока ты думаешь, я задам тот же вопрос Лаурин.

Девочка фыркнула.

– Являла только сменное платье и книгу стихов, которые не собираюсь читать. Вы проиграли, Соррель.

Гидеон напряженно думал, и тут его рука сама коснулась волос. Шишка... он ударился, когда полез под кровать за бумагой...

И он вспомнил про камень.

– Не знаю, насколько это важно, Соррель, но я взял с собой вот это, – мальчик сунул руку в карман и достал свое сокровище. Шарик снова был теплым, а разноцветные переливы, казалось, стали ярче и словно наполняли камень.

– О-о! – воскликнула Лаурин... и тут же пожалела об этом, потому что Соррель и Гидеон повернулись к ней.

– А ты, Лаурин? – с улыбкой спросила старушка и кивнула.

Наверно, этого не стоило делать, но Лаурин сунула руку в карман и вытащила свой шарик. Ни разу за время жизни в монастыре она не помнила, чтобы он был таким теплым, а цвета так сияли.

Гидеон таращился на шарик Лаурин, а она – на его. Мальчик не мог поверить своим глазам. Камень был единственной вещью, которая была при нем с детства, а может быть, и с тех пор как он родился. Кажется, он никогда не расставался с камушком, словно тот и впрямь приносил удачу. Вещь, которая ни на что не похожа, и другой такой нет и не должно быть во всем мире! Однако у девочки оказался точно такой же камень.

Лаурин тоже была не на шутку озадачена.

– Мне говорили, что он был вшит в мою одежду, когда меня привезли в монастырь.

Она нарочно не сказала, куда именно был вшит камень. Так она поймает старую ведьму в ловушку.

Соррель улыбнулась, как человек, вспомнивший что-то приятное.

– Да моя девочка. Явшила его в одну из твоих рукавичек. Ты говорила, что если сможешь держаться за него, если он будет у тебя, ты сможешь всю дорогу не плакать.

Еще несколько минут Лаурин думала, что не могла бы сильнее ненавидеть старуху. Оказывается, это было возможно. Внезапно она внезапно вспомнила, как стояла на оледеневшей дороге, как пронизывающий ветер задувал ей под плащ, как она цеплялась за бабушку и умоляла не бросать ее. Десять лет она не вспоминала об этом, загнав мучительное воспоминание в самый дальний угол памяти и не позволяя ему возвращаться. Только что она поклялась бы чем угодно, что никогда в жизни не видела Соррель, но теперь все вспомнила, и это было ужасно.

Гидеон переживал нечто подобное. Пока Соррель рассказывала Лаурин про ее камень,

он внезапно вспомнил малышку, с которой когда-то играл. Девочку. Живую, толстощекую, смешную девочку, которая каждый день обнимала его и твердила, как любит его. Как можно было такое забыть? Почему он забыл? Это была его сестренка. Он стоял у обочины дороги, а его сестренка плакала. Они прощались. Ему тоже предстояло уехать, его тоже отправляли в монастырь, но его наставник должен был приехать чуть позже. Да, теперь он все вспомнил – так, словно это было вчера. У мальчика вдруг перехватило дыхание.

– Лаурин... я... я тебя помню.

– Нет! – закричала она. – Не может быть! Ты мне не брат!

– Вы брат и сестра, – Соррель явно не шутила, исчезла даже ее добродушная улыбка. – Вы родились один за другим. Ты появился первым, Гидеон, и Торкин Гинт, твой отец, держал тебя на руках и плакал. Тогда он дал тебе имя. А потом родилась ты, Лаурин. И это было как чудо, дарованное богами. Он сказал, что никогда в жизни не видел ничего прекраснее, чем ты.

Лаурин с трудом сглотнула. Многих ее ровесниц уже называли «хорошенькими» а ей никто не говорил даже такого. И вот Соррель утверждает, что отец, о котором Лаурин столько мечтала, считает ее самым прекрасным, что есть на свете...

Старушка словно услышала ее мысли.

– Знаешь, Лаурин, твоя мать – она как куколка. Хрупкая, восхитительная фарфоровая куколка, а ты, когда родилась, была очень на нее похожа.

Это было слишком. Лаурин всхлипнула. Гидеон потянулся к сестренке, обнял ее и крепко прижал к себе. Он тоже плакал. Нет, подумала Лаурин. Такого никогда не бывало и никогда не будет. У нее есть семья. Ее называют красивой. Ее обнимает и утешает родной брат.

Соррель решила, что позволит им выплакаться. Еще бы: такое потрясение! Она до смерти боялась за этих детей, но знала: им хватит сил, чтобы пережить все испытания, которые их ждут. Она чувствовала их силу. И непременно расскажет им все, что еще не рассказала... как только они будут в состоянии слушать.

Наконец она увидела две пары покрасневших от слез глаз.

– Я не закончила, – сказала Соррель и с облегчением увидела, как брат и сестра кивнули, хотя и неохотно. – В тот страшный и чудесный день, когда вы родились, ваш отец даже представить себе не мог, куда я с вами отправлюсь. Ему оставалось только довериться мне. Все, что он мог сделать, чтобы не потерять вас навсегда, – это передать для вас три эти камня.

– Три? – переспросил Гидеон. Соррель кивнула.

– Третий я тоже сохранила, Гидеон. Не беспокойся.

Лаурин крепче прижалась к брату и с мольбой посмотрела на Соррель.

– Думаю, ваш отец решил, что мы просто уедем куда-нибудь подальше, чтобы Инквизитор Гот не нашел вас. Спасаясь, вы спасали не только себя, но и вашу мать... а может быть, и отца.

Соррель умолкла, ожидая неизбежного вопроса.

– И мама согласилась? – спросила Лаурин.

– Ваша мать истекала кровью. Она должна была умереть, а вы бы умерли вместе с ней, но тут подоспела помощь. Мы воззвали к богу лесов Дармуду Корилу, и он исцелил вашу мать с помощью волшебства. Она погрузилась в глубокий сон, и вскоре вы появились на свет. Бедняжка Элисса так об этом и не узнала. И, наверно, до сих пор не знает.

Гидеон и Лаурин, казалось, были потрясены, но Соррель ошибалась, решив, что их ошеломила последняя новость.

– Наша мать жива? – прошептал Гидеон.

– Да. И ваш отец тоже.

– А откуда вы знаете?

– Ваша мать жива, потому что Дармуд Корил спас ее жизнь. И если она умрет, я почувствую. А ваш отец... Откуда я знаю, что он жив? Это она мне сказала.

И Соррель кивком указала в сторону очага.

Гидеон и Лаурин обернулись и увидели прозрачную серебристо-зеленую фигурку женщины, которая покачивалась в воздухе. На губах женщины играла печальная улыбка. Как и надеялась Соррель, дети совершенно не испугались и лишь удивленно разглядывали призрачную гостью.

– Ее зовут Ярго. Это посланница вашего отца. Ей понадобилось немало времени, чтобы разыскать вас. С тех пор, как отец отправил ее на поиски, в Таллиноре прошло несколько лет...

Соррель поняла, что должна кое-что объяснить.

– В разных мирах время течет по-разному. Надеюсь, я не ошиблась в расчетах. Пока в Таллиноре проходит год, здесь пролетает два с половиной. Вам скоро исполнится пятнадцать, но вы покинули Таллинор всего шесть лет назад. И одному Свету известно, что произошло после того, как Ярго покинула вашего отца. Поэтому нам нужно спешить. Если отец отправил к вам посланницу, значит, уже приступил к выполнению своего замысла. Конечно, он мог попасть в беду, но может быть, просто ждет вас.

Вот оно. Соррель внимательно следила за детьми, пытаясь понять их чувства.

– Мы отправляемся туда? – мечтательно спросил Гидеон.

– Мы должны туда отправиться, – сказала Соррель, стараясь говорить ровно.

– Чтобы снова встретиться с нашими родителями? – уточнила Лаурин.

– Так и было задумано.

– А как она нас нашла? – Гидеон не мог отвести глаз от Ярго, которая по-прежнему молча покачивалась в воздухе.

– Ее вел зов Камней Ордольта. Пусть она сама все объяснит.

Улыбаясь, Ярго подплыла поближе. К ее радости, ни мальчик, ни девочка не отшатнулись, а Гидеон даже протянул руку, чтобы коснуться ее. Жаль, что это было невозможно... Мальчик так хорош собой – вылитый отец. Наверно, именно таким был Тор в том возрасте, когда мальчики становятся мужчинами.

– Япроделала долгий путь, чтобы найти вас. Ваш отец не знал, где вас искать, но меня направляла Хранительница Лисе. Он просил найти вас как можно скорее и передать вам, что он ждет вас и хочет как можно скорее вас видеть. Мы должны отправляться в Таллинор.

– И все? – уточнила Лаурин, эхом повторяя мысли Гидеона.

– Она – только посланница, – произнесла Соррель, зная, что Ярго не сможет ответить на этот вопрос. – Если Торкин Гинт зовет вас, значит, вы ему нужны. Таллинор в опасности. Помните, я рассказывала вам о Паладинах? Возможно, Десятый уже пал. Если это так, времени осталось совсем мало. Как я понимаю, – осторожно добавила она, – вы оба почувствовали, когда горный карлик Фиггис сдался? Вы оба лишились чувств: ты, Гидеон – у себя в монастыре, а ты, Лаурин – в зале для переписывания рукописей. Как я понимаю, это произошло одновременно, и неспроста. Сердце Лесов дотянулось до вас и дало вам знать об этой беде.

Ерунда. Бессмыслица. Гидеон и Лаурин подумали об этом одновременно, хотя ничего не сказали.

– И как мы вернемся в Таллинор? – спросил мальчик – так, словно спрашивал о чем-то совершенно обычном.

– Нас перенесет туда Ярго, – в тон ему ответила Соррель, но ничего пояснять не стала.

– А монастырь? У меня скоро начнутся Испытания, я должен получить голубую ленту. Долго мы будем путешествовать?

Соррель вздохнула.

– Мне нелегко говорить тебе об этом, Гидеон... а тебе, наверно, будет еще труднее это принять...

Она смолкла, но мальчик даже не моргнул.

– Голубая лента и монастырь теперь в прошлом. Как и все, что было у тебя до этого мгновения. Ваша судьба ждет вас в Таллиноре... Вы оба оттуда.

Лаурин оживилась. Она снова взяла себя в руки, и голос ее звучал спокойно и ровно.

– Значит, мы должны забыть все, к чему привыкли... еще раз. Вы это хотите сказать?

– Да – Соррель кивнула. – Мне очень жаль. Все, что происходило до этой ночи, до этого мгновенья, делалось с одной целью: спасти вам жизнь. Ваша жизнь бесценна. Чтобы встретить свою судьбу, вы должны вернуться в Таллино́р живыми и невредимыми.

Дети переглянулись. Кажется, они подали друг другу какой-то знак, но Соррель этого не поняла. Скорее всего, им хотелось поговорить наедине, поэтому она извинилась и ушла собирать вещи.

Однако когда она покинула комнату, Гидеон и Лаурин поняли, что не в силах произнести ни слова. То, что здесь произошло, просто не укладывалось в голове.

Ярго пришла на выручку.

– Хотите, я расскажу вам про вашего отца?

Брат и сестра обернулись. Они не ожидали подобного предложения. Теперь голос женщины-призрака уже не был сонным, в нем появилась беспечность, а его переливы напоминали звон стеклянных нитей на ветру.

– Конечно, – откликнулся Гидеон. Он был рад, что разговор наконец-то начался.

И Ярго рассказала. Пока Соррель копошилась в своей кухоньке, напевая себе под нос, Ярго рассказывала детям все, что могла рассказать об их отце – таком рослом статном, самом красивом из всех жителей Таллино́ра. Лаурин не удержалась и прыснула.

– Ты говоришь так, словно потеряла голову, Ярго.

– Так и есть. Я люблю его всем сердцем... – она услышала печаль в своем голосе и поспешила сменить тему. – Я говорила, что у него есть ручная птица?

Увидев, как они качают головами, она рассмеялась.

– О, это великолепный сокол. Его зовут Клут, и он умеет творить волшебство... хотя я толком не пойму, как ему это удастся. Я знаю только, что он – один из десяти Паладинов, защитник вашего отца.

Кажется, Гидеон не слышал ее последних слов. Он напряженно размышлял.

– Ярго, ты думаешь, что мы непременно должны вернуться вместе с тобой?

– Я знаю, что ваш отец очень любит вас, Гидеон, – строго ответила посланница. – Поэтому я уверена: без крайней надобности он никогда не стал бы просить вас вернуться. Он никогда бы не стал подвергать вас опасности ради собственной прихоти.

Тут в комнату на цыпочках вошла Соррель, и Ярго замолчала. Старушка торжественно посмотрела на нее, потом на детей. Гидеон снова переглянулся с Лаурин, взял сестру за руку и коснулся губами ее запястья.

– Если Лаурин согласна, мы отправимся в Таллино́р.

Лаурин стало страшно. Теперь ей придется решать за двоих, а она совершенно этого не хотела. Но Гидеон смотрел ей прямо в глаза. Какие они у него удивительные – огромные, темно-голубые... Что он пытается ей сказать? Девочка прижала его руку к своим губам – так ее учили выражать почтение.

– Сомневаюсь, что у нас есть выбор. И я терпеть не могу переписывать рукописи! Так что я согласна.

Если бы у Соррели упала с плеч настоящая гора, она бы не почувствовала бы такого облегчения.

– Спасибо вам... – она на миг смолкла и подошла к сундуку, который стоял в углу комнаты. – Вам надо переодеться. Я приготовила вам одежду. Каждые полгода я ее перешиваю. Извините, если будет не очень хорошо сидеть, но никто этого не заметит. Обещаю.

Дети с опаской приблизились к сундуку и заглянули внутрь. Сначала Соррель достала темно-коричневые брюки и светлую рубашку для Гидеона. Лаурин она вручила юбку с поясом, что было очень кстати, а к ней – свободную блузку, стягивающуюся шнурком у горла.

– Какое там сейчас время года, Ярго? – спросила Соррель.

– Мы прибудем ранней весной, – сказала посланница.
– Значит, это нам тоже пригодится, – откликнулась старушка и вручила Гидеону толстую шерстяную куртку, а его сестре – теплую вязаную шаль.
– О чем я совсем не жалею, так это о своем балахоне, – заметила Лаурин. – Он так кусался!

Гидеону нравилось, как она улыбается. Стоит ей улыбнуться, и она становится такой хорошенькой! Он подумывал сказать это сестре, но Соррель уже вела Лаурин в другую комнату. Гидеону пришлось переодеваться на сундуке. Много времени это не заняло. Очень неплохо, нигде не жмет.

Ярго наблюдала за ним и наслаждалась. Двигается совсем как отец... И это сходство еще заметнее, когда на нем нет одежды. Посланница улыбнулась про себя и подумала, станет ли Хранительница бранить ее за столь неприличное поведение. Тут старушка с девочкой вернулись, дети взглянули друг на друга и расхохотались – так заразительно, что Соррель улыбнулась.

– Не берите с собой ничего, что связывает вас с этим миром, – проговорила старушка. – Хорошо проверьте карманы.

– А наши камни? – уточнил Гидеон.

– Ах, да... их надо взять обязательно. Но больше ничего.

Лаурин перевела дух. Она все еще не могла поверить, что все это происходит на самом деле. И чего ради она ввязалась в эту безумную историю? Гидеон чувствовал ее беспокойство. По правде говоря, он испытывал те же чувства.

– Готовы? – спросила Ярго.

Трое путешественников кивнули и сплели руки.

Глава 14

Милость Орлака

Лисе ненавидела Пустоту между мирами. Но здесь был ее дом.

Сотни лет женщины в семье Лисе были Хранительницами порталов, и это место передавалось от матери к дочери. Мать Лисе была Хранительницей, а до этого – мать ее матери. До того как Орлака Связали, Хранительнице не было нужды жить в Пустоте. Можно сказать, и обязанностей у нее никаких не было. Все, что от нее требовалось, – это просто следить за вратами, которые соединяют миры, чтобы никто не проходил через них там без ее ведома. Но за сотни лет это никому не пришло в голову.

Но потом Орлак обрушил на Королевства свой гнев. Сонму удалось связать юного бога и заключить его в клеть, которая висела среди Пустоты. Десяти Паладинам, десяти избранникам, было поручено удерживать его там, но по совету Дарганота, Старейшины Сонма, решили призвать им в помощь Хранительницу. Ей предстояло следить как за пленником, так и за Паладинами, стать их верным часовым.

Юная красавица Лисе с готовностью приняла это предложение: перед Сонмом встала непростая задача, которая грозила оказаться неразрешимой. А когда впервые было сказано, что лишь Триединство поможет совладать с Орлаком, именно Лисе вызвалась посетить мир, который пытался разрушить мстительный бог, чтобы начать воплощение этого замысла.

Право пользоваться порталами, которым Лисе обладала с рождения, позволяло ей проходить из одного мира в другой, почти не повреждая их ткань и не причиняя им вреда, что было замечательно. Тем не менее ей лишь однажды было дозволено прийти в Королевства и покинуть их в собственном теле. После этого она могла присутствовать в этом мире незримо, чтобы не терять с ним связи, но и только. Сонм поручил ей важное задание и дал лишь один шанс с ним справиться.

Лисе прошла по порталам и почти год провела в Таллиноре. Она добилась всего, чего требовал от нее Сонм, но ее сердце было полно не торжества, а печали. Хранительница больше не хотела жить в прекрасном мире богов и поселилась в Пустоте. Это место казалось

Лисе весьма подходящим: оно напоминало о бездонном отчаянии, которое охватывало ее при мысли о том, что предстояло.

Ей предстояло следить за Орлаком и увидеть, как отважные Паладины один за другим падут перед его мощью. Теперь остался лишь великан Темезиус. Орлак мог снова нанести удар, но почему-то прекратил борьбу и притих – очевидно, погрузившись в глубокое раздумье. Лисе не понимала, почему в столь важный миг он дал своему стражу передышку.

Лисе прервала размышления и устремила взгляд на сгусток багрового тумана, который плавал в Пустоте – все, что осталось от Доргрила. Некогда этот бог был могуч и велик. Появление Доргрила в этих скорбных пределах не удивило Лисе. Куда еще Сонм мог сослать божество, которое плело заговор против собственного брата-короля, желая свергнуть его? Для того, кто жаждал жизни во плоти и всех удовольствий, которые она сулила, кто расцветал, вкушая их, невозможно было найти лучшего места заточения. И как еще можно было наказать столь могущественное создание? Только одним способом – лишить его всего, что оно любило: облика, возможности удовлетворять свою прихоть, свободы и, прежде всего, силы.

Бесспорно, Доргрил должен был провести вечность в Пустоте, чтобы заплатить за алчность и высокомерие. Ему были доступны блага, о которых другие боги могли лишь мечтать, которые большинство смертных не могли себе вообразить. Но Доргрил хотел большего. Он был младшим из близнецов и мечтал стать королем, хотя трон по праву принадлежал его брату. Несомненно, ему удалось бы осуществить свой страшный замысел, не узнай об этом его супруга. Ее преданность королю и королеве оказалась сильнее любви к мужу. Доргрила схватили, судили и подвергли наказанию.

Как и подобает стражнице, Лисе не позволяла себе беседовать с богом-заключенным, однако сейчас она почувствовала, что должна с ним поговорить. Возможно, ей следовало по-прежнему хранить молчание. Но Доргрил проявлял все больше интереса к Орлаку, и вкупе со странным бездействием юного бога это вызывало у Лисе столь сильное любопытство, что она решила пренебречь правилами. Может быть, Доргрил поможет ей понять, что происходит с Орлаком?

Она решила задать этот вопрос прямо.

«Как ты думаешь, почему Орлак затих?»

Многовековое молчание было нарушено, и пленник, несомненно, был этому рад. Багровый туман замерцал.

«О, Лисе! Как приятно слышать твой голос!»

«У меня нет настроения для обмена любезностями, Доргрил».

«Почему нет, прелестное создание? Чем еще заниматься среди Пустоты?»

Эта игра слов не произвела на Лисе никакого впечатления. К чести своей, она знала, что изысканные манеры скрывают самый изворотливый в мире ум, и его обладатель неустанно размышляет над тем, как усыпить ее бдительность. Можно было не сомневаться: Доргрил что-то задумал.

Много столетий он провел в молчании, не имея возможности поговорить даже с самим собой. Однако сейчас он, казалось, был почти весел, словно что-то предвкушал. Он по-прежнему влачил жалкое существование, и до сих пор ничто не могло обрадовать его. Значит, он знает что-то такое, что неизвестно Лисе. По крайней мере, Доргрил уверен, что так оно и есть. Надо быть настороже: даже беседовать с пленным богом опасно. Лисе уже давно обещала себе, что никогда не поддастся на его уловки и ясно даст Доргрилу это понять. Ни одного слова он не произносит просто так, ни одна мысль в его уме не совершается без какой-то цели. Доргрил был близок к тому, чтобы победить короля богов, и на это не следовало закрывать глаза.

Жаль, что бога убить так непросто, с сожалением думала Лисе. Иначе можно было бы разом покончить и с Доргрилом, и с Орлаком, принцем богов, который доводился ему племянником. Вместо этого ее приставили стеречь их. Лисе ненавидела эту работу. Но если тебе что-то поручили, делай это так хорошо, как можешь.

Подобно Нанаку, Лисе порой ловила себя на том, что испытывает к Орлаку искреннее сострадание. Случалось, что он успокаивался, как сейчас, и Хранительница могла коснуться его разума, более не защищенного незримыми барьерами. Тогда она чувствовала печаль, которая переполняла это невероятно прекрасное существо. Неистовая ярость и ненависть к миру, в котором он вырос, появились позже, – когда Орлак понял, кто он такой. Наследник трона, принц богов, он рос в бедной семье, лишенный всего, что принадлежало ему по праву. Лисе понимала его боль. Равных ему по происхождению не было даже среди богов, а его воспитывали как простого смертного. И самое ужасное, что он ничем не заслужил подобную участь. Он просто попался вора, которым было все равно что красть.

Удастся ли когда-нибудь исправить содеянное? Придут ли миры к равновесию, которое было однажды нарушено? Что случится, если пробудится сила Триединства?

Доргрил прервал ее размышления.

«Я в восторге от этого... как бы это назвать? ах, да, спектакля, который разыгрывается у нас на глазах. Несправедливо обиженный Орлак пытается вырваться из заточения. Твой любимчик-смертный, который плыл на корабле, прыгает за борт, невзирая на страшный шторм и, возможно, погибнет. Какая-то странная посланница тайно проходит через портал. Интересно, куда она направляется, а? А есть еще красавица Элисса. Похоже, она нашла себе теплое местечко. Королева Таллинора... Завязка весьма любопытная, Лисе. Интересно, что случится, когда все участники встретятся? Только подумаю, и прямо дрожь пробирает», – он рассмеялся.

«Не волнуйся, Доргрил», – холодно отозвалась Хранительница.

«Но, Лисе, чем мне еще наслаждаться, кроме этого маленького представления? Что еще может меня взволновать. Это же так забавно. Ты не находишь? Вижу, что нет... Хотелось бы знать, почему? Чего боится всемогущая Хранительница?»

Лисе уже жалела, что завела этот разговор, но ей было необходимо понять, что случилось с Орлаком. Когда пал Девятый, горный карлик Фиггис, Доргрил стонал от смеха.

Лисе помнила отчаянный вопль великана Темезиуса, который только что потерял последнего друга. Нанак, Хранитель Паладинов, был сокрушен и даже не пытался скрывать свою боль. Однако Орлак, казалось, не рад своей победе. Он опустился на пол своей клетки, склонил к коленям свое великолепное чело, обвинил себя могучими руками, словно прижимал к себе что-то невидимое, и молча раскачивался из стороны в сторону. После гибели Фиггиса он так и не произнес ни звука. Он вообще ничего не делал. И Лисе находила это странным.

Ей ничего не оставалось, кроме как повторить свой вопрос. Хранительница хотела хотя бы понять, может ли он объяснить молчание молодого бога.

«О, Лисе, откуда я могу знать, о чем думает бог? Конечно, я тоже бог – вернее, жалкое подобие бога, в таком месте невозможно быть чем-то другим... но я представляю, почему наш юный друг ведет себя так, а не иначе».

И она поверила. В самом деле, откуда ему знать?

«Разве что Орлак решил сменить гнев на милость», – добавил Доргрил тоном лицедея, который собирается сообщить публике очень большую тайну.

«Гнев на милость? Что ты имеешь в виду?»

«Когда-то я был изумительно хорош собой и считался особой королевской крови. В то время у нас была любимая игра. Она называется "Квикс"».

«Я знаю эту игру. Если помнишь, ты тут не единственный из богов».

Доргрил снова рассмеялся. Несомненно, он что-то знал, а она даже не представляла, что. Такое положение вещей Лисе не радовало.

«Конечно-конечно. Но мы были королями, моя дорогая, и играли по другим правилам».

Туман стал пурпурным, как королевская мантия, и Лисе поняла, что ненавидит своего пленника.

«Неужели? – она перевела дух, чтобы успокоиться и говорить ровным тоном. – Может, ты меня просветишь?»

«Когда победитель чувствует, что следующий удар будет "смертельным", то есть

закончит игру, – казалось, Доргрил не слышал ее, – он обычно садится на пол и дает противнику передышку. Можно сказать, победитель дарует побежденному пощаду... во всяком случае, старается пощадить его чувства. Конечно, не пощаду – "милость", так это называется. Чтобы побежденный пришел в себя и достойно встретил "смерть". Конечно, квикс – это просто игра и только на вид напоминает рукопашную схватку. Но тут другое дело. Борьба идет не на жизнь, а на смерть».

«Понимаю».

Доргрил держался все более высокомерно.

«Правда, я не уверен, что Орлак разбирается в таких тонкостях. Он был совсем ребенком, когда его украли».

«Я бы так не сказала, – ответила Лисе. Она была не на шутку взволнована. – Все, кто входит в Сонм, получают знание о путях богов при рождении. Ты прав, Доргрил. Спасибо. Думаю, Орлак делает это, даже не задумываясь. Я имею в виду, дарует милость Темезиусу».

«Очень рад, что смог тебе помочь, Лисе. Может, окажешь мне в знак благодарности маленькую услугу?..»

«Я ничего тебе не должна, Доргрил, – отрезала Хранительница. – Скажи, надолго даруется милость?»

Настроение у пленника явно испортилось, и он не ответил. Лисе ждала. Наконец из багрового тумана донесся вздох.

«Понятия не имею. В квиксе – от рассвета до заката. Но если мы торчим в этом проклятом месте, откуда нам знать, когда солнце восходит, а когда садится?»

Лисе отпрянула и загородила свой разум, прежде чем Доргрил успел в него заглянуть. Ее пленника трудно было назвать тугодумом; стоит позаботиться о том, чтобы он подольше не узнавал о том, что происходит вокруг. И, конечно, он прав. Орлак просто выжидает, а потом разделается с Темезиусом, в этом можно не сомневаться. Но так или иначе, у них появилось немного времени. Сколько? От рассвета до заката... В Таллиноре за это время пройдет целый год. Это поможет, хотя и не будет спасением.

Надо поторопить Тора. Но для начала – спасти его прежде, чем он утонет в море.

Глава 15

Морук Адонго

Холодные морские волны жадно поглотили беглецов. Райк крепко держал Тора за шею, а Локки не менее крепко вцепился в его руку и барахтался что есть сил. Что касается самого Тора, то он перестал понимать, где верх, где низ, и лишь судорожно хватал ртом воздух. Цвета кипели в нем, яркие и горячие. Он должен использовать их силу, чтобы выплыть. Но... куда ему двигаться? А еще хуже было лицо Гота, которое постоянно мелькало перед ним. Тор успел не раз хлебнуть воды – значит, мальчики тоже. Оставалось лишь надеяться, что Гот погибнет вместе с ними в холодной пучине океана.

«Тор...»

Этот голос он не перепутал бы ни с каким другим.

«Я сплю, Лисе, раз мы с тобой разговариваем».

«Ты не спишь, ты тонешь».

«Наверно, это не так уж плохо – утонуть».

«Нет, Тор. Используй свою силу, спасайся... Спасай всех вас!»

«Зачем, Лисе?» – спросил он, погружаясь в глубину.

«Некогда, Тор! Призывай Цвета».

«Зачем?»

«Твоих детей нашли. Они направляются к тебе».

Связь прервалась, и Тор остался один, наедине с мальчиками.

Весть о Гидеоне и Лаурин вернула его к жизни. Тор обернулся и увидел широко раскрытые, переполненные беспредельным ужасом глаза Локки. Парнишка судорожно

разевал рот: похоже, ему было нечем дышать. А Райк, наверно, уже мертв, подумал Тор, и его охватило отчаяние. Руки, обвивающие его шею, слабели.

И тогда он призвал Цвета.

В следующий миг все трое барахтались на волнах и жадно глотали воздух. Он был жизнью, и спасенные прерывались лишь для того, чтобы яростно сплюнуть, избавляясь от соленого вкуса смерти во рту.

«Оса» исчезла из виду. Может быть, их отнесло далеко от корабля, а может быть, злосчастная посуда утонула. Вокруг бушевало море, но Тора и его спутников окружал плотный радужный кокон.

Тор дико озирался по сторонам. Он все еще не мог надышаться. Казалось, его грудь вот-вот разорвется, точно бочонок, у которого ослабли клепки. Внезапно во мраке что-то мелькнуло – более темное, чем темнота, неподвижное, угловатое... Скалы! Земля! Туда можно добраться... если он немного постарается. Времени на размышления не оставалось. Тор представил, что от скал к ним тянется невидимая веревка, и принялся понемногу ее сматывать.

Наконец какой-то каменный выступ оказался так близко, что Тор сумел ухватиться за него, выбрался из воды и вытащил Локки. Только сейчас он понял, насколько устал. Райк по-прежнему висел у него на шее, но был без чувств. Судя по всему, они оказались на каком-то островке, потому что за полосой скал, торчащих из воды, виднелся материк. Эта новость вкупе со страстным желанием вновь увидеть своих детей придала Тору сил. Он помог Локки подняться; мальчик подхватил Райка с одной стороны, а Тор с другой, и все трое заковыляли по песку, пока не нашли укромное местечко. Измученные, они повалились в заросли чахлой травы. Мир дарил им постель и укрывал от порывов воющего ветра.

Солнце уже взошло, но цвет неба наводил на мысли о сумерках. Тор понял, что шторм прекратится еще нескоро. Обнаружив небольшую ямку, он подтолкнул Локки, призывая переместиться туда, уложил Райка и осмотрел его. Мальчик дышал, но отрывисто и хрипло.

После этого Тору все-таки пришлось встать и выпрямиться в полный рост – надо было понять, что происходит вокруг. Вдалеке дымились костры – кажется, кто-то разбил там лагерь. Однако Тор понимал, что его спутникам туда не добраться. Мальчикам нужно восстановить силы. После этого можно будет сходить в лагерь за подмогой. Откровенно говоря, Тор и сам едва держался на ногах и не отказался бы от небольшого отдыха.

Он снова повернулся в море, чтобы последний раз поглядеть туда, где затонула «Оса». Горизонт был чист, однако недалеко от берега Тор заметил кусок то ли мачты, то ли корабельной обшивки, а на нем – человека в темных одеждах. Обломок швыряло из стороны в сторону, но человек держался крепко. Гот, чтоб ему пусто было!

Время от времени мнимый священник поднимал одну руку и отчаянно махал. Слов было не разобрать, но Тор догадался, что Инквизитор просит о помощи.

«Не стану я тебя спасать, Гот, – подумал юноша. – Не хочу марать руки твоей кровью. Пусть море сделает за меня всю работу».

Волны играли обломком, точно сумасшедшее многорукое чудовище. Удивительно, как Гот умудрился столько продержаться.

– Прощай, Гот! – заорал Тор.

Ветер унес его слова в сторону. Инквизитор перестал махать и снова вцепился в обломок. Тор следил, как волны жадно гонят крошечный плот назад, в открытое море, все дальше и дальше от берега. Наконец, он превратился в точку. Тор молился, чтобы эта тварь, которую он ненавидел больше всего в этом мире, сгинула раз и навсегда.

Гот упокоится в своей бездонной могиле, и Элисса будет свободна. Обнадеженный, Тор без сил опустился на землю рядом со своими друзьями.

Он понял, что спал, лишь проснувшись. Голова была словно налита свинцом. Тор встряхнулся, чтобы избавиться от неприятного чувства. Шторм стих, лишь ветер не все не мог успокоиться, и дождь лил по-прежнему, так что одежда беглеца промокла до нитки. На

лице выступила соль, глаза щипало, но когда Тор попытался утереться, он обнаружил, что руки у него скованы цепями.

Это открытие подействовало на него, как ушат ледяной воды. Тор поморгал и огляделся. Рядом стояло еще несколько человек в цепях – смуглых, темноглазых, с худыми лицами, длинными руками и ногами. Кочевники с Чужестранных островов – те самые, о которых говорила Эйрин... Они вполголоса переговаривались на своем языке, и Тор не понимал ни слова. Его самого никто не окликнул, хотя было очевидно, что он очнулся. Поднимаясь, Тор подумал, не прибегнуть ли к волшебству, чтобы освободиться, но вспомнил про Локки и Райка. Для начала стоит узнать, что с ними, а до тех пор воздерживаться от резких движений.

Похоже, его занесло довольно далеко от песчаной косы, где они нашли убежище прошлым вечером. Занесло... Занесли, если быть точным, причем предварительно одурманив каким-то снадобьем. Вот почему голова болит, словно с похмелья. Иначе каким образом его подняли, доставили сюда, заковали в цепи, а он так и продолжал спать? Скорее всего, догадка была верна, но Тор ничего не помнил.

Солнце было уже высоко, когда его наконец-то почтили вниманием. Какой-то здоровяк пинал лежащих людей и приказывал им подниматься, подкрепляя свои слова весьма красноречивыми жестами. Заметив в руке незнакомца свернутый кнут весьма угрожающего вида – омерзительное зрелище! – Тор решил повиноваться. Вскоре появилось еще несколько надсмотрщиков, которым, похоже, приходилось проводить в море куда больше времени, чем на суше. Здоровяк, который пришел первым, обратился к пленникам на том же неизвестном Тору языке, которым, похоже, владел весьма посредственно. Сосредоточившись, Тор сумел понять несколько слов, но потом решил не утруждаться. Закончив тираду, матрос заговорил на родном языке Тора и начал с того, что представился. Это был Хэрид, первый помощник Черной Руки.

– Тебе крупно не повезло, долговязый. Теперь ты раб и должен вести себя, как положено рабу. Как тебя зовут?

Врать не было нужды.

– Торкин Гинт.

– И откуда ты?

– Из Тала.

Мужчина рассмеялся.

– Первый раз поймал ученую птицу из столицы. Наверно, больших денег стоишь, Гинт. Что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь уцелеть, – отозвался Тор и заметил, как Хэрид перехватил свой кнут поудобнее.

– Ты мне тут не остри, Гинт. Мы тебе острый язычок быстро подрежем. Мое дело – спрашивать, а твое – отвечать. Ты теперь моя вещь, понял?

Замечание было справедливым, а главное – своевременным.

– Ты с какого корабля?

– С «Осы». Она затонула во время шторма. Похоже, Хэрида и его приятелей проняло.

– Ты там был? – рывкнул первый помощник, подходя ближе.

– Да, я и два моих товарища.

– А что с капитаном?

Осторожно.

– Мертв. Можно сказать, убил сам себя.

– Врешь! – заорал здоровяк. – Чтобы Черная Рука лишил себя жизни? Да быть того не может.

– Я был там, – возразил Тор. – Он не хотел лишать себя жизни. Просто несчастье.

Тишина легла ему на плечи, как свинцовый груз. Слушали все, даже рабы перестали переминаться с ноги на ногу.

– Он решил немного поразвлечься – отрубить руку матросу, который ему не угодил.

Начинался шторм, и корабль неожиданно качнуло... Думаю, с этого все и началось. Черная Рука оступился и упал, а топор вошел ему прямо в грудь. Когда я видел капитана в последний раз, его кишки были разбросаны по всей палубе.

Тор с удовольствием заметил ужас на физиономиях работоторговцев. Хэрид каким-то чудом сохранил самообладание.

– А остальные?

– Думаю, все погибли, – ответил Тор. – В мачту ударила молния, и корабль загорелся. Я оглянуться не успел, как он развалился и ушел под воду. Мы трое прыгнули за борт и поэтому спаслись. Про остальных ничего сказать не могу.

– А что ты делал на борту «Осы»?

– Плыл в Кипрес. Я оплатил дорогу. Позвольте спросить, где мои друзья?

– Один умирает, если уже не умер. Кстати, это парнишка из нашей команды. А второй такой смазливенький... Девочек у нас нет, так что наши ребята им немного попользуются.

Тор почувствовал, что закипает.

– Я не просто так спросил, где они. Я лекарь и могу спасти вашего юнгу. Что касается Локлина Гилбита... Думаю, тебе небезынтересно узнать, что его сестра – супруга Януса Квиста. Уверен, Квист с удовольствием расскажет тебе, как следует обращаться с его родней.

То, что произошло потом, следовало предвидеть. С Хэридом не следовало разговаривать свысока. Тем более не стоило пугать его Янусом Квистом. Кнут обжег мокрую кожу Тора. Боль была такой сильной, что пленник упал в грязь. Хэрид снова хлестнул его, на этот раз попав по спине. Оглушенный болью, Тор едва слышал, как орет первый помощник.

– Чтоб я больше такого не слышал, Гинт! С этого мига будет так: если я к тебе обращаюсь, ты смотришь на свои ноги и отвечаешь. Ты – раб. Мне еще не такие сказки сочиняют, чтобы спасти свою шкуру. Не выйдет, Гинт. Через три-четыре дня тебя продадут в Кипресе вместе с твоим дружкой, у которого к тому времени будет здорово болеть задница. А теперь вставай и лечи юнгу, потому что он мне нужен. Потом можешь заняться своим дружкой. Мне он нужен здоровым, чтобы мои ребята ближайшие две ночи не жаловались.

Последние слова он произнес, не меняясь в лице. Моряки расхохотались. Тор уже собирался загнать этот смех им в глотки, когда услышал у себя в глубокий бархатный голос. Совсем как в тот день, когда клеймили девушку по имени Мария, и Меркуд впервые заговорил с ним.

«Не показывай им свою силу. Не стоит».

Цвета поблекли. Тор осторожно огляделся.

«Кто это?» – мысленно спросил он, не обращаясь ни к кому определенно.

«Я стою через двух человек слева от тебя».

Хэрид что-то скомандовал своим подручным. Один из них подошел к Тору, рывком поднял его на ноги, и пленник воспользовался этим, чтобы разглядеть того, кто с ним говорил. На миг его глаза встретили пристальный взгляд высокого смуглого человека. При тусклом свете белки глаз поблескивали на темном лице, и казалось, что они светятся. Он слегка кивнул.

«Кто ты?» – прошептал Тор по каналу связи, когда его тащили прочь.

«Адонго-морук».

Как?!

«Один из Паладинов?»

В этот миг Тора втолкнули в палатку.

«Пятый. Поговорим потом».

И связь прервалась.

Райк лежал в углу палатки, прямо на земле, и дрожал с головы до ног. У него начался жар. Тор понял, что про Адонго, зачем бы он здесь не появился, придется на какое-то время забыть.

– Снимите с меня цепи, – попросил он вслух.

– Если что-нибудь вытворишь, раб, мы мальчишке горло перережем, – проворчал один

из работорговцев и дал своему товарищу знак освободить Тора. – Я не про юнгу. Я про нашу сладкую девочку, – и он мерзко ухмыльнулся прямо в лицо Тору.

С тебя станется, подумал Тор, глядя в его маленькие глазки. Нет, убийство в его намерения пока не входит. Он всегда обещал себе, что не станет использовать свою силу, чтобы убивать людей... однако иногда обещание приходилось нарушать, потому что другого выхода не было. Он все еще помнил капитана морских разбойников по прозвищу Черная Рука, и кровь, которая хлестала из страшной раны у него на груди. Этого негодяя убить не сложнее. Но Адонго предупредил: нельзя показывать, что ты способен творить волшебство. Так что лучше подождать и послушать, что скажет Пятый.

– Спасибо, – сказал Тор, хотя настроения для любезностей у него не было. Мальчик сгорает в лихорадке и до полудня вряд ли протянет. – Моя сумка... Помните сумку, она была при мне, когда вы меня нашли? Кожаная?

Разбойник тупо посмотрел на него. Попробуем еще раз.

– Она висела у меня на поясе, когда я выбрался на берег. Коричневая, почти черная. Ее должны были найти вместе со мной.

Старший из надсмотрщиков ничего не сказал, только слегка кивнул, его подручный выбежал из палатки и вскоре вернулся с сумкой. Тор почувствовал огромное облегчение, но не подал виду, молча забрал ее и открыл. На самом деле сейчас сумка была не нужна. Тор просто вовремя вспомнил о ее существовании и решил, что ее не худо было бы вернуть. Пока он сосредоточенно копался в ней, словно надеялся найти что-то подходящее. В конце концов, все эти вещи выглядели весьма таинственно.

– Нет, нет... – пробормотал он. – Я думал, оно здесь... Вы ничего отсюда не забирали?

Работорговцы покачали головами.

– Значит, у меня нет того, что нужно, – раздраженно бросил Тор. – Но хоть пара мокрых полотенец у вас найдется?

Разбойник, который принес сумку, снова удалился. Второй ковырял в носу и всем своим видом показывал, что ему глубоко плевать на все происходящее.

Тор коснулся ладонями Райка и призвал Цвета. Сейчас надо работать быстро: со стороны должно показаться, что он просто определяет, насколько силен жар. На самом деле, исцелить лихорадку за несколько мгновений ничего не стоит... но Тор уже почувствовал, что дело не только в ней. Налицо иные признаки, куда более зловещие. Райк был так напуган, что не пожелал больше оставаться в этом мире. Сейчас его тело было пустой оболочкой, а его охваченная ужасом душа сжалась, забилась в какой-то дальний угол и медленно умирала там.

Тор лихорадочно размышлял, вспоминал наставления, которые слышал от Меркуда и вычитал в его книгах. Нет. Прежде, чем начинать лечение, надо избавиться от свидетелей.

– Мальчик умирает от болезни, с которой я сталкивался всего два раза, – произнес юноша. – Болезнь очень тяжелая и заразная.

Разбойники попятились.

– Подождите... Мне нужен помощник, – Тор произнес это так, словно наконец-то перешел к сути вопроса.

– Это не ко мне, – возразил один.

Второй покачал головой.

– Тогда он умрет! А Хэрид сказал, что я должен его спасти.

– Ты сказал, что он все равно помрет, – проворчал старший.

– Я только сказал, что он умирает. Но я, возможно, сумею его вылечить. Несколько часов и лишняя пара рук...

Ни один не шевельнулся, и Тор выложил главный козырь.

– Ладно. Приведите мне кого-нибудь из рабов... Нет, не кого угодно. Был такой длинный, стоял через два человека от меня... Мне нужен сильный помощник. К тому же он, похоже, туповат и не станет задавать лишних вопросов, – и Тор улыбнулся, словно его собеседники поняли шутку.

Как он и ожидал, матросы клонули на эту удочку, а старший даже подмигнул в ответ.

– Присмотри за ним, Блут, – бросил он и ушел.

Вскоре Адонго привели в шатер. На смуглом лице пленника было написано откровенное удивление, и Тор мягко коснулся его разума.

«Подыграй мне», – сказал он мысленно.

«С радостью», – откликнулся Адонго. Голос у него был все такой же мягкий и глубокий.

Несомненно, Пятый из Паладинов не только услышал, но и понял его. А ведь они должны думать на разных языках! Почему тогда им с Саксеном никогда не удавалось установить связь разумов?

– С него я цепи не сниму, – рявкнул разбойник, подталкивая Адонго к Тору и Райку.

– Понимаю, – ответил Тор. – Я вас об этом и не прошу. Но если вам дорога жизнь, советую выйти. Если мальчишка на вас чихнет, завтра вы будете лежать в лихорадке.

Эти слова произвели должное впечатление.

– Думаю, я не похож на человека, который намерен сбежать. Но если хотите, можете приковать меня цепью к этому шесту, – продолжал Тор.

– А ты сам эту дрянь не подцепишь?

– Я уже раньше лечил таких больных и, как видите, жив. Думаю, меня эта зараза не берет. Такое случается, и ни один лекарь не смог понять, почему. Может, с тобой тоже ничего не произойдет – кто знает? Хочешь испытать судьбу, Берид, – тебя зовут Берид, верно? Тогда оставайся.

Старшего разбойника прошиб пот, и он мог только молча кивнуть, указывая на морука. Тор понял, что он хочет сказать.

– Думаю, его жизнь немного стоит.

Берид скривился.

– Не скажи. Он вождь своего племени. За него в Кипресе хорошо заплатят.

Пора бы вам уходить, подумал Тор.

– Хорошо, можешь приковать его вместе со мной, а сам карауль снаружи. Как только у мальчика спадет жар, я тебя позову. Это будет означать, что он уже не заразен.

Кажется, Берид счел этот довод недостаточно убедительным.

– Еще раз говорю: можешь рискнуть. Но я тебя предупредил. Знаешь, чем все заканчивается? Ты истекаешь кровью. Кровь течет отовсюду: из носа, из глаз, из ушей, из задницы... даже с конца капает.

Отважные морские разбойники побледнели, как парусина. Берид что-то буркнул своему подручному, и они поспешно приковали Тора и Адонго к шесту. Адонго по-прежнему оставался в цепях; руки у Тора были свободны, но цепь, которая соединяла его щиколотки, оказалась такой короткой, что он мог едва ковылять по палатке. О том, чтобы выбраться наружу, не могло быть и речи.

– Мы ждем, – объявил Берид, прикрывая рот и нос рукой.

Тор кивнул. Влажные полотенца уже были доставлены в палатку, и он стал показывать Адонго, как делать обертывание. Им невероятно повезло: Райк заворочался и чихнул. Бериду и Блута словно ветром сдуло.

«Спасибо, что пришел», – мысленно произнес Тор.

«Боюсь, у меня не было выбора».

«Я имею в виду, что ты родился заново».

«И я тоже, – бесстрастно ответил морука. – Хотя не я твой защитник».

«Понимаю. А кого ты защищаешь?»

«Я пойму, когда встречу его».

Пояснять он не стал.

«Лисе сказала тебе, как его имя?»

«Имя – нет, – уклончиво ответил Адонго. – Но сказала, что он совсем юн».

Тор заметил, что морука уходит от прямых ответов. Что ж не стоит на него давить. Им

еще предстоит узнать друг друга получше.

«А ты знаешь, кто я?» – спросил Тор. Вопрос мог показаться высокомерным, и ему это не понравилось.

«Ты – Тот Самый».

«Думаю, тебе не стоит так обо мне думать».

«У каждого из нас своя роль, и мы должны ее играть. Я – один из Паладинов. Ты – Тот Самый».

Тор вздохнул. Продолжать спор было бессмысленно.

«А почему ты предупреждал, чтобы я не показывал свою силу?»

Адонго улыбнулся.

«Моряки бояться волшебства. Они готовы убить любого, кого заподозрят в умении творить волшебство, – мой народ называет это искусство «фра-фра». Эти люди боятся того, во что мы верим, того, чем мы живем... волшебства, которое мы творим».

«А люди в Кипресе?»

«Я никогда там не бывал», – Адонго опустил глаза и посмотрел на свои цепи.

«О, конечно. Прости. Где они тебя схватили?»

«Далеко отсюда. Мой народ не живет подолгу на одном месте, но торговцы рабами уже разведали, какими путями мы обычно ходим. Они приходят с огнем и стрелами, убивают наших бранго, сжигают наши шатры. Они убили мою женщину... и моих дочерей-двойняшек... – он грустно улыбнулся. – Но память о них никому не убить».

Тор ничем не мог его утешить. Мужеством и величием духа вождь моруков напоминал Клута. Он смутился, и от Адонго это не укрылось.

«Не вини себя. Не случись этого, я никогда не смог бы исполнить то, что мне предначертано. Я – Пятый из Паладинов. Я принимаю свой жребий».

«Ты этого не заслужил».

Ярко-голубые глаза Тора горели гневом. Лисе! Она играет людьми, точно кукловод. В этот миг он готов был ее придушить... если бы мог.

Адонго пожал плечами.

«Вся жизнь Паладинов связана с жертвами. Говорю тебе: не думаю, что у меня был выбор. Они умерли быстро. Они ничего не почувствовали. Я чувствовал боль и благодарен за эту милость. Не будем об этом. Пожалуйста... Мальчик ждет», – он показал на Райка.

«Он далеко, – Тор поймал себя на том, что почувствовал облегчение, и смутился. – Слишком сильное потрясение. Я чувствую, пока он с нами, но если не очнется в ближайшее время, то умрет. Я могу унять лихорадку, но мне нужно найти его душу и вернуть туда, где ей надлежит находиться».

Адонго кивнул.

«Что я могу сделать?»

«Это опасно. Я даже не знаю, по силам ли нам такое. Мы должны представить, что я – корабль, а ты – якорь, и цепь, которая соединяет нас, очень прочная. Ты будешь держать меня изо всех сил. А я войду в тело Райка и попытаюсь найти его душу».

Глаза Адонго округлились.

«Это не слишком разумно».

Тор улыбнулся. Почему никому никогда не нравятся его задумки?

«Больше в голову ничего не пришло».

«Слишком опасно... – Адонго покачал головой. – Я не могу».

«Ты боишься?»

«Не за себя, – резко ответил морук. – За тебя. Мне не позволено тобой рисковать».

«Значит, мне придется рискнуть самому, Адонго. Жаль, я бы мог воспользоваться твоей силой».

Это был удар ниже пояса, но Тору выбирать не приходилось.

«Райк должен выжить. Просто следи за нашими стражами».

Адонго протянул руку и схватил Тора за плечо.

«Подожди. Я помогу».

Морук так никогда и не узнал, какой благодарности был исполнен Тор, который на самом деле толком не представлял, как решить эту непростую задачу. Не теряя времени, он установил связь и очистил свой разум от всех лишних мыслей. Заметив на губах Адонго мрачную улыбку, Тор недоуменно посмотрел на него.

«Это похоже на бой с Орлаком, – морук опустил на колени рядом с Райком. – Мы делали то же самое – соединяли наши разумы так крепко, как могли. Но сил все равно не хватило».

У Тора пробежал мороз по коже. Он снова коснулся Райка ладонями, призвал Цвета и почувствовал, что растворяется в них.

Когда Тор нашел Райка, тот лежал, сжавшись в комочек и истошно завопил, едва почувствовал приближение другого человека. Адонго тоже услышал крик, и связь между ними стала крепче. Морук едва удержался, чтобы не выглянуть из палатки, но напомнил себе, что поймет, если разбойники решат войти внутрь.

«Тихо, Райк, – шепнул Тор, обращаясь к разуму мальчика. – Это только я».

Юнга был в замешательстве. От ужаса его мысли путались, и он даже не понял, что Тор не просто рядом – он в нем.

«Иди за мной, Райк».

«Мне страшно. Он отрубил мне руку и скормит меня гигантским муренам».

«Райк!» – Тор был непреклонен.

«Да?» – почти бесшумно откликнулся мальчик.

«Черная Рука мертв. "Оса" затонула. Ты заблудился. Иди за мной, я отведу тебя туда, где мы оба должны находиться. Понимаешь?»

Наступило долгое молчание, и Тора охватила тревога. Сколько Адонго сможет держать его? Долго ли он может оставаться в теле Райка, не подвергая опасности ни себя, ни мальчика?

«Райк, ты слышишь меня?»

«Он мертв? А мы не утонули?»

«Мы живы. Не скажу, что все замечательно, но мы выкарабкаемся. Прежде всего, мы должны быть вместе... и проснуться. Ты идешь за мной? Обещаю, я никому не позволю причинить тебе зло».

«А что стряслось?»

Значит, он все-таки слушает. Молодец.

«Откровенно говоря, без тебя мне не справиться».

Райк позволил взять себя за руку и последовал за Тором. Юноша едва успел вернуться в собственное тело, когда глаза Адонго распахнулись. Полог зашуршал, в палатку ввалился Хэрид, а за ним его помощники.

Морук все еще держал в руках влажную тряпку. Ему хватило присутствия духа, чтобы деловито сунуть ее Тору, который тяжело дышал, пытаясь собраться с мыслями.

«Бери, – раздалось в голове молодого лекаря шипение Адонго. – И делай то, что полагается».

Тор вздохнул, выпрямил спину и потянулся. Такое чувство, что ему пришлось простоять на коленях полдня... Он осторожно поднял голову, посмотрел на Хэрида и положил влажное полотенце на лоб Райку. Голова шла кругом – состояние, в котором трудно делать вид, что с тобой ничего не происходит.

– Зачем тебе этот раб? – рявкнул Хэрид.

Тор покосился на юнгу. Лицо Райка подергивалось, глаза под закрытыми веками двигались, словно он что-то разглядывал. Добрый знак. Мальчик вернулся к жизни. Он спит, но опасность миновала, и скоро он будет здоров. Теперь надо разобраться с работником, который пребывает не в самом лучшем расположении духа. Тор с трудом встал, с покорным видом изучая свои ботинки, но не преминул показать Хэриду, что прикован к шесту. Адонго

оставался на коленях и молчал.

– Я дал мальчику сонное снадобье, которое заодно снимет жар, почтенный. Думаю, при должном уходе он выздоровеет.

– Так-так, всемогущий лекарь... А ты научился вести себя как следует, как я погляжу...

– Да, сударь.

Тора так и подмывало дать волю Цветам, которые все еще переливались внутри.

– ... А вот на мой вопрос ты так и не ответил.

Какой вопрос? Тор почувствовал, что ему отчаянно нужен отдых.

«Объясни, что я здесь делаю», – подсказал Адонго. Мысли хороводом закружились у Тора в голове.

– Я говорил вашим людям, что Райк смертельно болен и что болезнь заразная... Я ошибся, простите, сударь... но только отчасти. За мальчиком придется ухаживать всю ночь, иначе он умрет. Надеюсь, морук будет мне помогать, и ваши люди смогут спать спокойно... сударь, – Тор бросил на бывшего помощника капитана быстрый взгляд и снова опустил глаза.

– Сколько заботы о моих ребятах, Гинт... С чего бы это? Но ты прав: у меня не должна болеть голова ни из-за тебя, ни из-за морука, ни из-за юнги. Просто если ты вытащишь его, он нам еще пригодится. Так что продолжай. Завтра мы отплываем.

Хэрид уже собрался уходить, но обернулся и поиграл кнутом.

– Ах, да, Гинт. Этой ночью я обойдусь без девочек. Я устал, – он ухмыльнулся. – Можешь сам развлекаться со своим любимчиком.

– Спасибо, сударь.

Это все, что смог выдавить из себя Тор, прежде чем Хэрид и его подручные удалились.

Похоже, он уснул, потому что очнулся от того, что его трясли. Что-то глухо бряцало прямо над ухом. Цепи?! Затем Тор вспомнил все и открыл глаза. Адонго пристально смотрел на него, и вид у морука очень обеспокоенный.

«Что случилось?» – спросил юноша.

«Не знаю. Думаю, ты потерял много сил, исцеляя мальчика».

«Как он?» – Тор осторожно сел, стараясь не шевелить головой: она и без того шла кругом.

«Сам взгляни», – предложил Адонго.

Молодой лекарь посмотрел в угол. Райк лежал, свернувшись калачиком, и спал глубоким, здоровым сном.

«Он даже разговаривал. Просил поблагодарить тебя за то, что ты нашел его и вернул назад».

«Удивительно, что он что-то помнит», – отозвался Тор и снова закрыл глаза.

«Скорее всего, он все забудет, как только по-настоящему проснется. Но за мальчика можно не беспокоиться. Жар спал. Он не бледен, то, что ты видишь, – это здоровый румянец. Если сегодня он выспится, то к отплытию будет совсем здоров».

«А, так мы отплываем... И долго нам плыть?»

«Думаю, дня три».

«Адонго, можешь дотянуться до моей сумки?»

Морук передал сумку Тору. Юноша чувствовал такую слабость, что не мог пошевелиться. В сумке должна была лежать маленькая бутылочка; во всяком случае, когда Тор покидал Сердце Лесов, она была там.

Приоткрыв глаза – веки казались неподъемными, – Тор принялся искать вожделенный пузырек. А, вот и он. Только бы там оказалось именно то, что сейчас нужно! Тор вытащил пробку, поднес пузырек к носу и вспомнил каморку в «Пустом кубке». Там он впервые исцелил человека с помощью волшебства – человека, который теперь стал соколом.

– Клут, – грустно прошептал Тор. – Где ты теперь?

И сделал глоток. Аррак действовал сразу: миг – и молодой пленник почувствовал себя

так, словно несколько дней подряд спал вдоволь. Он снова был полон сил, в голове прояснилось. Памятуя, что доктор Фрейберг не советовал злоупотреблять этим снадобьем, Тор еще раз пригубил прозрачной жидкости и спрятал пузырек обратно в сумку.

«Что это?» – спросил Адонго, наблюдая за ним со смесью удивления и восторга.

«Настойка. Есть такие ягоды, встречаются они довольно редко, – Тор вспоминал рассказ доктора Фрейберга. – Цветут только во время Оттепели и очень короткое время. Сырые ягоды ядовиты: несколько капель сока вызывают паралич, а пары ягод достаточно, чтобы убить человека. Но если кипятить сок, пока не он не загустеет, получается снадобье, которое возвращает силы. Знаешь, что меня удивляет? Этот пузырек мне дали много лет назад, и я про него давно забыл, а теперь нашел его в этой сумке... – Тор покачал головой. – Это сделало Сердце Лесов. Адонго, – он встал и потянулся, снова удивляясь неожиданному приливу сил, – а почему мы с тобой можем обмениваться мыслями?»

Прежде чем ответить, морук некоторое время сосредоточенно размышлял.

«Я пал пятым, но был призван первым. Именно я обнаружил, что разум каждого из Паладинов открыт для остальных, когда они оказываются вместе. Думаю, за это меня и наградили особым даром – быть в силах прикасаться к твоему разуму и открывать свой разум для тебя».

Тор кивнул. Не исключено, что так оно и было.

«Когда-нибудь мы вернемся в Сердце Лесов, – сказал он – и ты сможешь говорить со всеми своими товарищами-Паладинами. Сердце Лесов – самое волшебное место в мире».

Лицо Адонго осветила улыбка.

«Я сам не могу дождаться, когда мы с тобой вернемся туда, Тор».

Однако долго наслаждаться этой мыслью не пришлось. Звук шагов потревожил их, потом чья-то рука отдернула тент, и в палатку вошел Берид.

– Ну как, порядок? – рявкнул он.

– Думаю, да, – откликнулся Тор, делая вид, что не вполне в этом уверен.

– Я забираю морука, – сообщил старший помощник, входя в палатку вместе с двумя матросами, и снова заговорил с Адонго на незнакомом Тору языке. Пленник медленно поднялся и позволил снять цепь, которой был прикован к шести.

«Не показывай им свою силу», – предупредил он.

«А может, просто сбежим?»

«Лисе сказала мне, что я должен отправиться в Кипрес вместе с тобой и что это очень важно. И настаивала, чтобы мы старались не привлекать к себе внимания».

«Она всегда так говорит, но пока мне не удавалось следовать этому правилу», – уныло ответил Тор, когда Адонго уже выводили из палатки, с облегчением услышал у себя в голове смех морука... а потом встретился взглядом с Беридом.

– Чего дыбишься? – осведомился разбойник.

– Вспомнил последнее заведение, в котором побывал, – это было первое, что пришло на ум Тору. – Хорошо на воле.

– Ну, если ты мечтаешь о девках, этому гостю ты будешь рад, – ответил Берид, и в палатку влетел Локки – похоже, кто-то дал ему пинка. Мальчик упал и поспешно сжался в комок, цепи, которыми он был скован, жалобно зазвенели.

– Подлечи его немного. А потом оба выходите.

Тор кивнул и покосился на Локки. Мальчик прятал глаза и ни на кого не хотел смотреть.

– И давай побыстрее. Мои люди скоро вернутся, – бросил разбойник. Маленький пленник дрожал, а у него на лице Тор увидел свежие синяки.

– Поговори со мной, Локки... – попросил он. – Пожалуйста.

Мальчуган поднял голову. Его глаза горели ненавистью.

– Первый раз ко мне пытались приставать, когда мне было семь лет. И я этого мерзавца прикончил. И Хэрида тоже прикончу.

Злость в его голосе была непритворной, и Тор верил каждому слову мальчика. Сунув

руку в сумку, он снова вытащил пузырек. Мальчику не поможешь, да и позволит ли он, чтобы кто-нибудь ему помогал? Но эта ярость не должна остыть. Пока ненависть сильна, Локки переживет и боль, и унижение.

– Глотни. Только два глотка.

– Что это?

– Снадобье, которое возвращает силы. Завтра мы отправляемся в путь, и идти нам придется три дня. Тебе надо быть сильным.

Откровенно говоря, Тор ожидал отказа. Однако, к его облегчению, Локки протянул руку и взял пузырек. Глотнув, мальчик недоверчиво покосился на своего друга.

– Еще один, Локки.

– А как Райк? – осведомился Локки, послушно делая второй глоток. – О... Можно, я у себя оставлю?

– Нельзя, – ответил Тор и с радостью увидел, как на губах Локки появляется знакомая озорная улыбка. – Райк спит. В море ему пришлось нелегко, но можешь за него не беспокоиться. Надеюсь, к завтрашнему утру он оживет. А как ты?

Неловкость прошла. Локки заметно успокоился и разговорился.

– Во имя Света! – он протянул пузырек Тору, всем своим видом показывая, как не хочет расставаться с этой вещичкой. – Вот так штука! Я чувствую себя так, что могу пешком идти неделю без отдыха.

– Я рад. Нам надо держаться вместе.

– А они разрешат?

– Да. Я сказал им, кто ты. Имя Квиста – не пустой звук. Его слишком хорошо знают. Может быть, они мне не поверили, но рисковать не станут.

– Янус с ними нежничать не станет, – заявил Локки. – Но если он доберется до них раньше, чем моя сестренка, пусть считают, что им повезло.

– Она никогда не узнает, Локки. Что я еще могу для тебя сделать?

– Ничего. Разве что поможешь мне напиться до потери чувств... или дашь еще своего волшебного снадобья.

Похоже, за него уже можно не беспокоиться, подумал Тор. Локки – парень крепкий, а жажда мести будет подпитывать его силы его не хуже аррака. Но теперь им пора присоединиться к другим рабам.

Разбойники словно слышали его мысли. Матерчатый полог снова заколыхался, и в палатке появился Хэрид.

– Подъем, – рыкнул он.

Локки поднялся, глаза вызывающе горели. Во имя Света, притворись, что ты уважаешь это отродье, взмолился Тор, хотя знал, что мальчик его не увидит.

– Не стоит на меня тарашиться, щенок, – предупредил помощник. – Если, конечно, не хочешь, чтобы спина у тебя болела еще больше, чем задница. Могу обеспечить тебе это удовольствие. Кнут у меня при себе, как видишь.

Локки ничего не ответил, но теперь смотрел в землю.

– К завтрашнему утру ваш юнга поправится, сударь, – проговорил Тор, проклиная себя за это низкопоклонство. – Вы позволите ему сегодня отдохнуть?

– Только ему. Вы двое – на выход.

Тор отогнал Цвета. Когда-нибудь Локки разделается с этим человеком, а он ему непременно поможет. Но пока он будет следовать совету Адонго и готовиться к путешествию в Кипрес.

Глава 16

Жалоба

Они шли уже два дня. Наступила вторая ночь, но караван продолжал путь и лишь вечером сделал короткий привал. Рабов кормили кое-как, зато они были предоставлены сами

себе – если так можно сказать о людях, которые скованы цепями друг с другом и шагают, глядя друг другу в затылок. Часть надсмотрщиков ехала верхом, справа и слева от пленников, остальные – в двух крытых повозках: одна катилась во главе каравана, другая замыкала процессию.

Тор не имел ничего против пешей прогулки: он уже заметил, что на ходу лучше думается. Связь разумов с Адонго сохранялась, хотя вождь моруков лишь отвечал на его вопросы, не опускаясь до праздной болтовни. По большому счету, Тор был этому рад. Локки тоже молчал и тоже был погружен в свои мысли, но после аррака заметно повеселел и, казалось, радовался дороге. С тех пор как мальчика вернули Тору, никто из разбойников не пытался к нему приставать. Но даже эта любезность вряд ли спасет их от Януса Квиста, решил Тор. О том, как страшен в гневе знаменитый разбойник, ходили легенды.

Что касается Райка, с ним как будто ничего не случилось. Юнга проснулся на следующее утро. Он помнил, как прыгнул с горящего корабля, но о том, что произошло перед этим, забыл. Во всяком случае, он не заикался ни о расправе, которую собирался учинить Черная Рука, ни о шторме. Мальчик был уверен, что его спасителя зовут Торкин Гинт, а не лекарь Петерсин и, несмотря на приказ Хэрида, старался всячески ему угодить, стоило только отвести глаза старшему помощнику. Райку поручили кормить караван, и Тор был благодарен мальчику за мясо и хлеб – иначе им с Локки приходилось бы питаться одной жидкой кашей. Он попросил Райка не обделять и Адонго; Райк удивился, но просьбу выполнил. Все для Торкина Гинта.

Было прохладно. О жгучем холоде говорить пока не приходилось, но было ясно, что в скором времени на Чужестранные острова пожалует зима. Рабы взволнованно обсуждали предстоящую переправу на материк – по их словам, она занимала целый день. Правда, после нескольких часов в цепях на маленьком плоту, где не было возможности ни прилечь, ни присесть, разговоры смолкли сами собой. Рассвет четвертого дня пленники встретили на причале в порту Кипреса, ожидая баржи до рынка.

Хэрид был счастлив. Сегодня в Кипресе особый день – день, когда главным местом в городе становится невольничий рынок. Можно надеяться, что удастся быстро продать рабов, найти для себя и своих товарищей место на каком-нибудь корабле, отплывающем с материка, и к ночи покинуть город. Он не хотел рисковать. Локкин Гилбит и в самом деле мог оказаться шурином Квиста.

Однако Тор решил, что разбойник не должен уйти от наказания. Значит, надо поторопиться... и прибегнуть к волшебству, что бы ни сказал на это Адонго.

– Как думаешь, Локки, – шепотом спросил он, – где можно найти Квиста?

– Я тут никогда не бывал, но Эйрин говорила, какой трактир у него любимый и как туда добраться. Только в цепях, боюсь, в трактиры не пускают.

Тор поморщился. У Локки был острый язычок.

– Верь мне и будь начеку.

Он следил, как Хэрид отдаёт приказы. Их разделяло немалое расстояние, но слух никогда не подводил Тора. Рабов должны были посадить на повозки, и Хэрид как раз договаривался с возчиком. Вот и отлично. Его подручные ограничились тем, что согнали рабов в кучу и приказали сесть на землю, после чего словно забыли про них.

Сейчас или никогда. Тор призвал Цвета и представил, что оковы на ногах Локки тают. Мальчик как будто ничего не заметил: он увлеченно следил за тем, как торгуется

Хэрид.

«Говорил же ему: будь начеку», – подумал Тор, освобождая запястья Локки. Вот и все. Теперь нужна особая осторожность.

– Локки... – шепнул Тор.

– Ш-ш-ш, – отозвался мальчик. – Я хочу понять, что они для нас готовят.

Тор застонал.

– Я слышу каждое слово, Локки. Скоро нас погрузят на повозки и отвезут западные ряды главного рынка. Доволен? А еще хочу тебе сказать, что ты свободен – почти как ветер.

Локки вздрогнул, опустил голову и посмотрел на свои ноги, потом на руки. С его губ был уже готов сорваться возглас, но Тор не мог такого допустить.

– Ни слова! Двигайся медленно. Ты же умеешь исчезать – вот и исчезни. И найди Януса Квиста.

Локки не отвечал. Он стоял, вытаращив глаза, челюсть у него отвисла. Тор бросил взгляд на Хэрида. Подслушивать уже не имело смысла: разбойник и возчик договорились. Сейчас рабов начнут сажать на повозки.

– Пошел! – тихо, но настойчиво проговорил Тор. Но Локки только смотрел на него во все глаза.

– Ты кто такой? – прошептал мальчик.

– Твой друг. Иди!

Он смотрел, как Локки разминает пальцы рук и ног, готовясь выполнить приказ. В этот миг раздалось громогласное «Подъем!!!», и рабы начали неохотно подниматься, позвякивая цепями.

– Удачи! – с улыбкой шепнул Тор, глядя, как Локки исчезает за их спинами.

«Локки свободен, Адонго. Скажи своим людям: пусть сделают вид, что ничего не замечают».

«Я передам», – и морук чуть заметно кивнул.

Если рабы станут таращиться на Локки, ни к чему хорошему это не приведет. Но Тор напрасно беспокоился. Чья-то рука подняла обрывок цепи, который валялся на земле. Выпрямляясь, раб-морук улыбнулся Тору, обернулся и передал цепь кому-то, стоящему сзади. Можно не сомневаться: через какое-то время последний в ряду примет ее, а потом незаметно отшвырнет куда-нибудь в сторону.

– Карошая чара, – сказал морук. Очевидно, он никогда не был в Таллиноре и не успел научиться родному языку Тора. Юноша кивнул и улыбнулся в ответ.

Рабов погнали к подводам. Хэрид уже потерял к ним интерес. Похоже, его мысли уже были далеко отсюда – в ближайшей забегаловке, где можно будет пропустить пару кружек эля. Это вполне устраивало Тора. Берид, Блут и два матроса, которым Хэрид поручил доставить рабов на рынок, не отличались ни бдительностью, ни сообразительностью. Будем надеяться, что они не заметят исчезновения Локки, пока не окажутся на рынке.

Удача пока не собиралась покидать Тора. Повозки с грохотом катили прочь от причала, по петляющим портовым улочкам. Тор и сам не заметил, как оказался в городе. Стены прелестных каменных домиков были выкрашены в нежные цвета. Они казались еще красивее в жидких лучах солнца, чей свет тускнел, предвещая, что Дни Умиравших Листьев подходят к концу, и зима не за горами. Даже россыпь построек, облепивших горные склоны и изрядно выцветших, радовала глаз. Отдельно от других, на внушительном горном утесе, стоял дворец Кипреса – такой легкий и изящный, что дух захватывало. Вокруг бледной толпой теснились тонкие башенки, увенчанные куполами. На изгибах крыш и карнизов ослепительно горела позолота. Дворец был исполнен удивительной женственности – иначе не скажешь, подумал Тор. А как иначе? Разве не такой должна быть обитель королев Кипреса?

Рыночная площадь находилась на окраине этого прекрасного города. Еще немного – и повозки достигли западных рядов. Пестрота, суeta, шум... Продавцы нахваливали свои товары, торговались с покупателями. Процессия миновала торговые ряды и остановилась в углу рынка, где было почти тихо. Там рабов заставили слезть с повозок и снова сесть на землю.

Мысленно пожелав Локки удачи, Тор приготовился ждать.

Несколько часов спустя появились стражники, а с ними – Хозяин Рынков, унылый толстяк. Почтенный Лярд... Более подходящего имени и придумать невозможно, подумал Тор. Однако сердце у почтенного Лярда и впрямь оказалось не грубее топленого сала. Он приказал освободить рабам руки, достал баночку с какой-то мазью и пустил по рядам. Оковы нещадно натирали запястья, и Хозяин Рынков знал это. Мазь быстро облегчала боль, а когда

почтенный Лярд обратился к морукам на их родном языке, на душе у пленников потеплело.

– Вам повезло. В первый день после полнолуния Ее величество королева Сильвен посещает невольничьи рынки. Этот обычай соблюдается с тех пор, как она взошла на трон. Я не даром говорю вам это. Сегодня все вы будете ночевать в хороших домах.

И он сердечно улыбнулся, чем немало удивил Тора.

Рабы зашептались, лишь Адонго казался невозмутимым.

– Вас привезли первыми, – продолжал Хозяин. – Понятно, что вы тут не единственный товар. Скоро у меня на рынке яблоку негде будет упасть, так что занимайте лучшие места для знатных гостей.

Он фыркнул, но над этой шуткой больше никто не рассмеялся.

– Как я уже сказал, у нас сегодня день особый, первый день после полнолуния. День, когда собирается Жалобный Совет, – вам повезло, повезло неслыханно! Любой из рабов, прибывших сегодня, может подать жалобу отцам города. В Кипресе есть законы, которые касаются рабов, отношения к ним... Вплоть до обстоятельств пленения – поскольку рабами вы стали как раз с того момента, как попали в плен. Те жалобы, которые окажутся разумными, будут выслушаны, а потом отцы города вынесут свое решение. Решение это окончательное, и оспорить его нельзя. Правда, будь моя воля, вы могли бы подать жалобу просто на то, что попали в плен...

Почтенный Лярд снова захихикал, на этот раз более натянуто, но ответом было холодное молчание, и он поспешил закончить речь.

– Э-кхм... Итак, кто хочет подать жалобу? Поднимите руки, сделайте одолжение.

Возможно, он сказал что-то еще, но Тор понимал лишь то, что переводил ему Адонго. Потом вождь моруков поднял руку, и Тор последовал его примеру.

– А-а... хорошо. Так, вы идите сюда. Остальные – сделайте одолжение, разденьтесь. Покупателям надо видеть, что они покупают. Э-э-кхм... прыщи, бородавки и все остальное.

Он хихикнул и повернулся к Тору и Адонго. Рядом с пленниками уже появились Блут и Берид, а вдалеке Тор заметил Хэрида, который спешил на выручку своим подручным.

– Кто ты? – спросил почтенный Лярд.

– Меня зовут Адонго, я из моруков.

– На кого ты жалуешься?

– На Хэрида, который взял меня в плен. Хэрид убил мою жену и двоих детей, хотя я предложил сдаться без борьбы.

– Свет всесияющий... – буркнул Хозяин Рынков. – Да, эту жалобу мы непременно должны рассмотреть. Э-кхм... ты предстанешь перед отцами города. Будь добр, возвращайся на свое место и раздевайся. Я позову тебя, когда придет время. Спасибо.

Он беспокойно улыбнулся, а Адонго подошел к остальным рабам и стал снимать одежду.

– Меня зовут Торкин Гинт, – Тор улыбнулся. Хозяин Рынков явно разволновался, и его стоило успокоить. – Я из Таллинора, придворный лекарь...

Конечно, это была ложь, но лишь отчасти.

– ... Я нанял каюту на борту «Осы», но корабль затонул во время сильного шторма недалеко от Чужестранных островов. Мне и еще двум мальчикам удалось спастись. Однако Хэрид схватил меня, хотя я плыл на его корабле, был гостем капитана и немало заплатил за это путешествие.

Почтенный Лярд нахмурился. Похоже, с подобными делами ему еще сталкиваться не приходилось.

– Понятно. Значит, ты утверждаешь, что «Оса» затонула?

– Да, почтенный. Насколько мне известно – да. Капитан погиб у меня на глазах. И весь экипаж – кроме еще одного гостя капитана, которому удалось спастись вместе со мной... – Тор посмотрел толстяку прямо в глаза. – И еще спасся корабельный кок. Удивительный мальчик. На кухне он творит настоящие чудеса.

– Правда? – восхищенно воскликнул почтенный Лярд. – Да, наверно, это самое ценное,

что находилось на корабле... – он погладил свое солидное чрево. – Во дворце как раз ищут нового повара... И как зовут вашего чудо-мальчика?

– Райк Сэвил. Он из Илдагарты, из рода знаменитых Сэвилы. Те, что держали обеденный зал «Шпалера».

– Вот так дела... Ты не шутишь? Великие Сэвилы из Илдагарты! Да о них даже здесь слышали!

– Я не шучу, сударь.

– И где этот родовитый повар?

– Спросите Хэрида, сударь, – вежливо ответил Тор, указав на Хэрида.

Юноша не сомневался, что почтенный Лярд заметит оковы у него на руках.

– Что тут творится, почтенный Лярд? – рявкнул Хэрид.

Лицо работяги перекопилось от злости. Лярд затрепетал.

– Вас зовут Хэрид, да? Э-э-э... хорошо. Э-кхе... Этот человек подает на вас жалобу, и морук Адонго тоже. Мне кажется, отцы города должны их рассмотреть... я имею в виду жалобы, а не людей. Полагаю, вы не возражаете?

– Не возражаю, – бывший старший помощник бросил на Тора взгляд, который не предвещал ничего хорошего.

В этот миг один из помощников Хозяина Рынок что-то зашептал на ухо толстяку. Воспользовавшись тем, что почтенный Лярд отвлекся, Хэрид шагнул к Тору.

– Не забывай о мальчиках, Гинт, – прошипел он с ядовитой ухмылкой.

– Почтенный Лярд! – громко произнес Тор, и толстяк с неожиданным проворством обернулся.

– Простите?

– Кажется, вы хотели поговорить с почтенным Хэридом о молодом поваре, Райке Савиле?

– Да, да, безусловно... Старший помощник Хэрид... или как вас там... сделайте одолжение, доставьте юношу во дворец, и немедленно. Нам с ним надо кое-что обсудить.

Хэрид посмотрел на толстяка так, словно хотел если не испепелить, то зажарить его живьем, однако возражать не стал. Подозвав одного из матросов, он передал ему просьбу – или приказ – Хозяина Рынок.

– Да, Хэ... э-э-э, сударь, – почтительно проговорил Тор. – Я не ослышался, вы сказали «мальчики»?

Хэрид ухмыльнулся.

– Конечно. А про родню Квиста ты забыл, Гинт? Кто он ему там... Пасынок? Шурин? Такой товар у нас не залеживается. Хлыстом махнуть не успеешь, как его купят.

– Не уверен, что вам будет кого продавать, сударь, – улыбка Тора стала ехидной. – Вы меня извините, почтенный Лярд? я еще одет.

– Конечно, конечно... – Хозяин Рынок махнул рукой. – Я скоро тебя позову... Сегодня у нас еще кое-что изменилось, и об этом должны знать все.

Хэрид был готов немедленно броситься на поиски Локки.

– Где этот щенок, Гинт? – взревел он, весь пунцовый от злости.

Тор пожал плечами и принялся изучать свои босые ноги.

Внезапно Хэрида охватил ужас. Как мальчишка мог сбежать? А если он не соврал? Янус Квист в городе, в своем любимом трактире – это достоверно известно. Его приятель не дергается, не лебезит. Если мальчик сказал правду, его, Хэрида, ждут большие неприятности. Мысль о бегстве молнией мелькнула у него в голове. Бросить рабов, забыть про деньги, которые он уже успел выручить, и спасти свою жизнь... На милосердие Януса Квиста надеяться глупо.

Он как раз размышлял, как покинуть рынок незамеченным, когда запели трубы. Несколько воинов вошли в ворота и вытянулись во фронт. Все пропало. Теперь без особого разрешения отсюда никто не выйдет. Он в западне. Но что случилось? Хэрид как раз хотел спросить об этом почтенного Лярда, но толстяк опередил его.

– Сегодня утром меня известили, – его голос дрожал от волнения сильнее, чем подбородки, – что Ее величество прибудет на рынок гораздо раньше, чем намечалось. По обычаю торговля рабами начинается в полдень, и ей придется выбирать кого-то из вас... Стража будет особенно бдительна, поэтому прошу всех: никаких резких движений, никаких криков. Перед ликом Ее величества подобное недопустимо. Все должны опуститься на колени, коснуться лбом земли и не шевелиться, пока вам не прикажут. Сейчас здесь будет экипаж Ее величества. Радуйтесь! Сегодня Ее величество сама принимает жалобы и выносит решения. Попрошу на колени, и ни звука.

Рабы, которые уже успели раздеться, повиновались. Тор понял, что не останется незамеченным: моруки напоминали статуи из темного дерева, а его кожу даже не тронул загар.

Некоторое время он глотал пыль, слушал голоса и тяжелые шаги – похоже, мимо проходила стража. Наконец, рабам разрешили выпрямиться. Прямо перед ними остановился великолепный экипаж, сверкающий драгоценными украшениями. Плотные расшитые занавески были задернуты, но никто не сомневался: за их тяжелыми складками скрывается от посторонних глаз королева Сильвен.

Так оно и было. Ее величество возлежала на пухлых подушках и болтала с одной из своих камеристок о молодом моруке который стоял впереди и был особенно хорошо сложен. Девушка рассмеялась, и королева поспешно поднесла палец к губам, но в ее глазах тоже играли веселые искорки. Потом ее внимание привлек другой раб – тоже молодой и с удивительно светлой кожей. Складка занавески пока не позволяла разглядеть его лицо... но какие у него широкие плечи, какая грудь! Рабы со светлой кожей были редкостью на невольничьих рынках. Ее величество представила, что за сокровище скрывается у него под набедренной повязкой... но эти мысли предпочла оставить при себе.

В этот миг из-за ворот рынка, которые уже успели запереть, донеслись гневные возгласы. Королева заметила, как туда устремились несколько воинов. Потом к ним присоединился начальник стражи. Остальные, повинаясь его приказу, плотным кольцом окружили экипаж, но вскоре кольцо разомкнулось, пропуская одного из воинов к королеве.

– Это капитан «Ворона», Ваше величество. Славный человек. Его боятся, но уважают за честность. Капитан утверждает, что собирается подать вам жалобу на людей, которые только что привезли рабов на продажу.

– Понимаю. Что посоветуешь, Клог?

– Капитан Квист часто бывает в нашем городе, Ваше величество. Не было случая, чтобы он доставил плохой товар и, насколько мне известно, он всегда просит за него столько, сколько он стоит. В Карадуне о нем идет добрая слава, а другие морские разбойники и работорговцы опасаются вставать у него на пути.

– Значит, он не станет зря жаловаться?

– Именно так, Ваше величество. Сомневаюсь, чтобы капитан дерзнул побеспокоить вас, если дело того не стоит.

– Так пропусти нашего отважного капитана. Я его выслушаю.

– Слушаюсь Ваше величество, – Клог махнул рукой, и вскоре Квист, трое моряков из его команды и Локки вошли в ворота рынка.

Хэриду показалось, что его желудок выворачивается наизнанку.

Тору не позволяли смотреть по сторонам, но по лицу Хэрида было нетрудно догадаться, что случилось. Юноша с трудом сдержал улыбку. Он как раз смог разглядеть новоприбывших. Локки подмигнул своему спасителю, а потом глазам Тора предстал Янус Квист. Увидев этого человека хоть раз, ошибиться было уже невозможно.

– Следите за ним! – скомандовал Янус и направился к экипажу королевы.

Трое его помощников обступили Хэрида, и вид у них был грозный. Во имя Света, и сдался ему этот Локки! Ему никогда не нравились мальчишки. Он предпочитал женщин, причем никогда с ними не нежничал. Однако в ту ночь на него словно помрачение нашло, да и матросы начали его подначивать... Их можно понять: взрослые мужчины не первую

неделю торчат на острове, с «Осы» никаких вестей... и ни одной женщины. Дикари умнеют с каждым годом: похоже, высылают вперед соглядатаев, и если что, прячут своих женщин и детей. А этот царек решил, что ему все нипочем, за что и поплатился... очень дорого поплатился, надо сказать. Красивая была женщина – еще молодая, да и дочери у нее что надо. Они доставили бы Хэриду куда больше удовольствия, чем злой и упрямый мальчишка. И как теперь из этого выпутаться?

Квист уже стоял перед сверкающим экипажем королевы, и почтенный Лярд шагнул вперед.

– Ее величество королева Сильвен готова выслушать жалобы, – торжественно провозгласил он. – Адонго из племени моруков, Торкин Гинт из Таллинора, Хэрид с «Осы»... прошу подойти ближе.

Не слишком стеснясь своей наготы, Адонго и Тор встали там, куда указал Хозяин Рынков.

Из-под покрыва занавесей и вуалей королева Сильвен разглядывала рослого молодого пленника с молочно-белой кожей. Какое чудо! Наверно, так прекрасен может быть только бог. Она приподнялась на подушках, чтобы лучше увидеть его лицо. Красив, невысказанно красив – и сложение, и лицо, и... Какая дерзость! Пленник смотрел прямо на нее. К подобному королева не привыкла. Однако ей нравилось, когда люди держат себя смело и открыто... вместо того, чтобы корчиться от страха. Королева мельком взглянула на Хэрида и вновь устремила взгляд на светлого юношу. Глаза такие синие, что в них можно утонуть... На миг Ее величество позволила себе задаться вопросом: каков этот юноша будет в постели.

Нет, не стоит об этом думать... пока. Тем более что старый Лярд снова что-то вещает.

– Выслушаем Адонго из племени моруков.

Вождь шагнул вперед и заговорил. Голос у него был глубоким, ровным. Ни лишних слов, ни бурных чувств... настоящий король. Ко всеобщему удивлению, Адонго говорил по кипреански, и выговор его был безупречен.

– Торговец рабами Хэрид убил мою жену и двух дочерей, Ваше величество, – начал он. – Младшей не было и девяти лет. Их могли просто заковать в цепи, но вместо этого убили – лишь потому, что этому человеку не понравилось, как я на него посмотрел.

Адонго смолк, и никто не посмел нарушить тишину.

– Он волоком тащил их по земле на глазах у всего моего племени, Ваше величество, а потом заколол – сначала мою жену, потом мою старшую дочь. Младшую он убил последней, чтобы она увидела, как умирают ее мать и сестра. Но она была смелой девочкой, Ваше величество. Из нее выросла бы прекрасная старейшина племени. Она не издала ни звука и не дала убийцам порадоваться ее слабости. Когда нож вошел ей в грудь, а кровь заливала мертвое тело ее матери, она обернулась и сказала: «Отец, когда я рождалась, на мне была кровь моей матери. Теперь моя кровь на ней. Отомсти за нас». Это были ее последние слова. Она умерла не сломленной, Ваше величество.

Стало очень тихо. Потрясенные мужеством, с которым Адонго вел свой ужасный рассказ, люди не сразу смогли прийти в себя. В наступившей тишине вождь посмотрел на Хэрида и произнес:

– Казнить их не было нужды, Ваше величество. Почтенный Лярд все-таки нашел в себе силы церемонно кивнуть.

– Королева Сильвен рассмотрит твою жалобу после того, как выслушает всех, – объявил он. – Следующим будет выслушана жалоба Торкина Гинта.

Молодой пленник вышел вперед. Теперь королева могла разглядеть каждую мышцу, которая играла под его молочной кожей. В ее ушах еще звучали слова вождя моруков, и вдруг...

– Откровенно говоря, почтенный Лярд...

Он говорил чуть небрежно, а в голосе сквозило лукавство.

Королеве Сильвен показалось, что из-за туч выглянуло солнце.

– Конечно, я хочу принести жалобу... но вот что пришло мне в голову: последние мгновения моей свободы я провожу в обществе прекрасной дамы.

Бедный Лярд едва не лишился чувств. Однако – удивительное дело! Он услышал смех, приглушенный вуалями, но королева, несомненно, смеялась от души.

– Откуда ты знаешь о моей красоте, Торкин Гинт, если королева Кипреса никогда не открывает свое лицо на людях?

Впрочем, она могла поклясться, что эти дерзкие голубые глаза разглядели бы ее лицо даже сквозь стену.

– Женщина, обладающая столь изысканным вкусом, не может не быть прекрасна, Ваше величество. Я много странствовал, но нигде не видел дворца красивее, чем ваш. Увы, я въехал в ваш город на подводе для невольников, но и то, что успел увидеть, восхитило меня, и я готов отдать все, чтобы свободно побродить по его улицам. Это лишь мои догадки, Ваше величество, но мне кажется, что и с вашей красотой ничто не сравнится – не только в этой стране, но и во всем мире... – юноша повернулся к Хозяину Рынков, но королева успела заметить в его глазах озорные искорки. – Теперь я могу высказать свою жалобу, почтенный Лярд?

Толстяк только кивнул.

Тор терпеливо повторил свою историю, после чего поклонился, и королеве снова показалось, что он видит ее сквозь занавески.

– Э-э-э... – протянул Лярд. – Ее величество королева Сильвен рассмотрит твою жалобу. М-м-м... теперь мы слушаем капитана Квиста...

Янус Квист шагнул вперед.

– Я подаю жалобу на Хэрида, старшего помощника капитана «Осы», Ваше величество. Мой юный шурина, – он похлопал по плечу Локки, – нанялся на «Осу», чтобы расплатиться за дорогу до Кипреса и встретиться со мной. Когда «Оса» затонула, почтенный Гинт помог спастись ему и юнге, после чего Хэрид и его люди схватили всех троих. В первую же ночь моего шурина... м-м-м... насильно использовали для удовлетворения похоти. Проще говоря, Хэрид и его люди надругались над ним. Если бы не лекарский дар почтенного Гинта... думаю, мальчика уже не было бы в живых.

– Благодарю вас, капитан, – ответил Лярд. – Королева Сильвен рассмотрит жалобу.

Последняя жалоба. Теперь оставалось только ждать решения королевы... которая оказалась в весьма непростом положении.

Она не знала, с чего начать. Кажется, все ясно: Хэрид – жестокий мерзавец, для которого нет ничего святого. Эти трое, если разобраться, рассказали одну историю: один начал, другой продолжил, третий закончил. Но что сделать, чтобы никто из них не был обижен? Внезапно королева Сильвен поймала себя на том, что снова смотрит на Торкина Гинта. Он невероятно красив... но не только от этого она забывала дышать.

Королева подняла руку. Она была готова огласить решение, но обычай не позволял ей опуститься до того, чтобы самой обратиться к Хозяину Рынка. Толстяку дала знак ее камеристка; тот произнес положенную фразу, призывая всех к вниманию и, наконец, королева заговорила.

– Капитан Квист. Жалобу на Хэрида должен подавать твой шурина, а не ты. Ты должен уступить ему право требовать с Хэрида возмещения ущерба. Что же до самого Хэрида, то и он сам, и его люди знали, что мальчик не может быть продан в рабство, однако собирались выставить его на торги. Это недопустимо.

Квист кивнул.

– Тем не менее, я считаю, что у Адонго из племени моруков больше оснований подавать жалобу на Хэрида, чем твоего шурина, поэтому его жалоба должна быть удовлетворена первой. Если Хэрид останется жив, ему придется ответить согласно жалобе твоего шурина. Однако все, что удастся выручить от продажи этих рабов – твое. Это плата за ожидание. Также хочу сообщить, что твой шурина свободен.

– А Торкин Гинт, Ваше величество? – подал голос почтенный Лярд.

– Он не раб и никогда не был рабом. Он свободен и может покинуть Кипрес когда пожелает.

Сильвен заметила, что упомянутый Торкин Гинт немного изменился в лице. Радуетесь? Непонятно... но она это непременно узнает.

– Адонго из племени моруков, – произнесла королева.

Вождь снова шагнул вперед.

– Я не вправе освободить тебя. Ты раб и теперь принадлежишь капитану Янусу Квисту. Только он может дать тебе свободу. Но у тебя есть возможность отомстить за смерть семьи. Ты будешь сражаться?

– Да, Ваше величество.

– Тогда... да будет бой. Надеюсь, вы закончите до полудня. В полдень рынок открывается.

Аудиенция закончилась, но королева собиралась остаться на рыночной площади и посмотреть, как исполняется ее решение.

Янус Квист и его подручные, Тор и Локки обступили Адонго. С Хэридом остались только Берид и Блут. Ни тот, ни другой не мог похвастаться, что сохраняют присутствие духа. Они знали: если Хэрид проиграет, их участь будет весьма печальна.

– Тор, – сказал Локки, – познакомься, это Янус Квист.

– Локки про тебя рассказывал, – капитан пожал Тору руку, как это принято в Таллиноре. – Оказывается, ты давний друг Эйрин... Она говорила, что ты что-то ищешь, и просила меня помочь. Я к твоим услугам. Что я могу для тебя сделать?

Тор смотрел на одноглазого разбойника. Этот человек чуть не убил Саксена, украл Клута. И по всему видно, что с ним шутки плохи. Значит, никаких шуток.

– Помнишь, в Карадуне, возле притона, где курят стракку, ты отнял у клука сокола?

Квист отдернул руку, словно обжегся, и прищурил свой единственный глаз.

– А тебе-то что?

– Весь этот путь я проделал только ради этого сокола. Это моя птица. Считаю, что ты украл ее у меня.

На лице Квиста мелькнуло что-то похожее на недоумение, но в этот миг начальник стражи королевы объявил о начале поединка.

– Сейчас некогда, – бросил Квист. – Потом поболтаем.

– Буду ждать, – ответил Тор, всем своим видом показывая, что это не пустые слова.

И оба повернулись к Адонго, который уже успел обернуть чресла цветастой набедренной повязкой.

– Что выбрал? – крикнул ему Хэрид.

Его кипреанский оставлял желать лучшего.

– Что я должен выбрать? – спокойно спросил Адонго.

– Оружие, дружок! Тебе драться с Хэридом, не с кем-нибудь!

– Ты согласился на поединок с Хэридом, – подхватил Тор. – Ты умеешь драться?

«Я не боец, Тор. Я один из Паладинов. Я защитник».

Квист покачал головой и пошел прочь, что-то бурча себе под нос. Он явно не любил то, чего не понимал.

– Ты должен выбрать оружие, Адонго. Это бой не на жизнь, а на смерть.

– Не нужно оружия.

Тор растерялся.

– И как ты собираешься защищаться? – осведомился он, не слишком скрывая свои чувства.

– Так, как это принято у моего народа. Адонго сказал свое последнее слово.

– Хэрид, старший помощник капитана «Осы», выбрал морские сабли! – провозгласил стражник. – Адонго из племени моруков...

Стражник осекся. Адонго уже стоял в центре круга, и в руках у него ничего не было.

– Адонго из племени моруков, ты должен выбрать оружие.

Вождь ничего не ответил, только чуть сильнее развернул плечи. Он стоял так, словно на голове у него сиял венец, а с плеч ниспадала королевская мантия. Веки его были закрыты, длинные мускулистые руки спокойно опущены. Казалось, он никого не замечал. Тор коснулся его разума.

«Вспомни о своей судьбе, Адонго. Вспомни о ребенке, которому нужна твоя помощь».

«Он почти здесь. Я чувствую это, Тор».

«Значит, ты не вправе рисковать жизнью», – Тор уже не мог ходить вокруг да около.

«Я уцелею. Но Хэрид погибнет не от моей руки. И не от твоей».

Иными словами... Морук открыл глаза. Черные, горящие, точно угольки, они смотрели прямо на Тора. Морук предупреждал: не вмешивайся. Ни с помощью волшебства, ни как-либо еще.

Тор покачал головой. Он чувствовал себя беспомощным. Хэрид уже вышел вперед, крутя перед собой двумя саблями. Работорговец скинул сапоги и рубашку и остался в одних штанах.

– Бой! – крикнул стражник.

Хэрид кружил вокруг морука, его сабли с грозным свистом рассекали воздух. Можно было не сомневаться: он не первый раз держит их в руке. Адонго по-прежнему стоял неподвижно, его глаза снова были закрыты.

– Что он творит! – простонал Локки.

– Мы должны ему верить, – отозвался Тор. Больше сказать было нечего, но эти слова не принесли утешения даже ему самому.

Хэрид продолжал вертеться вокруг морука, пытаясь догадаться, что предпримет его противник. Однако работорговец не отличался ни терпением, ни прозорливостью. Порыв чувств часто заглушал в нем голос разума. Сейчас ему больше всего хотелось броситься на врага, вопя от ярости, поднимая над головой обе сабли... что он и сделал.

Но за миг до того, как клинки обрушились на Адонго, вождь подскочил, словно его что-то подбросило, и перекувырнулся в воздухе. Прежде чем его босые стопы коснулись земли, одна нога, распрямившись, как пружина, выбила саблю из руки Хэрида, а вторая ударила разбойника в плечо, и тот упал, словно мучной куль, пропахав подбородком песок.

Морук явно не собирался щадить своего противника. По рядам зрителей прокатился стон: все услышали громкий треск ломающейся кости. Адонго уже стоял как ни в чем не бывало – неподвижно, закрыв глаза, спокойно опустив руки. Он дышал ровно и глубоко, словно впитывая аромат цветов.

– Глазам своим не верю! – ахнул Локки.

У Квиста отвисла челюсть.

«Так принято у вашего народа?» – осведомился Тор.

«Именно так», – подтвердил Адонго.

Хэрид уже поднялся на ноги и скреб подбородок уцелевшей рукой. Другая рука была сломана и висела, как плеть. В следующий миг боль была забыта. Разбойник снова взмахнул саблей и шагнул к врагу. Его лицо не выражало ничего, кроме жажды смерти. Он что-то процедил сквозь зубы, и рабы, услышав это, испуганно переглянулись.

«Что он сказал?» – спросил Тор.

«Он оскорбил мою мать, – спокойно объяснил Адонго. – Не стоит оскорблять мать морука».

Хэрид уже бежал вперед. Все затаили дыхание.

На этот раз Адонго не стал прыгать. Он упал, упал и его противник... а через миг морук снова взлетел из облака пыли. Опустился он на поверженного работорговца, точно ему на поясицу, и тут же отскочил назад.

Хэрид взвыл от нестерпимой боли. Каждый новый урок обещал быть более жестоким. Некоторые из служанок королевы отвернулись. Даже Локки вдруг понял, что с нетерпением ждет, когда Адонго нанесет последний удар... хотя страстно желал сделать это сам.

Но Адонго не спешил.

Хэрид дышал очень тяжело и неровно. Он заставил себя приподняться и теперь стоял на коленях, тупо глядя на морука, который снова стоял неподвижно, закрыв глаза и уронив руки.

Кажется, это спокойствие больше всего взбесило моряка. Взревев, как бык, он поднял саблю и метнул ее в Адонго. Противников разделяло лишь несколько шагов, а бросок был удивительно мощным и точным, хотя разбойник страдал от боли.

Морук так и не открывал глаз, но сабля, как по волшебству, оказалась у него в руке. Кто-то громко захлопал в ладоши, послышались ликующие вопли. Завтра в это уже никто не поверит: поединок, во время которого не было пролито ни одной капли крови... хотя побежденного уже можно было считать покойником.

И тут глаза Адонго открылись. Сабля отлетела в сторону. Вождь снова прыгнул, и Хэрид заорал так, словно его жизнь зависела от силы его легких. Однако дело было в другом: Адонго выбил воздух из его груди, а треск ломающихся ребер, казалось, разбудил эхо в стенах, которыми был обнесен невольничий рынок. Одна из дам упала в обморок.

Это и был последний удар, который собирался нанести Адонго из племени моруков.

Вождь низко поклонился королеве Сильвен, которая не могла скрыть своих чувств, затем – своим соплеменникам и спокойно сел среди них на песок. Стражник приложил ухо к груди Хэрида.

– Жив, – объявил он.

Почтенный Лярд кивнул.

– Ее величество призывает Локлина Гилбита, – объявил он.

Локки подбежал к карете королевы и упал на колени.

– Ваше величество!..

– Похоже, Локлин, тебе выпала возможность отомстить обидчику, – улыбнулась Сильвен. – Я рада за тебя. Какое наказание ты для него выберешь?

– Королева Сильвен... я хочу, чтобы он встретился с Серебряной Девой.

– Но тебе придется подождать, – в голосе Ее величества звучало удивление. – Почему ты не хочешь, чтобы он принял быструю смерть от твоей руки, мальчик? Он почти мертв.

– Я подожду, Ваше величество. Для таких, как он, быстрой смерти мало. Пусть ему станет страшно. Я слышал, в вашем городе есть обычай...

– Это ужасная смерть. Я слышала, человек переживает тысячу смертей, просто думая о поцелуе Девы. А ты уверен, что хорошо знаешь обычай Кипреса? Человек, который выбирает для своего врага такое наказание, сначала сам встречается с Девой.

– Я знаю, Ваше величество.

– Значит, ты самый храбрый из мужчин, кого я знаю. И у меня нет выбора. Твое желание будет исполнено, Локки. Хэрид, старший помощник капитана «Осы», встретится с Серебряной Девой.

Глава 17 Королевские шутки

Янус Квист потягивал эль и смотрел, как брат его жены и ее давний друг изучают список блюд, о которых в первый раз слышали. Щедрая королева приказала доставить недавних пленников на постоянный двор, где их должны были кормить за счет города – прежде чем они смогут отправиться домой. Но Янусу Квисту было не до еды.

Он никогда не видел этого Торкина Гинта – первого человека, которому не внушал страха. Почему Эйрин принимает в нем столько участия? Ладно, если разобраться, Тор не промышляет ни морской торговлей, ни морским разбоем, так что и бояться ему нечего. Нет, признался себе Янус Квист, дело именно в том, что Эйрин называет его своим другом. Впервые за многие годы Янус Квист почувствовал укол ревности. Что за ерунда? Эйрин бесподобна, но когда-то она ублажала мужчин за деньги, а теперь сама держит заведение... Стоит ли ревновать женщину к ее работе, даже если ее работа – обслуживать мужчин?

Но теперь его сердце точила боль. Друг... Не просто постоянный посетитель, который платит за услуги. Вспомнить хотя бы послание, которое передал Янусу Локки.

«Прошу тебя, помоги ему найти то, что он ищет. Сделай все, что в твоих силах, не жалея ни денег, ни времени. И еще: береги его».

Вот так просьба. Или, скорее, приказ. Все сказано прямо и четко – ни двусмысленностей, ни недоговорок, за которыми можно спрятаться. Отказать в этой «просьбе» – все равно, что плюнуть ей в лицо. Нет, Янус Квист никому не позволит обидеть свою жену... даже самому себе. Он готов целовать землю, на которую ступала нога Эйрин. Трудно признаться, но стоит ей рассмеяться над его шуткой, откликнуться лаской на его ласку – и он готов радоваться несколько дней.

Нет, он не забыл о клуке, про которого говорил Тор. Память у Квиста была отменная. Этот золотоволосый великан ему даже понравился. Может быть, он даже вернул бы сокола. Но за такую птичку должны были хорошо заплатить. И заплатили.

И как теперь объяснить Торкину Гинту, что птицу вернуть невозможно? Сокол продан, а выручка красуется на прелестной шейке Эйрин.

Нет, пора доказать, что Януса Квиста не зря зовут человеком чести. Он не станет юлить и скажет Гинту все как есть. Может, купит ему нового сокола. Это будет недешево, но... во имя Света, счастье Эйрин стоит любых денег. Тем более что последний поход оказался весьма удачным.

– Ладно, давай к делу, – Тор наконец-то подошел к Янусу, который сидел в стороне за маленьким столиком. – Ты должен помнить сокола. Он великолепен. Сомневаюсь, что такое можно забыть, если хоть раз увидишь.

– Помню, помню я твоего сокола.

– Можно надеяться, что он все еще у тебя?

– Само собой.

– Так он у тебя?

Такого Тор не ожидал. Неужели повезло?

– Ты меня не понял. Можешь не надеяться. Извини, Гинт.

– Значит, ты его продал. Пожалуйста, расскажи мне все.

В глазах парня была настоящая боль. Похоже, птица ему и впрямь дорога.

– Расскажу, расскажу. Только скажи, чем этот ястреб тебе так слюбился?

– Сокол, Квист. Мы вместе уже много лет. Это не простой сокол. Я сам натаскивал эту птицу. И ни за что его не брошу.

– Понятно... – по правде говоря, Квист толком ничего не понял. – Может, купим тебе нового сокола? Конечно, годы, которые ты на него потратил, я тебе не верну, но сокола обучить нетрудно. И вы с ним подружитесь.

– Ты не понимаешь, Янус. Он для меня больше, чем просто птица. Я не могу этого объяснить. Пожалуйста, просто расскажи мне все, что знаешь.

Квист вздохнул.

– Мы привезли его на Кипрес примерно через месяц после отплытия из Карадуна. Откровенно говоря, я боялся, что он сдохнет в пути... – Квист заметил, как Тор поморщился. – Обычно такие крупные птицы шумят, хлопают крыльями, а он сидел молча. Насколько я знаю, он даже к еде не притронулся, пока корабль не причалил, но мне показалось, что на палубе ему было хорошо.

– И все это время он был спутан?

Капитан кивнул. Разговор принимал неприятный оборот. И надо было сказать ему, что проклятая птица объявила голодовку! Он заметил, как Тор изменился в лице, едва услышал эту новость.

– Мы сошли на берег. Сокол мог сдохнуть в любой миг, так что пришлось поступить с ним, как со скоропортящимся товаром – сбыть с рук в первый же день.

– А кому вы его продали?

– Видишь ли, почтенный Гинт, в этом-то и заключается вся сложность. Я не знаю, кому

продали твою птицу. Ее отнесли на рынок. Заплатили за нее хорошо, а имена покупателей я обычно не записываю.

– Только не говори, что такого сокола может купить любой, кто случайно заглянет на рынок.

– Верно. Это был один из королевских сокольников. Кому еще такое по карману?

– А куда он мог унести Клута?

Квист пожал плечами. Он ничем не мог помочь Тору. И понятия не имел, где искать сокола.

– А как выглядел этот сокольниковый?

– Понятия не имею. Не я продавал птицу.

Молодой лекарь помрачнел. Как скверно... Эйрин просила помочь парню, но что он, Янус Квист, может сделать?

– А твой человек, который продавал сокола? Почему бы не спросить его для начала?

– А-а... – Квист коснулся черной ленты, закрывающей пустую глазницу, и почесал бороду. Тор застонал.

– Плохие новости, Квист? Скажи.

– Его убили. Он играл в кости на деньги, его обвинили в плутовстве и убили, – Квист виновато передернул плечами. – Бэсил мог грабить, убивать, но никогда не плутовал. Жаль, хороший был человек.

Тор кивнул, словно смирившись с неизбежным.

– Значит, ты больше ничего мне не должен, Янус Квист. Спасибо, что попытался мне помочь.

Это означало, что разговор окончен. Капитану стало не по себе.

– Нет, погоди, Гинт. Мой долг – возместить тебе ущерб. На кону больше, чем моя жизнь... – он криво улыбнулся, снова передернул плечами и добавил: «Эйрин».

Тор коснулся правой рукой плеча Квиста – не левого, а правого. В Карадуне это означало: «Что бы ни случилось, мы друзья».

– Ты хороший человек, Квист, потому она тобой и дорожит. Нет, ты мне ничего не должен. Но если мне когда-нибудь понадобится твоя помощь... я смогу к тебе обратиться? Возможно, это случится нескоро... а может быть, и завтра.

Капитан хлопнул его по плечу, и оба встали, глядя друг на друга и держа руки крест-накрест.

– Можешь всегда на меня рассчитывать, – прямо сказал Квист. – Удачи в поисках. С чего начнешь?

Тор уныло улыбнулся.

– С дворца. Всемогущая королева назначила мне встречу.

Тор очень беспокоился за Клута. Он несколько раз пытался установить связь разумов, но тщетно. Нечто подобное он пережил несколько лет назад, когда хотел дотянуться до Элиссы – прежде, чем встретил ее в Карембоше. Сначала этому препятствовал Меркуд, потом Элиссе надели архалит. Но что может закрыть от него разум Клута? Одно объяснение было, очень простое: сокол все-таки умер.

Клут мертв? Немыслимо. Слишком ужасно, чтобы об этом думать.

В этот миг что-то коснулось его разума. Клут? Нет, его прикосновение ни с чем не спутаешь. В следующий миг Тор понял, кто это. Адонго. Морук сидел в углу и, казалось, был погружен в размышления.

«Кажется, тебя что-то тревожит».

Тор повернулся к нему.

«Ты тоже выглядишь не слишком веселым, Адонго».

«Мне пора уходить».

«Да, думаю, так оно и есть. Я рад, что королева Сильвен освободила меня».

«Это было справедливое решение», – кивнул Адонго.

«И куда ты теперь?»

«На поиски. Я должен найти того, с кем связан».

«Мы еще встретимся?»

«Не сомневаюсь. Место, где мы встретимся, ты зовешь Сердцем Лесов».

«Тогда до встречи. Удачи».

Адонго помахал ему на прощание, Тор поднял руку в ответ. Внезапно ему стало очень одиноко. Почему этот великан морук не может остаться с ним? Может, попросить его об этом? Но Адонго уже подходил к двери. Со своими соплеменниками он, похоже, уже попрощался. Вождь уходил с пустыми руками. Его одеяние было ярким, но простым – просто длинный кусок ткани, умело обернутый вокруг тела, но ни один король не носил свою мантию с таким достоинством.

В следующую минуту Адонго, вождь племени моруков, Пятый из Паладинов, исчез за дверью.

Интересно, удастся ли ему хоть одним глазком взглянуть на королеву Сильвен, думал Тор. Встреча была назначена на следующий день после освобождения. Как кстати... Ему уже удалось расспросить кое-кого из придворных. Королева и в самом деле обожала ловчих птиц и держала многочисленных слуг, которые за ними ухаживали. В каждом из ее дворцов были вольеры и клетки. Для начала недурно. Если за Клута так хорошо заплатили, разумно предположить, что покупателем был не кто иной, как королевский сокольник.

Зал, в который провели Тора, напоминал пещеру – если только бывают пещеры, стены которых украшены тонкой резьбой. Холод здесь стоял, почти как в настоящей пещере: промозглый ледяной воздух напоминал о приближении зимы. Но пещера находилась не под землей, а в одной из башен дворца, откуда можно было полюбоваться городом. Тор удивлялся сам себе. Он столько лет жил отшельником, эта жизнь ему нравилась... но он понимал, что мог бы поселиться здесь и чувствовать себя счастливым. Если бы не эти зловещие предупреждения о том, что Орлак вот-вот вырвется на свободу... и если бы точно знать, что Гот не смог спастись и больше не причинит зла Элиссе... Будь все это так, стоило бы попросить бы у королевы позволения обосноваться в Кипресе.

Или хотя бы показать это место Элиссе, подумал Тор, с улыбкой глядя на город.

Что с ней сейчас? Тор знал, что королева Найрия не даст в обиду его жену. Может быть, Элиссе разрешили поселиться в столице, во дворце. Там Саксен и Саллементро, которые всегда ее защитят. Эта мысль успокоила Тора. Да, в Тале Элиссе ничто не угрожает. Может быть, она начала жить заново? Конечно, она не сможет забыть о его страшной гибели... но лучше, если она спрячет эти воспоминания в самый дальний угол памяти и переживет свое горе. Так и будет, можно не сомневаться. А потом... потом какой-нибудь счастливец назовет ее своей женой. Тор поморщился. Элисса – все еще его жена! Но считает себя вдовой, а значит, вольна снова выйти замуж. Сможет ли она полюбить кого-нибудь так, как любила его? За себя Тор мог поручиться: такой любви у него больше никогда не будет...

А кто несколько дней назад предавался страсти с Эйрин?

Ладно. Если Элисса встретит новую любовь, так тому и быть. Пусть ей повезет.

Чья-то ручка коснулась его плеча, прерывая поток мыслей. Тор был даже рад: эти размышления начинали походить на самоистязание.

Служанка королевы была просто очаровательна: маленькая, смуглая, с мягким тихим голосом и широкой улыбкой. Во имя Света! Откуда на его голову столько прелестниц? Стоило Хеле – так звали девушку – пригласить его, и думы об Элиссе покинули его, подобно вежливому гостю.

Стражники у дверей, преграждающие путь всем входящим устрашающего вида секирами, пропустили их. Хела вела гостя из комнаты в комнату, и все поражало своим великолепием. Лестница вниз, лестница вверх... Похоже, его ведут в другую башню, подумал Тор. Он еще не догадывался, что не видел истинной красоты... пока не оказался в покоях королевы. Позади остались пышность и роскошь. Эти комнаты отличались изысканной простотой. Королева Кипреса предпочитала следовать правилу «ничего

лишнего». Стены приемной украшали лишь несколько картин и шпалера великолепной работы.

Здесь было чуть темнее, чем в других комнатах, но лампы на стенах висели так, чтобы давать как можно больше света, даже если за широкими стрельчатыми окнами наступит темнота. Что же до мебели, то богатая отделка не мешала ей быть удобной – по крайней мере, так показалось Тору. В маленькой печке, облицованной расписными изразцами, трещал огонь – достаточно давно, чтобы разогнать холод.

– Подождите здесь, почтенный Гинт, – пропела служанка.

Она разулась и покинула приемную. Тор едва успел оглядеться, когда дверь в высоком арочном проеме распахнулась. Это была единственная дверь, перед которой не было стражи: юноша уже заметил, что покои королевы охраняются очень строго.

Хела раздвинула тяжелые занавеси и улыбнулась.

– Королева Сильвен готова вас принять, сударь. Почтительно поклонившись, она пропустила гостя в соседнюю комнату и исчезла за портьерами. Тор услышал, как глухо хлопнула дверь.

– Подойди, лекарь. Дай на тебя посмотреть, – послышался знакомый голос – голос, которым часто отдают приказы.

Обернувшись, Тор заметил за полупрозрачным занавесом очертания кресла или стула с высокой резной спинкой. Юноша опустился на колени и ждал. Он кожей чувствовал взгляд зорких глаз, а потом понял, что закрылся щитом. Любопытно. Похоже, это вошло у него в привычку.

– Можешь встать.

Тор повиновался.

– Ты и в самом деле лекарь?

– Да, Ваше величество. И я родом из Тала.

– Ах, да. Сегодня утром я получила плохие вести из вашей столицы.

– Я уже много лет как покинул город, Ваше величество. Я не знаю, что там сейчас происходит.

– Понятно. Значит, ты огорчишься, узнав, что королева Найрия скончалась, – заметила она.

На миг самообладание изменило Тору. Его потрясла не столько новость, сколько тон, которым королева ее сообщила – так говорят о самых обычных вещах. Гость даже не заметил, что не смог скрыть смятения.

– Вижу, эта новость встревожила тебя. Торкин Гинт.

– Ваше величество... я... – он привычно поправил пятерней волосы. – Королева Найрия была прекрасной женщиной. У нее отказало сердце?

– В послании о таких тонкостях не сказано. Насколько я поняла, она упала с лошади и вскоре умерла. Ты знал ее?

Тор прикусил губу.

– Да, Ваше величество. Я был придворным лекарем.

В покоях стало очень тихо.

– В таком случае – прости, Торкин Гинт. Мне следовало подготовить тебя к таким вестям. Как я понимаю, ты был очень близок с королем и королевой?

– В особенности с королевой Найрией, Ваше величество. Ее здоровье было хрупким, и мне не стоило удивляться. Могу сказать лишь одно: Таллинон лишился одного из своих бесценных сокровищ.

Полог распахнулся, и в комнате появилась молодая женщина. Ее платье было расшито драгоценными камнями, туфельки подобраны точно в тон ткани. Она чем-то напоминала Хелу. Женщина улыбнулась, сверкнув безупречными зубами. Ее губы были накрашены, щеки нарумянены, оливковая кожа искрилась.

– Мне жаль тебя, Торкин Гинт, – она шагнула к нему, и ее длинные тонкие пальцы легли ему на запястье. Тор еще не оправился от потрясения и не сразу услышал настойчивый

голос своего внутреннего чувства.

– Садись рядом. Я хочу поговорить с тобой о более приятных вещах.

Тор позволил отвести себя к окну, где стоял прелестный диванчик без спинки, украшенный резьбой.

– Прошу, – мягко повторила женщина.

Он покорно опустил на мягкие подушки, но беспокойство становилось все сильнее, и внутренний голос что-то твердил и твердил ему.

– Что привело тебя на Кипрес, Торкин Гинт? – спросила женщина, подсаживаясь рядом.

– Я... Э-э-э... кое-что ищу.

Тревога стала невыносимой. Тор пристально посмотрел на хозяйку. Глубокий вырез платья лишь подчеркивал великолепие ее высокой груди. Драгоценные камни отбрасывали миллионы крошечных бликов, от пряного аромата духов начинала кружиться голова.

Тут что-то не так. Но откуда такое чувство?

Тор представил, что его разум заслонен прозрачным щитом, и «прислушался» к себе. И все тут же встало на свои места. Он едва не рассмеялся.

– Ваше величество, – произнес он и встал.

– Да?

– О, не вы, госпожа... Я обращаюсь к истинной королеве Сильвен, которая скрывается за этими изысканными завесами.

Послышался звонкий смех, кто-то захлопал в ладоши. На этот раз из-за занавеса вышла сама королева Сильвен. Она была немолода... но с ней не сравнилась бы ни одна из красавиц Кипреса, подумал Тор. Ее кожа, от рождения оливковая, была чистой и гладкой. Королеве не было нужды красить губы и румянить щеки. Она лишь слегка подвела свои кошачьи глаза, почти черные – похоже, в ее жилах текла кровь кочевников с Чужестранных островов. Высокая, куда выше девушки, которая только что играла ее роль, она не носила ни драгоценностей, ни украшений. Кремовое платье позволяло увидеть лишь безупречно гладкую кожу шеи и рук, но остальное было целомудренно скрыто. Тор не мог разглядеть даже ее туфелек. Наверно, такие же простые и светлые, подумал он. Волосы, туго стянутые на затылке, были заплетены в толстую косу и черны, как ночь, но этим цветом они были обязаны не краске. От нее словно исходило сияние. Совсем как Найрия. Такая же стройная, хрупкая, и ростом почти от нее не отличается.

– Как ты догадался?

Тор улыбнулся.

– Прекрасная шутка. Ваше величество.

– Одна из моих любимых. Но все-таки объясни, – она кивнула, позволяя девушке в роскошном платье удалиться.

– Если судить по вашим покоем, вы предпочитаете изысканность и простоту. Залы, по которым Хела меня провела, похожи на сказку, но только здесь я увидел истинный вкус королевы Сильвен.

– Продолжай, – похоже, его слова не только позабавили ее: она не ожидала услышать ничего подобного.

– Как я уже сказал, изысканность и простота. Скромность и гордость, которая не станет гордыней. Сила и разум. Красота, которая может лишить разума само время.

Наконец Тор увидел, как Сильвен улыбнулась.

– Жаль, что мы не встретились, когда я была твоей ровесницей, Торкин Гинт. Думаю, с таким очарованием ты точно лишил бы меня разума.

Королева Сильвен редко открывала мысли. Ее слова можно было принять за тонкую похвалу, но сейчас это была не просто похвала.

– Возраст – ничто, Ваше величество. Покойная королева Найрия могла быть в одних годах с вашей матерью, но ее вкус и манеры были столь же безупречны, как ваши. Подобно вам, она была королевой во всем. Не думаю, что вам не хватает внимания мужчин.

Понимает ли она, что он говорит от души?

– О да, – его последние слова явно позабавили королеву. – Мне их просто девать некуда.

– Так это правда? – Тор вытаращил глаза, и Ее величество посмотрела на него с таким недоумением, что ему пришлось пояснить:

– Много лет назад я слышал, что королева Кипреса держит наложников. Значит, у Кипреса нет короля и в ближайшее время, скорее всего, не будет?

– Даже если бы он был... Нет, вам, жителям Таллинора, не понять, почему королева никогда не откажется от своих невольников.

И она с удовольствием заметила, как растерялся ее гость.

Тор почувствовал, как рука королевы Сильвен касается его локтя, а через миг уже сидел на мягкой скамеечке у окна. Он успел заметить, какая нежная у нее кожа – кожа без возраста. Королева старше Элиссы – гораздо старше, – но младше Найрии. Значит, ей от тридцати до сорока.

– Позволь мне рассказать еще об одном кипреанском обычае, Тор... Можно тебя так называть?

– Конечно.

– Мужчины никогда не правили Кипресом. Этому обычаю сотни лет, и на страже его стоит древнее волшебство. Королева выбирает себе любовника и с помощью волшебства, которое передается ей вместе с короной, делает так, чтобы у нее родилась дочь, а не сын. После этого любовник ей больше не нужен. Когда приходит срок, принцесса становится королевой. Власть королевы Кипреса ничем не ограничена, поэтому ее с рождения учат быть великодушной. Она – защитница своих подданных. Только она может избавить свой народ от невзгод. Ты знаешь, что на Кипресе нет бедных?

– Догадываюсь, – согласился Тор. – Я видел дома, в которых живут люди.

– Всегда есть люди, которым почему-то повезло меньше, чем другим. Но мы заботимся о тех, кого постигла беда. Каждому дается возможность сделать свою жизнь лучше. Нет детей, которые голодают. Нет бездомных. Все умеют читать и писать. Даже неурожай у нас редкость.

– Нам следовало бы у вас поучиться, Ваше величество.

Он снова говорил от души. Королева заметила это и кивнула.

– И подданные платят королеве беззаветной преданностью.

– У вас уже есть наследница?

– Да. Ее зовут Сэйрел. Сейчас ей почти двенадцать. Еще совсем девочка, но мы приложили немало усилий, выбирая ей отца. Когда-нибудь Сэйрел станет великой королевой. Но сейчас пусть наслаждается детством... – Сильвен вздохнула. – Боюсь, мои мать и бабушка не понимали, как это важно – детские игры, детские радости... все, что может позволить себе дитя королевской крови.

– Ваша проницательность восхищает, королева Сильвен. Уверен, в будущем она будет вознаграждена.

– Я на это надеюсь. Сэйрел предстоит править могущественным королевством. Пусть не жалеет, что ей выпала такая судьба.

Тор с тоской посмотрел в окно.

– Знаете, о чем я думаю, глядя на этот город, Ваше величество? Мне ничего не стоит влюбиться в Кипрес и поселиться здесь.

Кажется, такого откровения королева Сильвен не ожидала.

– И Кипрес примет тебя с распростертыми объятиями, Тор. Лекари всегда в цене.

– Но я не могу остаться, госпожа. Я должен кое-что сделать. Меня это не радует, я бы с удовольствием отказался, но выбора у меня нет.

– Понимаю... Надеюсь, ты мне об этом расскажешь. Но для начала давай пройдемся по саду, а потом поужинаем.

– Почту за честь, – ответил Тор.

Позже, тем же вечером, потягивая сладкое вино и закусывая фруктами, о которых в Таллиноре даже не слышали, Тор жалел, что не может забыть прошлое и начать новую жизнь. Он сидел на одном из прелестных балкончиков, которые украшали дворец королевы Кипреса — скрытом от холодного ветра высокими столетними деревьями, согретом многочисленными жаровнями, — и наслаждался покоем... наверно, впервые за много лет.

С тех пор как солнце покинуло зенит, они с королевой не расставались ни на миг и ни на миг не пожалели об этом. Ее величество обладала острым умом — черта, которая нравилась Тору и в мужчинах, и в женщинах, — но ее остроумие было поистине обворожительным. Неужели этот вечер когда-нибудь закончится?

Похоже, королева переживала нечто подобное, потому что это чувство было взаимным, поскольку Сильвен приказала принести еще один кувшин с вином. Тор лениво потянулся и снова почувствовал на себе оценивающий взгляд.

— Ты так и не объяснил, как тебе удалось меня разоблачить.

Отвечать на такой вопрос честно — значит подвергать себя опасности. Однако внутреннее чувство подсказывало, что на этот раз ему ничто не угрожает. Рядом с ним друг. Так почему бы не попробовать?

— Я Чувствующий, Ваше величество.

Кувшин с вином, из которого королева наполняла кубок, замер в ее руке. Определенно, ничего подобного она не ожидала.

— Ты шутишь?

— Нет, Сильвен. Конечно, я внимательно осмотрел ваш дворец, это навело меня на определенные мысли... — он заметил, как у нее приоткрылся рот и улыбнулся. — Но если честно, я полагался на свою способность чувствовать волшебство. Поздравляю, ваша шутка на самом деле великолепна.

Он мягко разжал ее длинные пальцы и взял кубок, который она так и не наполнила.

— Докажи! — потребовала Силвен. Глаза королевы искрились: ей было весело.

— Если вы скажете, какое доказательство сочтете достаточно веским.

— Хорошо... — она закрыла глаза. — Что я подумала?

Тор коснулся ее разума, поймал ее мысль... и от души рассмеялся.

— Я не стану повторять это вслух... но с радостью сделаю, если вы пожелаете.

Королева взвизгнула. Она была в полном восторге.

— Ты просто меня дразнишь. Ты не мог знать, о чем я думаю.

Тор был доволен собой. Прошло немало времени с тех пор, как он использовал свой дар просто для развлечения... Наверно, в последний раз это было в детстве, когда он веселил Элиссу, чтобы услышать ее восхитительный смех — открытый, радостный. Как это было непохоже на смех Сильвен... И как он был счастлив вспомнить женщину, которую обожал, но которой никогда больше не мог обладать.

— Нет, — королева покачала головой. — Тебе придется сделать что-нибудь более стоящее.

Тор отогнал мысли об Элиссе и заставил себя вернуться в сегодняшний день. Он даже не заметил, как служанка принесла новый кувшин с вином и поставила перед ним.

— Спасибо, — произнесла Силвен, отсылая ее. — А теперь, пожалуйста, оставь нас.

— Как прикажете, Ваше величество, — прошептала служанка и тихо вышла.

— Мы одни, Тор, — это была уже не шутливая просьба, а приказ. — Покажи свой дар!

Хорошо. Как-то раз ему удалось не на шутку напугать Меркуда. Ее величеству должно понравиться... Тор не ошибся: когда он исчез, Силвен снова завопила, но не от ужаса, а от восторга.

— Ш-ш-ш! — прошипел он, снова становясь видимым. — Сейчас сюда сбежится пол дворца. И не успею я объяснить, что к чему, как мне отрубят голову.

Королева прикрыла рот холеной ладошкой, но ее глаза горели. Глаза, которым их обладательница уже не верила. А что еще ты умеешь? — шепотом спросила она. Тор тряхнул головой.

– Яне ученый зверь, Ваше величество, – покачал головой Тор. – Я Чувствующий. Я могу...

Подобрать нужные слова оказалось неожиданно трудно.

– ... Чувствовать вещи, – пожалуй, углубляться в подробности пока не стоило. – А вы, Ваше величество? Каким даром вы обладаете?

– Тор, – она растерянно кивнула, – если бы я умела хоть что-то из того, что умеешь ты, с моим могуществом не смогла бы поспорить ни одна королева этого мира. Я все еще не могу поверить, что ты это сделал.

– Ваше величество, могу ли я просить, чтобы это осталось между нами? У меня нет привычки хвалиться своей силой.

– Значит, ты показываешь ее только правителям?

– Правительницам, – поправил Тор, касаясь ее руки. – И только самым прекрасным.

– На ночь ты останешься со мной, Торкин Гинт, – произнесла королева. – Я хочу узнать, чем тебя еще одарили родители.

И если бы листва деревьев, стройными рядами окруживших дворец, не заглушала звуки, смех королевы и ее гостя слышали бы все жители Кипреса... Ну, или хотя бы те, кто жил в центре города.

Глава 18 Поцелуй Серебряной Девы

Когда Тор проснулся в постели Сильвен, спутанные шелковые простыни рядом с ним уже остыли. Похоже, Ее величество давно встала. Он поморгал и перекатился на другой бок, чтобы посмотреть на приоткрытую балконную дверь. На улице было прохладно и тихо. Солнце еще не поднялось, и город окутывала легкая дымка. Как же долго он спал! Долго, крепко и покойно.

Тор вспомнил все наслаждения прошлой ночи, которую они провели вместе, и их восхитительное завершение. Казалось, Сильвен совершенно не похожа на Элиссу... но сколько у них было общего! Она знала вкус к радостям жизни, а перед ее легким нравом невозможно было устоять. Годы печали и одиночества забылись в пылу страсти. Сильвен умела получать удовольствие и не стеснясь показывала своему любовнику, что ей особенно нравится.

Кажется, он снова задремал. На этот раз его разбудили тихие голоса на балконе: Сильвен разговаривала с одной из своих камеристок. Закутавшись в простыню, Тор вышел на балкон. Однако вид полуобнаженного мужчины здешних обитательниц не смущал. Даже камеристка смерила гостя весьма откровенным взглядом.

– Ты простудишься, Тор, – процедила королева. – Хела, сделай одолжение, принеси плед.

Хела исчезла и почти сразу вернулась. Плед из тончайшей шерсти был почти невесомым, но стоило закутаться в него, и сразу становилось тепло. Сильвен фыркнула.

– Пух коз из Галинги. Очень редкий и очень ценный.

В руках у Тора уже появилась чашка с чиканой, источающей ароматный пар. Юноша поднес ее к губам. М-м-м... восхитительно.

– И, наверно, очень дорогая, – отозвался он и чуть наклонился, чтобы поцеловать ее в волосы.

Королева благосклонно приняла это проявление нежности и снова вернулась к своим свиткам и бумагам. Глядя, как ее глаза пробегают исписанные строчки, Тор сидел, молча вдыхая утреннюю прохладу. Воздух благоухал неведомыми цветами, которые до сих пор цвели в садах дворца – за вчерашний вечер Тор успел вдоволь на них налюбоваться. Сейчас же он наслаждался тишиной и покоем. Потягивая чикану, он наблюдал за королевой. Знала ли она об этом? Несомненно, но глаз не поднимала.

– Знаешь, – проговорила она, – я терпеть не могу управлять королевством с помощью

чернил и пергамента. Мне нравится выходить к людям, разговаривать с ними, а эти бумаги, подписи, печати...

Тор прыснул, и она замолчала.

– У меня очень много работы, – с укором заметила она и потянулась за печеньем, посеребрённым сахарной пудрой. Тор последовал ее примеру.

– Понимаю, – он откусил маленький кусочек. – Ты говоришь в точности король Лорис... Ох, какая вкуснятина...

– В самом деле?

– Угу, – пробормотал Тор. Он успел засунуть в рот всю печенину. – Пальчики оближешь.

Она покачала головой.

– Нет, я о короле Лорисе. Расскажи про него. Я слышала, что он красив и... Прости, может быть, это жестоко, но сейчас он стал очень завидным женихом.

Тор задумчиво кивнул.

– Конечно. Он очень хорош собой. Кажется, ростом он чуть пониже вас, Ваше величество, но держится с достоинством, подобающим королю. Он обладает острым умом, образован, любит охоту и лошадей, предан своему народу... и постоянно жалуется, что его заваливают писаниной.

Королева улыбнулась.

– Догадываюсь, что он чувствует. А он – верный человек, Тор?

– Верный?

– Он не изменял супруге?

– Ничего не могу сказать. В конце концов, он мужчина...

Тор слишком хорошо помнил, как Лорис впервые увидел Элиссу. В его взгляде была страсть, и он даже не смог это скрыть.

– Да конечно... Как ты думаешь, он решит еще раз жениться?

Тор разделался с печениной и слизнул с губ крупинки сахара.

– Понятия не имею. Лорис не выглядит на пятьдесят лет.

Но они с Найрией были как будто созданы друг для друга. Найти другую такую женщину нелегко.

– Почему? Я сомневаюсь, что никто из знатных родителей не пожелает сделать одну из своих прекрасных дочерей королевой Таллинора.

– Клянусь Светом, да! Но зная Лориса... если он, конечно, не слишком изменился за последние несколько лет... Думаю, его избранница будет безвестной. Ее имя ничего не скажет придворным. Знаешь... мне кажется, он предпочтет девушку из какой-то маленькой деревеньки всем искушенным столичным красавицам. Насколько я понимаю, Лорис и Найрия любили друг друга еще невинными детьми, – добавил он, словно размышляя вслух, но в его голосе слышалась мучительная тоска.

– А у тебя была такая любовь, Тор? Я хочу сказать... женщина, с которой вы вначале дружили, и только потом стали любовниками? – внезапно спросила Сильвен.

Он не хотел отвечать на этот вопрос, но Сильвен была честна с ним. Откровенность за откровенность.

– Была, Сильвен.

– О... – она взяла еще одно печенье. Похоже, Ее величеству нравились таинственные истории.

– И я до сих пор люблю ее, – тихо добавил Тор.

– Вы только послушайте! До сих пор! И кто она?

Королева уже заметила, что сумела смутить Тора. Он ничего от нее не скрывал. Какое чудо... Вот что захватило правительницу Кипреса, едва она увидела этого человека. Очаровательное смешение утонченности и наивности, силы и мягкости, надменности и скромности. Иногда он кажется маленьким потерянным мальчиком, а через миг она уже восхищается мужеством, с которым он несет на плечах свою тяжкую ношу. И теперь...

потерянная любовь! Так и должно быть. Мужчина и его возлюбленная – желанная и вечно недоступная.

– Она не принадлежит тебе, Тор?

– Она всегда будет моей, – грустно отозвался он. – Мы просто не можем быть вместе.

– Почему?

– О-о... так получилось.

Но Сильвен не собиралась отступать.

– Где она?

– В Тале.

– Но родом она, конечно, не из столицы.

Тор фыркнул.

– Нет, Элисса родилась в местечке под названием Пустошная Топь. Маленькая деревушка, где ничего не происходит, про которую мало кто слышал.

– И она изумительно красива?

– Да, – лицо любимой снова встало у него перед глазами. – Золотые волосы. Серо-зеленые глаза. Кожа, как мед. Хрупкая, смешная, умная. Она... очаровательна.

– Яревную, – проговорила королева и притворно надулась.

– Не ревнуй, – Тор улыбнулся. – Странно, но вы чем-то похожи.

– Спасибо. Как я понимаю, это лесть. О... знаешь, что? – в глазах Сильвен запрыгали лукавые искорки. – У меня только что появилась потрясающая мысль. Лорис и Элисса...

Она отправила в рот оставшийся кусочек печенья. Тор поморщился.

– Я так не думаю, – твердо сказал он.

– А почему бы и нет? – Сильвен стряхнула сахар с кончиков пальцев. – В ней соединилось все, что желанно для короля Таллинора – если верить тому, что ты сказал. Девушка без прошлого... по крайней мере, прошлого, связанного с жизнью при дворе. Родилась в Таллиноре, но не в Тале. Как я понимаю, она весьма небогата?

Тор кивнул.

– И при этом очаровательна – я просто повторяю твои слова. В общем, услада для глаз, ума и сердца. Думаю, они будут прекрасной парой. Король Лорис и королева Элисса...

И она подняла чашку, словно предлагая тост за новобрачных.

– Если вы предлагаете выпить за это, Ваше величество, то я не стану. Элисса его презирает. Ни один враг королевства не способен ненавидеть его так, как она. Элисса никогда не станет королевой Таллинора.

– Все девушки мечтают стать королевами, Тор.

– Но не Элисса.

Он начинал выходить из себя. Сильвен была в полном восторге.

– Почему же она так ненавидит короля? Ты же сам только что дал мне понять, что лучшего правителя на свете не сыщешь. Что он мог сотворить, чтобы его возненавидела простая деревенская девушка?

Тор не отвечал. Молчание затянулось, потом стало невыносимым. Может быть, она зашла слишком далеко?

– Он отобрал меня у нее, Ваше величество.

Эти слова наконец-то были сказаны... и с его лица исчезли последние отблески радости.

Прежде чем королева успела ответить, город огласил перезвон колоколов. Оставив чашки на столике, Сильвен и ее гость поспешили к краю балкона. Как кстати, подумала королева. Она была спасена от необходимости продолжать разговор. К ее облегчению, Тор больше не выглядел так, словно отбивается от толпы врагов.

– Колокола как будто чего-то требуют, – заметил Тор.

– Они возвещают смерть, – откликнулась королева. Тор недоуменно посмотрел на нее. Правительница Кипреса шагнула к нему, Тор обнял ее и прижал к себе. Это было ни с чем не сравнимое наслаждение. Обычно она выгоняла наложника из спальни, как только он

исполнял то, ради чего его туда позвали. И терпеть не могла, когда после этого бедолага околачивался поблизости, постоянно попадаясь на глаза, или, что еще хуже, влюблялся в нее. Наложники – это просто слуги, не более того.

Но Торкин Гинт не таков.

Едва увидев его, она поняла, что должна заполучить этого человека на свое ложе. Теперь стало ей ясно, что жаждет настоящей любви, а не только постельных утех... Нет, большего. Он должен принадлежать ей.

– Твой друг Локки потребовал, чтобы Хэрид с «Осы» удостоился поцелуя Серебряной Девы, – напомнила королева.

– Ах, да... Я просто не понял. Слишком много всего сразу... Сначала Адонго, потом все остальные... Я не успел...

«О боги, – подумала королева Сильвен. – Значит, тебе будет нелегко это услышать».

– Колокола возвещают День Ожидания.

– Я ничего не знаю про этот обычай, Сильвен. Я вообще не знаком с вашими обычаями.

Королева повернулась, покинула балкон и устроилась в одном из уютных кресел возле небольшой жаровни. Тор последовал ее примеру.

– Согласно закону Кипреса, поцелуй Серебряной Девы – самое страшное наказание. Это ужасная смерть... правда, смерть наступает не всегда. Вообще, Дева разборчивостью не отличается. Случается, что она целует невиновных.

Тор пожал плечами.

– Не понимаю.

– Серебряная Дева сама выбирает, кого целовать, а кого нет. Ее поцелуй рассекает человека пополам – с головы до ног.

– Для Хэрида трудно придумать что-то лучшее, – с довольным видом отозвался Тор.

– Подожди. Тот, кто назначает наказание, сначала должен рискнуть сам. Если Дева не тронула его, значит, он пострадал невинно и может требовать правосудия. И тогда тот, кто причинил ему зло, должен испытать на себе ее гнев.

Ее гость выглядел так, словно его ударили по голове чем-то тяжелым... или заставили решить какую-то весьма непростую задачу.

– Да, – поспешно произнесла Сильвен. – Я догадываюсь, каков будет твой следующий вопрос. Позволь мне ответить сразу. У Девы есть десять врат, которые могут открыться, пропуская клинок... или не открыться. Выбор за самой Девой.

Тору стало страшно.

– Ты хочешь сказать, что это воля случая? И Локки играет вслепую?

– Да, можно сказать и так. Вот почему мы редко прибегаем к услугам Серебряной Девы. Многие приносят мне жалобу, но чаще всего выбирают меч или кнут – смотря по тому, насколько тяжким было оскорбление. Но если ты хочешь, чтобы твой обидчик понес самое тяжелое наказание, которое только знают Королевства, пережил самый сильный страх, какой только возможен, за это надо заплатить. Все имеет свою цену.

– И можно надеяться?..

– Надежды мало, – Сильвен предпочла не скрывать правды. Мы не можем заставить Деву изменить решение.

– У нее есть Хранитель, преданный мне человек. Я вполне доверяю ему. За последнее время к Деве обращались дважды, и оба раза она не тронула ни жертву, ни обидчика. Она пощадила четверых. Как я понимаю, теперь она жаждет смерти.

– Ваше величество... при всем моем почтении к вам... вы не можете этого допустить! Локки еще ребенок.

– Этот ребенок принял решение мужчины, Тор. Он настаивал. Я не могу ему отказать. Он подал жалобу и должен получить то, что просит. Так гласит закон Кипреса.

Тор почувствовал, что закипает.

– И когда можно будет полюбоваться этой мерзостью?

Сильвен сделала вид, что пропустила оскорбление мимо ушей.

– Через несколько часов, поэтому колокола и звонят. Лорке нужно время, чтобы перенести Деву в амфитеатр. Нужно наточить клинки, смазать замки маслом...

– Не хочу больше об этом слышать, – Тор прошелся по комнате. – Кошмар. Что я скажу Эйрин?

– Кто такая Эйрин?

– Сестра Локки. Я обещал ей, что присмотрю за мальчиком.

– Тор, Локки сам принял это решение. Не ты. Не его сестра. Даже капитан Квист повинуется закону.

– Да, легко повиноваться закону, когда речь идет не о твоей крови. Квист – муж Эйрин, а Локки – его шурина, хотя Квист вроде бы старается заменить ему отца. Кстати, отца у них никогда не было. Такого Эйрин своему супругу никогда не простит. Никогда!

– Ты зря выходишь из себя. Будем надеяться, что Дева проявит милосердие. Ты ничего не можешь сделать.

– Я не буду просто стоять и смотреть, как твоя Дева режет Локлина Гилбита пополам. Это была угроза, не высказанная явно, но королева поняла его.

– Если ты прибегнешь к волшебству, Тор... Пока это наш секрет, но мне придется его открыть. Ты не оставишь мне выбора. В Кипресе Чувствующие встречают больше понимания, чем в Таллиноре, но мы не допускаем, чтобы волшебство творилось в открытую.

– Я следую голосу сердца, Ваше величество, – Тор встал, собираясь уйти.

– А я – законам моего королевства.

– У вас есть закон, запрещающий творить волшебство?

– Волшебство может творить только королева, – резко ответила Сильвен. – Для того, чтобы зачать дочь.

– В таком случае... Не исключено, что мне тоже придется попросить вашу Деву о поцелуе. По вашему приказу, – он медленно поклонился. – Я покидаю вас.

– Да, думаю, тебе пора.

Она печально смотрела, как Тор одевается и уходит. Никто из них больше не произнес ни слова.

Сильвен не удивилась, когда несколько минут спустя Хела вошла в ее покои, сопровождая еще одного чужеземца.

– Ваше величество... – гость отвесил глубокий поклон. Похоже, ему было не впервой встречаться с особами королевской крови.

– Я ждала вас, – произнесла королева.

– Благодарю, что приняли меня, Ваше величество. Я считаю своим долгом рассказать вам о своей жизни в Таллиноре, как вы и просили.

– В самом деле? – сухо спросила она. Это могло означать все, что угодно, но ее собеседника подобное не смутило.

– Я должен предупредить вас, государыня. Это опасный человек.

– Вы про Торкина Гинта? И чем он опасен? Только вчера вы сами говорили, что мне стоит пригласить его во дворец. Что это будет весьма любопытно...

Гот коротко кивнул. Это можно было принять и за знак согласия, и за поклон.

– Конечно. Когда вы рассказали, как он появился на невольничьем рынке, я не мог поверить собственным ушам. Пока могу сказать только то, что я уже сказал. Этот человек опасен. Беды идут за ним по пятам, Ваше величество.

Глядя, как это мерзкое создание, наглое и подбострастное одновременно, распинается перед ней, Сильвен задумалась. Знает ли он, на что способен Тор? Вряд ли. Нет, здесь что-то другое... возможно, ревность.

– Как я поняла, некоторое время вы оба находились при дворе короля Таллинора?

– Совершенно верно, – Гот попытался улыбнуться, но ухмылка получилась отвратительной.

– Торкин Гинт очарователен и помог мне скрасить минуты отдыха.

Она увидела, как при этих словах лицо Гота скривилось, и почувствовала что-то вроде торжества. Лицо не слушается его... такое же уродливое, как и его душа.

Глаза бывшего Инквизитора стали похожи на каменные шарики.

– Я бы посоветовал вам больше не пускать его во дворец, Ваше величество. Будет хорошо, если вы позволите мне разобраться с ним. Может быть, мне понадобится несколько ваших стражников, но... Ради вас, Ваше величество.

– Разобраться?

– Избавить вас от него, госпожа.

– Избавить от него Кипрес или этот мир?

– Как пожелаете, Ваше величество. Я с радостью выполню ваш приказ. Я обязан вам жизнью. И этот долг мне не оплатить до самой смерти.

Гот поселился во дворце лишь несколько дней назад, но королева Сильвен уже прониклась к этому человеку презрением. Она всегда презирала тех, кто готов был перед ней стелиться. Ни малейшего доверия он у нее не вызывал... но мать учила ее, что правительница должна выслушать любое слово, из чьих бы уст оно не прозвучало. Гот был Инквизитором Таллинора и бежал, когда инквизицию упразднили. Очевидно, опасаясь за свою жизнь... Он находился на борту «Осы», когда корабль затонул недалеко от маленького островка, но думал, что кроме него, никто не спасся. По его словам, за время плавания он не разговаривал ни с кем, кроме капитана и юнги по имени Райк.

Узнав, что Торкин Гинт тоже плыл на борту «Осы», а теперь находится в Кипресе, Гот был потрясен. Похоже, он много может рассказать о Торе... кроме того, что давно его ненавидит. Вместо этого слова были сказаны сотни других, умных и красивых, но королева умела читать по глазам. Этот дар, как и тонкое чутье, она унаследовала от матери. Нет, если кто и опасен, так это Гот. И это ему нельзя доверять. Он может быть любезен, может льстить и заискивать, но это лишь маска, за которой скрывается жестокость человека, не способного и не желающего прощать.

Именно Гот предложил пригласить Тора во дворец, разбудив ее любопытство. Конечно, он не рассчитывал, что королева и ее гость проведут ночь в одной постели... но Сильвен тоже представляла себе этот визит иначе. Она видела, как изрытое шрамами лицо бывшего Инквизитора кривит гримаса неодобрения. Наверно, проболтался кто-то из служанок. Кто еще мог знать, что Тор так и не покинул ее покоев? Впрочем, его мнение не интересовало правительницу Кипреса. Куда любопытнее другое: что было между этими людьми?

Пока королеве не удалось узнать, что этот человек знает о ее новом любовнике. Кажется, сейчас ей выпала возможность наверстать упущенное.

Знает ли Гот, что его недруг – Чувствующий? Она снова и снова задавала себе этот вопрос. Что связывает их? Может быть, они стали соперниками, пытаясь добиться благосклонности какой-то дамы? Неужели той самой Элиссы? Нет, немыслимо. Она представила себе красавицу Элиссу и очаровательного молодого лекаря. Чем не пара? Неужели девушка, которая любит своего избранника и счастлива с ним, хотя бы бросит взгляд на такое чудовище, как Гот? Что касается самого Гота... похоже, женщины его не интересуют. Может быть, он евнух? Он даже не пытался приставать к служанкам и не заглянул ни в одно заведение – в том числе и туда, где посетителей обслуживают юноши. Королева решила не задумываться о том, почему он пренебрегает любовными утехами. Как бы то ни было, ревность тут не при чем.

Бывший Инквизитор так и сверлил ее взглядом, при этом один глаз у него то и дело подергивался. Когда же ее гость снова облизнулся, королева не выдержала и отвернулась. Это было просто невыносимо. В конце концов, она вежливо попросила своего гостя удалиться. Да, она пока не готова выслушать его. Похоже, Гот очень огорчился, однако не посмел перечить и покинул покои королевы.

День обещал быть нелегким. Каково утро, таков и весь день. Королева злилась на Тора. Дерзкий мальчишка открыто выказал неповиновение, но это еще полбеды: он пригрозил что

нарушит закон Кипреса! Какая строптивость... какая восхитительная строптивость. Он никого не боится, даже ее. Да, такого человека она могла бы полюбить.

Полюбить? Ей такое даже в голову не приходило. Разве что в юности... но у нее было хорошее воспитание. Ей предстояло стать великой королевой великого народа. И ни один мужчина не будет править ни этим народом, ни ею самой. Она никогда не полюбит, никогда не выйдет замуж. Ее мать и бабушка до последних своих дней отбирали для нее любовников. Это было своего рода придворное заведение, которое посещала только одна клиентка. Множество мужчин, которые всегда к ее услугам. Никто не задерживался надолго: с одной стороны, это не позволяло принцессе скучать, а с другой – она не успевала привязаться ни к кому из тех, с кем делила ложе.

Им удалось и то, и другое. За эти годы у королевы Кипреса было слишком много любовников, чтобы думать о любви. И вот в сорок лет она влюбилась. Вот смех. Да еще в уроженца Таллинора! Но как можно устоять перед таким, как Торкин Гинт? Даже если забыть о его красоте и очаровании... Это удивительный человек. Какая острота ума... Он не уступал ей самой. Собеседник, который никогда не сможет наскучить. Чувствующий. Загадка, которую можно разгадывать до конца жизни.

Королева Сильвен помотала головой, отгоняя эти мысли. Этот удивительный человек только что ушел от нее.

Тор был в ярости. Как он мог такое допустить? Локки был вправе выбрать для обидчика любое наказание. Хэрида могли высечь, ему могли отрубить голову... Так нет, мальчик решил рискнуть собственной жизнью. Теперь с поисками Клута придется повременить.

Глупо! Глупо! Проклиная себя, Тор шагал по городской улице. Он уже знал, на каком постоялом дворе остановился Квист. Неожиданно Кипрес утратил все свое очарование. Краски стали резче, город дышал угрозой. И с Сильвен они расстались как чужие... Одного этого было достаточно, чтобы испортить настроение.

На постоялом дворе капитана Квиста и в самом деле знали.

– Он ушел, – сообщил мальчишка – один из тех, которых прикармливают в трактирах и используют для мелких поручений.

Тор вышел на улицу и остановился. И куда теперь идти? Разве что в порт. От любимого трактира – к любимому кораблю...

Он не ошибся. Квист и в самом деле находился на борту «Ворона». Команда готовилась к отплытию.

– Эй, Квист! – крикнул Тор.

Капитан перегнулся через палубные ограждения, помахал Тору, и тот поспешно поднялся по сходням на палубу. Янус Квист был мрачнее тучи.

– Похоже, ты все слышал?

– Как ты мог такое допустить? – заорал Тор.

Если до сих пор лицо разбойника напоминало грозное небо, то теперь разразилась буря.

– Ты что, рехнулся? Как тебе такое в голову пришло? Если бы я знал! Локки утверждал, что этого мерзавца выпорют при всем честном народе, а потом посадят в клетку и оставят без еды. Про Серебряную Деву я и слухом не слыхивал – до нынешнего утра. Надо было подписать пару бумаг, тут-то все и вскрылось. Само собой, я начал отпираться, но мое слово, как оказалось, ничего не решает. И моя подпись тоже. Как сказал Локки, так и будет. Я бессилен.

Нет, подумал Тор. Я так легко не сдамся.

– Значит, решил сбежать?

– Я готовлю корабль к отплытию, Гинт, – ледяным голосом ответил Квист. – Что бы ни случилось, завтра мы выходим в море. Я должен вернуться домой, к Эйрин. Возможно, мне придется привезти ей труп. Может, хочешь сказать, что я счастлив?

Тор потерял голову. Своей невозмутимостью, своими попытками успокоить его Сильвен добила лишь одного: в нем клокотал гнев. И теперь нашелся кто-то, на ком этот гнев можно было сорвать.

– Хотел бы я знать, хватит ли тебе духу посмотреть ей в глаза!

Это было уже слишком. Тор едва успел загородиться невидимой стеной – судя по силе, с которой в нее врезался кулак капитана, ему очень повезло. Удар был так силен, что Квиста развернуло на месте. На лице разбойника появилось выражение бесконечного удивления, но ненадолго. Пригнув голову, как бык, он бросился на обидчика. Тор не раз видел, как люди, которых таким образом боднули в живот, лежат скорчившись и ловят ртом воздух. Однако ему самому подобное не грозило. Квисту показалось, что он с разбегу налетел на каменную изгородь. Миг спустя он уже без чувств лежал на палубе своего корабля.

Тор склонился над капитаном и осмотрел его. К счастью, все обошлось. Скоро Янус Квист очнется. Какое-то время у него будет кружиться голова, он вряд ли поймет, что случилось... но его жизнь вне опасности.

Самому Тору повезло еще больше. Никто не видел этой странной драки. Когда он поднимался по сходням, Квист отдавал своим подручным приказы, и на палубе никого не было. Матросы вернулись как раз вовремя, чтобы увидеть, что их капитан лежит, распластавшись на досках.

– Что случилось? – крикнул один, устремившись к нему.

– Обморок, – соврал Тор. – Отнесем его в каюту. Я лекарь и смогу ему помочь.

Квист уложили на койку. Тор заверил разбойников, что позовет их, как только осмотрит капитана, а самого настойчивого попросил принести воды. Сейчас нужно было выиграть время... совсем немного времени.

Капитан уже приходил в себя, и Тор влил ему в рот немного настойки аррака, с которой теперь не расставался.

– Голова раскалывается... – простонал Квист, приоткрыв свой единственный глаз.

– Глотни еще немножко, – Тор снова поднес к его губам пузырек, попутно заметив, что драгоценного питья становится все меньше и меньше. Послушно сделав глоток, капитан с трудом сел. В этот миг в каюту влетел матрос с кувшином.

– Отошли его, – тихо проговорил Тор. – Нам надо поговорить.

– Все в порядке, Ларг, – сказал капитан. – Занимайся своими делами.

Однако от Ларга было не так легко отделаться.

– Уверен, капитан? На тебе лица нет.

– Ничего со мной не случится. Просто голова трещит. Так прихватило, что ноги подкосились.

– Хорошо, капитан. Зови, если что, – матрос вышел и закрыл за собой дверь.

Квист посмотрел ему вслед, потом гневно уставился на Тора.

– И что это было?

Тор вздохнул.

– Я Чувствующий, Квист. Я могу творить волшебство.

– Один из этих счастливиц? – ухмыльнулся разбойник, потирая висок. – Ох, как тебе повезло... Нет, мне на самом деле лучше.

– Мне так все говорят, – улыбнулся Тор. – Прости, что причинил тебе боль.

Квист передернул плечами.

– Или ты мне, или я тебе. Бывало и похуже.

– Тебе беспокоит, что я Чувствующий?

– Меня – нет, а вот тебя... Я слышал, инквизиторов из Таллинора выгнали. Но ты, похоже, все никак не можешь забыть прежние страхи.

– Никогда не угадаешь, что подумают люди. Я стараюсь держать язык за зубами.

– Я тоже постараюсь, – Квист спустил ноги на пол и застонал. – Ох... Мне бы такой дар... Итак, Гинт: можешь сотворить чудо и спасти Локки?

– Я собирался. Но королева запретила мне творить волшебство. Она знает, что я

Чувствующий.

– Во сне проболтался? – Квист расхохотался, и Тор почувствовал, как краснеет.

– Похоже, про это уже весь Кипрес знает?

– И все, кто знает, испытывают за тебя гордость. Я во всяком случае – точно. Мне еще не доводилось переспать с королевой – кроме той, что ждет меня дома.

– Ты ее и в самом деле любишь... – пробормотал Тор. Нет, просто подумал, слова сами сорвались с губ.

Квист удивленно взглянул на нее.

– Да, Гинт. Я и в самом деле ее люблю. Тебе что, не верится?

Тор неловко переступил с ноги на ногу. Всего несколько дней назад он тоже спал с этой королевой.

– Почему? Эйрин тоже мне нравится. Я всегда считал, что она достойна настоящий любви. Она просто получила то, что заслужила. Я за вас рад.

– Сомневаюсь, что она будет очень рада, когда я привезу ей труп ее брата, – буркнул Квист.

– Не будет никакого трупа. Поверь мне, Квист. Обещаю, с головы Локки не упадет и волос.

– Значит, ты наша последняя надежда. К парню никого не пускают. Мне даже не позволили поговорить с ним. Но ему плевать. Месть ослепила его. Может, он еще не дорос до того, чтобы понять, что мстить можно по-разному.

Тор кивнул.

– Я пойду на главную площадь. Пора взглянуть на эту Деву.

– Я тоже скоро приду. Нужно кое-что закончить. Завтра утром мы должны выйти в море. Можешь вернуться со мной в Карадун.

– Спасибо. Мне еще нужно найти своего сокола.

Тор направился назад к центру города, к амфитеатру. На душе стало легче. Его способностей достаточно, чтобы справиться с этой Девой, как бы сложно ни были устроены ее врата. Но он по-прежнему не представлял, как найти Клута. Без помощи Сильвен, которая могла бы открыть для него двери, эта задача представлялась весьма непростой. Найти птицу, которая больше не может установить с ним связь разумов. Море вокруг Кипреса усеяно множеством крошечных островков, и Клут может оказаться на любом из них.

Странное молчание Клута наводило на размышления. Тор не сомневался: если бы его друг умер, он бы это почувствовал. Но он не чувствовал ничего. Только пустота. Неужели опять архалит – волшебный зеленый камушек, который не позволял ему дотянуться до Элиссы через разделяющее их расстояние? Нет, так продолжалось лишь до тех пор, пока они были далеко друг от друга. Когда же Тор прибыл в Академию, Элисса даже слышала его мысленный зов, хотя и сильно приглушенный.

Теперь он узнал бы действие архалита и справился с этой преградой без особых усилий. Все дело в том, что преграды не было. Тор никогда не сталкивался ни с чем подобным. На всякий случай он постоянно держал свой разум открытым. Возможно, Клут тоже отчаянно пытается докричаться до своего друга. Говорят, если хорошо прислушиваться, когда-нибудь услышишь...

Внезапно Тора охватила печаль. Положение дел не сулило ничего хорошего. Клут потерялся, Локки предстоит встретиться лицом к лицу со смертью, Найрия умерла... и в довершение всех бед он поссорился с королевой Сильвен. Его мысли невольно обратились к Элиссе. Самая страшная потеря в его жизни... Нет, хватит себя жалеть, хватит лелеять чувство вины. Надо собраться с силами и что-то делать.

Кажется, Лисе говорила, что его дети уже в пути? Значит, Ярго их нашла. Тору было достаточно вспомнить о детях, чтобы надежда снова ожила в нем. Он шагал по прелестным улочкам Кипреса и думал о сыне и дочери – роскошь, которой он не позволял себе с тех пор, как Соррель покинула Сердце Лесов с бесценным грузом, который он доверил ей.

Его дети уже встретили свое пятое лето. Тор попытался представить, какими они стали. Он вспомнил темные волосы новорожденного Гидеона. Наверно, малыш уже похож на него самого... а Лаурин – на свою мать. Правда, девочка родилась лысой, так что не исключено, что он ошибается.

Женщина, которая шла навстречу, улыбнулась, и Тор понял, что улыбается сам, вспоминая эту крошечную лысую головку. Его дети скоро будут здесь... Эта мысль придала ему решимости. Надо как можно скорее отыскать Клута и возвращаться в Таллинор. Скорее всего, Соррель с детьми вернется именно в Сердце Лесов – более безопасного места не найти. Будь ты неладна, Сильвен, вместе со своими сокольничими. Будь ты неладен, Локлин Гилбит, со своей гордостью. Неужели без вас трудностей в жизни мало?

Тор замер как вкопанный: он понял, что ноги сами привели его на главную площадь Кипреса. Там было оченьлюдно и шумно, но Тор видел только открытый амфитеатр, который возвышался в ее глубине. Тому, что громоздилось посередине арены, трудно было найти подходящее название. Тусклый луч предзимнего солнца, прорвавшись сквозь облака, коснулся зловещего лезвия, и оно сверкнуло. Дева подмигнула Тору.

– Здравствуй, Дева, – пробормотал Тор. Чувство, которое наполнило его при виде этого изумительного сооружения, больше всего напоминало благоговейный трепет.

Поднявшись по красивой резной лестнице, Тор опустился на скамейку – и лестницы, и скамейки были высечены из камня – и стал наблюдать за приготовлениями. Какой-то человек отдавал приказы доброму десятку других. Скорее всего, тот самый Лорке, преданный слуга королевы. Тор очистил разум от всевозможных мыслей, представил, что шум городской толпы стих где-то вдали. Теперь он слышал только тех, кто стоял рядом с Девой.

– ... всего лишь мальчик, – сокрушался Лорке, обращаясь к какому-то воину. – Дева жаждет крови. Если что, кровь мальчишки будет у нее на губах... или у меня на совести. Не хотелось бы.

– Так решила королева, – отозвался тот.

– Вот-вот, иначе я бы этого в жизни не сделал, – проворчал Лорк, вгоняя в корпус Девы последний деревянный штырь.

– Ты закончил?

– К Четвертому колоколу закончу.

– Обвинителя и виновного приведут после Шестого. Ее величество прибудет после Седьмого.

– Знаю, знаю. Как-никак, я всем этим второй десяток лет занимаюсь, болван. А с Восьмым ударом Дева кого-нибудь поцелует. Или не поцелует. Видишь, я еще что-то помню.

– Да будет тебе. Не вешай нос и делай, что положено. А мне пора во дворец. Кстати, если появится чужеземец – высокий, темноволосый, по имени Торкин Гинт – не болтай с ним. Приказ королевы.

Значит, Сильвен решила принять меры предосторожности. Трудно ее винить. Он сам виноват: нечего было хвастаться своим даром... Тор следил за последними приготовлениями, и в голове у него снова звучали слова Меркуда. Храни свой дар в тайне, никому не показывай, на что ты способен... Ему было всего пятнадцать, когда старик впервые сказал ему об этом, Тор грустно улыбнулся. Не прошло и дня, как он пренебрег предупреждением. Стоило добраться до Хаттена. и он развернулся. Сначала отделал грубияна, который приставал к девушке, потом бросился на выручку Клуту – он не мог пройти мимо несчастного, прибитого за ухо к позорному столбу.

С таким же успехом Меркуд мог наставлять глухого. И жизнь его, похоже, ничему не научила. Стоило королеве улыбнуться ему понежнее – и вот он уже выламывается перед ней, точно жонглер в деревенском балагане.

Тор покачал головой. Он сам дивился своей беспечности.

Тем временем амфитеатр заполнялся. Люди стекались сюда с городской площади, и

казалось, что каждый миг на его скамейках появляется сотня новых зрителей.

Внимание Тора привлек маленький человечек, который устроился неподалеку. Поймав взгляд юноши, карлик улыбнулся, и его морщинистое личико словно озарил луч солнца.

Удивительно, как улыбка меняет человека.

– Вам доводилось видеть что-то подобное? – спросил карлик.

– Казнь? Конечно, – Тор кивнул. – А вот Деву я вижу впервые.

– А-а... – протянул карлик. Кажется, он чего-то не договаривал. – Скоро здесь не останется свободных мест. Кипреанцам нечасто случается увидеть, как Дева целует свою жертву.

– Ятак и понял, – ответил Тор. – Вы давно здесь живете?

– Нет. Мой народ обитает очень далеко отсюда, и мало кто в своих странствиях добирается до здешних мест.

– И как называется ваш народ?

Прежде чем карлик успел ответить, кто-то похлопал Тора по плечу. За разговором он не заметил, как на соседнем ряду появился Янус Квист, а с ним – несколько матросов из его команды. Тор снова повернулся к своему удивительному соседу, но карлик уже пересел подальше. Тор пожал плечами. Ему и в самом деле было жаль, что разговор не удалось продолжить. В ответ человечек тоже передернул своими крошечными плечиками и лучезарно улыбнулся, принимая извинения.

– И что теперь? – спросил Квист, напоминая Тору о своем существовании.

– Будем ждать. Как только представится случай, я что-нибудь сделаю.

– И что ты сделаешь?

– Вмешаюсь, – и Тор лукаво улыбнулся.

Колокол ударил в шестой раз, и на арену амфитеатра с грохотом въехала повозка. На ней сидел Локки; мальчик старался держать себя в руках, но глаза у него были как полная луна. У него за спиной лежал Хэрид. Повозка остановилась, Локки спрыгнул, и воздух задрожал от трескучих аплодисментов. Весть об отважном мальчике быстро распространилась по городу. Воины помогли Хэриду подняться и сойти с повозки. Разбойник едва держался на ногах и не мог даже выпрямиться. Похоже, он толком не понимал, что происходит. Тор вспомнил его поединок с Адонго. Удивительно, как Хэриду хватает силы стоять и ходить.

Глашатай зачитал жалобу и решение королевы. Сама правительница Кипреса еще не появилась. Чтобы заполнить время, он поведал, как случилось, что Локлин Гилбит оказался здесь в этот день, и что такое поцелуй Серебряной Девы – рассказ, от которого кровь стыла в жилах.

Тор заметил, что Хэрид едва не лишился чувств. Что же до Локки, то мальчишка даже не поморщился.

Квист сидел как на иголках.

– Он не должен погибнуть, Тор, – впервые с тех пор, как они познакомились, разбойник назвал его по имени.

– Он не погибнет.

Снова прогудел колокол. Седьмой удар. Восемь крепких носильщиков поднялись на особую площадку, на их плечах покачивался сверкающий паланкин. Королеву Сильвен сопровождал отряд стражников, сама она скрывалась от посторонних глаз за густыми вуалями – все как всегда. Горожане громко приветствовали свою правительницу, и прошло немало времени, прежде чем шум стих.

Дальнейшее было лишь данью обычаю. Глашатай развернул еще один пергамент, зачитал то, что там было написано... И Локлина Гилбита повели на встречу с Серебряной Девой.

Тор дал Цветам волю. Поглощенный этим сиянием, он не заметил, как начальник королевской стражи вышел вперед и что-то произнес. По амфитеатру пробежал ропот

оживления. Происходило что-то необычное.

Не может быть. Королева прилюдно приказала Торкину Гинту из Таллинора подойти к ее ложе.

Миг спустя он увидел стражников, переодетых горожанами. Хитро, ничего не скажешь. Надо было лучше следить за тем, что происходит вокруг... Один из воинов вежливо повторил Тору приказ правительницы.

Интересно, что задумала Сильвен...

– Мне все равно, где быть, – шепнул Тор Янусу Квисту, чувствуя, что на них смотрит весь амфитеатр. – Чувствующий – везде Чувствующий.

Он выпрямился и начал пробираться между рядами, следуя за своими провожатыми. Паланкин королевы по-прежнему был окружен стражей. Но вот живая стена расступилась: ему было позволено приблизиться к королеве.

Скорее бы все это закончилось... Спасти Локки, а потом отправляться на поиски Клута.

– Ваше величество...

Тор поклонился. В этих словах не было ничего, кроме почтения.

Королева ответила тихо, к тому же ее голос был приглушен вуалями. Лишь острый слух позволил Тору разобрать, что она говорит.

– Прошлая ночь привела меня в восторг...

Тор улыбнулся. Правда, он так и не поднял головы, и никто не видел его улыбки. Значит, она просто придумала повод снова увидеться.

– Меня тоже, – сказал он.

– Вот почему мне будет нелегко это делать.

Прежде чем Тор успел что-то понять, ему заломили руки. Какие-то ремни туго обхватили ему голову. Повинуясь едва осознанному приказу, Цвета ярко вспыхнули, словно пытаясь вырваться наружу...

И ничего не произошло.

Тор был потрясен. Он замер, прислушиваясь к звукам голоса, который доносился словно издалека. Кажется, кто-то объяснял горожанам, что произошло, но Тор не мог разобрать ни слова. Он снова попытался освободить Цвета. Снова безуспешно.

Впервые в жизни Торкин Гинт не смог творить волшебство. Цвета кипели в нем, он их чувствовал. Сил было в избытке, но он не мог ими воспользоваться.

Он обернулся, однако стражники заставили его встать на колени.

– Мне очень жаль, Тор, – коротко произнесла королева.

Тем временем Локки тоже связали. Дева приняла Локлина Гилбита в свои объятия.

– Лезвие пройдет через десять врат, – объявил Лорке. – Возможно, одни задержат его. Однако Дева пощадила уже четверых и жаждет подарить свой поцелуй. Ты готов, Локлин Гилбит?

Локки отвечал без колебаний. Что за мальчик!

– Я готов, почтенный! – громко произнес он. – Если девушка решила кого-то поцеловать, пусть целует!

Его смелость вызвала новую бурю восторженных воплей.

Тор был в ужасе. Пять лет назад нечто похожее происходило на главной площади Тала: невинного привязали к кресту и забили камнями. Правда, тогда толпа рыдала. А здесь царил праздник.

Он снова попытался высвободить Цвета – и снова понял, что это бесполезно. Стража оттащила его от паланкина Сильвен, и он даже не мог обратиться к ней. Лорке в последний раз осматривал свою подопечную... и, наверно, молился всем богам, чтобы она не влюбилась в отважного мальчишку, которого держала в объятьях. Тор нашел Януса Квиста. Лицо капитана исказилось, словно боль терзала его тело, а не душу. Похоже, он уже похоронил Локки.

Тор сосредоточился и мысленно ощупал свою кожаную «корону». Нет, слишком поздно. Поздно задавать вопросы, нет времени ждать ответа.

Женщины закричали: Лорке поднял тяжелое лезвие на самый верх, а потом отпустил. Клинок коснулся первых врат. Замки раскрылись и пропустили его. Дева жаждала крови. Локки конец.

Лезвие двигалось все быстрее. Пятые врата... Шестые... Открылись.

И тут Тор ощутил это. Казалось, его омыло волной, и на миг он отдался этому блаженству. Сила, творящая волшебство... Он огляделся: никто ничего не заметил. Тот, кто это сделал, был силен и искусен. Невидимая волна коснулась лезвия, едва оно достигло девярых врат, серебристый металл замер и задрожал, словно охваченный страхом. Только сейчас Тор увидел, что Локки тоже колотит дрожь.

На миг стало очень тихо. А потом амфитеатр огласили крики радости. Жители Кипреса подбрасывали шляпы, поднимали детей, словно предлагая их небесам, женщины утирали слезы и целовались. Дева пощадила мальчика.

Волшебство по-прежнему окутывало Тора. Это было восхитительно, но... он мог лишь ощущать его силу. Глаза застилало туманом. Все, чего хотелось Тору, – это дотянуться до того, кто это сделал, и поблагодарить его от всей души. Дева не собиралась пощадить Локки. Но кто-то вмешался, сотворил чудо... кто? Тор сгорал от любопытства.

Он посмотрел на Квиста. Матросы обнимали своего капитана, хлопали его по спине. Тору показалось, что с его плеч упал тяжелый груз, который он нес все это утро, не смея опустить на землю. По его щекам катились слезы, он смеялся... и искал глазами карлика, с которым разговаривал перед тем, как появился Янус Квист.

Их взгляды встретились. Карлик коснулся ладонью лба, груди и низко поклонился Тору. Так вот кто творил волшебство! Прежде, чем юноша оправился от изумления, карлик поднял руки. Он держал пальцы растопыренными, но один подогнул, словно хотел спрятать. Тор смотрел на него, ничего не понимая... и вдруг его осенило. Перед ним был Фиггис, горный карлик, Девятый из Паладинов.

И Тор дал волю слезам. Он плакал от счастья – но не потому, что Локки был спасен. Паладины возрождались. Отважные защитники собирались вокруг него, готовясь к будущей битве. Как он мог забыть об истинной цели своей жизни! Вот ему пример: Паладины, которые никогда об этом не забывали. Их уже восемь, и каждый из восьмерых проявил себя весьма достойно. Нет только Джуну. И нет Темезиуса с сердцем льва, который пока еще держится, позволяя им жить в безопасности.

Никто не обращал внимания на плачущего мужчину в странной кожаной короне с камнями – никто, кроме королевы Сильвен, которая утирала слезы под защитой вуалей. Она собственными руками лишила этого человека сил... и не могла смотреть на это без слез. Вот уже двадцать лет, как она не прикасалась к этой кожаной короне – с тех пор, как бабушка передала ее своей внучке-принцессе. Тогда Сильвен было трудно понять назначение этого странного предмета. И лишь вчера ночью, когда Торкин Гинт показал свой дар, когда язык на мгновение отказался ей повиноваться, она все вспомнила. Вспомнила о странной кожаной ленте с завязками на затылке, вспомнила предостережения бабушки. Тор отказался выполнить ее приказ, и у королевы не осталось выбора.

До сих пор она думала: не родился еще мужчина, который заставит плакать королеву Сильвен. Но Торкин Гинт изменил то, что казалось ей неизменным. Чтобы отвлечься, она устремила свой взгляд на нового любовника Серебряной Девы.

Локки, шатаясь, уже пробирался сквозь толпу: он уже заметил Квиста и был счастлив. Хэриду повезло меньше. Дева все-таки собиралась отведать крови. Лезвие упало слишком быстро: те, кому не хватало духу смотреть на подобные вещи, даже не успели отвернуться. Оно беспрепятственно прошло все десять врат, и Хэрид лишь коротко взвизгнул. Дева одарила его Поцелуем Смерти. Крик оборвался. Рассеченное пополам тело работоторговца повисло на ремнях, и темно-красная масса внутренностей вывалились на песок.

Дева утолила свой голод.

Глава 19

Заключение перемирия

Тору было милостиво позволено повидаться с Янусом Квистом и Локки. Ненадолго – только для того, чтобы проститься.

Капитан «Ворона» обнял его и пристально посмотрел ему в глаза своим единственным глазом. Более красноречивое выражение благодарности трудно было придумать.

– Счастливого пути, – сказал Тор.

– Поскорее возвращайся в Карадун, – ответил Локки. Он все еще не мог отойти от пережитого.

Квист кивнул. Он так и не произнес ни одного слова, только попрощался с Тором так, как это принято в Таллиноре – стране, к законам которой он не слишком часто проявлял уважение.

После этого стражники потащили Тора к повозке, где лежал Хэрид – вернее, то, что от него осталось. Горожане быстро покинули амфитеатр, королева вернулась во дворец. Повозка неторопливо разворачивалась, и Тор успел полюбоваться тем, как Лорке со своими подручными разбирают Деву. Лезвие, отчищенное от крови, положили в отдельный ящик.

Эту ночь Тору пришлось провести в темнице. Он не мог пожаловаться на дурное обращение, разве что в камере было холодно и сыро. Однако ужин его удивил. Не слишком обильный и поданный в простой глиняной посуде... но в Таллиноре пленников так не кормили. Еда была просто восхитительна. Маленькая милость королевы, подумал Тор.

Должно быть, во сне он ворочался, потому что наутро матрас был сбит комком.

Ему приснился Орлак. Тор наблюдал за ним со стороны. Пленный бог, очевидно, сидел на полу и только что встал. Где он находился? Очертания предметов расплывались, но Тору почему-то показалось, что это пещера.

Орлак потянулся. Он напоминал человека, который много времени провел в неподвижности.

– Время пришло, – произнес он.

Тор наострил уши. Очевидно, бог собирался еще что-то сказать... но тут Тор почувствовал чье-то присутствие. Дохнуло холодом. Кто бы это ни был, он не отличался дружелюбием. Тору показалось, что он заметил багровую дымку, от которой тянуло стужей. Нечто похоже он пережил, когда возвращался в Сердце Лесов, покинув тело Клута. Ледяной туман словно пытался до него дотянуться. Тор отпрянул. Он чувствовал угрозу.

«Тор!»

Это Лисе окликнула его.

«Кто меня преследует?»

«Не беспокойся. Он больше к тебе не приблизится».

«Он?»

Лисе вздохнула.

«Его зовут Доргрил. Он просто наблюдатель, Тор. Не думай о нем».

«Может быть, он угрожает тебе, Лисе?»

Тор услышал ее тихий смех. Кажется, он еще никогда не слышал, чтобы Лисе смеялась.

«Доргрил никому не может угрожать, Тор».

«Я видел Орлака. Он сказал, что время пришло. Что это значит?»

«Темезиусу предстоит последний бой».

«Понимаю... Сколько у нас времени?»

«Немного».

Раньше ее уклончивость бесила Тора, но теперь он с этим свыкся.

«Я должен найти Клута».

«Да, ты ему нужен», – загадочно ответила Лисе. Тор уже знал, что просить ее выразиться точнее бессмысленно.

«А мои дети?»

«Целы и невредимы. Они направляются к тебе. Ты должен как можно скорее вернуться».

в Сердце Лесов, Тор».

Туманные образы растаяли, исчезла и Лисе.

Тор проснулся в самом дурном настроении. Что готовит новый день? Как бежать из заточения, когда на голове надето... это? Справиться с кожаной короной ему явно не под силу. Тем не менее до самого рассвета пленник занимался тем, что пытался от нее избавиться.

Когда солнце заглянуло в камеру, Тор понял, что таинственная вещь слишком сложно устроена. Может быть, ему удастся справиться с ней, как с архалитом – после того, как ее снимут? Кажется, до некоторых ее секретов он уже докопался.

В этот миг дверь открылась. Стражники вошли в камеру и помогли ему встать.

– Снимите с него оковы, но свяжите руки, – произнес один из них. – Приказ королевы.

Остальные кивнули. Скорее всего, старший останется в темнице, а его помощники... Интересно, куда его отведут на этот раз?

Тор рискнул задать свой вопрос.

– В баню, – бросил один из стражников.

Баня оказалась очаровательным каменным домиком, расположенным лишь в паре минут ходьбы от темницы – таким же очаровательным, как Хела, которая вышла встречать Тора. Здание тюрьмы исчезло из виду: обитатели дворца явно не хотели омрачать себе настроение видом этой постройки.

– Рад тебя видеть. Хела.

– Я тоже рада, почтенный Гинт, – она тепло улыбнулась и повернулась к стражникам: – Ступайте. Я справлюсь сама.

Воины не заставили просить себя дважды и молча удалились.

Девушка провела Тора внутрь, к небольшому бассейну, выбитому в камне. Откуда-то со дна бассейна били струи, заставляя голубоватую поверхность воды чуть заметно бурлить. В воздухе витали легкие ароматы, и Хела заметила, как у Тора затрепетали ноздри.

– Крапива, мята, лаванда и лимон. Это тебя освежит, – пояснила она, расстегивая его рубашку.

Раздев своего гостя, девушка скинула собственное одеяние.

– Ее величество желает, чтобы ты искупался перед тем, как предстать перед ней, – проговорила Хела, входя вместе с ним в воду.

Следующий час он провел, наслаждаясь работой ее умелых и нежных рук. Только когда девушка моет тебя, начинаешь понимать, что такое настоящее наслаждение. Окончательно разомлев, Тор позволил ей растереть себя полотенцем, лег на низкий стол... и познал еще час блаженства, пока она разминала его мышцы и умащала кожу благовонными маслами.

Наконец, Тор в последний раз нырнул в бассейн, чтобы смыть масло, которое не успело впитаться. Хела расчесала ему волосы, но позволила побриться самому. За все это время она не произнесла ни слова, и это тоже замечательно. Одевшись и поправив волосы, девушка улыбнулась и пригласила гостя следовать за ней.

Они снова шли по залам и коридорам. Внезапно Тор понял, куда попал. Вот лестница, которая ведет в покои королевы Сильвен... Но тут Хела распахнула дверь приемной, впустила юношу и удалилась. Тор уже знал, что королева ждет его на балконе.

Так оно и было. Когда он приблизился, правительница Кипреса обернулась. Ее взгляд был полон сожаления. Она была готова принести извинения.

– Позволь мне снять с тебя эти путы, – она подошла и развязала ему руки. – Могу я надеяться, что ты не сделаешь ничего неуместного?

– Например?

– Что ты не причинишь мне боли.

Эти слова заделали его сильнее, чем он ожидал.

– Сильвен... мы провели вместе чудесную ночь. Разве я могу причинить боль такой женщине?

Он заметил, как она сжала кулаки – так сильно, что ногти впились в ладонь.

Сильвен была бы рада отвернуться, чтобы скрыть слезы, которые наворачивались на глаза. Была бы жива ее бабушка, Сильвен не избежала бы порки за такую слабость перед мужчиной. Рука Тора нежно обвила ее талию, и от трепета этого прикосновения у нее сладко закружилась голова.

– Повернись, я развяжу ремешки на затылке, – произнесла Сильвен, испугавшись собственных чувств.

Тор подчинился. Он все еще был зол на нее, но... Сначала ему приснился Орлак, потом явилась Лисе, потом выяснилось, что его дети вот-вот придут в Сердце Лесов... После этого все прочее казалось не слишком важным. Единственное, что сейчас по-настоящему важно – это как можно скорее найти Клута, а Сильвен может оказаться ключом к его поискам. И чувства, которые она у него вызывает, только ему на руку.

– Подозреваю, ты на меня сердись, Тор, – проговорила королева, медленно стягивая с его головы кожаную корону.

– Еще как.

– Но ты меня прощаешь?

– Конечно.

– В таком случае, я перед тобой в долгу.

Незримые оковы исчезли, и Тор почувствовал, что снова стал самим собой. Он призвал Цвета и ощупал пространство вокруг себя. Целый день он провел отрезанным от всего мира. И больше никогда не допустит, чтобы такое повторилось.

– Можно взглянуть? – спросил Тор и протянул руку.

Вещь, которую Сильвен отдала ему, напоминала обруч из мягкой кожи, украшенный тусклыми черными камнями.

– Что это, Сильвен?

Королева подошла к столику. Вино, сыр, фрукты и сладости...

– Посиди со мной, Тор. Поешь.

Сейчас Тору было нужно только одно: узнать то, ради чего он сюда пришел... но пока стоило проявлять терпение. Он наполнил тарелку и позволил королеве наполнить свой кубок чудным холодным вином.

– У нас новый повар, – сообщила Сильвен. Кажется, это было не просто радушие гостеприимной хозяйки: она испытывала истинное облегчение. Тор улыбнулся.

– Его зовут Райк?

Кажется, теперь ясно, почему вчера заключенным подавали такой роскошный ужин!

– Да! – воскликнула Сильвен. – А ты откуда знаешь?

– Волшебство тут ни при чем, Ваше величество. Не стоит беспокоиться. Райк плыл вместе со мной на «Осе». За это время мы сблизились, и он мне очень понравился. Мальчик из семьи знаменитых илдагартских поваров, и я заикнулся об этом, когда беседовал с почтенным Лярдом – в тот день, когда нас привезли на невольничий рынок. Как я понял, хорошему повару во дворце обеспечен самый теплый прием.

– Все верно, – кивнула Сильвен. – Лучшего повара я не припомню. Одно его печенье чего стоит! А вчера вечером он пришел ко мне и стал просить, чтобы я позволила ему приготовить для тебя ужин. Кажется, ты его просто очаровал, Тор. Это наводит меня на нехорошие мысли. Может быть, ты вызываешь такие чувства у всех без исключения?

– Ты судишь по себе, Сильвен? – Тор пригубил вина.

Редко случалось так, чтобы королева Кипреса не могла выдержать чей-то взгляд. Она никогда не отводила глаз первой – почти никогда. Но сейчас это случилось. Слишком трудно ей было признать, как она рада снова видеть этого человека... и его улыбку. Королева уже представляла, чем они займутся ночью, и одно это было прекрасно.

Надеясь, что не слишком покраснела, она сменила тему.

– Я хочу еще раз попросить свои извинения за вчерашнее. Поверь, Тор, мне действительно очень жаль. Главное, пойми, что я говорю это от чистого сердца. Но надеюсь,

ты согласишься со мной и признаешь, что я приняла правильное решение. Локки обратился к Серебряной Деве, и она отнеслась к этому с уважением. Поощадила мальчика и отомстила за него Хэриду, причем сделала это так жестоко, как только возможно... – она пристально посмотрела Тору в глаза. – Думаю, все сложилось как нельзя более удачно.

Не стоит объяснять ей, что Дева не собиралась уважить Локки. Здесь было дело только в игре случая, где ставка – жизнь, а у жертвы нет никаких шансов против блестящего смертоносного лезвия, если оно, на ее беду, решит упасть.

Пожалуй, лучше успокоить Ее величество.

– Конечно, ты права, Сильвен. Тебе незачем просить прощения. Ты доказала мне, что для спасения Локки мне было незачем прибегать к волшебству. Надеюсь, ты никому не расскажешь, что я Чувствующий?

Сильвен и в самом деле немного успокоилась. Как ей, оказывается, было важно, чтобы он понял ее и согласился с ней! До сих пор она сама этого не понимала. Может, у них есть будущее?

– Я никогда и никому не скажу об этом, Тор. Можешь не беспокоиться: я сохраню твою тайну.

– За дружбу, – Тор поднял свой бокал. – И за настоящую любовь.

Он думал об Элиссе.

Королева Кипреса многозначительно улыбнулась.

– За настоящую любовь.

– Расскажи мне про эту кожаную повязку, – попросил Тор.

Откровенность за откровенность... Сильвен не утаила ничего. Тор слушал ее, не перебивая.

– А что это за черные камни?

– Да. Моя бабушка называла их... м-м-м... Дай точно вспомнить... – она постучала ухоженными пальчиками по столу. – Полночный архалит. Да, точно.

Она улыбнулась. Память не изменяла ей, и это радовало.

Тор кивнул и принялся за еду, ничем не выдавая своих чувств. Итак, архалит. Значит, он справится. Просто нужно побольше узнать про эту вещь.

– А как повязка оказалась в вашей семье?

– О, Тор... я не слишком верила рассказам бабушки. Откровенно говоря, никто не думал, что этой вещью когда-нибудь придется воспользоваться. Ты же сам видишь: даже сейчас она как новая. Я правлю двадцать лет. Мне ни разу не довелось брать ее в руки – и моей матери тоже, насколько я знаю.

Похоже, королеве этот разговор был совершенно не интересен. Однако повязка с архалитом не на шутку разбредила его любопытство. Полночный архалит... Но пока спешить не стоит. И Тор позволил королеве болтать с ним о тех обычных и ничего не значащих вещах, о которых говорят за завтраком влюбленные. Наконец, вино было выпито, королева приказала принести еще один кувшин...

Тор потянулся. Сейчас ему предстоит несколько неприятных минут. Или, во всяком случае, очень непростых.

– Ваше величество, – мягко проговорил он, – ваше гостеприимство, равно как и внимание, которое вы мне уделили – честь для меня. Но мне пора отправляться в путь.

– Ты уезжаешь?

Она со стуком поставила свой бокал на столешницу. Гнев? Нет, скорее недоумение.

– Да, Ваше величество, – Тор продолжал, как ни в чем не бывало. – Я не просто так покинул Карадун. Я веду поиски, которые мне пришлось на время прервать. На то было много причин, и далеко не обо всех я сожалею. Например, о незабываемой ночи, проведенной в объятиях прекрасной женщины.

Сильвен опустила глаза.

– Но я все еще не добился своей цели, Ваше величество, и я больше не могу терять время.

– А что ты ищешь, Торкин Гинт?
– Птицу, Ваше величество.
– Птицу? – королева сомневалась, правильно ли услышала.
– Да, сокола. Его украли, не зная, что он принадлежит мне, а потом – насколько мне известно, – привезли сюда и продали. Весь этот путь я проделал лишь для того, чтобы его найти.

Сильвен посмотрела на Тора так, словно он говорил на чужом языке. Оставалось только одно: выложить свой главный козырь.

– Может быть, ты сможешь мне помочь, Сильвен.

– Я?

– Да. Говорят, ты держишь у себя ловчих птиц – верно? Птица, которую я ищу – сокол. Великолепный сокол. Может быть, твои сокольничие купили его? Ведь такое не исключено, – с робкой надеждой добавил он.

Появление Хелы с кувшином вина, похоже, нарушило задумчивость Сильвен, ее голос снова стал повелительным, а взгляд – твердым.

– Ты просишь, чтобы я помогла тебе найти сокола?

– Именно.

– Думаю, у меня получится, – она приняла из рук Тора наполненный бокал. – Моих лучших птиц отправляют в Ним – там, у подножия гор, стоит мой зимний дворец.

– Вы позволите мне посетить этот дворец, Ваше величество? Для этого достаточно письма, скрепленного вашей подписью...

– О, я придумала кое-что получше, Торкин Гинт. Мы поедем туда вместе. Городской дворец все равно надо закрыть на несколько недель – обычно мы делаем это в самом начале зимы. И мне хочется немного пожить в горах. Так что... если твой сокол там, мы найдем его, и я верну его тебе.

На такое Тор не мог даже надеяться. Однако время и в самом деле было дорого. Может быть, не стоит искушать судьбу и искать добра от добра, но...

– Ты очень добра ко мне, Сильвен. Ты представить не можешь, как я тебе благодарен.

– Я заставлю тебя отплатить мне сполна, – перебила королева. В ее глазах заплескались знакомые искорки, а через миг оба смеялись.

Тору этот смех дался нелегко. Этой женщине никогда не понять, что значит для него Клут.

– Нам надо поторопиться, Ваше величество. Мы с Клутом – так зовут моего сокола – так давно не виделись... Если он не в Ниме, мне придется отправляться в другие места. Может быть, обыскать весь Кипрес, отправиться на другие острова.

– Давай надеяться, что он и в самом деле так хорош, как ты говоришь, Тор. Если так, мои сокольничие мимо такой птицы не пройдут. Значит, он в Ниме. Если ты так спешишь, уедем сегодня.

Тору везло. Везло невероятно.

– Ябуду бесконечно счастлив, – ответил он.

Глава 20

Гот строит планы

Внезапно дворец загудел, как потревоженный улей. Готу пришлось задать лишь несколько вопросов, чтобы понять, в чем дело. Королева с большей частью прислуги переселялись в зимний дворец. Эту новость Гот узнал последним: маленькая комната, которую ему отвели, располагалась слишком далеко от королевской башни. Во имя чего? Ему надо постоянно находиться рядом с королевой – только так он сумеет снискать ее расположение, войти к ней в доверие, подчинить своей воле.

Он спасся лишь благодаря счастливой случайности: какие-то кипреанцы увидели тонущего человека и вытащили его. Гот уже успел попрощаться с жизнью. В тот страшный

день море бушевало, словно решило во что бы то ни стало поглотить свою жертву. Течение влекло Инквизитора; он увидел на берегу какого-то человека и принялся отчаянно махать ему, но было слишком темно. Человек не разглядел его, а Гот так и не понял, кто это был... пока не прибыл во дворец. Оказывается, не только ему удалось спастись. Человек, которого он призывал, был его злейшим врагом. Его звали Торкин Гинт.

То, что Тор находится на борту «Осы», Гот впервые узнал накануне кораблекрушения – когда Черная Рука собирался отрубить руку корабельному юнге. В течение следующих дней Инквизитор безуспешно ломал голову, пытаясь понять, как удалось уцелеть человеку, которого на глазах у него и всего Тала забил камнями городской палач.

Тяжелый камень расколол Тору череп, из раны хлынул поток крови – это видел не только Гот. Это видели сотни людей. Торкин Гинт умер на кресте, и его любовнице Элиссандре Квин пришлось на это смотреть. Гот вспомнил, как ему хотелось коснуться трупа и удостовериться, что ненавистный лекарь мертв, и как Ксантия подняла его на смех. «Как может выжить человек, которому раскроили голову?» – злорадно спрашивала она. Конечно, это было невозможно. Но в то утро на палубе «Осы» стоял не кто иной, как Торкин Гинт.

Наверно, он просто не может умереть, подумал Гот. Для человека, который пережил побивание камнями, уцелеть во время шторма – пара пустяков... Гот усмехнулся. А он сам? Он был ребенком, когда пламя попыталось лишить его жизни. Тщетно. Море не жалело сил, чтобы добиться того же самого. И что? Он жив, и королева Кипреса принимает его в своем дворце. Похоже, они с Гинтом – два сапога пара... Их жизнь изобилует странными поворотами, но они выживают вопреки всему.

Когда Ксантия бежала из Карадуна, Гот был одурманен страхом. С присущей ей предусмотрительностью его спутница нанимала соглядатаев по всему Таллинору, и один из них оповестил ее, что «Щит» намерен в самое ближайшее время отправиться на север, причем чуть дальше обычного. Может быть, они узнали, где прячутся Гот и его сообщница? Это так и осталось неизвестным, но Ксантия решила не рисковать. Удивительно, как можно было провести столько лет в Карадуне и оставаться незамеченными, говорила она. Еще немного – и начнутся поиски по всему Королевству, вплоть до тех далеких пределов, куда редко ступала нога человека.

Гот пристрастился к страхе, ослаб и отчаянно нуждался в защите. Он умолял Ксантию остаться с ним, но она лишь презрительно усмехнулась. Становилось ясно, что бывший Инквизитор Гот ей больше не нужен. Тогда зачем она держалась за него все эти годы – за человека, который лишен власти и приговорен к смерти? Ксантия – умная женщина. На что она рассчитывала, когда помогла ему бежать из темницы? Несомненно, у нее были какие-то далеко идущие планы, она каким-то образом собиралась его использовать. Но сейчас, похоже, ее планы изменились. Ксантия рассказала Готу о стражниках, сообщила, что сняла для него каюту на «Осе», швырнула набитый кошелек и просто исчезла.

Накануне отплытия из Карадуна Гот добрался до лавки лекаря. Это было нелегко. Но если не очистить свое тело от страха, больше дня ему не протянуть. Купив немалое количество настойки аррака, Гот поднялся на борт корабля и приказал, чтобы его оставили в одиночестве. Он знал: ему предстоит несколько дней кошмарных мук, пока отравы не выйдет полностью. Инквизитор сказался больным, и ему, похоже, поверили. Дурачок-юнга так и не понял, в чем дело, а капитан не жаждал делить трапезу с праведным отшельником.

У подножья дворцовой башни сустились люди. Внезапно их беспокойство показалось Готу очень забавным, и он рассмеялся. Услышав этот визгливый смех, случайный человек мог бы подумать, что смеется женщина.

Если бы знать, что Тор тоже оказался на борту «Осы»! Мальчишку можно было бы просто отравить, а тело сбросить за борт – случай не заставил бы себя ждать. Торкин Гинт исчез бы бесследно... и навсегда.

Вчера, в амфитеатре, Гот радостно наблюдал, как стражники королевы окружают ненавистного лекаря и ведут в ложу королевы. Может быть, его врага все-таки казнят? Но

Инквизитор ошибался. Похоже, Сильвен хотела просто унижить своего вчерашнего любовника. На голову Тору надели какой-то кожаный обруч с завязками на затылке. Вероятно, это что-то вроде позорной короны – у кипреанцев должен быть подобный обычай. Надо будет расспросить местных жителей... если, конечно, найдется время.

Он вспомнил отвратительное действо, которое последовало за пленением Тора. Отвратительное? Бывший Инквизитор с наслаждением наблюдал за гибелью Хэрида. Жаль, что уцелел мальчишка – уж слишком горячо сострадали ему зрители... и прежде всего сам Тор. В самом деле, жаль. Мальчишки так славно вопят перед смертью... Но Хэрид его тоже порадовал. Можно было подумать, что кричала до смерти перепуганная женщина. Инквизитора охватило возбуждение. Он зачарованно наблюдал, как лезвие проходит сквозь врата – так легко, словно их не было, – а потом разрезает пополам тело, и вопль сменяется жидким хлюпающим звуком. Гот никогда не видел ничего подобного. Жаль, что он сидел так далеко от арены и не смог толком полюбоваться внутренностями Хэрида, которые вывалились в пыль. Толпа восторженно орала, и он орал вместе с ней... А как было бы хорошо, если бы на месте Хэрида оказался Торкин Гинт!

Опыт, который приобрел Гот на посту главы Инквизиции, был велик и многообразен. Инквизитор отчаянно надеялся, что королева поймет, насколько полезен ей такой человек, как он. А если удастся заручиться поддержкой королевы... О, Элмид Гот сумеет этим воспользоваться. Он снова сможет жить так, как мечтал. Но самое главное не это. Как только станет известно, какое положение он занял при дворе правительницы Кипреса, в Таллиноре начнется настоящая паника. Не исключено, что его власти будет достаточно, чтобы уничтожить Торкина Гинта... если тот лишится благосклонности Ее величества.

Итак, главное – покончить с Тором. Потом можно будет подумать о том, как вернуть себе Элиссандру Квин. Пусть на это уйдут годы. Если нужно, он подождет. Но снова встретит Элиссу и будет смотреть, как страх искажает ее прекрасное лицо. Чем эта женщина так заворожила его, почему он словно одержим ею? Гот не знал. Такая хрупкая, как статуэтка... она завладела его мыслями. Гот вспомнил ее огромные глаза, которые словно видят тебя насквозь, ее гибкое тело. Все эти годы он терзал ее, но так и не сломил. Однако стракка помогла ему постичь суть вещей. Он с самого начала выбрал неверный путь. Таких женщин, как Элиссандра Квин, не привлекает ни сила, ни власть. Они никому не позволяют принуждать себя, их не запугать. Они скорее умрут, сражаясь, чем покорятся. О, как она сопротивлялась ему в ту ночь... Это видение придавало сил в беспросветные дни и ночи, проведенные в Карадуне. Но теперь он решил: Элиссандра Квин тоже должна умереть. Умереть от его руки, потому что именно она приговорила его к смерти, когда Торкина Гинта судили в тронном зале королевского дворца Тала.

Гот вспомнил, как выслеживал Тора и Элиссу и как наконец-то нашел их в самой гуще Великого Леса. Он прибыл как раз вовремя. Они даже не смогли как следует закопать свое отродье! С каким удовольствием он раскидал листья и ветки, которые скрывали маленькую могилку, и смеялся над горем Элиссы. Стала ли ее ненависть сильнее? О да. Ненависть поруганной девушки – ничто по сравнению с ненавистью матери, которая видит, как надругались над ее ребенком. Гот захихикал. Он будет рад положить конец ее мукам и горестям... а заодно и ее жизни.

Появление во дворе нового человека заставило Гота прервать размышления. Пришедший был высок и строен, и потрясенный Гот узнал его. Торкин Гинт! Улыбается, болтает со служанками и камеристками... и, кажется, строит глазки этой мерзавке Хеле. Неужели его выпустили на свободу? Только вчера Гот выяснил, что лекарь сидит в тюрьме. Что заставило королеву передумать?

Оскорбленный до глубины души, Инквизитор следил, как Тор помогает королеве Сильвен сесть в экипаж, целует ей руку, а потом вскакивает в седло, чтобы ехать рядом. Во дворе стало тесно. Повозки, животные, тюки, служанки... а вот и Райк, тот самый туповатый юнга с «Осы». Он-то что здесь делает?

Это был далеко не единственный вопрос, на который Гот не мог ответить. Что

понадобилось на Кипресе Тору? Это стоило выяснить. Ему, Инквизитору Готу – бывшему Инквизитору Готу – надо знать все. Чтобы осуществить свой замысел, ему нужно сблизиться с королевой.

Его пытливый ум напряженно трудился, проверяя разные пути и возможности, которые за ними открывались, отказываясь от одних, возвращаясь к другим. Надо присоединиться к свите королевы – но так, чтобы Тор не узнал его. В то же время, если он хочет расправиться с ненавистным лекарем, его нельзя терять из виду. Как это сделать?

Гот смотрел, как повозки одна за другой покидают двор. Они уезжают без него... Не страшно. Он поедет с обозами, которые потянутся следом. Главное – придумать, как остаться при этом не узнанным.

– Мне нужно изменить облик, – пробормотал он, обращаясь к стене комнаты. – Но как?

Инквизитор снова подошел к окну и следил за процессией, пока последняя повозка не покинула двор. И тут его внимание привлекала женщина в свободных одеждах. Они почти не стесняли ее движений, а лицо было скрыто под плотной вуалью.

Вот оно, решение.

Королева Сильвен никогда не появлялась на людях с открытым лицом и требовала того же от своих камеристок. Но если она просто прятала лицо, то девушки могли выходить за ворота дворца только в черном, причем одеяние позволяло лишь угадывать очертания тела.

Пожалуй, этим можно воспользоваться.

Глава 21

Свидание на рассвете

Гот уже знал, что украсть одеяние будет нетрудно. Куда сложнее решить, у кого его украсть. Платье должно сидеть так, словно сшито по мерке – женщины мгновенно замечают такие вещи. Может быть, Ее величество не обратит внимания на то, как одета одна из ее служанок, а вот эта дрянь Хела... Она совершенно не боялась Гота, и он ненавидел ее за это – а еще больше за высокомерие. Еще бы: любимая служанка королевы, можно сказать, наперсница... Глаз у Хелы был острый. Если кто и сможет разоблачить его, то это она. Бывший Инквизитор сидел во дворе и делал вид, что читает. Со стороны могло показаться, что он задумался над книгой.

На самом деле чтение занимало его куда меньше, чем многочисленные слуги, которые сновали по двору, исчезали в одних дверях, появлялись из других. Как и предполагал Гот, обоз отправлялся в зимнюю резиденцию завтра, скорее всего – около полудня. У Инквизитора оставалось меньше суток, а он так и не выбрал себе жертву.

– Интересная книга? – спросил пожилой кипреанец, один из приближенных королевы.

Гот едва удержался, чтобы не подскочить. В этот миг он пристально следил за служанкой, которая только что вошла во дворец. Слишком высокая... Подол будет волочиться по земле.

– Э-э-э... – протянул Инквизитор. – Очень. Не оторваться.

– Похоже, приятно погреть спину на нашем солнышке? После ваших-то холодов...

Похоже, этот убежденный сединами старец никуда не торопится, уныло подумал Гот. Он догадывался, как выглядит его улыбка, но заставил себя улыбнуться.

– Совершенно верно. А вы не собираетесь отправиться в Ним, следом за Ее величеством?

– На это раз нет, – весело ответил старик. – Кажется, Ее величеству хочется немного отдохнуть от дел. У меня сложилось впечатление, что она ищет уединения.

И он подмигнул Готу, словно они оба знали какой-то большой секрет. Инквизитор с трудом справился с желанием стереть с его лица эту ухмылку.

– Едва ли ей это удастся. Последнее время я не видел, чтобы она выходила без этого... как его... Торкина Гинта.

– Вот-вот, – на этот раз он не стал подмигивать: намеки были излишни. – Я думал, вы

тоже поедете...

– Меня никто не приглашал, – ответил Гот. Старик задал свой вопрос как нельзя более кстати. Самое время позаботиться о свидетелях. – И я, по правде говоря, только рад. Пожить во дворце, насладиться тишиной... Погреть спину на солнышке, как вы изволили заметить... И побольше узнать о Кипресе.

– Прекрасно, – докучливый старец наконец-то понял, что его собеседник по-настоящему ищет уединения. – Значит, увидимся за ужином.

«А вот это вряд ли, старый болван».

– До встречи, – сказал он.

Провожая старика взглядом, Гот внезапно заметил женщину, которая нагнулась, чтобы поднять одну из корзин с фруктами – их только что доставили. Корзина была тяжелой, однако служанка поставила ее на одно плечо и легко выпрямилась. О да! Гот смотрел, как она поворачивается. Кажется, женщина такого же роста, как он сам. Широкоплеча... Значит, платье подойдет.

Инквизитор сунул книгу в карман, последовал за своей будущей жертвой и нагнал ее, когда она свернула за угол. Женщина направлялась к большой двери, за которой находился ледник.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Гот, примеряясь к ее шагу.

– Здравствуйте, – донесся из-под вуалей певучий голос.

– Вы позволите украсть у вас один апельсин? Мне так хочется пить...

Какая жалость, что его лицо не назовешь привлекательным. Женщины больше любят смазливых мальчишек вроде Торкина Гинта или прайм-офицера Кита Кайруса, которые даже представить себе не могут, сколь многим обязаны своей красоте. А может быть, они считают, что так и должно быть. Сквозь ткань сверкнули глаза, и Гот почувствовал, что у него дергается щека. На его вопрос служанка так и не ответила.

– Простите... – Гот старался оставаться любезным и даже остановился, чтобы отвесить легкий поклон. – Меня зовут Элмид Гот, я советник королевы. Я недавно прибыл на Кипрес, поэтому почти никого не знаю.

Он попытался улыбнуться, зная почти наверняка, что улыбка на его искореженном, подергивающемся лице может вызвать лишь испуг или отвращение.

– По правде говоря, мне скучно и одиноко, – добавил он, надеясь, что горечь в его голосе растопит это ледяное сердце.

Кажется, она улыбнулась?.. Понятно, что вуаль не позволяла понять, так это или нет, но Готу почудилось, что темные глаза смотрят на него уже не столь настороженно. Он призвал все свое обаяние.

– Вижу, у вас очень тяжелая корзина. Вы позволите? – И с облегчением услышал тихий смехок.

– Это моя работа. Я каждый день ношу такие корзины.

– Я приехал из Таллинора. У нас при дворе женщинам не разрешают поднимать тяжести.

– Может, ваши женщины не так сильны, как кипреанки? – она усмехнулась, однако опустила корзину на землю. – Держите.

Готу не хотелось апельсинов. Он вообще терпеть их не мог – после той истории в Илдагарте. Тогда Инквизитор собственными руками убил девочку, которая имела несчастье предложить ему апельсин. Непонятно почему он принял ее за Тора. Склонившись над корзиной, Гот замер. Он как наяву видел раздавленные апельсины, сок которых растекался по мостовой вперемешку с кровью девочки.

Приписав это нерешительности, служанка сама выбрала апельсин. Принимая плод из гладкой, загорелой руки кипреанки, Инквизитор кивком поблагодарил ее, еще раз отметив, что рост у женщины и в самом деле подходящий. Значит, и платье подойдет.

– А меня зовут Элма.

Ее голос был глубоким и как будто надтреснутым.

– Спасибо, Элма, – проговорил Гот, взвешивая апельсин в руке. – Ты уверена, что обойдешься без моей помощи?

Элма тихо рассмеялась и снова вскинула корзину на плечо.

– Я справлюсь. Может, увидимся за ужином?

Вот так неожиданность!

– Почему бы и нет, – отозвался он и сам себе удивился.

Он заигрывает с женщиной!

Обычно Гот относил ужин к себе в комнату, но на этот раз спустился в трапезную для слуг, чтобы разыскать Элму. Однако Элмы там не оказалось. Чтобы задержаться подольше, Гот медленно пережевывал кусок за куском, потом поболтал со стариком, который докучал ему во дворе... За разговором он пристально осматривал трапезную. Тщетно.

Наконец, он извинился, покинул старика и отправился на поиски. Но ни одна из женщин, к которым он обращался с расспросами, не могла ему ничего ответить. Многие из них даже не представляли, кто такая Элма и как она выглядит. Гот почувствовал, как раздражение переходит в настоящую ярость. Может быть, поискать Элму в той части дворца, где живут слуги? Кому-то это может не понравиться, но у него больше нет сил притворяться любезным. Времени остается совсем немного. Если для того, чтобы получить одежду Элмы, ему придется войти в ее комнату и отнять у нее платье... Нет, конечно, лучше не рисковать. Изначально он собирался действовать тоньше и обойтись малой кровью.

Гот уже покидал трапезную, когда кто-то дернул его за рубашку. Этого еще не хватало! Он резко обернулся и увидел девушку.

– Это вы Элмид Гот? – робко спросила девушка.

Кажется, лицо Инквизитора привело ее в настоящий ужас.

– И что с того? – раздраженно ответил он.

– Я – подруга Элмы, – девушку трудно было назвать красавицей, однако улыбалась она очень мило. – Она попросила меня спросить у вас, если я вас встречу, понравился ли вам апельсин.

– Где она? – перебил Гот – слишком поспешно, потому что его собеседница испуганно попятилась. Ей немного нездоровится, сударь.

– А...

В самом деле, не следует горячиться.

– Мне очень жаль. Передай: мне очень жаль, что нам не удалось поужинать вместе. Надеюсь, к утру ей станет лучше.

Девушка кивнула и снова улыбнулась.

– Конечно, сударь. Она будет рада.

Служанка уже собиралась уходить, но Гот схватил ее за руку и почувствовал, как она невольно попыталась высвободиться. Конечно! Ей не хватает вежливости, чтобы вытерпеть прикосновения такого урода.

– Простите? – в ее голосе звучал настоящий ужас.

– Я подумал... Ты не передашь Элме еще кое-что? – спросил он почти с мольбой.

– Конечно.

– Только мне надо чуть-чуть подготовиться... Пойдем со мной... пожалуйста.

Удивительно, но девушка послушно пошла за ним в сад, а потом в комнату. В саду Инквизитор сорвал чайную розу, еще не раскрывшуюся, а в комнате нашел клочок пергамента и написал на ней несколько слов.

– Вы такой заботливый, сударь... Элма будет тронута.

Неожиданно Гота осенило.

– А она умеет читать?

– Нет, сударь, – вежливо ответила девушка. – И я не умею.

Гот с трудом сдержался. Влепить бы ей такую пощечину, чтобы она на ногах не удержалась! Все старания пошли прахом! Но сейчас не время давать волю ярости. Он попытался улыбнуться, хотя мог лишь надеяться, что эту жуткую гримасу можно принять за

улыбку. Девушка снова отпрянула, но это было уже неважно.

– Тогда просто передай мое послание. Вместе с розой.

– Обязательно.

– Спасибо. Пожалуйста, скажи Элме, что для меня будет большой честью, если она согласится выпить со мной сладкого вина.

Глаза у девушки расширились. Потом она хихикнула и тут же осеклась.

– Почему ты смеешься?

– У Элмы странные вкусы, – ответила она и тут же поняла, что задела его еще сильнее, чем своим смехом. Однако Гот сделал вид, что совершенно не обижен.

– Я одинок, а Элма была так добра ко мне... А за доброту надо воздавать. Еще один друг при дворе ей не помешает, – объяснил он и едва не подавился. Это надо было такое сказать! Однако девчонка приняла его слова за чистую монету. Она была от души рада за свою подругу.

– Когда?

– А что если завтра, с утра пораньше? Мы можем вместе посмотреть, как встает солнце. Девушка нахмурилась.

– Так рано... Думаю, одна она никуда не пойдет, сударь.

Конечно. На такое и рассчитывать не стоило. Однако Готу не понадобилось долго ломать голову.

– Тогда приходи вместе с ней. Будем вместе любоваться рассветом, как старые друзья.

Во мне умирает поэт, уныло подумал Гот.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Увидимся после Второго колокола.

– Очень рад, – сказал Гот. – Предлагаю встретиться у старого колодца... у восточного крыла.

Он уже осмотрел окрестности дворца и решил, что лучше места не найти. Из этого колодца давно не берут воду, стража там даже днем появляется редко... а в такую рань и подавно.

– Только постарайтесь никому не попасться на глаза, – добавил он. – Если нас застанут, ничего хорошего из этого не выйдет. Пусть это будет тайное свидание.

Девушка снова улыбнулась.

– Мы оденемся так, словно собираемся в город. Под вуалью нас никто не узнает.

Именно это Гот и хотел услышать.

– Тогда – до завтра, – сказал он и удалился.

Девушки появились точно в назначенное время, когда вокруг еще царила предрассветная полумгла. Они держались за руки, ступали осторожно и почти бесшумно, лишь иногда тишину нарушал чуть слышный смехок. Понятно, над кем они смеются, подумал Гот, следя за ними. Жаль, не всегда можно убить двух птиц одной стрелой.

Он прятался среди низкорослых плодовых деревьев и ждал. Подруги должны были пройти как раз мимо его укрытия. Пора... Он сделал глубокий вдох, шагнул вперед, и на голову одной из девушек – той, что была ниже ростом, – опустился тяжелый кузнечный молот. Служанка осела на землю, не издав ни звука.

Элма порывисто обернулась. Полупрозрачная ткань не позволяла увидеть ужас на ее лице, но Гот не мог позволить ей поднять шум. Метнувшись к девушке и зажав ей рот, он толкнул ее к колодцу, навалился сзади всем телом и, торжествуя, сорвал с нее вуаль. Наконец-то он получит то, что ему нужно.

– Если закричишь или издашь хоть один звук, убью. Поняла?

Служанка тупо кивнула, но Гот не спешил убрать ладонь. Свободной рукой он вытащил из кармана шарф и завязал ей рот. Элма сдержала слово: она даже не застонала. Вот это выдержка... Затянув узел у нее на затылке, Гот развернул девушку. Так вот почему смеялась ее подруга! Даже слепой не назвал бы эту девушку красавицей: она была на редкость непривлекательна. Но это уже не важно, подумал Гот. Меньше всего его занимала

красота жертвы.

– А теперь сделай одолжение, разденься.

Сквозь страх, наполняющий ее глаза, проступило недоумение.

– Поторопись, будь добра, – добавил Гот. К счастью, Элма тут же потянулась к застежке, стягивающей платье на спине.

Вскоре одеяние уже лежало у ее ног. Девушка стояла нагая, но это не волновало Гота – равно как и то, что она была очень неплохо сложена.

– Пожалуйста, дай мне платье.

Элма подчинилась. Гот заметил, что ее кожа уже покрылась пупырышками. Да, раннее зимнее утро – не лучшее время для прогулок нагишом. Ничего, скоро она вообще ничего не будет чувствовать.

Он взял у нее платье и бросил на землю поверх смятых вуалей. Теперь ему есть что надеть. Остается только замести следы.

Короткое, сильное движение – и Элма, которая уже не знала, чего ожидать, снова оказалась у него в руках. Инквизитор подтащил ее к колодцу и надавил ей на плечи, заставив согнуться над водой. Наверно, она вся исцарапалась... но это уже не страшно. Он схватил ее за волосы, попутно порадовавшись, что кипреанский обычай велит женщинам носить длинную косу – ее так удобно наматывать на руку...

Элма не видела, как он выхватил кинжал, но захныкала. Теперь Гот не испытывал к ней ничего, кроме презрения.

Когда его губы коснулись ее уха, всхлипы перешли в рыдания. Пора от нее избавиться.

– Наверно, я обещал не убивать тебя, если ты будешь послушной. Прости, Элма, но я лжец.

Гот дернул ее за волосы, заставляя женщину запрокинуть голову, и быстро полоснул ее кинжалом по горлу.

Из раны хлынула кровь. В этом было что-то завораживающее. Гот любил смотреть, как тело теряет эту багровую жидкость, а вместе с ней уходит жизнь. Он немного отстранился, чтобы ненароком не испачкать одежду, полюбовался маленьким пульсирующим водопадом, низвергающимся в колодец... а потом столкнул тело в воду.

Однако время было дорого. Гот услышал за спиной тихие всхлипы. Подружка Элмы все-таки очнулась. Значит, он просто оглушил ее. Такая небрежность недопустима. Перевернув лежащую ничком девушку, Инквизитор точным ударом вонзил нож ей в сердце. Теперь она была мертва, и ее тело полетело в колодец вслед за телом подруги. Вонь разлагающейся плоти скоро кого-нибудь заинтересует, но к тому времени он будет уже далеко.

Инквизитор подобрал платье, вуали и исчез в тусклом сиянии рассвета – точно со вторым ударом городского колокола.

Глава 22

Роковой кубок

Через два дня после того, как Гот покинул столицу на одной из повозок с припасами, Саксен прибыл в Кипрес. Путь был неблизким и не принес ничего, кроме разочарования. Клук давно шел по следам Януса Квиста, но так и не догнал разбойника и уже начинал терять терпение.

По настоянию Херека Саксен прибыл в Карадун в сопровождении ратников. Клук был против, но Херек уже узнал, что Гот уцелел, и был готов на все, чтобы отдать бывшего Инквизитора в руки правосудия. Однако в притоне, где курят стракку, уже никого не было. Следовало ожидать: местные жители должны были узнать о приближении вооруженных людей – сколько бы их ни было – задолго до того, как те миновали окрестные деревеньки.

Наконец, отделившись от своих товарищей по оружию – их удалось отправить с докладом к Хереку, – Саксен решил попытать счастья в одном из местных заведений. Само

собой, он не догадывался, что некоторое время назад та же мысль посетила Тора. Очаровательные девушки щедры не только на ласки, но и на слова.

Однако хозяйка не снизошла до встречи с клуком. Недоверчивость – природная черта жителей Карадуна, особенно когда дело касается их соотечественников. И тем более когда вопросы задает чужак. Саксен почувствовал, что у него опускаются руки. Прошло уже несколько недель, как у него украли Клута. Похоже, он бьется головой об стену... и не добьется ничего, кроме головной боли.

Все это было написано у него на лице, когда владелица заведения второй раз передала ему отказ. Однако девушки, которые работали под ее началом, оказались более отзывчивы.

– О чем грустишь, клук? – спросила одна, ловко поддерживая на весу поднос с бокалами и как бы ненароком качнув великолепными бедрами.

Саксен поднял на нее глаза. Цветущая, веселая, очаровательная... Он устал и давным-давно не ложился в постель с женщиной. Искушение было почти неодолимым.

– Язык откусил? – девушка поставила поднос на стол. – Здесь грустить запрещено. Как тебя зовут? Меня – Силия.

– Саксен, – буркнул он и единым духом осушил кружку. – Не волнуйся, я не задержусь.

– Мне жаль, что она отказалась тебя принимать, Саксен.

– Я не понимаю, почему. Я просто хотел спросить ее про одного капитана, который мог сюда заглянуть.

– Знаю, знаю. И никто не удосужился тебе объяснить, что человек, которого ты ищешь, – законный супруг госпожи Эйрины.

У Саксена отвисла челюсть.

– Тогда все ясно. На ее месте я бы тоже... – он поскреб бородку, чувствуя себя так, словно только что получил коленом в пах.

– Тебе стоит принять ванну, побриться и как следует выспаться. Все это можно сделать наверху, – она снова взяла свой поднос. – А про Квиста забудь. Можешь считать его вторым хозяином этого заведения, так что ничего про него ты не узнаешь. С месяц назад про него уже кое-кто спрашивал.

Похоже, одноглазого разбойника многие ищут, подумал Саксен. Неудивительно.

– А кто это был?

– Его зовут... кажется, Петерсин. Такой красавец! Наши девушки из-за него чуть не перессорились. Каждая хотела, чтобы он заказал ее на ночь. Высокий, темноволосый, с голубыми глазами. Клянусь Светом! Я бы сама ему заплатила, чтобы просто поваляться в постели с ним в обнимку... – она лукаво улыбнулась. – Про Квиста он, правда, так ничего и не узнал. Но я тебе кое-что скажу, Саксен. На следующее утро Петерсин отплыл на Кипрес. Я знаю, потому что кое-что относил в порт и видела его на борту «Осы». Всего хорошего, клук.

И Силия подмигнула. Саксену хотелось ее расцеловать. Это же надо было – так умело подсказать ему, куда отправиться. Кипрес! Потом он вспомнил про человека, о котором она рассказала. Конечно, это не связано с его поисками, но... Клук грустно улыбнулся. Можно подумать, что она говорила про Тора. Если бы только...

Саксен не стал тратить время на ванну и прочие забавы и сразу отправился в гавань. Оказалось, что до Праздника Первого Листа на Кипрес не отправится ни один корабль. Однако не стоило терять надежду. Клук заглянул в трактир у причала. Многие из тамошних посетителей были капитанами и судовладельцами, и каждому он задавал только один вопрос: сколько будет стоить доплыть до Кипреса.

Каждый его вопрос встречали или смехом, или солеными шутками. Время для путешествий закончилось. Люди свое отработали, и ни одно судно не выйдет в открытое море, пока на деревьях не распустятся листья.

Была почти полночь, когда трактирщик подозвал клука и указал на старого моряка с обветренным лицом, который сидел в углу за кружкой эля, окруженный клубами табачного дыма.

– Это старый болван Фаукс, он начисто проигрался в хари. Ставил и ставил, пока ставить стало нечего. Может, он и согласится выйти в море. Ему нечего терять, кроме собственной жизни и старой скрипучей посуды. За них все равно никто ломаного гроша не даст – ни сегодня, ни завтра, ни через неделю. Попробуй с ним поболтать.

После пары бокалов, в которых было кое-что получше и покрепче дрянного эля, Саксену удалось уломать старика. Тот клятвенно пообещал выйти в море завтра после полудня, даже если мир перевернется. Тем не менее Саксен объяснил, что не заплатит и полдюка, пока это обещание не будет исполнено, и ограничился тем, что покачал перед носом у Фаукса своим тугим кошельком, который должен был перекочевать к незадачливому игроку на Кипресе. Само собой, клук не стал объяснять, что после этого сам останется без гроша, но это было неважно. Если понадобится, он положит жизнь, чтобы найти Клута. Да и зачем ему такая жизнь? Он не ратник и не стражник. Он – один из Паладинов. Вот его судьба, и поиски Клута – ее часть.

Фаукс сдержал слово. Правда, даже Саксен, который всегда надеялся на лучшее, сомневался, что его суденышко продержится в море дольше одного дня. Но оно продержалось. Может быть, им просто повезло с погодой, но скрипучий кораблик, на борту которого не было ничего, кроме скудного запаса пищи и пресной воды, и никого, кроме команды и единственного пассажира, целым и невредимым достиг гавани Кипреса.

Саксен поблагодарил богов, которые хранили его в пути, и отдал кошелек радостно осклабившемуся Фауксу. У него все-таки оставалось несколько монет, но этого хватило бы только на ужин и ночлег. Чтобы скоротать время, Саксен бродил по портовым улочкам. Настроение у него было прекрасное... пока он не услышал, что «Оса» так и не достигла Кипреса. Она бесследно исчезла – скорее всего, затонула. Вместе с ней исчезла и последняя надежда найти незнакомца, так похожего на Тора. Правда, Силия назвала его Петерсином... Саксен сокрушался недолго. Пусть так. Ему нет нужды искать этого красавца. Он ищет Квиста. А Квист жив и здоров, он не лежит на дне океана и не кормит рыб.

У кипреанцев расспросы подозрений не вызывали. Здесь бывало много путешественников из разных стран, и люди привыкли к чужеземцам, которые разыскивают друг друга. Никто не просил денег за ответ. Узнав, что Янус Квист всегда останавливается на одном и том же постоялом дворе, Саксен повеселел. Он шагал по улицам Кипреса, а мыслями уже был там и потому почти не замечал, как прекрасен город.

Сняв крошечную комнатку, клук с наслаждением принялся за еду. И тут его ждало разочарование. Девушка, которая накрывала на стол и хорошо знала Квиста, сказала, что капитан уже отправился обратно на материк.

Саксен упустил Квиста. Все пропало.

– Капитан Квист никогда не задерживается у нас подолгу, сударь. Он продает свой товар и сразу уходит в море, – девушка поставила на стол тарелку с сыром и ушла.

«Продает товар и сразу уходит в море». Значит, Янус Квист ему больше не нужен. Конечно, стоило бы свести с ним счеты, но это всегда успеется. Важно другое: Квист продал свой товар. Значит, Клут на Кипресе... Скорее всего.

– Подожди! – крикнул Саксен.

Девушка обернулась и снова подошла к его столику.

– Где у вас можно купить охотничьего сокола? – спросил клук, сунув ей в ладошку свою последнюю монету.

– На рынке, – ответила она, пряча награду в кармашек передника. – Там можно купить все, что пожелаешь. Даже раба. Кстати, там Квист сбывает весь свой товар.

Этим словам просто цены не было. А кто еще может купить такого великолепного сокола, как Клут, если не королевские сокольничие?

Еще немного расспросов – и вот Саксен уже стоял у входа в королевский дворец... и едва сдерживался, чтобы не разбить кулаком физиономию прислужнику, в котором было куда больше спеси, чем полагалось по должности.

– Мне очень жаль, почтенный Фокс, но птиц здесь не держат. А держат их в зимнем

дворце, в Ниме.

Слуга повторял эти слова уже в третий раз, словно заучил их наизусть и других не знал. Но особенно Саксена злила вежливая, ничего не выражающая улыбка прислужника.

– Я понимаю, – он едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик. – Ты мне уже это говорил. А слуг у вас нанимают?

– Нет, почтенный Фокс. Сейчас королева переселилась в зимний дворец и собирается провести зиму в предгорьях. Здесь почти никого не осталось. До Праздника Первого Листа этот дворец закрывается.

Саксен сжал кулаки.

– А в зимнем дворце? Может, в Ниме нужны крепкие руки?

– Вам надо поговорить с Джайклоном. Он набирает слуг на работу. Рад был познакомиться, почтенный Фокс. Сделайте одолжение, пройдите за угол – там вход для слуг. Стражник вас проводит. Простите, но у меня много дел. Всего хорошего.

И прислужник зашагал прочь. Саксен попытался окликнуть его, но это было все равно, что разговаривать со стеной. Ничего страшного. Главное, теперь ясно, куда идти.

У входа для слуг выстроилась целая очередь: очевидно, все эти люди хотели получить работу во дворце. Соискателей пропускали по одному, и прошел почти целый день, прежде чем Саксен, к тому времени пребывающий в самом скверном настроении, попал внутрь. Клук был совершенно не расположен к откровенной беседе.

– Так, уважаемый... – почтенный Джайклон протер глаза. – Что вы можете нам предложить?

– Я из Таллинора...

– Боюсь, это не имеет никакого значения, – перебил почтенный Джайсон, сотрясаясь, точно студень. Судя по числу подбородков, их обладатель не только устал, но и ужасно проголодался и не отказался бы от плотного ужина.

– Я служил при дворе короля, – продолжал Саксен.

– Да? Это хорошо. Звучит многообещающе. И чем вы занимались при дворе? – спросил толстобрюхий, продолжая тереть глаза.

– Я был главным сокольничим.

– Подумать только. И что вас привело сюда? – в голосе необъятного Джайклона послышалось оживление.

– Одно, другое... Как говорят у нас, выпал из гнезда. Удача от меня отвернулась. Но мне бы хотелось найти работу при дворе. Я не рассчитываю, что снова стану главным сокольничим. Если понадобится, я готов чистить клетки. Главное, чтобы это была честная работа, за которую честно платят, почтенный Джайклон. Но вы можете не сомневаться: никто другой не будет так заботиться о птицах. По правде говоря, они мне милее, чем люди... Я вожусь с ними с самого детства.

– Понятно, – почтенный Джайклон чуть заметно кивнул и что-то настроил на листе пергамента. – Завтра в зимний дворец отправляются подводы со слугами. Передайте это Хьюму, он вам все объяснит. Есть хотите?

Саксен кивнул.

– Покажите это на кухне, и вас сегодня накормят.

Джайклон протянул Саксену камушек, на котором было что-то нарисовано. Саксен взял эту странную вещицу и с ничего не выражающим лицом принялся разглядывать.

– Это знак, почтенный Фокс. Мы даем такие всем, кто служит во дворце. По нему вас будут кормить на кухне. Вы будете получать два дыюка в день. За пищу и еду вы не платите. Уезжаете завтра утром, с рассветом. Благодарю вас. Следующий.

Худой мир лучше доброй ссоры. Поэтому Тор решил не торопить Сильвен. В этом не было смысла. Однако когда горная дорога сделала еще один поворот, и впереди показался зимний дворец из светло-серого камня, молодого лекаря охватило нетерпение.

Клут здесь. Но с чего он это взял?

Сильвен что-то рассказывала про здешние места, но Тор уже не слушал. Он еще раз послал Клуту мысленный зов... Да, история повторяется. Все та же вязкая пустота – и слабый отклик, похожий на эхо. Нечто похожее он чувствовал еще вчера. Сейчас они подъезжали к Ниму, до птичьего двора оставалось рукой подать, и...

– ... тебе не кажется? – спросила Сильвен.

– Простите, Ваше величество?

– Ты не слышал ни слова из того, что я говорила. Як такому не привыкла. Тор.

Однако долго гневаться она не могла.

– Полагаю, ты думаешь о своем соколе?

– Да, – признался Тор.

– Может быть, объяснишь, почему он так много для тебя значит?

– Боюсь, ты мне не поверишь, Сильвен.

Она пожала плечами и снова опустила вуаль.

– Может быть. Но все равно выслушаю твой рассказ, Торкин Гинт. А пока... добро пожаловать в мой зимний дворец.

Повозки остановились.

– Ах, мне так здесь нравится, – королева выглянула наружу и с наслаждением вдохнула прохладный воздух.

– Белсин вас ждет, Ваше величество, – сообщила верная Хела, помогая королеве выйти из кареты. – И камины уже топят.

– Спасибо, Хела. Как хорошо сюда возвращаться, верно?

Маленький толстячок, который стоял у ворот дворца, растирая руки, поклонился королеве – низко, почтительно. Он так и сиял радушием.

– С возвращением, Ваше величество. Добро пожаловать.

– Здравствуй, Белсин, – ответила Сильвен, дождавшись, когда он выпрямится. – Рада тебя видеть.

– Все готово, Ваше величество, все, как вы любите. Рады приветствовать вашего гостя, – Белсин поклонился Тору, который стоял чуть поодаль.

– Пойдем, Тор, – проговорила королева. – Я покажу тебе свои любимые места.

Но тут раздался ликующий вопль, и маленькая девочка подбежала к Сильвен. Смеясь, королева захлопала в ладоши, обняла девочку и посмотрела на Тора.

– Моя самая большая любовь. Сэйрел.

И Тор поклонился будущей королеве Кипреса.

Следующую пару дней Тор был само терпение. Он развлекал королеву и делал вид, что его восхищает все, что она показывает. Скорее всего, ему не пришлось бы притворяться... если бы ни странное чувство, которое не покидало его. Клут здесь, в Ниме.

Здание дворца было простым, но удивительно красивым и утопало в садах – все это несло на себе неуловимый отпечаток изысканной простоты, которая отличала саму Сильвен. И даже если бы не было ни садов, ни дворца... От одного вида этой долины начинало щемить сердце. Со всех сторон окруженная горами, она была надежно защищена от зимних ветров. Тор чувствовал, как его душу поневоле наполняет покой.

Но они жили здесь уже несколько дней, и ему не терпелось возобновить поиски Клута. Сегодня ночь выдалась особенно беспокойной, и Тор опомнился лишь после того, как понял, что стоит у окна спальни и смотрит на горы, почти невидимые во мраке. Он бросил взгляд на ложе, где спала Сильвен. После ужина, ради которого Райк превзошел сам себя, Тор устроил ей пир иного рода, не менее разнообразный и изысканный... воистину королевский. Молодой лекарь улыбнулся. Если бы можно было отрешиться ото всех тревог, жить здесь с Сильвен, наслаждаясь покоем и счастьем. Королева любит его. Чтобы это понять, не надо уметь читать мысли – достаточно посмотреть, как она ловит каждое его движение. Она нуждается в его любви, и это питает ее страсть. Однако Тор знал, что никогда не полюбит Сильвен. Пока жива Элисса, пока он сам может дышать, его сердце не будет принадлежать

никакой другой женщине. Он никогда не разлюбит ее... во всяком случае, у него не будет женщины столь же желанной. Постель – совсем другое дело. Ему нравится доставлять удовольствие женщинам и самому получать удовольствие. Но это не любовь. Свою истинную любовь он встретил в Мятном Доле, в день Танца Цветов, а потом снова обрел ее в подземной библиотеке Карембоша. Девять раз луна над Сердцем Лесов становилась полной и снова исчезала, и все это время он не знал ничего, кроме любви. И перед тем, как камни, брошенные меткой рукой палача, оборвали жизнь его тела, он снова ощутил ее прикосновение. Элисса, которая стояла на балконе, последний раз дарила ее ему, своему мужу, своему возлюбленному. Они созданы друг для друга и больше ни для кого. Элисса тоже никогда никого не полюбит.

Тор понял, что смотрит туда, где несколько часов назад село солнце. Там, в лесу, королева держит своих птиц. Там, судя по всему, спит Клут.

Он предложит устроить пир в лесу. Сильвен это понравится, а заодно можно будет попытаться найти Клута. Прекрасно.

Он даже не догадывался, что прямо у него под окном, жуя хлеб с ломтем холодной говядины, сидит Саксен. Клук приехал, когда солнце только опустилось за горы, а с рассветом должен был приступить к работе. Саксен не терял времени. Он уже успел разыскать почтенного Хьюма, о котором ему говорил толстяк Джайклон. Понятно, что человеку, который давно имел дело с птицами, не понадобится много времени, чтобы разоблачить самозванца. Но много ли надо, чтобы найти Клута? А там... Схватить и бежать – дурное дело нехитрое.

Для того чтобы поддержать беседу с Хьюмом, его знаний оказалось достаточно. У короля Лориса было четыре ястреба, а у ястребов и соколов много общего. Лорис любил охотиться с ястребами, и Саксену доводилось выезжать с ним на охоту. Во время этих поездок Саксен перекинулся не одной парой слов с двумя ловчими, которые притравливали ястребов, и запомнил достаточно, чтобы первая встреча с главным сокольным прошла гладко.

Саксен попросил Хьюма показать птиц. Солнце почти село, но Саксен не сомневался: своего сокола он не спутает ни с каким другим даже в темноте. Главное, чтобы он был здесь. Но... То, что он увидел, было для него как нож в сердце.

– Это все птицы? – спросил клук, стараясь не выдать разочарования.

– Нет. Есть еще две, но они не здесь. Мои ребята забрали их сегодня утром, чтобы немного притравить перед королевской охотой. Они у нас недавно, пусть лишний раз отведают живой дичи, тогда лучше покажут себя перед Ее величеством.

Если бы его отчаяние было каменной плитой, лежащей у него на груди, и Хьюм снял ее собственными руками, Саксен не почувствовал бы такого облегчения. Новые. Можно не сомневаться: одна из этих птиц – Клут.

– И как вам эти новые птицы?

– Птицы? А, эти соколы... С норовом. Ну, ты знаешь, такие иногда попадают.

Хьюм многозначительно почесал нос, и Саксен кивнул. Все было понятно без слов.

– За того, что помоложе, я спокоен. А вот второй... Чудо, а не сокол, но со странностями. Знаешь, как будто все время думает о чем-то своем. Думаю, ему просто надо привыкнуть. Хотя, если разобраться, он у нас давно. Приходится держать его в отдельной клетке – соседей он не на дух не переносит. Если его не трогать, он так и сидит, чучело чучелом. Один из наших мальчишек прозвал его Мертвецом. Сидит, сидит, и ни звука. Зато летает, как птица богов! Быстро, сильно – я в жизни ничего красивее не видел. Поэтому я с ним и бьюсь до сих пор. И еще: его приходится постоянно закрывать, иначе его не утихомирить. Когда его только-только привезли, мы сняли клубочок, и зря. Он начал колотиться о прутья, словно хотел их выломать, чуть не убился, переполошил других птиц. Мы с ним еле справились. Думаю, теперь он забыл свободу и привык. Уверен, Ее величество будет от него в восторге. Видел бы ты, как он бьет дичь! Она любит птиц, которые немножко

диковаты.

– Правда?

Если правда, то Саксену не было никакого дела до вкусов Ее величества – он задал этот вопрос лишь потому что положение обязывало. Все, что было для него важно, он уже услышал. Этот странный сокол – Клут. Никаких сомнений.

Когда Саксен вернулся, его окликнул Райк. Надо же какой молоденький парнишка, а уже королевский повар.

Очевидно, он заметил, как Саксен околачивался у входа на кухню, надеясь получить добавку. Райк был всегда рад накормить любого и с удовольствием сотворил для клука нечто необычное на вид, но определенно вкусное.

Похоже, этому ребенку довольно и хлеб нарезать, чтобы получилось вкусно, подумал Саксен. Он сидел под звездным небом и смотрел на горы, куда только что село солнце... не зная, Торкин Гинт тоже смотрит в ту же сторону. Туда, где должен находиться Клут.

По прибытии во дворец Гот постарался никому не попадаться на глаза. Это оказалось несложно: последний обоз едва полз по горным дорогам, а повозки тяжело скрипели, доверху нагруженные тюками, сундуками и корзинами, среди которых ютились люди. Если держаться подальше от королевы и тех, кто прислуживает только ей, никто ничего не заподозрит. В городском дворце бывший Инквизитор уже успел примелькаться, хотя рисковать все же не стоило.

Гот нашел себе маленькую комнатку в дальнем крыле зимнего дворца, которой, похоже, никто не пользовался. Он решил, что спрячется в ней и дожидается момента, когда сможет нарядиться в платье и вуали Элмы. Здесь никто из служанок так не одевался, но может быть, за стенами дворца они тоже закрывают лица?

Терпение, еще раз терпение, думал Гот, барабанил пальцами по подоконнику. Бывший Инквизитор стоял у окна и смотрел, как разгружают повозки. Ни в коем случае нельзя привлекать к себе внимание. Может быть, его заметит кто-то из прислуги... Это неважно. Главное, чтобы о его появлении не узнала королева. Она не пригласила его в Ним – значит, не доверяет.

Он никогда не нравился женщинам, но дело не в этом. Королева Сильвен достаточно умна, чтобы оценить его советы по достоинству. Неизвестно, последует она им или нет... но она слушала, она задавала вопросы, она знает, что он был далеко не последним человеком в Тале. Значит, еще не все потеряно. Инквизитор оценил ее живой ум еще при первой встрече: узнав, что его спасители служат в королевской страже, он тут же постарался передать королеве просьбу о встрече. Достаточно одного взгляда, чтобы отличить умную женщину от дурочки. И королева, похоже, сразу поняла, с кем ее свела судьба – иначе почему она позволила Готу остаться во дворце? Правда, в круг доверенных людей он так и не вошел. Не предложила она ему и места при дворе, хотя они много беседовали. В основном разговор шел о Тале, короле Лорисе и королеве Найрии. И Элиссандре Квин. Странно, почему во время последней беседы королева расспрашивала его об этой женщине?

И почему пустила в свою постель Торкина Гинта? Для Гота это было как соль на открытую рану. Он ненавидел Тора. Но Сильвен не долго осталось наслаждаться новым любовником... Гот достал из кармана крошечный пузырек, в котором слабо розовели несколько капель сока. Аррак. Вот что поможет ему расправиться с Торкином Гинтом.

Пузырек был куплен у одного карадунского лекаря. Этот лекарь продал ему и другое снадобье, изготовленное из той же самой ягоды.

Опираясь на потертый, потемневший от времени прилавок, сухонький морщинистый старичок рассказывал Готу, как принимать сироп аррака, чтобы очистить тело от стракки и пережить сопутствующие этому боли. Потом, нехорошо ухмыльнувшись, лекарь достал из-под прилавка еще одну бутылочку – совсем крохотную, из витого стекла. Ее содержимое было бледно-розовым, почти бесцветным.

– Светлый – для жизни, розовый – для смерти, – он подмигнул. – И все аррак. Только

не все об этом знают.

– Это яд?

– Самый страшный, самый быстрый яд на свете. Как молния – бьет больно, но убивает быстро.

– Я куплю его, – казал Гот.

– Вы уверены? Тысяча дьюков за эту маленькую бутылочку.

У меня есть, – Гот полез в кошелек, и кучка монет на прилавке выросла вдвое.

– Но будьте осторожны, почтенный. Одной капли довольно, чтобы убить человека.

Теперь пришло время проверить слова старика. Всего одна капля... и Торкин Гинт уже никогда не отравит жизнь Элмиду Готу.

Тор поднялся, когда королева еще спала. Ему не спалось – он прикорнул лишь ненадолго, но тут же проснулся снова. Он даже оделся, словно это могло приблизить рассвет. Когда Сильвен наконец зашевелилась, Тор склонился над нею и поцеловал.

– Вставай, Сильвен.

– Зачем? Лучше ты ложись. И покажи, как ты меня любишь...

Голос у нее был сонный, а слова сами слетали с губ.

– Вставай, Сильвен. Я придумал кое-что получше. Тебе понравится.

Королева приоткрыла глаза.

– Ты уже одет? – она произнесла это так, словно узнала о государственной измене.

– Хочешь узнать, что я придумал? – весело спросил Тор.

Сильвен прочистила горло. Она уже поняла, что до вечера Тора в постель не затащить.

– Рассказывай, – отозвалась она и вежливо зевнула.

– Пир в лесу. Сэйрел будет просто в восторге!

– Хорошая мысль... – задумчиво произнесла Сильвен, снова откидываясь на подушку. – Но в лесу еще темно...

– Ты согласна?

– О... – она окончательно проснулась. – Я прикажу Хеле этим заняться.

– Не надо, я сам. А ты не торопись, собирайся...

Выходя из спальни, он услышал ее стон.

Саксен вместе с двумя слугами чистил клетки. Больше это поручить было некому: всех остальных Хьюм отправил натаскивать птиц.

– К приходу Ее величества все должно блеснуть! – приказал он. – Я только что узнал: сегодня она отправляется в лес и точно захочет поведать птиц. А завтра, наверно, отправится на охоту.

Последнюю фразу он произнес так, словно извинялся за это перед всем миром.

Саксен не возражал против чистки клеток. С этим заданием он справится с такой же легкостью, как и самый опытный сокольник.

– А где ваш упрямый сокол? – небрежно спросил он. – Я не хочу, чтобы он пробил мне голову, когда я полезу к нему в клетку.

– О, не беспокойся. Я не собираюсь снимать с него клобучок, так что он будет сидеть тихо. К тому же и в клетке-то его уже давно нет. Ты уже спал, когда его принесли из леса, а утром опять унесли. Сегодня мы покажем Ее величеству, как он летает.

– Понятно, – кивнул Саксен. Он был бесконечно разочарован.

– О, – продолжал Хьюм, который по-своему истолковал его ответ, – вы с ним еще познакомитесь. Думаешь, сумеешь его перевоспитать? Попробуй, только сначала помоги здесь ребятам, а к полудню подходи в северную рощу.

– Хорошо.

Саксен немного успокоился. Осталось потерпеть совсем немного.

Он закончил работу гораздо раньше, чем думал Хьюм, но торчать у клеток ему было невыносимо, и клук, поспешно умывшись и переодевшись, поспешил в лес. Солнце было

уже высоко, и он скоротает время, наслаждаясь одиночеством, а заодно обдумает, как можно скрыться с похищенным Клутом.

Выбрав уютное местечко в кустарнике, Саксен уселся и достал из кармана сыр, который не успел съесть утром, и погрузился в размышления. Он ломал голову над тем, как сбежать из Нима с Клутом, вернуться в город и сесть на какой-нибудь корабль. Это будет нелегко: денег у него не осталось, к тому же скоро его объявят беглым преступником. В отличие от Клута, он не умеет летать... Да, большой недостаток. Может, удастся украсть в Ниме лошадь и выиграть хоть немного времени?

Внезапно его внимание привлек звук шагов. Вскоре на опушку вышел какой-то человек. Почти сразу незнакомец встал к Саксену спиной, и клук не успел разглядеть его лицо. Похоже, тот и не хотел, чтобы его видели – то и дело оглядывался, словно хотел убедиться, что за ним никто не следит. Человек был невысок ростом, но крепок и широкоплеч. Саксен не мог отделаться от мысли, что где-то его уже видел. Движение, осанка... Но кто бы это мог быть?

Дальше началось нечто еще более странное: незнакомец скинул свою теплую кожаную куртку с длинными рукавами. И это при том, что в Ниме уже начались заморозки! Саксен улыбнулся и отложил в сторону яблоко. Зрелище обещало быть весьма занимательным. Человек был не первой молодости. Однако какие у него когда-то были мускулы! За годы, проведенные в цирке Зорроса, Саксен научился определять это с первого взгляда. И в них до сих пор остается сила.

Внезапно клуку стало не по себе. Он сидит в кустах и подглядывает за человеком, который по каким-то причинам ищет уединения... Он уже решил, что должен объявить о своем присутствии, и раздумывал, как сделать это повежливее, но тут незнакомец достал из своего мешка что-то черное. Похоже, одежду.

И точно. Платье, вуали... Зачем мужчине женская одежда?

Незнакомец по-прежнему стоял спиной к Саксену. Он даже не стал снимать свою одежду и натянул платье прямо поверх нее, а потом накинул вуаль. Стараясь получше присмотреться, Саксен пошевелился и спугнул какого-то зверька, который с писком выскочил из норки. Незнакомец резко обернулся. Клуку затаил дыхание. Да, теперь уже поздно. Придется сидеть тихо и не высовываться. Вуаль была опущена, однако глаза странного человека поблескивали, словно угольки. Казалось, он видит клука, спрятавшегося в кустах. В этом взгляде было столько ярости, что у него мороз пробежал по коже.

Переодевшись, странный человек уселся на опушке. Похоже, он решил тут задержаться. Саксен замер. Если он пошевелится, то выдаст себя. Если останется, то опоздает к назначенному времени. Саксен не беспокоило, что Хьюм устроит ему выволочку. Куда важнее было убедиться, что тот странный сокол – и в самом деле Клут. Но ему придется опоздать, и с этим ничего не поделаешь. Если кто-то узнает, что он был здесь, все может закончиться весьма скверно. Саксен не представлял, кто этот незнакомец, но если он из приближенных королевы, случай найти Клута больше никогда не представится.

Оставалось только одно: приготовиться к долгому ожиданию. И все-таки, зачем человеку прятаться в лесу, да еще в таком странном одеянии? Если только он не хочет выдать себя за одну из камеристок королевы... А разве такое делается с добрыми намерениями?

Гот, а это был он – не видел Саксена. Он сидел и тоже размышлял. Его замысел был прост: переодевшись служанкой, он дождется вечера и появится, когда пир будет в разгаре. Инквизитор достал из мешка крошечный пузырек с арраком, поднял повыше, и луч солнца заиграл в бледно-розовой жидкости. Гот тихо закудаhtал и спрятал пузырек в карман платья.

Даже неискушенный в таких делах Саксен понял, что в этой маленькой стеклянной бутылочке может быть только яд. Так кого хочет убить этот человек? Королеву, кого же еще! Теперь и думать нечего о том, чтобы уйти отсюда. Надо узнать, что задумал странный незнакомец, а если понадобится – вмешаться и сорвать его злоешие планы. Только вот в горле першит, как назло... Саксен уже подумал, что не сможет сдержаться, но тут

незнакомец встал, поднял свой мешок и спрятал под деревом, а потом зашагал прочь из рощицы – туда, где ближе к вечеру должны были устраивать пир.

Саксен последовал за ним. Да, поиски Клута придется отложить. Но если удастся остановить негодяя и спасти жизнь королевы... кто знает, может быть, она выслушает его просьбу и вернет ему сокола.

И они с Клутом уедут отсюда. Вместе, живые и невредимые.

Хьюм начал с многословных извинений. Один из новых сокольничих где-то застрял. Но Тору не было дела ни до Хьюма, ни до его нерадивого помощника. Он смотрел на двух мужчин с тремя соколами. Один был заметно крупнее других. Клут? Слишком далеко. Даже зоркие глаза Тора не могли ничего разглядеть.

Он позвал и снова услышал отклик, похожий на эхо. Казалось, сердце сейчас выскочит из груди... Но тут Сильвен и главный сокольничий снова отвлекли его.

– Это почтенный Хьюм, главный человек в моем птичнике. Он любезно согласился провести нас по своему королевству, чтобы ты смог найти своего сокола... А для начала он хочет показать нам новых птиц. Он считает, что мне понравится... Ты не против, Тор?

– Конечно, нет, Ваше величество, – ответил Тор. – Пожалуйста... Думаю, мне тоже понравятся ваши птицы.

Главный сокольничий снова поклонился и махнул своим помощникам. Одна из птиц взлетела, описала красивый полукруг... Сокольничий отдал ей какой-то приказ, и сокол, не дожидаясь повторения, вернулся на руку сокольничего и вцепился когтями в толстую перчатку.

Хьюм посмотрел на королеву.

– Мне очень понравилась следующая птица, Ваше величество. Таких соколов просто не бывает.

И он снова дал знак своему помощнику. Тор увидел, как тот снял клобучок с головы сокола, подбросил птицу в воздух... и ветер запел под ее могучими крыльями.

– Ах, какое чудо, – проговорила королева.

– Я рад, что он вам понравился, Ваше величество, – с поклоном отозвался Хьюм.

Сокол стрелой помчался вниз, потом снова взмыл...

Этот полет Тор не спутал бы ни с чем. Клут. Он почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

«Клут, старый бродяга! Наконец-то я тебя нашел».

Сокол качнулся в воздухе. Он напоминал человека, которого окликнули, когда он того не ожидал.

– Что такое? – недоуменно спросила Сильвен.

Хьюм смущенно прочистил горло.

– Э-э-э... Он немного диковат, Ваше величество. Но мы его натаскиваем.

Но Тор уже почувствовал, что связь разумов стала прочной. Казалось, Клут питает ее, как родник реку.

«Клут, не возвращайся к сокольничьему. Оставайся в воздухе».

«Тор?» – знакомый низкий голос снова зазвучал у него в ушах. Клут как будто не верил себе.

Тор со всех ног побежал туда, где кружил сокол. Королева что-то кричала ему вслед, но это было неважно.

– Клут! – закричал он, чтобы все могли его слышать. – Лети, мой прекрасный сокол. Лети прочь!

Сокольничие были в ярости. Какой-то чужеземец пытается приказывать их птице! Хьюм бросился вдогонку.

– Почтенный Гинт! Не кричите на моего сокола. Он такой пугливый...

– Ничего он не пугливый, болван! – рявкнул Тор. Он запоздало удивился своей резкости, но менять что-либо было поздно. – И это не твой сокол, а мой!

– Тор? это была Сильвен. Она выглядела обеспокоенной. – Все хорошо?

– Мне никогда не было лучше, Сильвен! – прокричал Тор, забывая обо всем, что позволено и не позволено при дворе. Он сиял. – Вот он, мой сокол!

Сокольник звали сокола, но он поднимался все выше и выше.

– Он не обращает на нас внимания, почтенный Хьюм! Совсем!

– Это ужасно. Птица стоила целое состояние... – главный сокольник смерил Тора гневным взглядом, но не посмел говорить грубить гостю королевы.

– Теперь вы его не поймаете, – торжествуя заявил Тор и вырвал колпачок из рук одного из сокольников. – Вы что, закрывали его этой штукой?!

Хьюм молча кивнул. Кожаный клубочек был усеян полуночными архалитами. Такими же, как те, что помешали Тору спасти Локки.

– Можно, я оставлю его себе? – спросил Тор и, не дожидаясь ответа, сунул колпачок в карман. – А теперь, с вашего позволения, Ваше величество, я докажу, что это мой сокол. Подзовите его.

Сокольник кричали, махали руками, но Клут поднялся выше и кружил, словно дразня их. Наконец бедняги сдались.

– А теперь смотрите, – объявил Тор.

Он мысленно окликнул Клута и мгновенно понял, что тот слышит.

«Я потерпел кораблекрушение, чуть не утонул, попал в рабство. А теперь притворяюсь, что по уши влюблен в королеву... И все ради того, чтобы тебя найти».

Молчание. Может быть, с Клутом что-то случилось? Может быть, он больше не может... И тут у него в голове снова раздался знакомый голос.

«Не ты один развлекался».

Тор рассмеялся, и окружающие удивленно переглянулись. Человек, который стоит неподвижно, таращась на кружащего в небе сокола, и вдруг начинает хохотать, выглядит странно.

«Клут, покажи им, что ты мой. Я должен это доказать. Лети ко мне».

Люди начали перешептываться, потом кто-то задал вопрос вслух. Однако Тор поднес палец к губам, и снова стало тихо. Все взгляды устремились вверх – как раз вовремя, чтобы увидеть, как красавец сокол, каким-то невероятным образом развернувшись в воздухе, сложил крылья и камнем падает вниз.

– Он сейчас в землю врежется, – пробормотал один из сокольников.

– Это самая удивительная птица, которую я видел в своей жизни, – заявил Хьюм, но в его голосе звучал благоговейный трепет. Клут мчался все быстрее.

– Отойдите, Ваше величество, – попросил Тор, но остальные тоже последовали его совету.

Еще миг, и стремительный полет закончился. Сокол развернулся, вытянул ярко-желтые лапы и приготовился сесть. Тор знал, что обойдется без перчаток и крагов. Он просто вытянул руку, и Клут опустился ему на запястье. Молитвы Тора были услышаны. Сокол хлопал крыльями, повернул голову и уставился на своего друга круглыми янтарными глазами – с таким возмущением, что Тор не удержался и прыснул.

«Спасибо, что наконец-то до меня добрался», – сказал сокол. Старый насмешник Клут... Тор почувствовал, что у него поднимается настроение, и чмокнул птицу в кончик острого клюва. Судя по возгласам за спиной, эту шутку оценили.

«Мы никогда больше не расстанемся, дружище».

Клут фыркнул.

«Не обещай того, что не сможешь выполнить, Торкин Гинт», – он снова хлопал крыльями и сердито посмотрел на приближающуюся королеву.

«Я люблю тебя, Клут», – отозвался Тор, прервал связь разумов и нежно улыбнулся правительнице Кипреса.

– Так-так-так, – Сильвен подбоченилась. – Как я понимаю, я должна отдать тебе эту бесценную птицу?

- Это мой сокол, Ваше величество. Вы обещали.
- Конечно, Тор. Он твой.
- А что он скажет? – Тор кивком указал на почтенного Хьюма.
- Он сделает то, что приказано.

Сильвен махнула рукой сокольным, и те пошли прочь. Вид у них был весьма недовольный, а Хьюм, похоже, был готов убить любого, кто подвернется под руку.

– Благодарю за щедрость, Ваше величество, – молодой лекарь опустил на одно колено. – Если бы вы только знали, как много Клут для меня значит... и как важно мне было его вернуть...

В его голосе было столько беззащитной нежности, что королеве захотелось протянуть руку и погладить его по голове. Какой же он все-таки мальчик... Еще миг назад он был таким дерзким, таким надменным, а теперь – само смирение. Всегда разный. Да, такой любовник может осчастливить любую женщину. И все же, внезапно она почувствовала себя бесконечно очень одинокой. Сердце подсказывало ей: это счастье ненадолго.

Однако ни одна из этих мыслей, вихрем пронесившихся у нее в голове, не стала словом. Вместо этого положила руку ему на плечо.

- Идем, Тор. Давай отпразднуем это на пиру, который ты мне обещал.

Он поднял голову, посмотрел на нее своими пронзительно-голубыми глазами, и ее сердце на миг замерло. Таких глаз она никогда не видела... и, можно не сомневаться, никогда не увидит. Он прекрасен, как бог на фреске, которыми художники расписали стены ее дворца. Но он не картина. Он живой. Ее собственный бог. Она позволила ему взять себя за руку и отвести к месту, выбранному для пикника.

«Увидимся позже, Клут. Мне надо немного побыть с королевой. Вечером поболтаем. А сейчас устройся где-нибудь повыше на деревьях, где тебя никто не достанет».

Клут слетел с его руки и устремился к ближайшей рощице. Несомненно, им бы нашлось о чем поговорить... но разговоры немного подождут. Зато положение Тора внезапно оказалось весьма щекотливым.

Сильвен давно не решалась задать вопрос, который мучил ее, но больше ждать не могла.

- Значит, теперь ты меня покидаешь?
- Ее прямота потрясла Тора. Он остановился и пристально посмотрел на свою спутницу.
- Я должен это сделать.
- Ты нашел своего сокола. Почему мы не можем насладиться друг другом?
- Она с удивлением и отвращением услышала в своем голосе мольбу.
- Потому что я нашел того, ради кого сюда приезжал. А теперь должен возвращаться.
- К ней? – выкрикнула Сильвен.

Ее душила ненависть – к нему, к себе самой. Она – правительница Кипреса, она может просто приказать, и он останется. Если пожелает, она может приказать заковать его в цепи и держать в темнице. Что с ней творится? Она ведет себя, как девчонка, у которой первый раз пошла женская кровь!

– Ты про Элису? – Тор покачал головой и сказал очень мягко: – Нет, Сильвен, не к ней. Мы с ней никогда не сможем быть вместе. И ты это знаешь.

Он осекся. Он не мог поверить собственным глазам: королева плакала. Придворные уже ждали их в условленном месте, но сейчас он должен быть чутким, как никогда. Обняв рыдающую королеву, Тор отвел ее под дерево и прижал к себе. Она была достойной правительницей могучего королевства – сильной духом, волевой, властной – но плакала, ибо жаждала того, в чем, по ее собственным словам, совершенно не нуждалась. Она жаждала любви. Десятки невольников изнывали от желания усладить ее, ждали, когда она даст одному из них эту возможность, воспользуется им, а потом бросит...

– Сильвен, прошу тебя, успокойся. Не нужно плакать. Ты знаешь, что мне надо уехать. Я объяснял...

- Ты ничего мне не объяснил! – крикнула она, отталкивая его. – Ты говоришь «судьба»,

но для меня это просто слово. Я ничего не понимаю, потому что ты мне так ничего и не сказал. Ты врываешься в мою жизнь, в мою постель, крадешь мое сердце – и думаешь, что после этого можешь просто уйти?!

Тор изумленно уставился на нее. Теперь он сам ничего не понимал. Слова оскорбленной женщины звенели у него в ушах, но он не отваживался повторить их вслух.

– Краду твое... сердце?

Он наконец-то сумел это прошептать, но королева услышала. Она высвободилась из его объятий и отвернулась, словно запоздало надеялась скрыть слезы.

– Что мне сказать, чтобы тебе стало легче? – пробормотал Тор – на этот раз чуть громче.

– Почему?

– Почему что, Ваше величество?

– Почему ты не можешь меня любить? – ее трясло, то ли от рыданий, то ли от ярости. – Почему ты не можешь со мной остаться?

Он слишком уважал ее, чтобы врать.

– Потому что я не люблю тебя, Сильвен. Я люблю другую женщину. Я не могу отдать свое сердце другой, пока она жива.

– Значит, мне придется ее убить, – выпалила Сильвен.

Казалось, ее разум помутился от гнева и страсти, в голосе слышались капризные нотки.

– Это тебе ничего не даст. Говорю тебе, ты никогда не сможешь добиться моей любви. Мы с Элиссой предначначены друг другу. Я никогда не женюсь на другой женщине. Она никогда не выйдет замуж за другого мужчину и никогда не назовет другого мужчину своим.

Да, их пути никогда не пересекутся. Тор не раз убеждал себя в этом, повторяя, что она тоже смирится и станет жить без него. Но теперь их дети возвращаются в Таллинон, Клут спасен, и Тор признался себе в том, чего желал на самом деле. Чтобы никто, кроме него, не вошел в жизнь Элиссы. Чтобы она страдала от той же боли, которую он носил в себе со дня их разлуки. Боль была единственным, что питало его любовь... и ее любовь тоже. Неужели она стала бы страдать, если бы хотя бы не надеялась, что он жив – вопреки всему?

– Да неужели? – королева смахнула слезы. – Ты в этом так уверен? Тебе стоит прочесть вот это, Тор.

Она достала из глубокого кармана свернутый в трубочку пергамент.

– Это послание пришло сегодня утром. Вообще-то, гонец прибыл в город еще вчера, но повозки были готовы только к закату... Как я понимаю, оно было написано еще до новолуния, и сделанного не воротишь.

И королева сунула пергамент. Вид у нее был очень довольный – или ему показалось?

Тор взял пергамент. Ему стало не по себе. Лучше бы он отправился с Сильвен прямо на поляну, соврал, что любит ее... а потом просто сбежал с Клутом.

– Читай, – приказала Сильвен.

«Его величество король Таллинона Лорис сообщает о предстоящем бракосочетании с Элиссандрой Квин из деревни Пустошная Топь, – прочел он вслух. – Обручение состоится в королевской часовне в Тале, в присутствии особо приближенных особ. Его величество надеется, что Ее величество королева Кипреса Сильвен присоединится к народу Таллинона...»

Читать дальше не было сил. Тор видел лишь дату на нижней строчке. Еще до прошлого новолуния... а сейчас луна уже снова растет. Элисса вышла замуж за человека, который приказал его казнить. Теперь она королева Таллинона.

Тору показалось, что он не может дышать. Скомкав пергамент, он упал на колени. Смертная тоска превратила его тело в комок боли, и он застонал.

У Сильвен тоже разрывалось сердце. Гнев еще не утих, она все еще боялась потерять Тора... но ничего не могла с собой поделать. Опустившись рядом с ним на колени, она обнимала его и слушала, как он снова и снова шепчет имя другой женщины.

Ни Тор, ни королева не заметили Клута. Лишь в тот миг, когда сокол коснулся разума своего друга, Тор опомнился. Ему редко доводилось такое слышать: глубокий, певучий голос Клута звучал сурово, почти жестко.

«Тор!»

«Она покинула меня, Клут. Элисса покинула меня».

«Покинула? Хочешь сказать, она умерла?»

«Можно считать и так. Она вышла замуж за Лориса».

Когда смолкают голоса, это еще не тишина. Настоящая тишина наступает, когда смолкают мысли.

Потом Тор снова услышал у себя в голове голос Клута – сильный, исполненный убежденности.

«Вставай, Тор! Ты забыл, кто ты есть, друг мой? Ты забыл, что ты – Тот Самый? От тебя зависит судьба этого мира, судьбы тысяч невинных душ. Мало кто знает об этом, но это ничего не меняет. Все мы зависим от тебя. Поднимайся!»

Тор неохотно поднялся на ноги и перевел дух.

Сильвен встала вместе с ним, не в силах отпустить его руки. Если бы можно было забрать назад все, что было сказано и сделано! Боль, исказившая его лицо, заставлявшая дрожать его тело, – это было просто невыносимо. Она любит этого человека. Отца девочки, которая уже растет у нее внутри. Отца сестренки Сэйрел, второй принцессы Кипреса. Человека, которого она хочет сделать Соправителем. Какой блистательной королевской четой они могли бы стать! Если бы только можно было заставить его забыть эту девку из Таллинора... Королеву Таллинора, поправила себя Сильвен.

Она выбрала неверный путь, к тому же гнев – опасный советчик. Надо как можно скорее все исправить. Надо что-то сделать, чтобы Тор вернулся... и дать ему понять, но как можно осторожнее, что Элиссандра Квин осталась в прошлом.

«Тор...» – снова позвал Клут.

«Да?» – Тор выпрямился.

«Не забывай, что Элисса все еще твоя жена. И останется ею, что бы ни случилось».

Тору показалось, что солнечный луч пронзил тучи и согрел сиянием его сердце. Клут прав. Элисса – его жена и остается ею до сих пор.

«Я не забуду».

«Хорошо, – птица взмахнула крыльями. – А теперь отправляйся на пир и сделай вид, что ничего не случилось. Сегодня ночью мы должны бежать. Я чувствую: времени у нас почти не осталось. Нам пора. А пока – держись».

И Клут полетел прочь.

Тор повернулся к королеве. Он посмотрел в ее лицо, прочел тысячи извинений, которые были готовы сорваться с ее губ... и прикрыл ей рот ладонью, чтобы не выпустить ни одно.

– Нет, Сильвен, подожди! Мне стоило об этом узнать. Спасибо тебе. А теперь... как я понимаю, нам предстоит вдоволь попировать.

Он снова взял себя в руки, подумала королева.

Не человек, а загадка. Еще миг назад он был потрясен до глубины души, сломлен, раздавлен... И вдруг словно некий незримый дух воззвал к его рассудку, вернул прежнюю силу и мужество. Сильвен покачала головой. Нет, больше они к этому разговору не вернуться.

– Моя королева... – Тор изысканным движением предложил ей руку... и стиснул зубы, чтобы не дать волю чувствам.

Сильвен приняла его приглашение, и скоро они уже были на поляне, где Хела отдавала последние распоряжения слугам. Пир обещал быть великолепным, и неудивительно: яства снова готовил Райк. Маленькой Сэйрел уже не терпелось ими насладиться.

Ни столов, ни стульев – только подушки и ковер, расстеленный прямо на траве. Когда все было готово, Сильвен отпустила почти всех слуг, оставив лишь тех, кто должен был прислуживать за столом.

Тор, который к этому времени окончательно овладел собой, отправил воспоминания об Элиссе в один из укромных уголков своего сердца, где они хранились все эти годы. Когда он найдет в себе достаточно силы, чтобы посмотреть ей в лицо, их можно будет оттуда извлечь. Вскоре он уже заставил королеву рассмеяться... и даже немного покраснеть – хотя последнее, возможно, было вызвано действием холодного кипреанского вина: они оба успели осушить по кубку. Очаровательно. Недавнее происшествие было почти забыто – во всяком случае, Ее величество о нем не думала, а Тор решил придерживаться безопасных тем.

– Почему твой Хьюм так дулся, когда мы только появились?

Королева обернула вяленый инжир тонким, как бумага, ломтиком мяса, и принялась жевать.

– Ты это тоже заметил, верно? Не подобает встречать свою королеву в таком настроении. А знаешь, в чем дело? Он нанял сокольничего, но жестоко в нем обманулся. Парень должен был появиться здесь, когда его бесценный новый сокол показал себя во всей красе. Я про того сокола, которого мы только что отдали чужеземцу.

Тор поднял кубок и улыбнулся. Одна из служанок, с ног до головы в черном, подошла к ним и подлила ему вина. Лицо служанки было скрыто вуалями, но молодой лекарь заметил пристальный, напряженный взгляд ее маленьких глаз. В этом было что-то нехорошее.

– ... но ведь всем известно: нельзя доверять клукам, – закончила королева, протягивая странной служанке свой кубок.

Последнее слово заставило Тора очнуться. Он прослушал все, что Сильвен говорила до этого.

– Клук? Неужели клуки забираются так далеко на север? Служанка отошла и молча остановилась в стороне, чтобы не мешать королеве и ее гостю.

– О, на Кипрес кто только не заезжает. Но ты прав: клуки здесь появляются редко...

Ее величество глотнула вина и продолжала. Этот недавно из Таллинора. Очевидно, он большой знаток охотничьих птиц. Появился здесь вчера вечером и очень хотел посмотреть на большого сокола, который оказался твоим – она скорчила гримасу. – В чем-то я даже понимаю Хьюма. Клук должен был появиться...

– Клук интересовался моим соколом?

– Уверена: он не знал, что этой твой сокол, Тор. Кстати, а у тебя есть знакомые клуки?

Тор ответил не сразу: пирог с дичью, приготовленный Райком, был бесподобен.

– Есть. Этого человека зовут Саксен Фокс. Вы бы влюбились в него с первого взгляда, Ваше величество. Ростом примерно с вас. Непослушные золотые кудри и лицо воина. Силен, как вол... словом, великан с большим сердцем. Когда-то он был знаменитым акробатом, выступал на трапедии.

Сильвен восхищенно прищелкнула языком. – В таком случае тебе придется подвинуться, лекарь Гинт, – ее глаза под вуалью лукаво блеснули. Еще пара шуток – и она уже почти оттаяла. Может быть, ей все-таки удастся завоевать Тора.

Гот заметил это, и его лицо перекосило от ненависти. Рядом лежало несколько ножей, которые глупый поваренок принес на пикник. Если бы было можно схватить один и вонзить в прямо в грудь проклятому лекарю!..

Нет, нет, спокойно. Враг уже рядом. Пьет, болтает, развлекает королеву, а та вертится перед ним, точно течная сука перед псом...

«Сегодня вам будет не до постели, дражайшая королева, – подумал Гот, опуская руку в карман и касаясь крошечного пузырька. – Не думаю, что вы любите холодных мужчин».

Взгляд его маленьких острых глазок так и буравил Тора. Молодой лекарь то и дело подносил кубок к губам, чтобы сделать глоток, но не выпускал его из рук. Кажется, непросто будет улучшить время, чтобы свершить задуманное. Придется подождать, пока эти двое не развеселятся и перестанут замечать, из чего пьют.

Но так можно и не дожидаться. Стараясь, чтобы его уход никто не заметил, Гот направился в сторону повозок с яствами и нашел оплетеную бутылку с длинным узким горлом. В ней было сладкое вино – его делали из редкого сорта мелкого винограда, который

рос только в здешних местах.

Но оно ценилось не только из-за этого: его вкус был столь великолепен, что кипреанцы считали это вино напитком богов. Королева и ее гость не устоят перед таким угощением. Гот достал два узких кубка из тонкого стекла, украшенных королевским гербом. Торкин Гинт умрет, касаясь губами герба своей новой повелительницы... Прелестно. Эти кубки словно нарочно сделаны для отравленного вина.

Инквизитор вытащил из кармана одеяния маленькую витую бутылочку, откупорил и огляделся. Однако никто его не видел... По крайней мере, ему так показалось.

Саксен спрятался за повозкой с яствами.

Клук осторожно перевел дух. Незнакомец и вправду затеял недоброе, и медлить было нельзя. Королева и ее гость устроились среди подушек, болтали и смеялись. Они сидели спиной к повозкам, к тому же лужайку окружали деревья и кусты, но Саксену показалось, что этого темноволосого молодого человека он где-то видел. Слухи о ненасытности Ее величества уже успели достичь ушей Саксена, и клук не стал ломать голову, пытаясь понять, кто это такой. Еще один любовник королевы Сильвен.

Куда важнее было не терять из виду мнимую служанку. Злоумышленник осторожно поставил кубки на поднос, наполнил их вином... Саксен придвинулся поближе. Отсюда гостя королевы было не разглядеть, но клук давно потерял к нему интерес. Переодетый злодей достал какую-то бутылочку и качнул ею над одним из кубков. Саксену оставалось лишь схватить негодяя, как вдруг тот выпрямился и пошел прочь. Кажется, он решил сыграть свою роль безукоризненно и спросить у королевы, можно ли подавать новое вино... Поднос остался на повозке. Такой случай упускать нельзя.

Пожалуй, не стоило оставлять отравленный кубок без внимания. Однако Гот вовремя вспомнил, как в Кипресе принято подавать вино. Целый ритуал! Живя при дворе королевы Сильвен, Инквизитор наблюдал это чуть не каждый день. Не стоит торопиться: спешка может все погубить.

Он дал понять камеристке, что хочет приблизиться к королеве, и девушка кивнула. Теперь остается лишь немного изменить голос.

– Ваше величество, – Гот учтиво поклонился. – Я нашла бутылку вашего любимого «толике». Его можно было бы подать к сладкому... если вам будет угодно.

– Конечно, неси... э-э...

– Сайча.

Гот не сводил глаз со своего врага. Кажется, Тор тоже за ним следит. Неужели узнал? Нет. Он еще раз украдкой покосился на лекаря. Будь ты проклят, Торкин Гинт.

– Сайча, а где Элма? Обычно она подает вино.

– Элма попросила меня подменить ее, – тонким голосом пропел Инквизитор. – Она меня всему научила... Она сказала, что к вечерней трапезе надо подать «миталь», а его не привезли. Вы же так его любите...

Сильвен слушала эти речи вполуха, но Тор насторожился.

– Странная она какая-то, – заметил он.

– Наверно, новенькая, – рассеянно отозвалась королева. Она заплетала Сэйрел косичку. – Опытные служанки все время учат новеньких. Одну – гладить белье, другую – подавать вина...

– Но эту женщину молодой не назовешь, Ваше величество.

– Хм... ты прав. Ну и что? Зато она уже всему научилась, – ответила королева, пытаясь сплести две косички в одну.

– Но кто проверяет твоих слуг, Сильвен?

Одна косичка выскользнула у нее из рук. Кажется, это рассердило королеву не меньше, чем упрямство Тора.

– Ох, ее непременно кто-то проверил. Незачем быть таким подозрительным. Чем она

тебе не угодила?

– Ее глаза. Они горят злобой.

Чушь! – Сильвен отмахнулась. – А вот и «толике». Приготовься, Тор. Тебя ждет нечто особенное.

Саксену удалось поменять кубки местами. Можно считать, что королева спасена. Правда, теперь смертельная опасность грозит ее любовнику. Клук уже собирался нарушить их мирное веселье, когда широкая ладонь залепила ему рот, и он оказался в чьих-то медвежьих объятьях.

– Ах ты, мерзавец!

Саксен узнал голос одного из прислужников, с которым он чистил клетки.

– Никакой ты не сокольничий! Я еще утром понял, что у тебя что-то на уме! А теперь ты следишь за Ее величеством!

Рядом вырос еще один прислужник, и крепкий кулак врезался Саксену прямо в живот. Клук согнулся пополам. Удар вышиб весь воздух у него из груди... и тут он увидел, как переодетый служанкой злодей протягивает правительнице Кипреса кубок с ядом.

Нет! Не может быть! Он поменял кубки местами! Выходит, отравить должны были не королеву, а ее гостя?

Ужас придал Саксену сил. Он крикнул, стряхнул с себя прислужников, и вылетел из-за повозок и заорал, как безумец. Королева улыбнулась своему гостю. Легкий звон стекла – и она наполовину осушила свой кубок.

И тут же все трое обернулись. Королева, отравитель и... Саксену показалось, что сердце остановилось. Рядом с королевой сидел Торкин Гинт, живой и здоровый. На его губах все еще играла улыбка... и меньше всего на свете он походил на мертвеца. Время прекратило бег. Мир, только что такой привычный и понятный, рушился.

А потом Саксен услышал собственный крик: – Яд!

Он видел, как Тор роняет свой кубок и бросается к королеве. Про служанку, которая подавала вино, уже забыли: сделав свое дело, она удалилась... и исчезла, словно ее и не было.

Тор упал на колени рядом с Сильвен, звал ее... Но было уже поздно. Ее тело терзала нестерпимая боль, она стонала и кричала.

Сэйрел завизжала. Придворные и слуги, которые до сих пор словно ничего не замечали, побежали к королеве. Но Саксен опередил всех.

Тор чуть выпрямился, его темно-голубые глаза казались дикими, как у затравленного зверя. Саксен медленно покачал головой. Его как будто хорошенько встряхнули – да так, что все мысли перемешались.

– Это не можешь быть ты.

Сильвен забилась в предсмертных судорогах, еще раз вскрикнула и закатила глаза. Тор сорвал с нее вуали, но королеву уже ничто не могло спасти. Ее лицо побагровело от прилива крови, которая разносила смерть по телу. Челюсть отвисла, на синеющих губах выступила пена. Правительница издала стон, полный гнева, и замерла. Яд сделал свое дело.

Тор упал, и клук едва успел его подхватить. Молодой лекарь тяжело дышал: он попытался спасти королеву, прибегнув к волшебству, но было уже поздно.

Рядом опустилась на колени верная Хела. Потрясенная, она некоторое время стояла неподвижно, потом схватила Сэйрел и прижала к себе.

– Яд... вошел в нее, – бормотал Тор, трясая головой. – Она умерла раньше, чем я успел что-то сделать.

Саксен вцепился в него, словно боялся, что это живое, теплое тело растает, как туман. Торкин Гинт, которого он знал, вот уже несколько лет мертв. Он мертвее этой женщины, которая лежит перед ними.

– Было слишком поздно, Саксен... Слишком поздно!

Служанки Сильвен рыдали и жались друг к другу. Казалось, они не могут поверить, что

их госпожа погибла.

Тор опомнился первым.

– Саксен, служанка... она сбежала!

Клук даже не понял, о чем он говорит. Он видел, как этот человек умер под камнями палача. Он видел, как его снимали с креста, как смывали кровь с разбитого лица. Он видел, как тело завернули в холстину, как Меркуд увез его на старой телеге неизвестно куда. Торкин Гинт мертв.

Но эти глаза – невероятно яркие, голубые и очень живые – смотрели на него в упор, и Саксен уже понимал, что теперь не время удивляться. Он попытался собраться с мыслями.

– Это не служанка, Тор. Быстрее за ним, в лес. И клук первым последовал своему совету.

Через миг друзья уже бежали по тропинке за негодяем, который убил королеву Кипреса... вместо человека, который давно был мертв.

Глава 23 Отчаянное бегство

Гот бегал быстро. Прежде, чем началась погоня, он уже скрылся в чаще. Инквизитор не останавливался, но в голове у него снова и снова крутилась одна и та же мысль. Почему кубок с ядом достался королеве? Он очень хорошо помнил, как наполнил кубки, как передал нужный Тору... Что за бессмыслица?

Вскоре позади раздались крики. Проклятый мальчишка... Знал бы он, за кем гонится! Но длинное платье мешало бежать. Жаль, что придется отказаться от этого маскарада. Не останавливаясь, Гот стянул одеяние через голову, скомкал, швырнул в кусты... и понял, что забыл в кармане бутылочку с арраком.

Он оглянулся и почувствовал, что закипает от ярости. Тор гнался за ним – это было неудивительно. Но рядом бежал его старый приятель, клукское отродье, тот самый, которому Гот когда-то собственными руками выколол глаза. Теперь эти глаза снова видят... и видят слишком много. Так вот в чем дело! Наверно, клук переставил кубки, чтобы спасти своего друга Гинта. Да... теперь все понятно.

Гнев придал Инквизитору сил, и он почти оторвался.

– Кто это? – крикнул Тор. Он бежал во всю прыть и уже немного запыхался.

«Это Гот».

Клут кружил над лесом и, несомненно, все видел. Тор остановился как вкопанный, и Саксен едва не налетел на него.

– Что случилось?

– Клут только что сказал, за кем мы гонимся.

Саксен поднял голову и посмотрел в небо. Клут нашелся? Саксену показалось, что его переполняет ликование. Они вернулись к нему оба – и Тор, и Клут. Никто из Паладинов больше не совершит ошибки, Сердце Лесов восторжествует, Триединство будет обретено...

– Я не видел его лица, – признался Саксен. – Кто-то из старых знакомых?

– Это Гот, – бросил Тор, призывая Цвета. На этот раз он убьет Инквизитора.

Погоня продолжалась. Вдалеке, на склоне, уже можно было разглядеть человека, который карабкался по склону и уже преодолел половину пути. Гот двигался на удивление легко и быстро. Тор вспомнил вечер в Карембоше, когда Гот едва не догнал их с Элиссой. Тор не забыл, как быстро бежал Инквизитор, которого гнали ненависть и желание схватить беглецов.

Гот скрылся из виду. Тор и Саксен, тяжело дыша, карабкались по скалам, и Клут, носясь у них над головами, подсказывал им, куда идти.

«Он попался!» – раздался в голове у Тора его ликующий голос.

Лекарь остановился, Саксен тоже.

«Что ты имеешь в виду?»

«Гот у водопада. Дальше ему идти некуда. Если он попытается вернуться, то наткнется прямо на нас, – сокол рассмеялся. – Он ваш».

Усталость у Тора как рукой сняло.

– Держись, Саксен! – кричал он, подбадривая клука, который пытался не отставать. – Гот сам себя загнал в ловушку!

Пробравшись в щель между двумя высокими скалами, он выбрался на утес... и увидел Гота, который стоял на краю пропасти и смотрел вниз.

– Гот!

Бывший Инквизитор обернулся, и Тор увидел, как его изуродованное лицо скривилось в ухмылке.

Гот изменился. Когда-то крепкий и коренастый, он исхудал, словно после тяжелой болезни. Только маленькие колючие глазки остались прежними, и Тор проклял себя за то, что не узнал их во время пира. Ухмылка стала кривой, одна сторона лица задергалась... а у Тора в голове вертелась только одна мысль.

Яд предназначался ему. Сильвен выпила отравленное вино по ошибке.

Ох, Сильвен, что же я наделал!

Цвета полыхали в нем, рвались на волю... Нет. Он загнал Гота в угол. Теперь можно не спешить.

Саксен протиснулся следом за ним и остановился. Он еле дышал, но лицо клука сияло. Негодяй Инквизитор наконец-то у них в руках.

– И что будем делать? – спросил он.

Тор перевел дух, но не потому, устал от быстрого бега. Его душила ненависть.

– Я разделаюсь с ним. Прямо сейчас. Всю свою никчемную жизнь он только и делал, что убивал людей.

– Тогда сделай это, Тор. Не тяни.

– Он не причинит нам зла, Саксен... – Тор медленно пошел вперед. – Не бойся его.

Гот ахнул, и брань хлынула из его уст. Тор поневоле восхитился его храбростью.

– Чего ты ждешь? – крикнул Саксен, стараясь не встречаться взглядом с Инквизитором. Когда-то этот человек ослепил его, искалечил и бросил только потому, что счел мертвецом. Нет, это еще можно было бы простить... но Элиссе он ему никогда не простит. С этим выродком должно быть покончено, и неважно, будет он при этом мучиться или нет.

Инквизитор смерил Тора презрительным взглядом. Он никогда не боялся смерти. Теперь смерть глядела ему в лицо, и это было не самое приятное зрелище... но не настолько пугающее, чтобы отвести глаза. Его ум был по-прежнему остр, он снова и снова метался в поисках выхода... но выхода не было. Гот попал в ловушку. Он видел сокола, который кружил у него над головой. Даже птица ждет его гибели... Но нет, он лишит их этого удовольствия. Он не даст им, глумясь, плясать над его телом. Небольшая, но радость.

Тор уже был готов дать волю Цветам, но не смог. Перед его глазами, как живой, встал его Джион Гинт. Отец ненавидел жестокость, какой бы вид она не принимала, и учил сына состраданию.

– Я не могу убивать, – проговорил он, немного поколебавшись.

– Значит, я это сделаю, – объявил Саксен, отталкивая его – и с большим удовольствием. Я его голыми руками задушу.

Гот рассмеялся, и этот визгливый смех, кажется, еще больше распалил Саксена. Проклятая тварь, его даже совесть не мучает! Он стоит на пороге смерти и не просит пощады у того, кто толкнет его вперед. Он просто над ними смеется.

И тут произошло то, чего не ожидал ни Тор, ни Саксен. Гот сделал шаг и прыгнул со скалы вниз.

– Привет Элиссе!

Может быть, он успел крикнуть что-то еще, но его восторженный вопль исчез в реве водопада.

– Нет! – вскрикнул Тор, но было уже поздно. Подбежав к обрыву, Тор наклонился,

пытаясь хоть что-то разглядеть. Саксен, который встал рядом, почувствовал головокружение и отступил, но Тор не боялся высоты. Где-то внизу бурлила и клокотала вода. Насколько там глубоко? И может ли человек выжить, упав с такой высоты?

Он ждал. Зрение у него было великолепное, и если тело всплывет... Но поток мчался вперед, бился о каменные берега, и Гота нигде не было – ни живого, ни мертвого.

– О чем ты думаешь? – нарушил молчание Саксен.

– Думаю, мне не следовало тянуть. Тор ненавидел себя.

– Хочешь сказать, он мог уцелеть? Там? Он мертв, Тор. И теперь уже не важно, ты его убил или нет.

Настроение у Тора было не столь радужным. «Клут, сделай одолжение, пролети вдоль реки. Может, увидишь Гота».

Сокол ничего не ответил но подчинился.

– До сих пор Гот выбирался из всех переделок, – сказал Тор, обернувшись. – Мне следовало разделаться с ним, как только мы тут появились. Он стоял и смеялся над нами, а я медлил.

Это было правдой. Саксен даже не пытался утешить своего друга, только сплюнул, как это принято у клуков.

– Я еще не поздравил тебя с возвращением, Тор, – сказал он. – Из тех мест, где Света не бывает.

Тор смутился.

– Э-э-э... хорошо вернуться назад, Саксен.

И тут же оказался в могучих объятьях клука. Рядом захлопали крылья, и Клут опустился на камень.

– Привет, дружище, – проговорил Саксен. – Пришлось побродить по миру, чтобы тебя увидеть.

Сокол перелетел к нему на плечо, и клук расцвел. Он еще не знал, что новости, которые Клут рассказывает Тору, не самые добрые.

«Я ничего не видел ни в воде, ни на берегах. Но на поляне, где проходил пир – настоящее светопреставление. Думаю, что нам надо убираться отсюда как можно быстрее. Если начнут искать виновников, Тор, то первым делом укажут на тебя».

Тор кивнул и повернулся к Саксену.

– Давно ты уехал?

– Из Таллинора? В день смерти королевы Найрии, – Саксен осекся. – Ох, Тор, мне очень жаль. Ты слышал об этом?

– И это, и кое-что похуже, – мрачно отозвался Тор. – Ты знаешь про Элиссу?

Неужели снова настали времена, когда можно будет хотя бы произнести: «Тор и Элисса»?!

– Про Элиссу? У нее все замечательно. Ведет уроки в школе при дворце, служит королевским секретарем. Когда я уезжал, она оплакивала Найрию. А что такое? Что-то случилось?

– Да, – Тор уныло усмехнулся. – Она очень хорошо служила Его величеству, пока тебя не было.

Саксен помотал головой.

– Я чего-то не понял, Тор. Что с ней случилось? И как ты мог узнать об этом раньше меня?

Тор вздохнул.

– Пока ты добирался сюда, Элисса стала королевой Таллинора. Сильвен сообщила мне это сегодня утром, как только получила послание.

Саксен был потрясен. Похоже, верный защитник Элиссы даже не догадывался о том, что происходило между ней и королем Лорисом.

– Наверное, это какая-то ошибка... – клук помотал головой. – Элисса и Лорис? Быть не может. Да, она служила ему... Когда мы в последний раз беседовали, она говорила, что

теперь думает не только о прошлом, но и о будущем. Твоя смерть...

Саксен поперхнулся. Он понял, как нелепо это звучит.

– Твоя смерть потрясла всех нас, Тор. Много лет Элисса жила как в тумане. То печалилась, то злилась... Только после того, как появился Джил, она начала понемногу оживать.

– Джил?

– О, ты еще многого не слышал! Джил – мальчишка-сирота, Найрия приютила его несколько лет назад и поручила Элиссе о нем заботиться. Для них обоих это было благом – и для Элиссы, и для мальчика. Думаю, ты это понимаешь... – он смолк и нерешительно закончил: – после того, как она потеряла сына.

Тор ничего не ответил, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Саксен поспешил продолжить рассказ, чтобы нарушить тяжелое молчание.

– Найрия попросила Элиссу открыть школу и не ошиблась. Элисса уже работала у нее помощницей. А потом, примерно год назад, умер секретарь короля, и Найрия решила передать Элиссу ему... – он проговорил это так, словно сам себе не верил.

– И Элисса согласилась? – Тор не мог в это поверить.

– Она пыталась отказаться, Тор. Всеми правдами и неправдами. В эти последние несколько лет я редко появлялся при дворе, но знаю точно: Элисса была этому совсем не рада. Однако она прекрасно справилась. Ты бы гордился ею. Она достигла высокого положения при дворе. Все ее любят.

– Включая Лориса, – с отвращением заметил Тор.

– Об этом я ничего не знаю. Я тебе уже говорил, в последний раз мы с ней беседовали после моего возвращения из Карадуна. Тогда же я сказал ей, что видел Гота и Клута. Но она только сказала, что пытается похоронить ненависть и жить дальше. Ты мертв. Ненависть к Лорису отнимала у нее слишком много сил. И какой в ней смысл?

Никакого, – Тор встал. – Я просто не могу представить, как она совершила прыжок от «Я должна отказаться от ненависти» к «Я хочу за тебя замуж, Лорис».

Он снова подошел к обрыву и посмотрел вниз, на неистовый поток. Пусть Саксен думает, что он надеется увидеть тело Инквизитора. Он просто хотел спрятать свою боль. Клулк подошел сзади и обнял его за плечи.

Не сердись на нее. Тор. Ты представить себе не можешь сколько ей довелось пережить.

Это была правда. И Тор это знал.

– А много времени прошло? – спросил Саксен.

Тор притворился, что не понимает.

– О чем ты?

– После казни. Как скоро ты вернулся в мир живых?

С тех пор как его глаза открылись в Сердце Лесов, Тор чувствовал отчаяние и вину. И теперь они снова овладели им.

– Можно сказать, сразу, Саксен. А теперь идем, нам нужно торопиться. Мы должны вернуться в Сердце Лесов, а мне еще предстоит тебе многое рассказать по пути.

Глава 24

Мир приходит в движение

Элисса поблагодарила Тилли за чашку горячего настоя из малиновых листьев, но мысли ее витали где-то далеко. Да, ее госпожа сегодня сама на себя не похожа, отметила Тилли. Едва притронулась к завтраку, и до самого конца привычного утреннего ритуала – сначала умыться, а потом ровно сто раз провести гребнем по волосам – ее сердечный смех ни разу не нарушил тишину. И почему она так рано встала? Во имя Света! Когда королева встает рано, день будет долгим.

Но королеве Таллинора и впрямь было не по себе. Его величество отправился в Хаттен – это была их первая разлука с того самого дня, когда он впервые сказал ей о своей любви.

Внезапно оказалось, что без Лориса в ее жизни чего-то не хватает. Может быть, его неугомонной силы, которой невозможно противостоять? Нет, не в этом дело. Просто сегодняшний день не такой, как другие, подумала Элисса, ставя на стол недопитую чашку.

Сегодня она проснулась, словно что-то разбудило ее. Вообще-то, было очень рано: только начало светать, но зима есть зима: солнце не спешит подняться в небо, зато торопится его покинуть. Теперь, глядя на поросшие вереском холмы, она поняла, что вспомнила Тора. Вспомнила... Когда-то она думала о нем каждый миг, а теперь приходится сделать над собой усилие, чтобы вспомнить черты его лица.

Он был так прекрасен, верно? Элисса улыбнулась. Она помнила темные, почти черные волосы, такие густые и непослушные. Помнила, как он причесывался растопыренной пятерней, когда смущался или погружался в размышления. Помнила его волевой подбородок и невероятно голубые глаза. Когда-то было достаточно одного взгляда этих глаз, чтобы сердце замерло у нее в груди. Лицо, которое не хочется забывать. Но время все равно стирает его из памяти. Прошло четыре года... нет, уже пять лет с тех пор, как она видела это лицо в последний раз – разбитое камнями, залитое кровью. И ей ничего не оставалось, как смотреть и видеть. Видеть, как он в последний раз ловит воздух, словно пытаясь остаться в этом мире... а потом все-таки покидает его. Это окровавленное лицо она не забудет никогда.

Но куда хуже, что исчез его голос. Навсегда. Исчезло то, что она любила больше всего на свете. Ведь она сначала влюбилась именно в голос – тот голос, который однажды зазвучал у нее в голове, когда она была еще совсем маленькой, дразнил ее, манил... Губы Элиссы тронула улыбка. Во имя Света, зачем она вообще вспоминает Тора?

С ранних лет она не знала ничего, кроме горя и черной работы. Тор был ее единственной радостью. Впервые потеряв его, она попала в Карембош и нашла утешение в Академии. Нельзя сказать, что она полностью успокоилась: мысли о Торе не оставляли ее. Но появилась работа в архивах Академии, Саксен, Соррель... да и Ксантия тоже.

Но потом Тор вернулся в ее жизнь, и Элисса не сомневалась: это был дар богов. После свадьбы, в Сердце Лесов, она не знала ничего, кроме счастья – самого большого счастья, которое было в ее жизни. Но оно было слишком недолгим. Оно длилось, пока в ней жил ее сын, который родился лишь для того, чтобы сделать свой первый и последний вдох.

Вместе с ним умерло и счастье. Снова появился Гот, снова начались злключения, потом ее заставили пережить боль, которая казалась невыносимой. Ее заставили смотреть, как казнят Тора. Потом жизнь во дворце с ее одиночеством. Особенно тяжелыми были первые два года. Если бы не Саксен и Саллементро... Можно не сомневаться: она покончила бы с собой просто для того, чтобы положить конец своим страданиям.

Но Тор мертв. Он мертв давным-давно. Зачем оплакивать свою первую любовь? Она вышла замуж, она стала королевой Таллинора. Она должна исполнять свой долг перед мужем и королевством... и, по правде говоря, она любит Лориса. Да, она полагала, что такое невозможно. Но она на самом деле любит Лориса, и он от нее без ума. Какими чудесными были последние несколько месяцев, когда они наконец-то смогли объявить о своей любви по всему королевству и за его пределами! Это было ее спасением. Странно, она так долго ненавидела и презирала Лориса, но именно он заставил ее поверить, что у нее есть будущее, именно он открыл ей, как важна ее жизнь для Таллинора. И это счастье ничто не должно нарушить. Они с Лорисом будут править вместе и рука об руку пойдут по жизни, пока боги не призовут их к себе. Да, с Тором она познала саму суть любви, и любовь, которая связывает их с Лорисом, никогда с этим не сравнится. Но лишь в этом браке она обрела настоящий покой... впервые в жизни.

Тор мертв. Лорис жив и очень любит ее. Она не может оставить такую любовь безответной. Она должна научиться принимать ее, не чувствуя вины, когда ее внезапно посещают мысли о Торе... вот как сейчас. Кажется, он то и дело врывается в ее воспоминания.

В этот миг она вспомнила, что сегодня проснулась в испуге. Мир говорил с ней.

Элисса плотнее закуталась в свое утреннее одеяние из розового шелка и опустила в

глубокое кресло, в котором любила размышлять. Мир пришел в движение, равновесие нарушилось, но через миг было снова обретено, но достигнуто иным образом – вот что заставило ее проснуться. Потому-то она и вспомнила Тора. Никто, кроме нее, не почувствовал этой перемены, иначе ее юная служанка Тилли, девушка весьма впечатлительная, уже рыдала бы горькими слезами. Нет. То, что происходит, каким-то образом связано с Триединством. Писание Нанака, Орлак... А она-то надеялась, что начала с Лорисом новую жизнь, и все это останется в прошлом! Наивная дурочка. Орлак возвращается, и она только что получила предупреждение.

Внезапно Элиссе стало зябко. Она крепче обхватила горячую чашку, поднесла к губам и сделала глоток, но почти не почувствовала привычного горьковато-сладкого вкуса. Ее мысли блуждали где-то далеко. Почему равновесие нарушилось? Может быть, пал последний из Паладинов? В другой раз она спросила бы Саксена, но клук уехал три луны назад и до сих пор не вернулся.

Элисса сделала еще один глоток, мимоходом отметив, что чай остыл. Нет, можно не сомневаться: нынешнее движение связано с делами богов... Она поставила чашку на стол и соединила два больших пальца – так в Таллиноре пытались отвести от себя несчастье. Ей даже думать не хотелось о том, что Десятый пал. Нет, случись такое, и ее, наверно, охватила бы огромная печаль. Значит... кто-то пришел в этот мир и нарушил равновесие. Но кто это? Явно не Орлак. Пока не Орлак... Элисса встала и некоторое время бродила по комнате взад и вперед. Она словно наяву видела, как Орлак вырывается из своей клетки, и от этого ужасного видения надо было как-то избавиться. Час прошел в беспокойных размышлениях. Наконец, молодая королева заставила себя одеться. Она билась над этой загадкой долго и упорно, но в голову так ничего и не пришло.

Желтое, как свежее масло, простое шерстяное одеяние – то, что надо. Элисса стянула его своим любимым поясом-цепочкой. Она любила, чтобы волосы были зачесаны гладко, волосок к волоску... но не звать же снова Тилли! Пришлось стянуть их на затылке и скрепить заколкой из полированного оленьего рога. На этом туалет был закончен. Но чем занять себя в столь ранний час... чтобы не думать о Торе, Орлаке, Триединстве и всем прочем, что с этим связано?

Она хочет быть просто счастливой замужней женщиной, хорошей супругой и доброй королевой. Она не желает думать ни о пророчестве, ни о возвращении Орлака. Элисса перевела дух. Итак, чем сегодня заняться?

Можно прогуляться по замку. Сначала посмотреть, как повариха печет хлеб для придворных и слуг. Потом пройти мимо бойниц и перебраться парой слов со стражниками. Она знала, за что народ любит своих правителей – а простой люд Таллинора, и в особенности жители Тала и его окрестностей, любил ее.

Сразу же после бракосочетания Лорис принял мудрое решение: снова проехать по самым большим городам, на этот раз в сопровождении Элиссы. Он знал, как его подданные любили Найрию. Только так можно добиться, чтобы народ смирился с ее смертью и принял свою новую королеву. И Лорис не ошибся. Красота Элиссы, ее мягкий и скромный нрав очаровали всех – и взрослых, и детей. Кроме того, она была, несомненно, умна и образованна, а потому была принята и среди знати.

Что же это происходит? Она всегда так легко принимала решения... И тут в дверь негромко постучали.

– Войдите, – произнесла Элисса, отступая к высокому окну. Ее внимание уже привлек стук копыт во дворе.

Ролинд, ее помощник, начал с многочисленных извинений и лишь потом, низко поклонившись, открыл причину своего столь раннего появления.

– Войско вернулось, моя госпожа.

– А Его величество? – спросила Элисса, отворачиваясь от окна... и почувствовала, что краснеет. Вот уже второй Восьмерик она встречает без Лориса. Как ей его не хватает! Но если он вернулся, нет нужды гулять по стене, ежась от промозглого ветра. Вот кто займет ее

мысли. Вот кто разгонит толпу мрачных дум, вот кто будет потчевать ее историями, порадует своим удивительным смехом, окружит своей бесконечной заботой... Вот и все, что нужно, чтобы развеять ее дурное настроение и все возрастающее беспокойство.

– Мне очень жаль, но Его величество, очевидно, не сможет вернуться в ближайшее время. Как мне сообщили, он посещает почтенного Толли, который очень тяжело болен. Королевская стража осталась в Паркестоне, чтобы в дальнейшем сопровождать Его величество домой...

Он увидел на лице королевы разочарование и смолк.

– Спасибо, Ролинд, – произнесла Элисса и отвернулась.

– Э-э-э... – Ролинд замялся. – Ваше величество, с вами желает поговорить помощник прайм-офицера. Он ждет в прихожей.

– О! Зови его сейчас же!

Вот это новость! Элисса просияла. Джил наконец-то вернулся. Его так давно не было дома...

Ролинд снова поклонился и покинул покои королевы, тихо прикрыв за собой двойные двери.

Вернувшись в свое любимое кресло, Элисса окинула взглядом прелестный садик, обнесенный высокой стеной. Подарок Лориса... Так вышло, что она ждала одного любимого человека а дождалась другого... и его шаги уже слышны. Элисса представила, как Джил с важным видом вышагивает по коридору.

Эта самоуверенность, которую легко было принять за спесь, будила в придворных дамах самые нескромные желания. Джил недавно получил назначение, так что у него появился лишний повод высоко держать голову. Теперь он жених хоть куда.

Понятно, что дамы могут вздыхать по нему сколько душе угодно – Элисса не видела среди них ни одной подходящей невесты. Когда она появится... Скорее всего, Джил поймет это первым. А пока он с удовольствием строит глазки то одной, то другой и играет их чувствами, не испытывая мук совести. И ни одной не отдает предпочтения. Последнее очень радовало Элиссу. Это значит, что он пока не думает о женитьбе. Во имя Света! Мальчику всего шестнадцать, вся жизнь у него впереди. Он еще успеет найти ту, которой отдаст сердце.

Элисса предпочла забыть, что влюбилась в Тора, едва встретив свое девятое лето, а в четырнадцать, во время Танца Цветов в Мятном Доле, бросила ему свой первый букет. Стоило Тору попросить ее руки – и она согласилась бы без колебаний, и не успело бы сесть солнце, как они стали бы мужем и женой. Но Тор не успел. Меркуд отвлек Тора, напугал, потом уговорил ехать в Тал... и разрушил все.

Джил уже подходил к дверям. Элисса слышала, как он разговаривает со стражниками. Лорис настоял на том, чтобы у ее дверей всегда стояла стража. Никто, кроме нее и Лориса, не знает, как Джил появился на свет. Никто не знает, что Джил – родной сын короля. Когда Лорис открыл ей эту тайну, Элисса хотела немедленно поделиться ею с мальчиком, но Лорис отговорил ее. Пока не стоит. У мальчика и без того слишком круто изменилась жизнь. Однако Элисса считала, что ждать слишком долго тоже не стоит. Рано или поздно мальчик должен узнать о том, кто его настоящий отец. Скрывая это, вместо пользы можно нанести ему большой вред.

Двери распахнулись, Элисса заключила сына в объятия... и все мысли о равновесии мира вылетели у нее из головы.

Тор, Саксен и Клут тоже поняли, что мир пришел в движение. В это время они находились на пути в Кипрес.

– Ты чувствуешь? – воскликнул Саксен.

Орлак. Это была первая мысль, которая посетила Тора.

«Десятый пал, Клут?»

Его голос был полон тревоги: к такому Тор был не готов.

«Не думаю, – раздался у него в голове спокойный голос Клута. – По-моему, ничего плохого не случилось. Просто изменилось равновесие мира. Или я ошибаюсь?»

После короткого размышления Тор согласился. А затем... Ему показалось, что луч света вдруг пробил облака. Сердце Тора запело от радости. Упав на колени, он раскинул руки, словно хотел обнять небеса.

– Мои дети, – проговорил он. – Они вернулись в Таллинон.

Сердце Лесов тоже ликовало. Родовались деревья, родовались звери и птицы, родовались волшебные создания, которым люди еще не придумали названия.

– Они уже близко, – произнесла Солиана.

Арабелла заплакала. Она была счастлива. Самые драгоценные из обитателей этого мира наконец-то возвращались туда, где им следовало быть.

Саллементро сидел в своем любимом домике среди холмов в окрестностях Тала и настраивал лютню, когда почувствовал, что мир пришел в движение.

Адонго, вождь моруков, замер как вкопанный и закрыл глаза, прислушиваясь к голосу земли.

Фиггис, горный карлик, расхаживал по палубе корабля, который готовился бросить якорь в Карадуне. Надо как можно быстрее отправляться на юг, решил Девятый из Паладинов.

Все они знали: Три становятся Триединством, чтобы найти свое место и направить своих защитников на уготованные им пути.

Родной сын Элиссы был жив и здоров – правда, сейчас ему казалось, что из груди вышибло весь воздух. Он только что получил возможность по-настоящему поцеловать землю Таллинона, хотя ему не очень этого хотелось. Вот это встряска... Гидеон озираясь вокруг, не веря своим глазам. Ему не понадобилось много времени, чтобы отдышаться. Но Соррель говорила, чтобы они придут в этот мир вместе! Не нужно было открывать глаза, чтобы понять, что это не так. Гидеон был один. Значит, когда они с Лаурин и Соррелью проходили через порталы, случилось что-то непредвиденное.

Гидеон снова огляделся. Он сидел посреди поля, рядом паслись коровы, и вид у них был немного удивленный. Некоторое время они смотрели на незнакомца, но потом решили, что от него стоит держаться подальше.

Гидеон зажмурился, помотал головой и снова открыл глаза. Коровы брели прочь. Да, он точно не в домике Соррели. Он в поле, неизвестно где. Значит, старушка не обманула.

Все это было как-то странно. Ничего скверного, просто непривычно... Гидеон никогда не отличался острым зрением, а сейчас мог разглядеть каждую морщинку на коре дерева, которое росло за полем. Скажи ему кто-нибудь, что человек на такое способен, он бы не поверил. А почему птицы поют так громко? Что тут вообще творится? Может быть, Соррель собиралась перенести его в какое-то другое место?

Гидеон встал и глубоко вздохнул. Он помнил, как следил за мерцающим силуэтом Ярго в домике Соррель, как взял за руку Лаурин... Как получилось, что они разделились?

Где Лаурин?

В этот миг он ощутил нечто такое, чего никогда в жизни не испытывал. В голову как будто вонзилась ледяная игла... а потом в ушах зазвучал голос. Очень робкий.

«Гидеон?»

Он не мог в это поверить.

«Лаурин, это ты?»

«Здорово, верно?» – она явно осмелела.

«Просто чудо. Как это у тебя получается?»

«Это и есть чудо, – Гидеон с радостью услышал, как она смеется. – Мы же Чувствующие, как и наши родители. Ты что, все прослушал?»

«Нет, просто в голове не уложилось», – пошутил мальчик, но в этой шутке была изрядная доля истины. Лаурин вздохнула.

«Я знаю. А тебе не кажется, что тебе заменили глаза и уши?»

«Точно. Все стало таким четким... Я в поле. А ты где?»

«С Соррелью. Она считает, что мы оказались в Харимоне. Забавное название, правда? А место, куда мы направляемся, называется еще забавнее. Сердце Лесов. Это Соррель сказала».

«Понимаю»

Гидеон немного выждал, прежде чем произнести следующее слово – так получалось красивее.

«Хорошая мысль, – снова многозначительное молчание. – А как же я?»

Поначалу Лаурин решила, что не станет испытывать к Гидиону никаких теплых чувств. Однако его добродушные шутки просто заворожили ее. В конце концов, он ее брат, ее семья... Это было ей слишком дорого, чтобы не полюбить этого мальчика. К тому же эта связь разумов...

«Это была твоя идея, Гидеон – разве ты забыл? Соррель говорит, что ты тоже должен отправляться в Сердце Лесов».

«Может быть, она подскажет, как туда добраться? Тут как раз пасутся коровы, и одна из них явно себе на уме. Может, забраться к ней на спину и скакать во весь опор?»

Шутка привела Лаурин в восторг.

«Просто постарайся добраться туда как можно быстрее Подожди...»

Гидеон чувствовал, что их разумы по-прежнему соединены невидимой нитью, просто Лаурин почему-то умолкла «Лаурин?»

«Я здесь. Послушай, Гидеон, Соррель говорит, что это вовсе не смешно. Ты должен быть очень осторожен. Не суйся туда где могут ждать неприятности – даже если тебе просто покажется. Старайся, чтобы на тебя не слишком таращились Соррель вшила тебе в левый карман немного денег. Но их может не хватить. Подумай чем ты можешь заработать. Но тебе надо спешить.

«А... Прекрасно, – колко отозвался он. – Поблаговари Соррель за неоценимую помощь. Она не подскажет, где это – Сердце Лесов?»

Лаурин снова ненадолго замолчала.

«Сначала доберись до большого города, который называется Тал, но в сам город не заходи. Постарайся как можно быстрее войти в Великий Лес. Он напоминает звезду, а возле одного луча есть деревня Эксен. Я не совсем понимаю, что Соррель хочет этим сказать, но тебе там понравится. Я не шучу. Там тебя будут ждать волчица, осел и женщина-отшельница. Иди с ними. Им ты можешь довериться».

Мальчик рассмеялся.

«А ты еще ко мне заглянешь? – спросил он. – Не могу дождаться новых указаний».

«Лучше ты ко мне».

«Как ты это делаешь?»

«Ну... представь себе, что очень хочешь до меня дотянуться. Я так делала. Тянулась то в одну сторону, то в другую, так и нашла».

«О, вот, значит, как все просто. Прямо азбука волшебства».

«Я не могу объяснить лучше! Соррель называет это связью разумов. Она эту связь установить не может, но говорит, что мы можем ею пользоваться, чтобы разговаривать друг с другом. Ты должен попробовать».

«Обязательно попробую. Только сначала научусь убирать навоз, копать землю... чем тут еще занимаются такие, как я – простые люди?».

«Откуда ты знаешь?»

«Что? Как пахать?»

«Нет. Откуда ты знаешь, что мы из простонародья?»

«Может быть, ты и не заметила, но Соррель одела нас, как крестьянских детей. Знать и

ученые люди так не одеваются».

«Соррель говорит, что ты прав. И еще: нам надо забыть про свой дом. Она уверяет, что тогда мы будем больше похожи на местных жителей».

«Я забуду все, что учил для Испытаний?» – в ужасе переспросил Гидеон.

«Насколько я поняла – да».

И он почувствовал, что связь прервалась.

Гидеон подбочился. Надо же – волчица и осел! Это ему просто снится. Сейчас он проснется и от души посмеется над своим дурацким сном. Он отправился на север, чтобы навестить перед смертью бабушку... и оказался здесь. Он непременно проснется, потому что у него полно важных дел... Вот только что он должен делать?

Мальчик помотал головой. Нет смысла здесь торчать до конца Света, да и Лаурин объяснила, что надо делать. Хорошо бы встретиться с ней снова... Она – его сестра. Столько лет у него никого не было, и вот, оказывается... сестра. И такая славная. Да, если он хочет снова найти Лаурин, нужно побыстрее добраться до этого Сердца Лесов.

Гидеон подошел к краю поля, перелез через низкий плетень и оказался на дороге. Хорошо, и куда теперь идти? Сунув руку в карман, он нащупал стежки, разорвал нитки и вытащил монетку. На одной стороне был изображен дракон, а на другой... какая-то клыкастая тварь – похоже, упырь. Гидеон подбросил монетку и поймал на лету.

– Упырь или дракон? – спросил он у коров, которым, похоже, не было до этого никакого дела. Вероятно, поэтому ни одна даже не повернулась в его сторону.

Только он сам может найти ответ. Если выпадет упырь, он пойдет направо. Гидеон еще раз подбросил монетку. Дракон.

– Значит, налево, – весело сказал мальчик. Он сам не знал, почему так решил, но на душе у него посветлело. Насвистывая песенку, он зашагал по дороге навстречу своей судьбе.

Соррель недоуменно смотрела на девочку. Гидеон должен был оказаться здесь вместе с ними. Где же он? Старушку охватило беспокойство. Почему они разделились? Пятнадцать лет она жила в другом мире, дожидаясь, когда можно будет вернуться домой вместе с детьми, которых ей доверили... и с самого начала все пошло вкривь и вкось. Если с ним что-то случится...

Однако Лаурин просто сияла.

Кажется, у него все хорошо. Он идет нам навстречу.

Соррель кивнула. Не стоит беспокоить девочку.

– Хорошо. Значит, и нам пора. Сделай одолжение, помоги мне с этой сумкой, дорогая. У нас впереди долгий путь.

Помнится, много лет назад она точно так же отправлялась в путь с Элиссой... Девочка удивительно похожа на свою мать, хотя и полновата. Но когда-нибудь она станет такой же красавицей.

Лаурин вскинула легкий матерчатый мешок на плечо и взяла старушку за руку. Еще недавно она сидела в домике и не хотела никуда идти – все это слишком напоминало дурную шутку. Но оказывается, есть мир, где возможно волшебство... и она туда попала! Лаурин до сих пор не могла прийти в себя от восторга.

Здесь ее родители. Лаурин плохо понимала, о чем рассказывала Соррель, но не подала виду. Что касается ее прошлой жизни... Девочка была готова от нее отказаться – ведь у нее будут родители, у нее будет семья! Если она родилась здесь, значит, ей здесь непременно понравится. Никогда еще ей не было так легко и хорошо, как этим утром.

– У меня есть деньги, – проговорила Соррель. – Немного, но мы продержимся, если не позволять себе лишней роскоши. Возможно, тебе придется поработать.

Лаурин кивнула. Поработать? Но что она умеет? Писать? Ладно, она подумает об этом позже. В жизни творится столько странного, что не стоит беспокоиться о мелочах. Пусть решает Соррель.

– В ближайшей деревне должен быть постоянный двор – если только мне не изменяет

память... если он за эти годы не сгорел.

– И мы там остановимся?

– На эту ночь. Немного отдохнем, а завтра тронемся в путь. Я беспокоюсь за Гидеона, – Соррель покачала головой. Она нарушила слово, которое сама себе дала, но было уже поздно. – Мы должны были оставаться вместе.

– Но сейчас мы ничего не можем исправить, Соррель. Он даже не понимает, где оказался. Будем надеяться, что он доберется туда, куда нужно.

– Какая рассудительность, – проговорила Соррель. – Вся в мать.

– А она там... в Сердце Лесов, о котором ты рассказывала?

– Клянусь, девочка моя, я не знаю. А вот что я знаю точно: нас призвал твой отец. Яоткликнулась на его зов.

Глава 25 Тайна Дунтарина

Он сам во всем виноват, твердил себе Фиггис. Ему следовало почувствовать опасность, но он слишком обрадовался свободе. Столько лет... нет, столько столетий боли и отчаяния – и вот он снова в Таллиноре.

А может быть, он слишком понадеялся на ум и тело, некогда быстрые, как молния. Многие считают горных карликов тупыми и медлительными; возможно, причина тому – их облик: тяжелый лоб, словно нависающий над глазами, и широкий толстогубый рот. Но это заблуждение. Да, короткие ножки не позволяют им бегать быстро. Однако горные карлики отличаются завидной выносливостью, могут преодолевать пешком огромные расстояния, карабкаться по голым отвесным скалам.

Нет, медлительность – не их порок. Но сегодня Девятый из Паладинов был просто Фиггисом, наслаждался этим... и утратил бдительность, а теперь мог лишь питать к себе отвращение.

С тех пор как он прибыл из Кипреса в Карадун, ничего особенного не происходило. Фиггис быстро пробирался на юг, спал под открытым небом и ел то, что удавалось добыть. Он не чувствовал холода, а в пустом желудке не урчало, как у обычных людей. Он был горным карликом, и долгий путь по бездорожью его не утомлял.

Он обходил стороной все города и деревни и почти достиг сердца Таллинора. Кто знал, что опасность подстерегает его в сонной деревеньке под названием Дунтарин, где жителей можно пересчитать по пальцам! Фиггис решил, что ему следует поторопиться, и потому выбрал более короткую дорогу, широкую и оживленную, хотя внутреннее чувство подсказывало ему, что следует обогнуть деревню, двигаясь вдоль ручья.

Ему стоило сразу почуять неладное, стоило понять, что беда близка. Достаточно было того, что Дунтарин сразу показался ему зловещим. Вдоль главной улицы теснились деревья, а их ветки нависали над дорогой. Здесь даже воздух был странным. Едва Фиггис вошел в деревню, как почувствовал взгляд нескольких пар глаз, которые следили за ним из укрытий.

В следующий миг ему на голову быстро и умело набросили мешок. Будь Фиггис человеком обычного роста, его руки остались бы свободными. Но он был горным карликом. Кто-то очень сильный подхватил пленника, а крепкий удар по голове лишил возможности сопротивляться. У Девятого из Паладинов потемнело в глазах. Напрасно считают, что у горных карликов и череп каменный, успел подумать он, прежде чем лишился чувств.

Теперь он пришел в себя, но нарочно не открывал глаз и размышлял, как мог допустить подобную оплошность. Наверно, просто слишком глубоко задумался. Эта неожиданная встреча с Торкином Гинтом в Кипресе... Что же до того мальчика по имени Локлин Гилбит, Фиггис был только рад ему помочь. Свет не видел большей глупости, чем испытание Девой. Как эта штука может решить, кто прав, а кто виноват? Что касается поисков, то Фиггис был близок к разочарованию. Но достаточно знать, что ты можешь снова встретить взгляд Торкина Гинта, чтобы обрести и силу, и веру.

Торкин Гинт, тот Самый. Тот, ради кого они так долго боролись. Тот, ради кого терпели боль и страдания – и не зря. Этот человек спасет миры, когда соберет Триединство.

Возможно, он никогда не узнает, что маленький человечек, с которым он недолго беседовал в Кипресе – Девятый из Паладинов. Это неважно. Равно как и то, что ему, вероятно, предстоит положить за Того Самого свою жизнь. Сейчас карлика беспокоило лишь одно: первое задание он выполнил, и теперь надо как можно скорее найти мальчика, которого ему предстоит защищать. Мальчика, которому нужна его помощь. Так сказала Лисе, явившись Фиггису во сне. Это она настояла, чтобы он поскорее сел на корабль, отплывающий в Карадун. Это она продолжала его подгонять. Он – защитник мальчика. Это самая важная роль, какую только можно поручить Паладину.

Внезапно ему на голову, которая все еще гудела, вылили ведро холодной воды. Карлик невольно открыл глаза, потом приподнялся, опираясь на локоть, и увидел людей, которые стояли поодаль и перешептывались.

– И точно карлик.

– В наши края такие не забредают. Я думал, про них только в сказках рассказывают.

– Народ на него валом повалит.

Фиггис смотрел на них, стараясь не моргать. Он находился в какой-то тесной комнатухе, и все похитители яростно курили трубки. От табачного дыма было невозможно дышать, и голова у карлика еще больше разболелась.

– Говорить умеешь? – бросил один, обращаясь к нему.

– Доброго дня, тупые пожиратели навоза, – отозвался Фиггис. Из осторожности он говорил на своем родном языке: эта компания выглядела весьма грозно. Лучше прикинуться дурачком, пока не станет ясно, что делать дальше.

Человек, который заговорил с ним, выдохнул дым и осклабился. Зубов у него во рту было явно меньше, чем дырок между ними, зато сложением он напоминал каменную глыбу.

– Разговаривает!

– Попробуй спросить, говорит ли он по-нашему, – предложил его приятель, помоложе. Здоровяк кивнул и снова обратился к Фиггису, выговаривая каждое слово очень четко и с расстановкой.

– Ты... говоришь... на языке... Таллинора?

– Да, го-во-рю, – ответил Фиггис и снова дал волю красноречию... вернее, сквернословию, наслаждаясь тем, что никто из курильщиков не понимал языка горных карликов. Фиггис говорил негромко и чуть нараспев, но если бы его покойная мать услышала такие речи, она перевернулась бы в гробу.

Редкозубый кивнул.

– Хотел бы я послушать, как он просит пощады на нашем языке, – судя по его голосу, ему было очень жаль что такое невозможно.

Молить о пощаде? С чего бы это? К этому времени туман перед глазами Фиггиса рассеялся. Девятый понял, что находится в низком бревенчатом доме – то ли в амбаре, то ли в сарае. Наверно, на крестьянском подворье... Похитителей было пятеро. Встав кружком, они что-то обсуждали. Фиггис закрыл глаза и сделал вид, что страдает от головокружения. А может быть, они решат, что он уснул, и начнут говорить громче. Понемногу заваливаясь на бок, он снова распластался на земле, для вящего удобства подсунув под голову злополучный мешок.

– Оставь его в покое, – послышался голос верзилы. – Главное, что для жертвоприношения мы нашли всех, кого нужно.

Разговор продолжался. Они по-прежнему говорили негромко, но Фиггис мог разобрать каждое слово: слух у него был отменный.

– А как девчонка?

Верзила. Похоже, он у них за главного.

– А что с ней станется. – Незнакомый голос.

– Я спрашиваю: она ничего не заподозрила?

– Кто ее знает. Может, Ори скажет. Он ее сюда приволок, и ее братца тоже.
– Ори...
– Ась?
Звук шагов. Наверно, это Ори пришел.
– Девчонка что-нибудь знает?
Фиггис услышал, как Ори почесывается, прежде чем ответить.
– Не... не думаю. Я ее вчера видел. Вела себя, как обычно. А может быть, и догадалась. Она ведь не дурочка какая-то. Все, кто тут живет, знают, что сейчас за время.
Похоже, главарь пропустил слова Ори мимо ушей.
– А что ее родители?
– Это не ее родители, Скэргил.
– Да плевать я хотел. С этим карликом у нас подбирается отличная компания. Мы тут такое устроим! Клянусь, лучше этот обряд не проводили с тех пор, как я пешком под стол ходил. Впрочем, великана я уже запомнил.
– Говорят, он долго умирал.
Снова знакомый голос. Этот человек предлагал Скэргилу проверить, понимает ли их пленник местное наречие.
– О да Трак, долго. В то равноденствие мы насладились от души. И неплохо полакомились.
Скэргил, Трак, Ори... И еще двое. Впрочем, это уже неважно, подумал Фиггис. Куда важнее то, что он только что узнал. Выходит, он сам и какая-то девушка будут принесены в жертву на празднике весеннего равноденствия. Сколько дней осталось до равноденствия? Фиггис попытался ответить на этот вопрос, хотя его затуманенная, гудящая голова по-прежнему болела. Пожалуй, два дня.
Два дня на то, чтобы сбежать... или Орлак победит.

Гидеон шел уже несколько дней. Следуя совету Соррели, он старался сторониться людей и беречь деньги. Попад в какую-нибудь деревню, он тратил лишь несколько монет на хлеб и фрукты. Жажда его не мучила: слева от дороги бежала прозрачная быстрая речка.

При таком скудном питании деньги уходили медленно. Однажды Гидеону пришлось в голову притвориться глухонемым – весьма удачная мысль. Кажется, когда-то он уже прибегал к этой уловке. В детстве... Но больше Гидеон ничего не мог вспомнить. С каждым днем воспоминания тускнели, и это его пугало.

Глухонемых обычно считают глуповатыми, и мальчик успешно этим пользовался. Он указывал пальцем на буханку или приглянувшийся ему плод, а потом протягивал лавочнику монетки, чтобы тот выбрал нужную. Поначалу он не представлял, что сколько стоит в этом мире, но вскоре разобрался. Правда, однажды от этого маскарада придется отказаться. На хлеб и фрукты денег хватит, но если он мечтает поспать в постели – роскошь, о которой Гидеон мечтал не раз, ночуя под открытым небом, – придется поломать голову над тем, как на это заработать. Возможно, придется узнавать, где находится Эксен. Прислушиваясь к разговорам местных жителей, Гидеон понял, что выбрал правильную дорогу... а может быть, придется взять немного южнее.

В ближайшей деревне у него непременно прорежется голос, поклялся себе мальчик. Он найдет себе какую-нибудь работу на день и постель на ночь. Все больше людей попадалось навстречу, все больше обгоняло его. В обрывках фраз, которые достигали ушей Гидеона, то и дело звучало слово «Дунтарин». Люди говорили о празднествах, которые начнутся там через несколько дней. Любопытно будет на это посмотреть, тем более что его путь все равно лежит через эту деревню.

Вопреки усилиям, Гидеон не мог установить связь разумов с Лаурин. Он был зол и огорчен: сестре ничего не стоит завязать с ним разговор, а он сам как будто вовсе не способен творить волшебство! Правда, Соррель успокаивала его. Всею свое время, говорила она.

Похоже, в своих странствиях они с Лаурин не испытывали тех тягот, что испытывал он. Например, ночевали на постоянных дворах. Лаурин восторженно рассказывала, как они целый день собирали ягоды можжевельника и снежнягодника. Места, по которым они проходили, славились своими вареньями, которые покупали даже для королевского двора.

«У меня руки все пунцовые, Гидеон. Ты бы только видел!»

«Надеюсь скоро увидеть, Лаурин».

Ему нравилось слышать эту радость в голосе сестры. А какой она была мрачной и угрюмой, когда они познакомились!

«Соррель хочет знать, где ты сейчас находишься».

«Недавно вышел из Чирли и направляюсь в деревню, которая, насколько я понял, называется Дунтарин. Эта дорога приведет меня на юг – там я и должен оказаться... если я все правильно понял».

Лаурин смолкла.

«Гидеон... – судя по голосу, ей уже было не до веселья. – Соррель говорит, что Дунтарин – странное место. Когда ты там окажешься?»

«Надеюсь, сегодня вечером. А что?»

Снова молчание.

«Соррель говорит, чтобы ты спал в поле, подальше от деревни. Если можешь обойти ее стороной, обойди. Если не можешь, быстро проходи через нее и не задерживайся».

«А в чем дело?»

Лаурин ответила не сразу. Гидеон догадался, что она пересказывает его слова Соррели, а та отвечает.

«Соррель опять говорит загадками. По ее словам, странникам не стоит появляться в Дунтарине во время весеннего равноденствия. Ничего объяснять она не хочет, но настаивает, чтобы ты даже не пытался искать там работу. И вообще не задерживайся в этой деревне, направляйся дальше, к Мексфорду. Постарайся как можно быстрее добраться до Фрэгллшема. Там хороший постоянный двор, и работу найти легко. От Фрэгллшема до Эксена можно добраться за день. Мы почти на месте Гидеон. Делай все так, как мы с самого начала задумали». «Ладно. Только что она так боится из-за этого Дунтарина? Я слышал, там намечаются празднества».

«Соррель знает больше нас. Мы должны ее слушаться».

«Ты права. Значит, еще одна ночь на холодной земле под открытым небом».

«Мне очень жаль, Гидеон, но...»

«Это была твоя затея!»

Они произнесли это – вернее, подумали, – одновременно и рассмеялись.

«Значит, поговорим завтра».

«Сладких снов, Гидеон».

После разговора у него на душе потеплело. Даже приказ провести еще одну ночь, свернувшись калачиком под кустом, не вызывал злости. Весь день шагая по пыльной дороге, к сумеркам Гидеон достиг окрестностей Дунтарина.

Стемнело, и дорога, заросшая по обеим сторонам густыми деревьями, внезапно показалась опасной. Вдалеке послышался волчий вой, и по спине у Гидеона пробежал озноб. Тени стали длиннее и гуще, в этом было что-то зловещее. К тому времени, как солнце село, Гидеон вздрагивал от каждого шороха и чувствовал себя бесконечно одиноким. Больше всего на свете ему хотелось установить связь разумов с Лаурин и услышать ее голос.

Он уже убедил себя, что будет шагать всю ночь, чтобы уйти подальше от этой деревни, когда увидел впереди фонарь, который покачивался на весу.

– Эй! – вырвалось у Гидеона.

Похоже, фонарь нес какой-то прохожий, и этот человек обернулся на голос.

Кто это? – спросил женский голос. Незнакомка явно испугалась.

– Путник. Простите, что напугал вас.

У меня есть палка, – предупредила женщина.

Где-то снова завыл волк.

– Я не причиню вам зла, почтенная. Я устал и голоден. По правде говоря, все, чего мне хочется, – это прилечь где-нибудь в тепле. Может, в амбаре или в сарае.

– Дай-ка мне взглянуть на твое лицо.

Гидеон приблизился – очень медленно, чтобы не напугать ее снова, и остановился в нескольких шагах от нее.

– Ближе, – приказала она.

– Клянусь, что не сделаю вам ничего дурного. Э-э-э... Я могу заплатить за ночлег.

– У тебя хороший голос, путник. В нем нет злобы. Я тебе верю, просто хочу видеть, с кем разговариваю.

Гидеон сделал еще несколько шагов. Фонарь смутно освещал женщину, но лицо ее оставалось в тени.

– А-а, – произнесла она. – Лицо у тебя такое же милое, как и голос.

– Спасибо. Меня зовут Гидеон... Гидеон Гинт.

– А меня – Ийсеуль. Я живу вон там, – она махнула куда-то рукой, и Гидеон смог разглядеть смутные очертания дома. В одном окне дрожала свеча.

– А у вас есть сарай, Ийсеуль?

– Да. Вон там. Располагайся поудобнее. Правда, там живут еще две свиньи, корова и три козы... – она захихикала, и Гидеон понял, что она еще совсем девочка.

– А вы... э-э-э... жена крестьянина?

– Крестьянина? Нет, я вообще не замужем, сударь. И никому не принадлежу. Просто мне приходится работать на одного борова и его толстуху-жену... – она осеклась.

Гидеон не нашел, что ответить и смущенно запустил пятерню в свои волосы. К счастью, девушка пришла ему на помощь.

– Мой черед извиняться. Я не хотела тебя напугать. Просто их трудно назвать милыми людьми. Оставайся на ночь, только не попадайся им на глаза... а если попадешься, не говори им, что это я тебя пустила.

– А почему?

– Они меня выпорют. Ему нравится меня пороть, а ей – смотреть, как он меня порет. Но я научилась не плакать, чтобы испортить им удовольствие. Они часто меня бьют, хотя я стараюсь лишний раз не давать им повода... Иди за мной.

Гидеон глубоко вздохнул... и тут же почувствовал знакомое прикосновение к своему разуму.

«Не сейчас, Лаурин. Давай потом поболтаем, ладно?»

Связь тут же оборвалась. Скверно все-таки вышло: они договаривались, что будут разговаривать каждый день. Следуя за Ийсеуль, мальчик на цыпочках вошел в сарай.

– Ты должен уходить рано утром, – предупредила девушка. Не задерживайся в этих местах. В Дунтарине чужих не любят, особенно по весне.

Забавно, он так и не видел ее лица... Девушка хотела выйти, но Гидеон потянулся и взял ее за руку.

– Ийсеуль, как я могу отплатить за твою доброту?

– Никак. Разве что возьмешь меня с собой, – казалось, эти слова сорвались у нее с губ против воли.

– Ты... пленница?

– Можно сказать и так, – грустно ответила она.

Фонарь качнулся и осветил ее лицо. На миг его пламя осветило темные волосы, оливковую кожу и странно светлые глаза.

– Спасибо, Ийсеуль, – прошептал он.

Девушка не ответила. Хриплый мужской голос громко позвал ее из темноты.

– Иду! – крикнула она в ответ.

Гидеон взобрался по лестнице на сеновал, зарылся в благоухающее сено и растянулся в полный рост, исполненный благодарности. Каменный шарик по-прежнему лежал во

внутреннем кармане на груди; мальчик почувствовал, как он нагрелся, но слишком устал, чтобы ломать голову над тем, что это значит. Камень Ордольта предупреждал его об опасности. Если бы Гидеон знал об этом... Но он не знал, поэтому просто уснул.

Гидеон проснулся очень рано. Он спал долго, крепко и видел сны. Какая-то женщина говорила с ним, но саму женщину он не видел. Она не назвала ему своего имени, но настаивала, чтобы он просыпался и как можно скорее покинул деревню. И еще уверяла, что его защитник уже рядом... Гидеон так ничего и не понял.

Он сел и улыбнулся. Сначала Соррель, потом Ийсеуль теперь эта женщина... И все пытаются его напугать.

Небо только начало светлеть, но день обещал быть чудесным, хотя и прохладным. Гидеон прекрасно отдохнул и радовался жизни. Тревожные мысли покинули его, зато желудок напомнил о своем существовании. Когда в брюхе пусто, не хочется заниматься толкованием сновидений. Зато Гидеон вспомнил, что давно не мог поесть досыта. Если ему предстоит идти пешком до вечера, надо непременно позавтракать. Пусть хоть весь Свет твердит, что ему не стоит соваться в Дунтарин – что с того? Это просто сонная старая деревушка. Он перекусит, а потом отправится на юго-восток, к Эксену.

Гидеон отряхнулся, но услышал, как кто-то входит в сарай, и тут же нырнул в сено.

– Ты здесь? – прошептала Ийсеуль.

У мальчика словно гора с плеч упала.

– Здесь, – шепнул он в ответ.

– Тебе надо уходить. Быстро.

Ийсеуль вскарабкалась по лестнице. Вид у девушки был испуганный. Глядя на нее в нежном утреннем свете, Гидеон решил, что они почти ровесники. Вчера ночью фонарь лишь на миг осветил ее лицо, и мальчик не успел понять, как она прелестна.

– Ийсеуль, а что творится в Дунтарине? Что тебя так напугало?

– Некогда объяснять. Япринесла тебе поесть... – она сунула руку в карман передника и вытащила грушу и теплые булочки. – Прости, не смогла украсть больше. Они заметят.

– Этого больше чем достаточно... после всего, что ты уже сделала, – Гидеон шагнул к ней, но Ийсеуль попятилась.

– Почтенный Гинт...

– Гидеон, – мягко поправил он.

Она порывисто оглянулась и посмотрела вниз.

– Ты ничего не слышал?

– Я не прислушивался. Нет, кажется, ничего. Ийсеуль кивнула. Кажется, он ее и впрямь успокоил.

– Вчера ночью ты предлагал мне заплатить...

– Да, конечно, – Гидеон опустил руку в карман и приготовился расстаться с последними монетами.

– Нет, не надо денег. Я подумала: может быть... услуга за услугу? – она пристально посмотрела мальчику в глаза.

Какие светлые у нее глаза, подумал Гидеон. Станные: не зеленые, не голубые... и серыми их не назовешь. Как песок на берегу.

Он очнулся. Девушка напряженно ждала ответа.

– Э-э-э... да, с радостью. И что я могу для тебя сделать?

Ийсеуль робко улыбнулась.

– У меня есть братишка. Они его тоже бьют. Бьют без жалости. Я не знаю, куда ты направляешься... но, может быть, ты возьмешь его с собой? Обещаю, хлопот с ним не будет.

Гидеон мысленно повторил ее слова. Что за бессмыслица!

– Ты хочешь, чтобы я забрал у тебя твоего брата?

– Да. Забери его и уведи куда угодно. Пусть ему ничто не угрожает.

– А ты не будешь по нему скучать, Ийсеуль?

Девушка грустно улыбнулась.

– Там, куда я сегодня отправлюсь, Гидеон, мне не придется скучать.

У Гидеона едва не разорвалось сердце.

– Скоро он будет тебя ждать за хлебом, под деревьями. Подожди здесь немного, а потом выходи через заднюю дверь. И уходи из этой деревни, чем быстрее, тем лучше. И, пожалуйста, береги моего брата. Его зовут Гверис.

Ийсеуль умолкла, потом снова посмотрела на Гидеона, подошла к нему и поцеловала в щеку.

– Спасибо тебе.

Она уже хотела спуститься, но Гидеон остановил ее.

– Послушай, в чем дело? Ты понимаешь, что это наводит на размышления? Все эти мрачные роковые тайны... Что происходит в этой деревне? Чего ты боишься, если отдаешь родного брата первому встречному?

Девушка пристально посмотрела на него. На миг Гидеону показалось, что ее губы дрогнули... но он тут же понял, что слез не будет. Какая она сильная! Он вспомнил, как девочка говорила о порках...

– Раз в пять лет в день весеннего равноденствия жители Дунтарина отправляют особый ритуал, – Ийсеуль глубоко вздохнула. – Так повелось издревле. В этих местах люди все еще верят в приметы.

– Продолжай, Ийсеуль.

Они думают, что если не принесут каким-то безумным богам жертву, урожай погибнет. Во всяком случае, когда-то было так. Теперь это просто повод над кем-то поиздеваться. А потом убить. Моя прабабушка рассказывала, что когда-то убивали теленка, теперь убивают маленького мальчика. Раньше пили кровь козы, которую еще не сводили с козлом, а теперь почему-то решили, что надо убивать девственницу.

Сейчас заплачет, подумал Гидеон. Он чувствовал, что волосы у него встают дыбом.

– Ийсеуль... ты хочешь сказать, что тебя принесут в жертву?

Ийсеуль кивнула. Ее глаза уже блестели, но она сделала усилие, и ни одна капля не скатилась по ее щеке.

– Да... и еще какого-то беднягу – говорят, карлика. Раньше приносили в жертву вола – жарили его живьем, а потом ели мясо. Но Гвериса они не убьют! – в ее светлых глазах вспыхнула ненависть. – А меня пусть забирают. Я ничего не вижу в этой жизни, кроме бед, и буду только рада умереть. Но мой братик... Он еще не встретил пятое лето! У него все впереди... если только удастся его спасти.

– Хватит, – перебил Гидеон, не зная, успокаивать ее или бежать. Более нелепой истории он в жизни не слышал. А ведь Соррель предупреждала. И женщина из сна говорила, что это нехорошее место...

– А почему ты не можешь сбежать с Гверисом?

– С меня глаз не спускают. Я даже из деревни не смогу выйти – меня схватят... Повторяю тебе: я больше не хочу жить. Я была бы рада покончить с собой. Все, о чем я хочу позаботиться, – это о Гверисе. Прошу тебя: спаси его.

Силы изменили ей, и она разрыдалась.

– Хорошо, приводи Гвериса. Мы уходим. Все вместе.

Можно подумать, он знает, что делает... На самом деле, Гидеон был сам не свой от ужаса. Это уже слишком. Ритуальные убийства, человеческие жертвы, карлики, которых поедают живьем... Куда же ты нас забросила, Соррель?

– Ничего не выйдет! – сквозь слезы прошептала Ийсеуль.

– Выйдет! – прошипел Гидеон. – Где Гверис?

– В доме.

– Вытри слезы. Иди в дом и заberi его под любым предлогом. Любим! Встретимся там, где договорились. Но я жду вас обоих! Просто поверь мне. Я не допущу, чтобы с тобой или твоим братом что-нибудь случилось. Яведу вас в безопасное место.

Он так убеждал ее, что сам себе поверил. Девушка кивнула.

– Да теперь ступай, Ийсеуль... и поторопись.

Ийсеуль молча удалилась. Некоторое время Гидеон следил за ней, потом увидел, как она входит в дом, и помотал головой. Так просто не бывает.

Мальчик выбрался из сарая, пересек маленький загон и оказался в небольшой рощице. Он уже приметил высокий дуб, за которым можно было спрятаться.

Сердце колотилось, словно после быстрой пробежки. Про завтрак он и думать забыл. Теперь его беспокоили только Ийсеуль с ее братом. Их надо увести из Дунтарина с его странными обычаями... Когда что-то коснулось его разума, Гидеон чудом не вскрикнул.

«Лаурин!» – завопил он, прежде чем сестра успела произнести хоть слово.

«Что с тобой? – возмутилась она. – Вчера ты хотел, чтобы тебя оставили в покое – по крайней мере, я так поняла по твоему голосу. Вот я тебя и не трогала».

«Ты выбрала не самое удачное время. У меня неприятности».

«О нет, Гидеон! Что происходит?»

«Пусть Соррель расскажет все, что знает о Дунтарине».

Он уже знал, что сейчас последует молчание. Потом у него в голове снова зазвучал голос Лаурин, чуть дрожащий от беспокойства.

«Соррель спрашивает: тебя схватили?»

«Нет».

«Тогда беги. Соррель говорит, что ты должен немедленно убираться из деревни. Беги и не оглядывайся».

«Я не могу, Лаурин. Мой друг попал в беду. Это девушка, ее зовут Ийсеуль, и я должен ей помочь».

«Друг? Но ты провел там всего одну ночь!»

«Некогда объяснять. Пусть Соррель рассказывает».

Он ждал. Ийсеуль пока не появилась, и Гидеону становилось страшно.

«Гидеон!»

«Да!» – он едва не кричал.

«Соррель говорит, что на закате, накануне дня весеннего равноденствия – то есть сегодня – жители деревни приносят жертву. Это древний обычай, от которого во всем Королевстве давно отказались, но в Дунтарине все еще хранят ему верность. Соррель уверяет, что почти все жители этой деревни состоят друг с другом в родстве и стараются не смешивать кровь с людьми из других мест».

Снова молчание – и голос Лаурин снова зазвучал у него в голове.

«Поначалу жертва посвящалась богам, но Соррель говорит, что это давно забыто, и сам обычай изменился. Теперь убивают не животных, а людей. Местные жители считают, что в ночь перед весенним равноденствием все духи выходят на свободу».

«Клянусь свинными яйцами!»

Гидеон позволил себе выругаться и на миг почувствовал облегчение.

«Соррель спрашивает: твой подруга – девственница?»

«Ее зовут Ийсеуль... Похоже, так оно и есть. Ее брата будут приносить в жертву вместо теленка, а еще у них есть какой-то карлик. Он будет вместо вола».

Гидеон подождал, пока Лаурин передаст его слова Соррели.

«Соррель говорит, что ты ничего не сможешь сделать. Уходи».

«Когда Свет перевернется, тогда я и уйду! Они хотят ее убить! Я дал слово, что спасу и ее, и ее братика».

Лаурин бранилась, напоминала слова Соррели, но Гидеон был непреклонен.

«Разговор окончен, Лаурин. Оставь меня в покое».

«И не подумаю. А если с тобой что-нибудь случится?»

«Я не могу думать, когда твой голос звучит у меня в голове. Пожалуйста, прошу тебя. О, подожди... А вот и она. Все, Лаурин. Потом поговорим».

Связь прервалась, и Гидеон вздохнул с облегчением.

Ийсеуль держала за руку маленького мальчика. Оба почти бежали. Девушка совсем запыхалась и, достигнув укрытия, тяжело опустилась на землю.

– Гверис, – она заставила себя улыбнуться, – это друг, про которого я тебе рассказывала. Его зовут Гидеон.

Если бы не рассказ Ийсеуль, невозможно было поверить, что этот малыш – ее брат. Волосы у него были мягкие и пушистые, а нос усеян конопушками. Мальчуган лучезарно улыбался, и было видно, что передние зубы у него недавно выпали и только начали расти.

– Привет, Гидеон, – поздоровался мальчик.

Гидеон улыбнулся в ответ, хотя это было непросто.

– Как тебе это удалось? – спросил он.

– Я сказала, что нашла гнездо и хочу показать Гверису птенчиков. Старый боров вчера напился и теперь мучается. Он не сообразил, что птицы еще и гнезда вить не начинали. Как я его ненавижу!

– Я тоже, Ийсеуль, – радостно сказал мальчик. – Так ты ему наврала?

– Да.

– Гверис. Теперь мы от них сбежим.

Мальчик заметил жука, который полз у него по сапожку, и тут же утратил интерес к разговору.

– А его жена?

– О, она дома, но мы так мчались... Надо убираться отсюда. Пожалуйста, Гидеон, сделай, как обещал. Если нас поймают, то Гвериса будут пытаться.

– Идем, – мрачно буркнул Гидеон, касаясь руки Ийсеуль. Потом подхватил Гвериса на руки, и они побежали.

Глава 26

Ритуал

Фиггиса швырнули на пыльный пол. Значит, роковой день настал. С тех пор, как карлик попал в плен, его избивали каждые несколько часов. Его тело превратилось в сплошной синяк, кости были переломаны. Просто кусок мяса... Лисе покинула его. И впереди – только позор: он не справился с поручением, подвел своих друзей-Паладинов, и Триединство никогда не будет обретено. Даже за время борьбы с Орлаком Фиггис никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

Даже его смерть в этой борьбе помогла Триединству. Оно готовится к воссоединению и пользуется каждым мигот, который Паладинам удалось продержаться. Потом Фиггис получил новую жизнь. Знает ли Орлак, что все сраженные им Паладины возрождаются? Знает ли он, что они возвращаются в Таллинон, откуда в свое время пришли – возвращаются, чтобы снова вступить с ним в схватку? Хотя откуда знать об этом Орлаку, запертому в клетку, которая висит посреди Пустоты? Сотни веков все его усилия направлены лишь на противостояние Паладинам. Но теперь, когда Орлак снова сойдется в схватке со своими стражами, Фиггис уже не сможет порадовать душу, глядя на его лицо.

Фиггис закашлялся, и на его одежде, и без того побуревшей от крови, появилось несколько свежих капель. Он только что узнал, почему его постоянно бьют. Из него попросту делают отбивную, как объяснил своим подручным Скэргил. Значит, это правда... Его собираются съесть. Что ж, у горных карликов мясо невкусное.

Да, удовольствия от трапезы они не получают, это точно. В другой раз Фиггис рассмеялся бы при этой мысли, но сейчас ему было не до смеха. Отчаяние мучило его куда сильнее, чем боль в истерзанном теле. Неужели он так кончит? Заживо превращенный в отбивную, а потом зажаренный и поданный к столу, в желудках у толпы оголтелых деревенщин, которые вознамерились устроить какой-то безумный обряд?

Нет, этого нельзя допустить. Он должен что-то придумать. Что угодно.

Однако выбор был невелик. Лисе говорила, что в нужный час он поймет, что может

творить волшебство, но пока ничего подобного не происходило. Наверно, Торкин Гинт думает, будто это он, Фиггис, Девятый из Паладинов, спас того отважного мальчика по имени Локлин Гилбит. Как бы не так! Что наполняет землю влагой – садовая лейка или вода, которая из нее льется? Вернувшись в этот мир, Фиггис утратил свой дар, а сила, которая остановила клинок Серебряной Девы, просто проходила сквозь него. Возможно, источником этой силы была Лисе. Во всяком случае, карлик даже не пытался понять, что произошло. Богам Сонма не разрешалось самим вмешиваться в дела миров. Не исключено, что Лисе будет сурово наказана. Впрочем, сейчас его занимало другое: доведется ли ему еще хоть раз почувствовать, как тот ток волшебной силы проходит сквозь него.

Фиггис попытался сосредоточиться, хотя в голове последнее время стоял туман. Надо постараться. Он один из Паладинов. Он защитник мальчика. Это цель его жизни. Он должен сделать так, чтобы мальчик целым и невредимым достиг Сердца Лесов. Явившись ему во сне несколько дней назад, Лисе сказала ему, что мальчик близко. Но он, Фиггис, связан по рукам и ногам – и веревки очень прочные! Остается только одно. Собрав все силы, забыв про боль в разбитом теле, карлик представил себе мальчика – потерявшегося, испуганного, растерянного – и коснулся его разума.

Гидеон безжалостно подгонял своих спутников. Сейчас беглецы пересекали широкое поле где негде было укрыться. Слава всем богам, Ийсеуль знала здешние места и вела своего спасителя прочь от деревни, на юго-восток – на этом настоял Гидеон. Однако бежать было тяжело.

Внезапно Гидеон почувствовал прикосновение к своему разуму... нет, это больше напоминало резкий щелчок. Нет, это уже слишком! Он бежит во весь дух по полю, тащит на себе пятилетнего малыша и пытается притворяться спокойным и тут...

«Потом, Лаурин!» – рявкнул он.

Ответа не последовало, хотя связь разумов не прервалась. Тот, кто установил ее, был не на шутку удивлен. Потом мягкий, глубокий голос у него в голове – несомненно, мужской, – произнес:

«Это не Лаурин».

Человек едва переводил дух.

Гидеон споткнулся и упал в траву. Он слышал голос Ийсеуль: девушка спрашивала, что случилось. Гверис заплакал – наверно, ушибся.

«Кто это?» – спросил Гидеон – шепотом, хотя в этом не было нужды.

Он снова услышал тяжелое дыхание, потом кашель. Похоже, этот человек тяжело болен...

«Меня зовут Фиггис».

«Фиггис?»

По спине у Гидеона пробежал холодок. Ийсеуль, которая только что пыталась успокоить Гвериса, растерянно посмотрела на него. Гидеон дал ей знак помолчать.

«Я – Девятый из Паладинов, мой мальчик. Я связан с тобой, я – твой защитник».

Защитник? Женщина из сна тоже говорила о защитнике. Который находится где-то неподалеку.

«Ты здесь, чтобы защищать меня?»

«Да, – ответил Фиггис. – Но сначала помоги мне».

– Гидеон! – в ужасе закричала Ийсеуль. – Что ты делаешь? Ты понимаешь, что мы в опасности? Мы стоим посреди поля!

«Фиггис, пожалуйста, подожди минутку»... – Гидеон повернулся к ней. – Прости, я просто ногу подвернул. Как Гверис? Все хорошо?

Ийсеуль кивнула, и Гидеон улыбнулся мальчику, словно извиняясь.

– Может, возьмешь меня на ручки, Гверис?

Шутка малышу явно понравилась, потому что он расцвел в улыбке.

– Ийсеуль, – быстро проговорил Гидеон, – бегите вон к тем деревьям. Сейчас я вас

догоню.

– А ты?

И в самом деле, почему?..

– Говорю тебе, я ногу подвернул. Пожалуйста, не перечь мне. Я немножко отдохну, а потом мы побежим дальше.

Удивительно, но Ийсеуль поверила. Она подхватила Гвериса и побежала прочь так быстро, как только могла.

Гидеон сделал вид, что никак не может подняться, и принялся осматривать свою ногу. На самом деле нога не болела. Он споткнулся лишь потому, что не ожидал услышать у себя в голове этот странный голос.

«Ты здесь... Фиггис?»

«Здесь. Куда может деться человек, который связан и истекает кровью?»

«Что?!»

Фиггис снова закашлялся.

«Тебя зовут... Лисе мне не сказала».

«Меня зовут Гидеон. В каком смысле ты связан? О нет... Подожди... Ты часом не карлик?»

«Да, я из горных карликов, – в голосе звучал вызов и гордость. – Мы невелики ростом. Но маленький рост – не значит маленькое сердце».

«О нет. Быть не может... Ты тот самый карлик, которого они собираются принести в жертву!»

«А ты откуда знаешь?» – похоже, Фиггис не ожидал от своего подопечного такой осведомленности.

Гидеон махнул рукой Ийсеуль и побрел к ней. Связь разумов со своим незадачливым защитником он так и не оборвал.

«В двух словах не расскажешь, Фиггис. Можешь считать, что меня это некоторым образом касается. Где они тебя держат?»

«Где-то в Дунтарине, то ли в амбаре, то ли в коровнике. А ты где?»

«За деревней».

«Тогда уходи. Как можно быстрее уходи из этих мест, мой мальчик. Ты слишком много значишь для нас, чтобы подвергать тебя опасности».

«Я думал, это твое дело – защищать меня».

«Я несколько занят, – ответил карлик. – Прости».

Мысли вихрем пронеслись у Гидеона в голове. Как получилось, что жизнь его стала похожа на горную тропку?

– Оставайтесь здесь! – крикнул он Ийсеуль. – Я скоро вернусь!

– Что?! Ты не можешь нас бросить!

– Вам тут ничто не угрожает. Просто дождитесь меня. Я вернусь, обещаю.

– Куда ты собрался?

– Обратно.

– В Дунтарин?

Глаза девушки округлились. Гидеону стало ее жаль. Наверно, ему стоило обнять ее, чтобы она почувствовала, что он и впрямь готов укрыть ее от всех бед. Но между ними стоял Гверис и смотрел на Гидеона так, словно тот был в чем-то виноват.

Гидеон опустил на корточки.

– Гверис, я оставляю тебя за главного. Ты мужчина и должен позаботиться о сестре. Она расстроена, а ты должен быть сильным, верно?

Мальчик торжественно кивнул.

– Я возвращаюсь в Дунтарин, потому что мне нужно кое-кого найти. Если я не найду этого человека, ему будет очень-очень плохо. Понял?

Он смотрел в глаза Гверису, но слова предназначались прежде всего Ийсеуль. Ему попросту не хватало духу смотреть на ее искаженное печалью лицо. И он был не на шутку

напуган.

– Я о ней позабочусь, Гидеон, – сказал мальчик.

– Молодец! Я скоро вернусь.

Он все-таки посмотрел на Ийсеуль.

– Карлик? – спросила она.

Гидеон кивнул.

– Никуда не уходите.

И побежал обратно, отчаянно моля всех богов послать ему еще немного смелости.

«А теперь помогай мне, Фиггис! – крикнул он мысленно. Не прерывай связь разумов. Любая твоя подсказка может изменить все».

Фиггис понял, что сейчас его сторожит младший из похитителей. Небольшое, но везение... Карлик попросил парня принести воды, и тот выполнил просьбу, хотя и без восторга.

– У меня все болит, – пожаловался Фиггис, надеясь завязать разговор.

Парень ослабился.

– Так и должно быть, карлик. Мы должны подготовить тебя к сегодняшней ночи.

– А что со мной сделают?

– Думаю, сейчас уже можно тебе сказать.

Он понял, что может еще сильнее напугать пленника, и был этому рад. Бить карлика ему не позволили, и он был очень зол. Надо же, для такого дела он, видите ли, слишком молод, а для того, чтобы сторожить будущую жертву – нет! Похоже, для него это была единственная возможность отыграться.

– Мы тебя зажарим, – сообщил он и облизнулся, чтобы угроза выглядела более убедительно.

– Я слишком жесткий, – заметил Фиггис.

– Когда мы тебя приготовим, малыш, твое мясо будет во рту таять.

– Выходит, в Дунтарине это обычное дело? Я понял, что меня все равно съедят. Так может быть, ты объяснишь напоследок, почему именно меня?

– Потому что ты тварь, – буркнул парень и набычился.

Меньше всего Фиггису хотелось получить тумака. Чтобы поддерживать связь разумов, голова должна быть ясной. Так что этого юнца лучше не злить. Попробуем иначе... Парень ждет не дожидается вечера, и на этом можно сыграть.

– А девушка? Готов поспорить, она сама не своя от ужаса.

– Ийсеуль? – парень бросил на него взгляд исподлобья. Она ничего не знает... – на его физиономии появилась злорадная ухмылка. – Сегодня вечером она пожалеет, что не согласилась перепихнуться со мной в прошлом году. Попрощалась бы со своей девственностью, и дело с концом. Не знала, дурочка, что ее спасение у меня между ног болтается.

Он радостно загоготал над собственной шуткой, и Фиггис решил этим воспользоваться.

– Ну, на ней Свет клином не сошелся, верно? Готов поспорить: такому парню, как ты, нетрудно найти себе подружку.

Парень недоуменно посмотрел на карлика. Кажется, дело будет.

– Ты видишь, какой я страшный, – продолжал Фиггис. – Даже наши женщины от меня отворачивались. Но тебе не стоит связываться с кем попало. Такой славный парень – здоровый, крепкий... Будь поразборчивее.

И он увидел, как парень внезапно выпятил грудь и расправил плечи.

– Ты прав, карлик. Ийсеуль – мерзкая шлюха. Вот сморозил так сморозил!

– А когда все начнется? – Фиггис сказал это так, словно не его собирались зажарить и съесть. Ему удалось забыть о боли. Теперь главное – разговорить этого самодовольного юнца.

– Как только стемнеет.

– И долго меня еще будут бить?

– Зачем тебя бить? Ты и так хорош. Ты должен тушиться в собственном соку, а для этого надо, чтобы у тебя кровь в жилах бегала. А мое дело – позаботиться о том, чтобы ты не сдох раньше времени.

Фиггис почувствовал, что закипает. Спокойно, приказал он сам себе. Думай о Гидеоне и не выходи из себя. Он снова коснулся разума мальчика и понял, что Гидеон этому рад.

«Я уже решил, что ты умер».

«Не совсем, – мягко ответил Фиггис. – Где ты?»

«Пью молоко в лавке пекаря. Оно у меня прямо в животе сворачивается. Что ты еще знаешь?»

«Кое-что знаю».

«Поторопись, Фиггис. Мне тут не доверяют. Так и пялятся».

«Я буду сохранять связь разумов».

Фиггис закашлялся, и сторож обернулся к нему.

– А вы съедите меня прямо здесь? В этом сарае? Или это не сарай? – он затаил дыхание.

– Ты не только на вид тупой, – рявкнул парень. – С чего ты решил, что Скэргил будет проводить обряд в собственном сарае?

Скэргил! Все остальное можно было спокойно пропустить мимо ушей.

«Гидеон!»

«Есть новости?»

«Сарай Скэргила... Скэргил – один из тех, кто схватил меня. Тебе придется поспрашивать здешних жителей».

«Значит, спрошу».

Парень встал. Фиггис понял, что боится лишний раз вздохнуть.

– Пойду отолю. Не рыпайся, а то хуже будет.

Фиггис кивнул и проследил, как парень открывает деревянную дверь. Кажется, снаружи есть кое-что знакомое.

«Слушай, Гидеон... Я вижу молоты и наковальню. Похоже, этот Скэргил – кузнец. Ищи кузницу. Парень, который меня сторожит, сейчас вышел и по скудоумию оставил дверь нараспашку. Я вижу мясную лавку. Может быть, это и не мясная лавка, но... Найди мясную лавку и посмотри, что напротив. Скорее всего, там будет сарай, в котором я сижу».

Парень вернулся и захлопнул за собой дверь. Вид у него был мрачный, и Фиггис решил не открывать рта. Разговоры закончились.

Гидеон растерялся. Он думал о Фиггисе, но перед глазами у него стояло лицо Ийсеуль. Покидая ее, он не услышал ни звука, но ее взгляд говорил: «Предатель». Однако Фиггиса надо спасти! Если Ийсеуль послушается, будет сидеть тихо и не покинет укрытия, ни ее братишку, ни ее саму никто не найдет.

Гидеон допил молоко и поблагодарил женщину, но та лишь злобно покосилась на мальчика.

– Вы в Дунтарине проездом, почтенный? И куда путь держите?

Гидеон изобразил улыбку.

– Да в Пустошную Топь. Просто в горле совсем пересохло... К тому же один человек из Чирли попросил передать весточку своему другу, который живет в здешних местах.

– Правда? – похоже, ей было глубоко наплевать. – Вам лучше поторопиться, сударь. До Пустотной Топи путь не близкий. День пути, а то и больше.

– Да... Э-э-э... Простите, сударыня, но мой знакомый из Чирли... Вы не знаете, где можно найти почтенного Скэргила?

– Это кузнец.

Судя по ее взгляду, она заподозрила неладное.

– А где он живет? Может быть, я загляну к нему по дороге?

– Это в другую сторону. Может, я сама ему передам? Зачем вам возвращаться?

– О, премного благодарен... но мне заплатили, так что я лучше сам все сделаю.

Хозяйка вернулась к кадке с опарой и принялась яростно ее месить. Не хотел бы я оказаться на месте этого теста, подумал Гидеон. Женщина поморщилась, словно ей в рот попало что-то невкусное.

– Возвращайтесь по главной улице, а на перекрестке поверните налево. Там уже недалеко. Напротив лавка мясника Мекана.

– Спасибо огромное.

Гидеон подарил ей свою самую очаровательную улыбку, но булочница как будто ничего не заметила. Поэтому он не стал тратить время даром, вышел из пекарни и зашагал по улице в ту сторону, куда указала нелюбезная хозяйка. Вскоре он и вправду оказался на перекрестке и повернул налево.

День был уже в разгаре, но деревня как будто вымерла. Первым делом надо было найти лавку мясника. Гидеон остановился, огляделся по сторонам. А вот и кузница. За ней приютился маленький, очень старый овин. Фиггис назвал его «сараем»... Неважно. Главное, он на правильном пути.

Мальчик свернул с улицы и на цыпочках направился к овину, огибая маленькие полуразрушенные пристройки. Ладони стали влажными и холодными, а сердце билось так, что слышно было, наверно, во всей округе.

Изнутри не доносилось ни звука.

Гидеон обошел его кругом. Второй двери нет. Значит, о внезапном появлении можно даже не мечтать. Остается лишь надеяться, что ему повезет. Гидеон убедился, что за ним никто не следит, подкрался к двери, задержал дыхание и, распахнув дверь, вошел.

В овине царил полумрак, и глаза Гидеона не сразу к этому привыкли. Свет проникал лишь через крошечное окошко в задней стене. Мальчик быстро огляделся. Какой-то парень, ненамного старше его самого, с лицом дурачка, вскочил со своей табуретки. На полу лежал еще один человек, явно в годах, но удивительно маленького роста.

– Фиггис, – проговорил мальчик. – Я – Гидеон.

– Дьявол волосатый! Это еще кто? – ахнул парень.

– О, простите. Кажется, что я только что представился. Гидеон Гинт. А это мой друг. И он отправится со мной.

Похоже, юноша и впрямь был туповат и не понял шутки. Однако Гидеон торжествовал недолго. Он заметил, что тупица уже не смотрит на него, и торопливо обернулся. К сараю направлялись трое. Все были вооружены, а один – похоже, тот самый Скэргил, – помахивал внушительным кузнечным молотом, словно проверяя его вес.

– Еще один чужак, – заметил он. – Ну, ты подойдешь. И все четверо бросились на Гидеона.

Гидеон очнулся от того, что услышал тихие всхлипы. Мальчик открыл глаза, несколько раз моргнул и чуть повернул голову. Рядом, свернувшись калачиком, лежал Фиггис. Гидеон повернулся в другую сторону и почувствовал, как ужас скручивает ему внутренности. Ийсеуль сидела у столба, накрепко привязанная, ее лицо было разбито и залито кровью. Подле нее лежал Гверис. Кажется, мертвый. Ийсеуль! – прошептал Гидеон.

Девушка медленно повернулась. Ее глаза покраснели от слез.

– Не плачь, Ийсеуль. Вспомни: ты никогда не давала им радоваться.

– А ты, наверно, никогда не говорил правду. Врун.

Она задела его за живое.

– А что с Гверисом?

Гидеон догадывался, что она может ответить, и совершенно не хотел это слышать.

– Он спит.

Ну, слава Свету.

– А Фиггис?

– Его подвесили и били, пока он не лишился чувств. Он так и не пришел в себя. По правде говоря, мне все равно. Оставь меня в покое.

– Ты должна мне помочь, Ийсеуль. Солнце уже село?

– Смеркается, Гидеон. Так что нам недолго осталось. По крайней мере, она назвала его «Гидеон», а не «врун».

И он их спасет. Нужно просто подумать.

– Фиггис! – позвал Гидеон. – Фиггис, просыпайся! Никакого ответа.

– Тут ничего не поделаешь. Надо просто ждать смерти. Успокойся, Гидеон.

– Да неужели? Это все, что ты можешь? – закричал Гидеон. – Ты позволишь им пустить тебе кровь, убить твоего брата, зажарить Фиггиса... а со мной вообще неизвестно что сотворить?

– Если ты не способен творить чудеса, Гидеон Гинт, не можешь перенести нас куда-нибудь в другое место, выбрать мне не приходится. Только ждать.

Точно в цель, Ийсеуль!

Лаурин говорила, что они способны творить волшебство, верно? Только вот как это делать? Как воспользоваться своим даром? Гидеон с благоговением слушал Соррель, которая рассказывала об их отце, настоящем чародее. Неужели ему, Гидеону Гинту, ничего не передалось? Ну ни чуточки?

Гидеон почувствовал, что у него опускаются руки. Фиггис не слышит, с Лаурин не поговоришь... Все его покинули. Где Лаурин? Почему она до сих пор не установила с ним связь разумов? Будь он неладен, но ему это не под силу!

Ийсеуль отвернулась и молчала, всем своим видом выражая презрение. Молчание тянулось целую вечность.

– А как ты здесь оказалась, Ийсеуль? И почему выбрали тебя?

Похоже, Ийсеуль ждала этого вопроса.

– Из-за моих глаз. Они давным-давно меня выбрали уже.

Я родом не из этих мест. Как-то раз через нашу деревню проезжал Скэргил – тогда он был странствующим кузнецом, а Гверис еще ходить не научился. У меня очень странные глаза, даже у нас такие в диковинку. Скэргил решил, что это неспроста. Когда в их деревне начали приносить в жертву людей, девственников выбирали так, чтобы глаза их были светлыми, почти желтыми. Вот этот олух Скэргил и решил, что должен во что бы то ни стало исполнить какое-то пророчество. Он просто взял и увез меня силой. Мне так хорошо жилось с родителями, а теперь пришлось гнуть спину на этих грязных свиней.

– А зачем им понадобился Гверис?

– На всякий случай. Сейчас он будет «теленком», но я думаю, что они это потом придумали. Скэргил знает, как я люблю братика. Где Гверис, там и я, он держит меня лучше всякой веревки. А теперь, похоже, нам обоим конец.

– Нет, Ийсеуль. Не бывать этому, слышишь.

– Прекрати, Гидеон! У меня уже голова разболелась. Посмотри правде в глаза. Еще немного, и за нами придут. А потом пройдет еще час, и мы умрем. Смирись с этим и позволь мне спокойно помолиться за брата и за себя. Просто оставь меня в покое.

К ночи за ними и в самом деле пришли. Пленники были связаны и не могли сопротивляться, однако Гидеон все-таки попытался вырваться. Гверис проснулся и захныкал. Но глаза Ийсеуль давно высохли. Кажется, молчание придавало ей сил, но можно было не сомневаться: ее сердце оплакивает маленького братца. Наконец, она не выдержала и взмолилась, прося оставить малыша в живых. Понятно, что ее даже не слушали. Фиггис так и не очнулся, но негодаяев это не беспокоило.

Пленников выволокли на улицу, и Гидеон увидел, что у кузницы собралась вся деревня. Каждый был закутан во что-то похожее на багровую простынь с прорезями для глаз. Откуда-то разлило крепленным вином. Из котла, который висит над огнем, догадался мальчик. Жители Дундарина монотонно пели, но пленник не мог разобрать ни слова. Кажется, все

были пьяны или одурманены.

Он не нашел ничего лучшего, как лягнуть крестьянина, который его тащил, и получил такого пинка, что едва не полетел носом в костер.

– Еще раз что-нибудь учудишь, и я тебе глотку перережу, – донеслось из-под простыни. Гидеон узнал голос Скэргила.

Фиггиса, связанного по рукам и ногам, подвесили на толстый сук, точно оленя. К ночи похолодало, как это всегда бывает по весне, и карлик очнулся. Его крохотное тельце била дрожь.

«Прости, мой мальчик, – услышал Гидеон. – Я не смог тебя спасти».

Казалось, связь вот-вот оборвется.

«Тихо, Фиггис. Побереги силы для побега».

Кому-то могло бы показаться, что мальчик просто насмехается, но Фиггис, похоже, поверил.

Гидеону было не до шуток. Он озибался по сторонам, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Сейчас и крестьяне, и их пленники уже были в лесу, на большой поляне, которую окружало кольцо костерков. Обычно так делают, чтобы отпугнуть волков: Гидеон слышал вдалеке вой. Гверис снова заревел: малыша привязали к каменному столу. Похоже, он будет главной жертвой в этом дурацком обряде.

– Гверис! – окликнул его Гидеон.

Мальчик обернулся. В его глазенках застыл ужас.

– Это просто игра, Гверис. Смотри на меня. Видишь, как весело? Сначала они нас связывают, а потом мы их.

Рев прекратился: малыш понял, что в этих словах есть разумное зерно. В этот миг крепкий кулак врезался Гидеону кулаком в живот, и тот согнулся пополам.

– Заткнись, бродяга! – судя по голосу, это был тот самый придурковатый парень, который сторожил Фиггиса в овине. – Мы его нарочно пугаем!

– А тебя я прикончу с особой радостью, – прорычал Гидеон, преодолевая боль.

Еще вчера такие слова просто не пришли бы ему в голову. Он никогда в жизни не убивал.

Он слышал, как кричит Ийсеуль, понося крестьян последними словами. Ее голос заглушал их нудный вой. Растрепанная с горящими глазами, девушка походила на разъяренного демона. Наконец-то она дала волю гневу! Теперь она не станет покорно ждать смерти. Они будут вместе бороться и вместе спасутся.

Придурковатый парень наотмашь ударил ее по лицу.

– Теперь жалеешь, ведьма, что не спала со мной?

Ийсеуль на миг умолкла, посмотрела на него в упор и смачно плюнула, попав точно в прорезь в простыне.

– Когда он займется тобой, ты пожалеешь, что появился на свет!

– Кто? Этот бродяга? – спросил парень, размазывая плевок. – Ох, испугался!

– Верно. Это сам Собиратель Душ.

Ее слова услышал не только он один. Пение смолкло, на поляне стало тихо, потом люди стали перешептываться. Кажется, она заставила их крепко призадуматься. Ах, какая умница! Противника надо бить его же оружием.

– О да! – крикнул Гидеон. – Я среди вас, я проголодался. Мне нужны новые души. Кажется, я выбрал удачное время. Ночь перед весенним равноденствием, когда весь Дунтарин собрался здесь, чтобы провести обряд! Ну что, готовы отправиться со мной?

Гидеон оскалился, подмигнул придурковатому парню и даже сквозь простыню увидел, как у того отвисла челюсть.

– Не слушайте их! – загремел бас Скэргила. – Не слушайте этот вздор. Да свершится то, что должно!

Ярость и задор покинули Гидеона. Он в ужасе следил, как сук, к которому привязан Фиггис, переносят на грубые козлы. Теперь карлик висел лицом вниз над кучей дров и

щепок, которые уже ждали, когда к ним поднесут горящую свечу.

Скэргил кивнул и принял у кого-то их рук бархатный сверток. Над поляной снова поплыл монотонный напев, но теперь вместо прежней отрешенности в нем звучал неистовый пыл.

Гидеону не хотелось смотреть на содержимое этого свертка. Затаив дыхание, он следил, как Скэргил распутывает шелковый шнурок и разворачивает бархат, чтобы показать всем жуткие предметы из сверкающей стали. Одна из этих штуквин напоминала кинжал. Бережно держа его на открытых ладонях, кузнец обратился к Ийсеули.

– Это для тебя, моя дорогая. Он омыт в чистой воде. Чистой ты пришла в этот мир, чистой покинешь его, и твоя кровь очистит нас.

– Гореть тебе в преисподней, Скэргил! – выплюнула Ийсеуль, и новый поток проклятий заглушил пение. О да, она не собиралась покорно принимать смерть. Таких, как она, не запугаешь. Если она не может ударить рукой, то ударит словом.

Следующий предмет был заострен с обоих концов и выглядел омерзительно. Взяв его, Скэргил сперва взглянул на Ийсеуль, потом подошел к Гверису. Малыш весь дрожал, но так и не заплакал, только изредка шмыгал носом.

– А это для тебя, дитя. Мы знаем, что ты чист. Ты уйдешь быстро и не почувствуешь боли. Это жертва, которая должна быть принесена.

Гверис криво ухмыльнулся и посмотрел на Гидеона.

– А наш черед еще не пришел?

Храбрится. Гидеону показалось, что мир превратился в огромную карусель. Надо что-то делать. Гверис смотрел на него так доверчиво... Юного пленника охватила ярость. Ийсеуль по-прежнему вопила, проклиная Дунтарин и всех его жителей. Вот бы мне такую смелость, подумал Гидеон... и вдруг почувствовал, как откуда-то изнутри поднимается волна, переливающаяся мириадами цветов. Нет, не так: Цветов.

Фиггис коснулся его разума – может быть, потому, что заметил его гнев.

«Найди в себе силу, мой мальчик. Она в тебе. Потянись к ней... потому что она сама к тебе тянется».

Гидеон не понял ни слова. Голова пошла кругом от злости, напряжения, страха... Только бы не лишиться чувств. Кто-то уже зажег тонкую восковую свечу. Сейчас Фиггиса зажарят заживо. Страшное лезвие сверкнуло, еще не касаясь груди Гвериса. Малыш по-прежнему смотрел на Гидеона, и его взгляд говорил: «Ты меня спасешь, верно?» Гидеон отвел глаза и покосился на Ийсеуль. Девушка больше не кричала, но ее губы шевелились. Она молилась, чтобы ужас поскорее закончился.

А потом неистовый поток многоцветной ярости выплеснулся наружу.

«Отец!» – завопил Гидеон... и тут же понял: тот, к кому он взывает, услышал его, хотя с его губ не сорвалось ни звука.

Глава 27

Дай волю гневу

Они будут идти всю ночь. Тор и Саксен знали, что к утру выбьются из сил, но сон бежал от них. Клут кружил в небе – он, как всегда, был вперёдсмотрящим. Полная луна освещала их молчаливый путь.

Вдруг волна боли окатила Тора, оглушила, и он упал на колени. Что-то коснулось его разума... нет, не коснулось, а ударило его со всей силы – упругий огненный кулак, переливающийся всеми цветами радуги.

«Отец!» – кричал огонь.

Потом Тор увидел то, что видели не его глаза. Ребенок, привязанный к каменному столу – его должны принести в жертву. И коротышка, висящий на бревне над костром, точно оленья туша... Очень необычный коротышка.

– Фиггис! – ахнул Тор.

Саксен был уже рядом и опустился на колени, чтобы осмотреть друга, с которым творилось что-то неладное. С ночного неба камнем упал Клут.

Но Тор чувствовал лишь силу, неистовую, как река, которая прорвала плотину и мчится по новому руслу. Но откуда и куда? Он не понимал.

Потом все пропало. Связь прервалась. Тор лежал ничком на земле и хватал воздух ртом, словно от этого зависела его жизнь. А Саксен и Клут смотрели на него... и терялись в догадках.

Скэргил высоко занес клинок с двумя лезвиями и затянул песнь. Голоса становились все громче, нетерпение росло.

Немногие из жителей Дундарина смотрели в этот миг на паренька, который этим утром зашел к ним в деревню. Те же, кто смотрел, успели заметить, как его тело выгнулось, словно от нестерпимой боли, а рот раскрылся в беззвучном крике.

Скэргил должен был вонзить клинок в сердце ребенка-жертвы. Но этого не произошло.

Одежда кузнеца разом вспыхнула. Пламя было странным, почти белым. Миг – и он превратился в живой вопящий факел. Прежде, чем его соседи успели что-то понять, пламя перекинулось на них. Каким-то чудом бледные языки дотягивались от одного красного одеяния до другого, и они загорались, как сухая трава. Поляну огласил многоголосый визг.

Фиггис не шевелился, словно погрузился в забытие. Несомненно, он уже догадался, что произошло, хотя вряд ли мог что-то разглядеть.

«Заканчивай!» – раздался в голове Гидеона его голос.

Мальчик повиновался. Неистовая белая ярость снова выплеснулась наружу, затопив все вокруг. Придурковатый парень, который несколько мгновений стоял как вкопанный и, наверно, не понимал, почему до сих пор остался цел, с истошным воплем бросился в лес. Однако один из огненных хлыстов все-таки настиг его. Развевающаяся простыня вспыхнула, и крик ужаса сменился криком боли. Еще миг – и костерки на краю поляны словно раздуло могучим ветром.

Пламя перекинулось на деревья. Казалось, его ничто не может остановить. Влажные ветки горели, как хворост. Пожар шел к Дунтарину, и вскоре от деревни осталось лишь пепелище.

Четверо пережили эту ночь: Гидеон, Ийсеуль, Фиггис и Гверис. Никто из них так и не понял, как им удалось освободить друг друга. Очнувшись они лишь после того, как Гидеон бережно поднял Фиггиса, а карлик погладил его по щеке.

«Так было нужно, дружок», – произнес он, заметив, что Гидеон дрожит.

Мальчик ничего не ответил. Он нес Фиггиса, и по его щекам катились слезы. За ними шла Ийсеуль с Гверисом на руках. Все чего им теперь хотелось, – это как можно быстрее оставить позади сожженную деревню.

Тор наконец-то отдышался. Он чувствовал себя так, словно только что получил под дых... от кого-то очень и очень сильного.

– Во имя Света... – Саксен склонился над ним. – Что это было?

«Все в порядке?» – подхватил Клут. Сокол был не на шутку встревожен.

«Думаю, да», – Тор осторожно приподнялся и заговорил в слух – в жизни не видел ничего более жуткого. Похоже, это Гидеон. Я слышал, как он меня звал: «Отец!» А потом... это даже связью разумов не назвать. Мне показалось, что мы стали единым целым. Вы... вы это видели?

Саксен покачал головой.

– Я ничего не видел. Мы спокойно шли, а потом ты вдруг упал на четвереньки и застонал так, словно задыхаешься. Спроси Клута: может быть, он что-то заметил?

«Вообще ничего, – признался сокол. – Я случайно взглянул вниз и увидел, что ты лежишь на земле». Тор посмотрел на Саксена и покачал головой.

– Нет, он не видел. Как и ты. А свет? Такой яркий, что глазам больно?

– Луна как светила, так и светит. Думаю, кроме тебя, никто ничего не видел. И не мог увидеть.

– Саксен! – Тор порывисто схватил клука за руку. – Все это время я ожидал, что встречу детей лет пяти-шести. Моим детям не может быть больше. Но этот мальчик, который воззвал ко мне... который назвал меня отцом... мой сын... Он, конечно, не юноша, но уже не ребенок!

Тебе просто показалось, Тор. Все случилось так внезапно... Наверно, ты испугался, когда увидел... Кстати, ты так и не рассказал, что там было. Ну да ладно. Знаешь, как говорят? У страха глаза велики.

– Нет, ты не понимаешь, – Тор поднялся и прошелся взад и вперед. – У него уже голос ломается. Мой сын вырос.

– Ты сам себя слышишь? Такого просто быть не может. Ребенок... Подожди-подожди. Ты сказал «дети». У тебя же только сын!

«Во имя Света...» – тихо простонал Клут. Тор покосился на Саксена и внезапно почувствовал себя виноватым. Он так и не сказал другу всей правды.

– Давай немного передохнем, Саксен. Мне нужно тебе кое-что объяснить.

Они сели у обочины и достали хлеб и сыр, которые прихватили с собой. Не то чтобы кто-то из путников проголодался. Просто обоим надо было занять руки и набить рот, пока Тор подбирал слова.

Клут тоже решил перекусить и отправился на охоту: ночью из нор выбирались мелкие зверьки, и упускать такой случай было просто грешно. Сокол радостно пощелкивал клювом, предвкушая пир. Он улетал, предоставив Тору самому выбирать из ямы, в которую тот угодил.

Тор сглотнул. Дальше тянуть нет смысла.

– Саксен... ты помнишь, когда родился Гидеон, мы все плакали? И вдруг обитатели Сердца Лесов разом бросились врассыпную, словно чего-то испугались?

– Да. Помнится, я велел тебе оставаться с Элиссой, а сам отправился искать Гота. Я хотел увести его подальше от вас.

– Все верно, – кивнул Тор. – А пока тебя не было, я помог Соррели принять еще одного ребенка. Девочку... сестру Гидеона.

Саксен был так потрясен, что даже не попытался этого скрыть. Кусок хлеба, который он жевал, попал ему не в то горло. Клука поперхнулся и сплюнул.

– А Элисса не знает?

Тор грустно покачал головой и посмотрел другу в глаза.

– Ты ублюдок, – Саксен вскочил и прошелся взад и вперед. – Мало того, что ты соврал Элиссе, будто ее сын мертв, хотя он до сих пор жив и здоров. Ты не сказал, что у нее есть дочь! Сердца у тебя нет, Торкин Гинт.

Следовало ожидать... Тор не перебивал Саксена, пока тот не выпустил всю злость.

– Саксен, – произнес он наконец. – Успокойся и выслушай меня. Прошу тебя. Элисса была при смерти. Единственное что могло спасти ее и детей – моя ложь. Детей я передал Соррели – кстати, это она настояла, чтобы я ничего не рассказывал Элиссе. И тогда это было весьма разумно. Соррель объяснила, что у меня нет другого способа защитить их. Они же для меня дороже всего на свете!

Саксен что-то проворчал себе под нос. Похоже, этих доводов будет недостаточно.

– И что?

– Я отправился назад – где-то через день или около того.

Я не мог жить с этим... с тем, что оставил Элиссу чуть живой и передал своих новорожденных детей женщине, которую едва знаю.

Он перевел дух. Боль и вина тех дней нахлынули на него с новой силой.

– Как бы то ни было, я вернулся в Сердце Лесов, но никого не нашел. Никого и ничего! Я не только про Элиссу и детей, Саксен. Все выглядело так, словно там никто никогда не жил. Лес стер все следы. Подозреваю, Дармуд Корил сделал это нарочно. Потом меня

схватили. Я был потрясен, когда увидел, что Элисса тоже попала в лапы Готу. С тех пор она не сказала мне ни слова. В Тал мы ехали вместе, но между нами как будто стена выросла. По прибытии, как ты помнишь, меня посадили в темницу, а Элиссу отдали на попечение королевы Найрии. Думаю, ей не разрешали меня навещать, так что я ничего не мог ей рассказать. И связь разумов было не установить. Мы были отрезаны друг от друга. Даже во время суда я мог разве что посмотреть на нее. А потом... ну, ты сам знаешь. Саксен, ты меня слушаешь, дружище?.. Сам видишь: даже если бы я хотел ей что-то объяснить, случая не было. Как ты думаешь, что сейчас случилось? Я призвал детей в Таллиноре, вот что. Им пришло время узнать, кто их родители, встретиться со мной, со своей матерью... Им нужно исполнить свое предназначение... если таковое есть.

Тор стиснул голову ладонями. Муки совести были невыносимы. Он молча смотрел, как Клут опускается на ветку и чистит клюв. Наконец, Саксен нарушил тягостное молчание.

– Хорошо поужинал, Клут?

«Чудесно! – Клут похлопал крыльями, понимая, что клук его не слышит. – Как дела, Тор?»

«Теперь он знает все».

«Хорошо, так и должно быть. Нам еще понадобится его помощь», – деловито ответил сокол.

– Проклятье! – Саксен перестал любоваться птицей и снова повернулся к Тору. – И где твои дети были все это время? Скажешь, что понятия не имеешь? Ни за что не поверю.

– Тем не менее это так, Саксен. Соррель исчезла вместе с ними. С тех пор, как они родились и покинули Сердце Лесов, о них не было ни слуху, ни духу.

Клук снова прошелся по дороге.

– Ты думал, что они остались в Таллиноре?

Тор встал и стряхнул крошки с плаща. Во рту остался неприятный привкус, словно пища испортилась.

– Поначалу я так и думал. Потом решил, что Соррель увезла их в одно из соседних королевств. Скорее всего, так оно и было.

– Но когда твой сын успел вырасти? Ты сказал, что он уже почти юноша.

– Понятия не имею, – ответил Тор. Он был и впрямь сбит с толку.

– Но тогда это не Гидеон, – мягко заметил Саксен. – В этом году Гидеон должен встретить свое шестое лето. Время течет одинаково и в Таллиноре, и на Кипресе, и в других странах.

«В других странах этого мира», – заметил Клут. Он перестал наводить красоту и пристально смотрел на Тора. Саксен не слышал слов сокола, зато заметил, что Тор застыл как вкопанный.

– Что тебе сказал Клут? – спросил он.

– Не стоит исключать, что Соррель могла покинуть наш мир.

Саксен фыркнул.

– Может, пояснишь? – поинтересовался он, и Тор вопросительно посмотрел на сокола.

«Что ты хотел сказать, Клут?»

«Почему ты не допускаешь, что она спрятала детей за пределами этого мира? Возможно, в других мирах и время течет по-другому... Впрочем, это просто мысль».

– Конечно! – Тор всплеснул руками. – Клут утверждает, что Соррель могла отправиться в какой-то другой мир. В разных мирах время идет по-разному.

Саксен покачал головой.

– Тебе не кажется, что это уже чересчур?

– Но ведь такое возможно, Саксен! Подумай! Я оставил Соррель с умирающей женщиной, двумя новорожденными детьми и богом лесов. Я не представляю, что по силам Дармуду Корилу, а что не под силу даже ему. Но представь себе, что он решил еще раз вмешаться. Просто представь.

– Не знаю, – Саксен задумчиво передернул плечами. – Наверно, если очень

постараться...

– Идем! – воскликнул Тор – к нему снова вернулись силы. – Мы должны как можно скорее вернуться в Сердце Лесов. Немедля!

О сгоревшей деревне напоминало лишь слабое зарево на горизонте, и Гидеон разрешил сделать привал. Они с Ийсеулью шагали всю ночь, и всю ночь он нес на руках Фиггиса, прислушиваясь к его неровному дыханию.

Наконец то небо на востоке начало светлеть.

«Спасибо», – прошептал карлик.

«Я испугался, Фиггис. Что я наделал?»

«Ты сделал именно то, что следовало. Эту деревню давно пора было стереть с лица земли. Ты спас нас всех».

«Но я убил множество людей».

«Боюсь, им давно пора было встретиться со своими богами, – заверил его Фиггис. – Это было скверное место, Гидеон. Прошу, не кори себя».

«Я воззвал к отцу. Думаю, я был так напуган, что связь разумов возникла сама собой. Я воспользовался его силой. А может быть, своей. Что-то выпустило ее на волю... Я сам не знаю».

«Мне довелось встретить твоего отца».

«Правда?»

«Да, не так давно. На Кипресе. Ты так похож на него, что вас можно перепутать».

«Ты не шутишь?» – радостно переспросил Гидеон.

«Жаль, нам не удалось поговорить. Это была просто случайная встреча двух людей, которые друг друга не знают. Вернее, я знал, кто он такой, а вот он...»

«Я сам почти ничего не знаю».

«Потому-то я и здесь. Я буду учить и защищать тебя. И обещаю: больше тебе никогда не придется меня спасать».

«Значит, ты не умрешь?» – Гидеон понял, что счастлив.

«Чтобы убить горного карлика, недостаточно сломать ему пару костей, мой мальчик. Доставь меня в Сердце Лесов – и можешь считать, что мы в безопасности».

Фиггис улыбнулся, и Гидеон понял, что так оно и есть. Его любят, его готовы защитить. Он наклонился и поцеловал карлика в лоб.

«Спасибо, что ты со мной».

«Я всегда буду с тобой», – отозвался Фиггис и снова задремал.

Гидеон бережно опустил его на мягкую траву, которая служила им постелью, и укрыл своей курткой. Он надеялся, что друг скоро поправится, а для этого ему нужно отдохнуть... так что не стоит его тревожить.

Ийсеуль заворочалась. Гверис спал.

– Ийсеуль, – прошептал Гидеон, нежно касаясь губами ее руки.

Странные, песчаного цвета глаза открылись.

– Нам больше ничто не угрожает, верно?

– Ничто и никто, – Гидеон кивнул. – Я же обещал.

Ийсеуль села и обняла его.

– Прости. Я тебе наговорила столько гадостей... Я перед тобой в долгу, Гидеон. Я совершенно не понимаю, что там случилось, но...

Гидеон погладил девушку по голове, и она умолкла.

– Я всегда держу свои обещания, – шепнул он, и она отшатнулась.

– Кто ты такой?

– Наверно, Собиратель Душ, – он улыбнулся.

– Не смейся, я... мне просто больше ничего не пришло в голову. Я так испугалась!

– Ты была бесподобна. Я смотрел на тебя и старался быть таким же смелым, Ийсеуль. Но рядом с тобой я все равно был жалким трусом.

– Только не под конец, – она посмотрела на него своими странными глазами, но Гидеон не отвел взгляда.

– А ты поверишь, если я скажу, что сам ничего не понимаю?

Ему показалось, что Ийсеуль считает у него его ресницы – она уже делала так, когда они лежали в сарае.

– Поверю. С нами все время происходит что-то странное. Я поверила тебе, едва увидела... И теперь верю.

– Спасибо.

Гидеон был и вправду ей благодарен. И вправду не понимал, что происходит.

– А что будет с твоим другом? – девушка посмотрела на Фиггиса.

– Я отнесу его туда, куда мы направляемся. Там нам помогут.

Ийсеуль кивнула.

– А куда вы направляетесь?

– Сначала – в одну деревню, которая называется Гладкий Луг, а потом в Эксен.

– О, это у Великого Леса. Люди его побаиваются.

– Побоятся?!

– Ну, наверно, правильнее было бы сказать «уважают». Он полон древних тайн. Может быть, глаза у меня странные, но я им верю.

Она кокетливо отвела взгляд, и оба рассмеялись.

– А где твой дом, Ийсеуль?

– О, это было так давно... я не знаю, что называть своим домом.

Гидеону не потребовалось пояснений.

– Тогда идем со мной. Если не знаешь, какой дом назвать домом, можешь странствовать сколько душе угодно. Ведь у тебя есть друзья.

Девушка задумалась, потом ее губы тронула печальная улыбка.

– Заманчивое предложение... – она склонилась и поцеловала Гидеона – очень быстро, очень нежно. – Но этому маленькому мальчику надо узнать, что такое настоящий дом. Ему нужны настоящие мать и отец, которые будут его любить. Я думаю, его надо отвезти туда, где он родился.

О да, и это тоже можно понять... но какое разочарование!

– А где он родился?

– В Бритлбери. Около семи дней пути отсюда... ну, может, чуть больше. Надо идти на восток. Боюсь, за семь дней мы не успеем... Впрочем, торопиться некуда.

В этот миг вдаль послышался перестук копыт. Что за волшебство! Впрочем... скорее всего, лошади просто испугались огня и в ужасе скакали куда глаза глядят, пока не выбились из сил.

– Не за семь дней, а раньше, – Гидеон подмигнул Ийсеули. – Помоги мне их поймать.

– Не торопись, – предупредила девушка. – Они еще не успокоились.

Почему-то Гидеон знал, что не напугает лошадей. С чего он это взял? Непонятно, но лошади остановились, едва он окликнул их. Мягко, ласково разговаривая со скакунами, мальчик подходил все ближе. Таким же даром обладала и его мать, но юный странник об этом не знал. Еще немного – и он уже стоял рядом, а лошади, кажется, были этому очень рады и спокойно щипали траву.

– Седел нет, – сказал Гидеон, – Ничего?

– Я с детства езжу верхом без седла и уздечки. Думаю, еще не разучилась.

Оставив девушку с лошадьми, Гидеон вернулся к Фиггису, присел рядом с ним на корточки и принялся обследовать его карманы. Когда он выпрямился, вид у него был весьма довольный.

– Держи, – он протянул Ийсеули тяжелый кошель.

Она заглянула внутрь и вытащила несколько монет.

– Нет, Гидеон. Для меня это целое состояние.

– Поверь: Фиггис хотел, чтобы ты взяла деньги и спокойно вернулась домой со своим

братишкой. На два седла хватит?

– А ты будто не знаешь? – кажется, она впервые не могла поверить собственным глазам. – Гидеон, на эти деньги можно жить от новолуния до новолуния и не знать горя! На них можно купить десяток седел... и несколько лошадей в придачу!

– Я рад. Вы это заслужили, – он подбросил в воздух золотую монету. – А нам хватит и этого. Обещай, что будешь ночевать только на постоянных дворах и не станешь морить себя голодом. Когда доберешься домой, лошадей можешь продать, если захочешь. Только будь осторожна.

– У меня просто нет слов.

– Не надо ничего говорить. Жаль, что ты не можешь поехать со мной, но я тебя понимаю.

– Мне тоже жаль.

Ийсеуль вздохнула, и тогда Гидеон поцеловал ее. Он впервые по-настоящему поцеловал девушку. Это было потрясюще... жаль, что только один раз.

– Ты уверена, что мы должны расстаться? – спросил он, когда они оба, наконец, смогли говорить.

– Ты знаешь, как называется моя деревня. Приезжай в гости.

– Непременно приеду.

Она пристально посмотрела на мальчика.

– Ты не приедешь, Гидеон. Тебе незачем приезжать. Я чувствую, ты рожден для великих дел.

Может быть, и так. Но Гидеон не хотел даже думать, что никогда ее не увидит.

– Подожди! – он сунул руку во внутренний карман, нашел то, что искал, и опустил это в ладонь Ийсеули.

– Что это? – спросила он, разглядывая гладкий каменный шарик.

– Веришь или нет, но он мне очень и очень дорог. Обещай, что никогда его не потеряешь, никому не продашь и не подаришь. Он мой, но пока я не вернусь за ним, тебе ничто не угрожает. Теперь мне придется вернуться. Когда-нибудь я приеду и потребую то, что принадлежит мне.

Девушка улыбнулась.

– Он совсем как твои слова: такой простой, гладкий и вроде бы ничего не стоит. Но если ты считаешь, что ему цены нет, я тоже буду так думать. Буду думать, что он бесценный, как твоя дружба.

Отдавая ей камень, Гидеон испытал странное чувство. Он расстается с тем единственным, что связывает его с прошлой жизнью. Но куда важнее, чтобы у Ийсеуль осталось что-то на память. Что-то в залог будущей встречи.

Глава 28

Странствия Лаурин

Кажется, все идет как по маслу. Лаурин наслаждалась обществом Соррели, хотя по-прежнему не вполне доверяла старушке. Что-то подсказывало девочке, что осторожность не помешает. Но все эти ежедневные беседы о целебных травах! Лаурин была очарована. Вскоре она уже знала по именам все травы, которые показала ей Соррель.

Память у девочки была удивительная. Ей не надо было повторять дважды, от каких недугов помогают те или иные листья, цветы, ягоды. Но еще больше Соррель радовалась, когда Лаурин удавалось самой составлять сборы, обладающие нужными свойствами. Из нее получится великолепная травница.

Они часто говорили об Элиссе, и эти рассказы девочка могла слушать до бесконечности. А когда старушка словно ненароком упоминала, как та похожа на свою мать, Лаурин была на седьмом небе от счастья... хотя порой ей не верилось. Ведь ее мать – настоящая красавица! Однако эта мысль не раз согревала ей сердце перед сном. Особенно

часто Лаурин заставляла свою наставницу рассказывать о том, как ее родители встретились в Карембоше, а потом бежали в Сердце Лесов.

– Как ты думаешь, где сейчас Гот? – как-то раз спросила Лаурин.

Соррель поморщилась.

– Надеюсь, в преисподней.

– Но ты точно не знаешь.

– Что правда, то правда. В последний раз я слышала о нем когда он проник в Сердце Лесов, чтобы выследить нас. Помнишь, я рассказывала тебе про храброго клука Саксена? Он вызвался отвлечь Инквизитора и увести его от поляны, где твоя мать родила тебя и твоего брата.

Лаурин попыталась это представить и улыбнулась.

– Думаю, Саксен сумел с ним расправиться. А если не он, то твой отец, – старушка кивнула и добавила: – Я в этом не сомневаюсь.

– Ох, да... Ты же не можешь знать, что случилось после того, как Дармуд Корил перенес нас в другой мир. Верно? Я все время про это забываю.

– Конечно, моя девочка.

Лаурин задумалась, и некоторое время они шагали молча.

– Получается, мы не знаем, как мои родители жили все это время, – неожиданно произнесла она. – Может быть, моя мать уже умерла.

– А вот этого точно не может быть. Я не раз тебе говорила: случись что с твоей матерью, я узнаю об этом первой. Мы с ней слишком многое пережили вместе. К тому же... Неужели ваш отец призвал бы вас только для того, чтобы вы увидели мертвую мать? Я в этом сомневаюсь.

– Но с чего ты взяла, что они до сих пор вместе? Прошло пятнадцать лет, и мы не знаем, как они жили все это время.

Соррель кивнула.

– Ты права, моя дорогая... но поверь, тебе не стоит об этом тревожиться. Во всех мирах время течет по-разному. В Таллиноре прошло не так много лет... Давай думать только о хорошем, ладно? Все и так слишком запуталось, так что не будем ломать голову и представлять, как все может быть скверно. Ваш отец жив. Он призвал вас. Всему свое время.

А она совсем выбилась из сил, подумала Лаурин. Еще не перевалило за полдень, а старушке уже приходится выбирать, идти или разговаривать. Странно: в том мире она казалась крепкой и здоровой. А здесь... Здесь она стала как сухая веточка: нажми посильнее – и переломишь. Конечно, они проделали такой долгий путь, и все пешком. Сама Лаурин, наверно, за всю свою жизнь столько не прошагала. За всю свою прошлую жизнь, которая уже начала забываться и в которой она была настоящей лентяйкой – только и думала о том, чтобы лишний раз не пошевелиться. Но последнее время они с Соррелью идут и идут, от рассвета до заката. Лаурин уже стала замечать, что платье на ней висит мешком, зато на душе становится легче. Наверно, и кожа стала лучше – можно даже не смотреться в зеркало.

Но это было не единственное чудо, которое она познала, шагая по дорогам Таллинора. Какое это, оказывается, наслаждение – быть Лаурин! Лишь одна тучка омрачала ее сияющий небосвод: слова брата, которые она услышала, когда в последний раз разговаривала с ним мысленно.

Что это за девушка, которой он должен помочь? Кто она, эта Ийсеуль? Пусть это даже просто дружба – как ее брат мог так легко с кем-то сблизиться? Лаурин презрительно фыркнула. Соррель недоуменно посмотрела на девочку, но та сделала вид, что ничего не заметила и снова зашагала вперед. Однако ее юная спутница была не на шутку обеспокоена. В голосе Гидеона было столько тревоги. Наконец-то она нашла того, кого можно любить, о ком можно заботиться... И вот этот человек уже во что-то ввязался, а она далеко и ничем не может ему помочь. Лаурин уже не раз порывалась прикоснуться к его разуму, но не смела. Брат ясно дал ей понять, что хочет побыть наедине с собой, что его следует оставить в покое.

У поворота дороги живая изгородь стала гуще, и Соррель остановилась.

– Тебе нехорошо? – выходя из задумчивости, спросила Лаурин.

– Кто-то приближается, – тихо сообщила Соррель. – Я должна сказать тебе кое-что очень важное, Лаурин. Если с нами что-то случится...

– О чем ты? – перебила девочка. – Что может случиться?

Она сама удивилась тому, как тревожно звучит ее собственный голос.

– Вот что, дорогая. Если мы по какой-то причине разминемся, если я больше не смогу быть тебе попутчицей, постарайся оказаться в Сердце Лесов как можно скорее. Не жди меня. Что бы со мной ни случилось, не медли. Отправляйся в Эксен, войди в Великий Лес и спеши к отцу. Спеши изо всех сил.

Теперь Лаурин слышала мужские голоса и звук копыт. Всадники явно не торопились.

– Никому не говори, кто ты и как ты здесь оказалась, – настойчиво продолжала Соррель. – Никто не должен знать, кем ты была до тех пор, как попала в этот мир. Лги сколько душе угодно, но доберись до Сердца Лесов так скоро, как сможешь... даже одна!

В голосе старушки Лаурин почудился страх, но времени на расспросы не оставалось. Из-за поворота показались четверо всадников. Лаурин и Соррель отошли на обочину и сделали вид, что любуются густыми травами. Оставалось лишь надеяться, что всадники спокойно проедут мимо.

– Кто это? – прошептала Лаурин.

– Королевские ратники.

Больше старушка не успела сказать ни слова. Всадники остановились.

– Простите, уважаемые, – вежливо спросил один из них, – у вас нет сопровождающих?

– А что, не видно? – отозвалась Лаурин. После слов Соррели ее еще трясло. Возможно, она сказала бы что-нибудь еще, но старушка шикнула на нее.

Ратник – очевидно, он был главным из четверых – спешился, остальные последовали его примеру.

– Могу я узнать, как вас зовут? – спросил старший, делая несколько шагов навстречу Соррели, и та церемонно поклонилась, чуть присев и подобрав юбки.

– Простите мою внучку, почтенный. Она сегодня не в настроении... – старушка бросила на Лаурин негодующий взгляд. – Меня зовут Соррель, я травница. А это Лаурин. Мы направляемся в Эксен.

– Благодарю, – ратник посмотрел на Лаурин. – Мы объезжаем здешние места, чтобы поймать шайку грабителей. Вчера ночью они от нас ускользнули.

– Мы никого не видели, – заявила Лаурин, надеясь, что разговор на этом закончится.

Однако стражник как будто не услышал ее.

Сударыня, – продолжал он, обращаясь к Соррели. – Я советую вам быть осторожней. Вы странствуете вдвоем с молодой девушкой. Эти люди не знают жалости. Они знают, что трижды заслужили за свои деяния смерти, но им это безразлично.

– Нам здесь угрожает опасность?

– Нет, почтенная. До деревни уже недалеко. Осмелюсь посоветовать вам провести там сегодняшний день, а потом присоединиться к путникам, которые направляются в Тал или в Хаттен. Чем больше людей рядом с вами, тем безопаснее. Дорога, кажется, свободна. Там, где мы, там честным людям бояться нечего. Кстати, – он тепло улыбнулся, – меня зовут Лингос, я капитан королевской стражи.

– Благодарю вас, сударь, – ответила Соррель и снова поклонилась.

Лаурин не могла сдержаться.

– А мне кажется, что толпа путников привлекает больше внимания, – выпалила она. – По крайней мере, если ваши грабители встретят двух женщин, то не тронут, потому что поймут, что у нас красть нечего.

– Да неужели? – капитан повернулся к ней.

– Конечно, – надменно ответила она. – Мы с бабушкой идем пешком. У нас сумка, в которой точно нет никаких сокровищ. И денег у нас так мало, что вашим грабителям даже на эль не хватит.

– Сударыня, – строго произнес ратник. – Эти мужчины не побрезгуют и такой малостью. А вот вас они могут лишить кое-чего куда более ценного, чем деньги вашей бабушки.

Лаурин не сразу поняла, о чем он говорит... а когда поняла, было уже поздно. Капитан снова вскочил в седло и поехал прочь, а с ним и его товарищи. Девушка залилась румянцем.

– Да озарит Свет ваш путь, – крикнул капитан, помахав Соррели рукой.

Когда ратники скрылись в клубах пыли, Соррель повернулась к Лаурин.

– Научись держать свой острый язычок за зубами, не то он доведет тебя до беды. Ты здесь пока никто и ничто. Перед тобой был капитан королевской стражи, и к таким людям надлежит относиться с уважением...

Соррель закашлялась и умолкла. Девочка ждала, пока она придет в себя, но кашель все не унимался.

К тому времени, когда старушке полегчало, ни ей самой, ни Лаурин было не до стражников и не до споров о правилах вежливости. Куда больше девочку беспокоило состояние ее наставницы.

– Ты больна, Соррель? Чем я могу тебе помочь?

– Уже не больна, – ответила старушка. – Я просто состарилась. Мое время почти вышло.

– Твое время?

– Дело, для которого я пришла в этот мир. Я передам тебя твоим родителям живой и невредимой, а потом могу отправляться на покой.

Лаурин стало не по себе, и она поспешила заговорить о другом.

– Ты сможешь идти дальше?

– Помогите мне встать, девочка. Мы еще не добрались до деревни, надо быть начеку.

Лаурин предложила взять у Соррели сумку, но та отказалась. Однако девочка не успокоилась, пока не переложила к себе в карман три яблока и не забрала у старушки небольшую фляжку с водой. Невелик груз... но помощь дороже.

Следующую милю они шли, погружившись в свои мысли – шли медленно, хотя погода была прекрасной, а дорога ровной. Понемногу Лаурин успокоилась. Соррель просто утомилась, но с ее упорством... Да она больше и не жалуется. Солнце стояло в зените, и до Хэмптина – так называлась ближайшая деревушка – было уже недалеко. Там они и заночуют, даже если местные крестьяне не расщедрятся и спать придется в сарае, а ужинать коркой хлеба.

Соррель как раз говорила об этом, когда они миновали новый поворот дороги и увидели телегу. Она была перевернута, а у обочины неподвижно лежал человек с залитым кровью лицом. Над ним склонился другой, помоложе. Парень, казалось, был вне себя от горя. Завидев женщин, он бросился к ним.

– Помогите, прошу вас! – закричал он. – Это мой отец! Он умирает.

– Свет всеяющий! – воскликнула Соррель.

Еще недавно она призывала к осторожности, а сейчас собственные предупреждения начисто вылетели у нее из головы и поспешила к телеге.

– Быстрее, Лаурин, – бросила она через плечо.

Девочка огляделась. Соррель прожужжала ей все уши, а сама... Даже Лаурин видела, что здесь что-то не так.

Тем временем Соррель достала из сумки чистую тряпицу, чтобы вытереть лицо лежащего человека и осмотреть его раны.

– Лаурин! – крикнула она. – Мне нужна вода. Девочка послушно подошла поближе и протянула флягу.

– Держи. Воду мы всегда найдем.

Она покосилась на паренька, и тот тут же отвел глаза, хотя еще миг назад только что не сверлил ее взглядом. Кажется, он был не на шутку обеспокоен и даже плакал, но где хотя бы слезинка? А что он пытается увидеть у нее за спиной? И лошадь... Да, вот в чем дело. Где

лошадь, которая тащила телегу?

Лаурин обернулась, но было уже поздно. Сзади приближались двое здоровяков.

Она взвизгнула, и тут парень схватил ее. Он был тощим, но сильным, и его пальцы больно стиснули ей локти. Соррель тоже закричала: мнимый больной навалился на нее и подмял под себя.

– Ну что, посмотрим, что у тебя в сумке, старая? А если не найдется ничего интересного, я возьму кое-что у твоей внучки, – он облизнул губы и смерил Лаурин сальным взглядом. Его лицо было перемазано кровью и выглядело устрашающе.

– Нет! – ахнула Лаурин. Чтобы понять его намерения, не нужно было умения читать мысли.

Один из разбойников сунул ей прямо в лицо зайца с перерезанным горлом. Так вот откуда кровь... Лаурин попыталась оттолкнуть скользкую, дурно пахнущую тушку, но только перемазалась. Мужчины загоготали.

– Тащите ее в лес, – бросил предводитель, указывая глазами на Лаурин.

– Беги, девочка, беги!..

Больше Соррель ничего не успела сказать. Парень обернулся и ударил ее с такой силой, что старушка упала на землю и больше не шевелилась.

До этого мгновения Лаурин была слишком потрясена, чтобы даже пошевелиться. Однако сейчас в ней проснулась ярость. Грабители приподняли ее и тащили в лесок, и она едва касалась ногами земли, однако она не только подняла крик, но и принялась пинаться и царапаться. В конце концов, она куснула одного за ухо и отхватила мочку. Здоровяк взвыл и выпустил девушку, но его приятель по-прежнему держал Лаурин так крепко, что у нее начала неметь рука, и вдобавок отвесил ей пощечину.

– Вставай, Белко! – рявкнул он. – Надо оттащить девчонку подальше от дороги, а потом повеселимся. Поквитаемся с ней от души за свои уши. Хотя было бы за что... на них и смотреть было противно.

Белко замечание не понравилось, но он предпочел отыграться на Лаурин. Она получила еще одну затрещину, а потом разбойник заломил ей руку, чудом не вывихнув кисть. Лицо у девочки горело, а перед глазами стояла все та же картина: Соррель неподвижно лежит в траве, а один из грабителей копается в ее сумке.

Вскоре их догнал парень и его мнимый отец.

– Где моя бабушка? – закричала Лаурин.

– Померла! – злобно рыкнул предводитель шайки. – И с тобой будет то же самое, если не заткнешься.

Капитан Лингос прибыл со своим маленьким отрядом точно в назначенное время и застал помощника прайм-офицера у ручья, на берегу которого королевские стражники разбили лагерь. Их юный командир, раздевшись до пояса, растирался старой рубахой, с его волос текла вода. Он чем-то походил на прайм-офицера Кайруса, с которым Лингос успел послужить. Дело не только в том, что парень был на удивление хорош собой. Джил обладал таким же острым умом, получил отличное образование, был смелым, уверенным в себе, почти надменным... да, от таких мужчин женщины теряют голову.

Поначалу королевская стража никак не могла привыкнуть к своему новому командиру. Все помнили его маленьким мальчиком, которого нашли привязанным к воротам дворца. Но мальчик вырос и возмужал. Он не отличался высоким ростом, зато был силен и крепок. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться уважения – например, побеждать своих соратников в поединках на мечах, на палках, а иногда и кулаках... И он побеждал, причем в поблажках не нуждался.

Нет, Джил не напрашивался на эту должность. Он просто пользовался расположением Его величества Лориса, короля Таллинора. И Его величество взвалил на широкие плечи своего воспитанника груз военной службы, не оставив ему выбора и не спросив согласия. Однако Джил был достаточно умен, чтобы, как говорят всадники, не рвать с места в карьер.

Он понемногу привыкал к новым обязанностям и всегда помнил: прежде всего нужно добиться доверия людей. Сейчас прайм-офицер Херек был в отъезде, и Джила приходилось заменять его.

– Кого-нибудь видели? – спросил он, направляясь навстречу Лингосу. По этой походке Джила узнавали издали: он ходил чуть небрежно, точно столичный щеголь.

– На дороге в Хэмптин все тихо. Ни следа наших грабителей. Только и встретили, что старушку с внучкой. Язычок у внучки что надо.

– Грабители где-то неподалеку, – возразил Джил. – Они очень хитры, но на каждого хитреца довольно простоты.

Он подошел к седельным вьюкам и вытащил чистую рубашку.

– Снимаем лагерь и будем думать, где встретимся в следующий раз. Осмотрите следующие десять миль...

– Слушаюсь.

– ... Только сначала дай своим людям перекусить и отдохнуть.

Капитан кивнул, отдал честь и отвернулся, чтобы отдать распоряжения своим людям.

– Да, кстати, Лингос: бабушка с внучкой, которых вы встретили... Ты уверен, что это было разумно – позволить им продолжать путь без провожатых? Сколько лет девочке?

– Думаю, скоро шестнадцатое лето встретит, сударь. Одета просто. Они шли пешком и сказали, что у них нет ничего такого, на что могут позариться грабители.

– Кроме невинности. Такие мерзавцы обесчестят девушку, и вся недолга, – Джил покачал головой. – Ты предложил их сопровождать?

– Конечно, сударь. Но они сказали, что предпочитают странствовать вдвоем.

Пожалуй, следовало проявить настойчивость – сейчас Лингос и сам это понимал. Шайка, которую они разыскивали, совершила не одно убийство и подписала себе не один смертный приговор. Терять этим людям нечего, так что они не упустят случая попользоваться беззащитной девушкой. Две одинокие странницы, старая и малая... Легкая добыча.

– Спасибо, Лингос, – Джил надел рубашку. – Ты свободен. Поешь и отдохни.

Его названную мать тоже обесчестили – как-то раз, дождливым вечером, примерно год назад, Элисса рассказала ему об этом. Почему она заговорила об этом, почему именно в тот вечер? Джил не помнил. Зато хорошо помнил, как у нее срывался голос, как они плакали вместе, как он обещал ей: когда он станет прайм-офицером, ни с одной женщиной в Королевстве такого не случится.

Эти слова вызвали у Элиссы улыбку.

– Мой храбрый Джил! Значит, ты думаешь, что когда-нибудь станешь прайм-офицером?

– Я буду смело вести своих людей и умру за короля, если будет нужно, – он вскочил и положил руку на рукоять меча, которым так гордился. – И все женщины смогут спокойно ходить по дорогам Таллинора и ничего не бояться!

Он помнил, как его приемная мать – женщина, которая стала для него настоящей матерью – встала и крепко прижала его к себе.

– Прекрасная клятва.

Джил очнулся от воспоминаний и приказал привести коня.

– Выезжайте без меня, я вас догоню, – сказал он, отвечая на безмолвный вопрос капитана. – Поеду, провожу почтенных дам до Хэмптина.

И пустил коня легким галопом.

Теперь Лаурин стало по-настоящему страшно.

– Что вам от меня надо? – крикнула она, обращаясь к главарю.

– А у тебя не так много осталось, – он рассмеялся. – Привяжи ее вон к тому дереву, Белко. А с ухом что?

– Она меня укусила, – пожаловался Белко, грубо толкнув Лаурин.

– Ну так укуси ее тоже, только не за ухо, – с мерзкой усмешкой ответил главарь. – Да побольнее. Как ее еще никто не кусал.

Лаурин понимала, что должна что-то сделать, иначе ей конец. Ее обесчестят, может быть, станут пытаться... А потом убьют, в этом можно не сомневаться. Ведь они уже убили Соррель!.. Нет, сейчас не время ее оплакивать. Соррель требовала, чтобы она не медлила, чтобы бежала, едва почувствует опасность. И если она ничего не сделает, то больше никогда не увидит Гидеона, не встретится с отцом, никогда не обнимется с матерью!

Чувства переполняли ее, когда она ощутила в себе что-то новое и странное. Сердце забилося, словно от быстрого бега, а потом... потом Лаурин почувствовала Цвета. Радужная волна росла в ней, стремительная, неистовая, наполняя легкостью и... силой. Да, вот оно. Цвета – это и есть сила. Лаурин еще не успела понять, что с этим делать, а потому просто сделала что-то, не задумываясь. Как раз в этот миг Белко пребольно заломил ей руку – второй раз за этот день.

Разбойника отбросило к ближайшему дереву, послышался омерзительный хруст, а потом тело сползло на траву, словно тряпичная кукла. Из ушей здоровяка текла кровь, но это длилось недолго: вскоре сердце остановилось и уже не гнало ее по телу.

В это время главарь и его помощник отвлеклись, однако парень, который заманил Лаурин и Соррель к телеге, увидел, что случилось, и в ужасе закричал. Разбойники обернулись и уставились на Лаурин, которую так никто и не связал, а потом заметили неподвижно лежащего Белко.

– Держи ее! – заорал предводитель, и все трое бросились к девушке.

Лаурин заморгала. Как ей удалось расправиться с Белко? Но оцепенение длилось недолго, и девочка бросилась наутек.

«Беги, Лаурин, беги», – подгонял ее голос Соррель. Но она и так бежала со всех ног, как заяц от собак. Подбрав юбку, она мчалась по лесу – ей и в голову не могло прийти, что ее ноги могут двигаться так быстро. Однако разбойники не отставали. Лаурин петляла, чтобы сбить их со следа, но уже понимала, что ее выдает треск сучков под ногами. Оставалось лишь свернуть в поле, не пытаясь укрыться за деревьями... и бежать, бежать что есть духу.

Конечно, теперь грабители хорошо видели ее, а парень был уже совсем близко. Еще усилие... Но Лаурин уже чувствовала, что задыхается. Так она долго не протянет. В груди горело. Да, она смогла бы убежать от двух грузных увальней, но не от мальчишки. А ему хватит сил с ней справиться.

Лаурин повернулась к нему. Она едва переводила дух, но в ее глазах горел такой гнев, что парень в нерешительности остановился. Потом осторожно сделал шаг вперед. Еще один.

– Не подходи, – предупредила девочка.

Предупреждение не подействовало. Парень бросился вперед, и тут что-то подбросило его в воздух. Через миг разбойник уже лежал на земле, не в силах подняться, и стонал: он не сомневался, что переломал себе все кости. Впрочем, Лаурин не было до него никакого дела. Она снова бежала по полю, толком не понимая, куда бежит. Ей хотелось только одного: бежать, бежать... чтобы оставить смерть далеко позади.

За поворотом дороги Джил остановил коня и осмотрелся. Перевернутая телега на обочине, совершенно пустая... Странно. Ни о чем таком Лингос не говорил. Может быть, все произошло совсем недавно? Но где тогда испуганная лошадь, где хозяин, который пытается ее успокоить? Из осторожности Джил не стал спешиваться. Не исключено, что это ловушка.

Молодой офицер медленно подъехал к телеге и внезапно заметил женщину, которая ничком лежала обочины, небрежно прикрытая несколькими ветками. Лица было не разглядеть – только спутанные седые волосы. Бабушка... Джику стало не по себе. Похоже, это и есть старушка, которую встретил капитан. Внучки поблизости не оказалось, и это наводило на самые скверные мысли. Офицер стукнул себя кулаком по бедру. Проклятье! И такое случилось у него прямо под носом!

Джил недолго раздумывал. Если старушка мертва, ей уже ничем не поможешь. А вот внучку, возможно, еще можно спасти.

Он стукнул коня пятками по бокам и с боевым кличем взлетел на пригорок. За пригорком обнаружился небольшой лесок. Офицер обнажил меч, осторожно поехал вперед и вскоре наткнулся на Белко. Чтобы понять, что этот человек мертв, не надо было слезать с лошади и осматривать его. Странно. Что здесь случилось?

Те, кому удалось пережить нападение грабителей, рассказывали, что их было четверо: трое взрослых и молодой парень. Если это один из них, значит, остальные трое должны быть где-то неподалеку. На всякий случай Джил крикнул: «Сударыня!», но ответа не услышал. Похоже, стоило покинуть рощицу и посмотреть, что творится в округе.

Первое, что он увидел, выехав на поле – это двух здоровяков, которые бежали куда-то сломя голову. Прищурившись, Джил заметил вдалеке развевающиеся золотые волосы. Так вот за кем они гонятся! Расстояние между женщиной и ее преследователями все сокращалось.

Джил пустил коня галопом. Грабители обернулись. Вряд ли они ожидали встретиться здесь с королевским ратником. Один тут же свернул и бросился наутек – он думал уже не о добыче, а о спасении собственной шкуры. Однако второй продолжал погоню, и Джил вскоре настиг его. Коротко свистнул меч, и грабитель, истошно вопя, покатился по земле: Джил рассек ему сухожилия под коленями. Главарь? Вряд ли.

Молодой офицер не остановился и по-прежнему скакал во весь опор, пока не догнал девушку. Он нагнулся, чтобы поднять ее в седло, подхватил, и беглянка забилась пытаться вырваться. Юноша едва успел выпрямиться... и понял, что лежит на земле и глотает пыль. Ударился он так сильно, что из глаз посыпались искры.

Немало времени прошло, прежде чем Джил пришел в себя и смог перекатиться на спину. Он лежал, глубоко дыша. Кажется, у него болели все кости. Может быть, конь оступился и сбросил его? Быть не может! Ни одна лошадь его еще не сбрасывала – что говорить о Бриксе! Вся королевская стража знала, что лучшего наездника, чем помощник прайм-офицера, не найти.

Мысли в голове путались. Лучший наездник королевства лежал пластом и хотел только одного: чтобы хоть немного полегчало.

Кстати, где Брике? И где девушка?

– Э... я привела твоего коня, – произнес чей-то голос.

Джил приоткрыл глаза – вернее сказать, разлепил веки. Потом, преодолевая боль, чуть повернул голову и увидел беглянку, с ног до головы перемазанную грязью.

– Все хорошо? – спросил он.

– Думаю, мне куда лучше, чем тебе, – пролепетала девушка. – Я провалилась в какое-то болото... Ты можешь пошевелиться?

– Не знаю... У меня все болит. Ты видела, что случилось?

– Нет, – соврала Лаурин. – Думаю, ты упал с коня.

Джил нашел в себе силы опереться на локоть и посмотрел на нее.

– Помощник прайм-офицера всегда остается в седле, – торжественно произнес он, чувствуя, что сам себе противен.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не лучшим образом. Могу я попросить тебя о помощи?

Лаурин посмотрела на коня. Она с трудом представляла, что нужно делать.

– Конь никуда не уйдет. Он у меня послушный. Кстати, его зовут Брике, а меня Джил... помощник прайм-офицера... Ох! Хотелось бы сказать «к вашим услугам, сударыня», только боюсь, что ничем не смогу услужить.

На миг девочка просияла и даже забыла, что перепачкалась с ног до головы. Но лишь на миг. Страх слабел, а вместе с ним блекли и Цвета, и Лаурин почувствовала себя отвратительно. Как она могла так поступить с человеком, который спешил ей на помощь? Наверно, просто потеряла голову от ужаса. Впрочем, откуда ей было знать, что он хочет ее

спасти? Она и сама не понимала, что творит... а если бы и знала, то не смогла бы сделать лучше – это уж точно.

– А где... они? – спросила девушка, отпуская поводья и подходя к Джилу.

– Один в роще. Он мертв, только не знаю, почему. Другого я ранил, хотя и не смертельно. А третий увидел меня и сбежал. Клянусь Светом! Если бы я остался в седле, то повязал бы и того, и другого... – юноша снова покачал головой. Он был самому себе противен. – Вообще-то, с ними должен быть молодой парень...

Про парня Лаурин рассказывать не стала.

– А ты не видел старушку?

– Видел. Мне очень жаль. Она мертва. Еще одна смерть, за которую этим негодьям придется ответить.

С трудом сдерживая слезы, Лаурин помогла своему спасителю встать.

– Думаю, ничего не сломано, – заметил Джил, оперевшись на ее руку, а потом осторожно встал на ноги. – Эй, Брике!

Он пощелкал языком, и конь послушно подошел к хозяину.

– Давай вернемся в Хэмптин, – мягко проговорил юноша. – А там уже решим, что делать дальше.

– О нет, – Лаурин отшатнулась. – Возвращаться я не собираюсь.

– Но твоя бабушка... И куда ты пойдешь? Ты так и собираешься бродить одна по дорогам?

– Мою бабушку убили, – отрезала девушка. – Мы шли в Эксен – туда я и пойду. Одна.

Она слишком хорошо помнила слова Соррели. Джил пристально посмотрел на нее.

– Как тебя зовут?

– Лаурин.

– А откуда ты?

Такого вопроса она не ожидала. Соррель велела ей не болтать лишнего, и девушка назвала первое место, которое вспомнила.

– Из Пустошной Топи.

– Правда? – кажется, Джил был потрясен. – И моя мама оттуда родом. А зачем тебе в Эксен?

– А зачем тебе это знать?

– Лаурин, я в ответе за то, чтобы людям Таллинора ничто не угрожало. И поэтому имею право знать, чем ты занимаешься.

– Хочешь сказать, что молодая женщина, которая странствует в одиночестве, может чем-то угрожать безопасности королевства?

Джил почувствовал себя дураком. Этой девушке удалось выставить его на посмешище, хотя сама она по уши забрызгана грязью, а на лице настоящая корка, одни глаза видны!

– Нет, я так не думаю.

– Тогда спасибо за заботу, Джил... тебя так зовут, верно? Я тебе очень благодарна, но меня ждет долгий путь.

– Я не могу допустить, чтобы ты продолжала его одна.

Лаурин почувствовала, что начинает выходить из себя... но не только из-за его упрямства. Еще потому, что он так хорош собой. Только бы не посадил ее перед собой на лошадь, потому что тогда ему придется прижиматься к ней сзади. Хотя это было бы так...

Она совсем запуталась.

– А у вас есть право задерживать меня против моей воли, сударь? – спросила она – очень резко, чтобы скрыть смущение. – Я не нарушала закон.

Джил напоминал сам себе утопающего, который хватается за соломинку.

– До Эксена путь неблизкий. И для одинокой женщины...

– Если с одинокой женщиной пойдут еще десять человек, он короче не Станет.

Во имя Света! Эта девчонка кого угодно доведет до белого каления.

– А ты не боишься грабителя, который до сих пор не пойман?

Страх прошел окончательно. Чего Лаурин боялась, так это силы, которой, как оказалось, обладает. Ей нужно было хоть немного посидеть и спокойно подумать обо всем, что произошло. Как получилось, что она способна творить волшебство? Соррель настаивала, чтобы ее подопечная шла одна, если случится что-то неожиданное. Можно считать, что нечто неожиданное случилось, так что выбора у нее нет... Если только удастся убежать от этого очаровательного молодого человека, который явно ею заинтересовался. Лаурин даже не осмеливалась взглянуть на него... особенно в те минуты, когда разорванная рубаша распахивалась, позволяя видеть его широкую грудь.

– Нет, не боюсь. Потому что ты его найдешь, и мне уже ничто не будет угрожать.

Джил улыбнулся сам себе. Когда она успела так хорошо его узнать? Жаль, из-за этой грязи не рассмотреть ее лица. В девочке была сила, и это приводило его в восторг.

– А ты знаешь дорогу в Эксен?

– Может, ты подскажешь? – откликнулась Лаурин.

Ей уже давно хотелось вытереть свои перепачканные руки об юбку. Но он может подумать, что она волнуется и что причиной тому – его трогательная забота.

Джил понял, что никогда не победит в этом споре. В конце концов, у него есть долг перед людьми, которые служат под его началом. Пора возвращаться. Никто, кроме него, не подберет раненого грабителя, не осмотрит тело в рощице и не отыщет оставшихся разбойников. Кстати, одному Свету известно, что случилось с парнем.

– Есть путь более долгий, но менее трудный. Вернуться на дорогу, а потом идти на восток.

– Если я правильно поняла, есть еще один? – спросила Лаурин.

– Да, через холмы. Склоны у них крутые, идти будет очень тяжело, зато ты выиграешь пару дней. Иди на северо-восток, и в долине увидишь Эксен. На него указывает один из «пальцев» Великого Леса.

– Значит, пойду по холмам. Это поможет мне уйти от разбойника... Но ты его поймаешь?

– Поймаю, Лаурин. Ради тебя. А может, мне подождать, пока ты искупаешься, вычистишь платье?..

Тогда можно будет полюбоваться твоим лицом, а не грязевой маской, мысленно добавил Джил.

Лаурин ужаснулась. Когда на лице грязь, трудно отличить дурнушку от красавицы, и он не увидит, какие у нее толстые щеки. Но купаться... Это значит, что придется снять одежду! Только этого не хватало!

– Пожалуйста, не надо. Ты и так потратил на меня столько времени. Со мной все хорошо. Спасибо, что подсказал дорогу.

– А еда? В горах не будет ни одной деревни, ни одного подворья.

У меня есть яблоки, подумала Лаурин. Вряд ли их можно считать едой... Но она хотя бы не умрет с голоду. Все, что ей сейчас хотелось, – это поскорее отправиться в путь.

– Мне хватит, – сказала она и зашагала прочь.

– Будешь в Тале, найди меня, – крикнул ей вслед Джил.

Но Лаурин так и не обернулась.

Легко сказать, труднее сделать. Когда Лаурин оказалась среди поросших вереском холмов, она поняла, что многое отдала бы за то, чтобы сжимать коленями под собой крепкую холку Брикса и опираться спиной на широкую грудь Джилла. При мысли о Джиле на душе становилось спокойней. Память услужливо рисовала ей черты очаровательного юного ратника... Однако подъем отнял у Лаурин последние силы. До сих пор она и представить себе не могла, чего ей стоило пережить давешний кошмар. И вот теперь... Она одна, совсем одна. Голода она уже не чувствовала, ей хотелось просто лечь и выплакаться, но она шла и шла.

Наконец спустились сумерки, и Лаурин выбрала себе укромную ямку, где можно было

переночевать. Скоро станет холодно... Она сгрызла два яблока, потуже завернулась в шаль и крепко уснула.

Девочка была слишком потрясена, мысли путались, и она даже не вспомнила, что должна поговорить с Гидеоном. Может быть, оно и к лучшему. Пока Лаурин спала, ее брат вершил свою страшную месть Дунтарину.

Едва рассвет озарил холмы и болотистые низины, Лаурин проснулась. Возможно, дело было в том, что она отлежала себе все, что только можно. После ночи в жесткой, холодной «постели» у девочки ныли все кости, а от голода начинало тошнить. Чтобы отвлечься, она мысленно позвала брата, и тот мгновенно откликнулся.

«Наконец-то, Лаурин!»

«Заждался? – Лаурин пребывала в скверном настроении и не собиралась выслушивать его колкости. – Когда я позвала тебя в последний раз, ты послал меня куда подальше».

Нет, она вовсе не собиралась набрасываться на брата с обвинениями. В эти минуты она отдала бы все на свете, чтобы оказаться в объятьях его крепких рук, услышать его голос... и поверить, что все будет хорошо.

«С добрым утром, Лаурин. Насколько я понимаю, настроение у тебя чудесное – как всегда».

«Знал бы ты, что случилось после нашего разговора, не стал бы на меня шипеть».

«Что случилось? У тебя все в порядке?»

Похоже, Гидеон не на шутку встревожился. Этого было достаточно, чтобы утешить Лаурин. Как же это славно – знать, что ты кому-то не безразлична.

«Да, сейчас все хорошо. Только не для Соррели... – Лаурин осеклась, пытаясь сдержать слезы. – О, Гидеон... Соррель погибла».

Она рассказала брату, как они с Соррелью увидели перевернутую телегу и что произошло потом. Пока она говорила, Гидеон не произнес ни слова: он был слишком потрясен.

«А ты? Что с тобой вчера случилось?» – спросила Лаурин, закончив рассказ. Однако Гидеон решил, что сейчас не время откровенничать.

«О, ерунда, небольшое недоразумение. Сейчас мы с Фиггисом уже все уладили и отправляемся в путь».

«Кто такой Фиггис?»

«Долго объяснять, – Лаурин почти увидела, как он отмахнулся. – Как думаешь, скоро ты доберешься до Эксена?»

«Джил сказал, что я смогу выгадать пару дней. Думаю, дня за два я дойду».

«Держи разум открытым, Лаурин. Даже если мы не будем разговаривать, связь сохранится, и мы будем ее чувствовать. Как я понимаю, ты уже позавтракала и готова отправляться?»

«У меня осталось одно яблоко, которое так и просится мне в живот».

Она услышала смех.

«Тогда тебе повезло. У нас даже яблок нет. Счастливого пути».

Это было восхитительно – чувствовать, как он прикасается к ее разуму. Лаурин сладко потянулась, съела последнее яблоко, а потом нашла немного воды, скопившейся в огромных листьях, похожих на лопухи – Соррель говорила, что из них получается снадобье, которое исцеляет боли в суставах, – и почувствовала себя так, словно заново родилась. Она все еще оплакивала старушку-травницу... но пора было отбросить печальные мысли и продолжать свой нелегкий путь.

Глава 29

Назад, в Сердце Лесов

После встречи со счастливым семейством Квистов, Тор не провел в Карадуне и полдня.

Ему не терпелось вернуться в Великий Лес. Время было дорого: возможно, там уже ждали его дети.

– И снова до свидания, Тор. Клут такой красавец... Эйрин улыбнулась, сжала руку юноши и добавила шепотом: Как я ему завидую. Он остается с тобой.

Тор украдкой оглянулся. Саксен и Квист смеялись: клук потирал шишку, которую получил на память об их первой встрече, делая вид, что она все еще болит.

– Янус сходит по тебе с ума, Эйрин. Он тебя обожает.

– Я знаю. И я его, наверно, тоже... по-своему. Помнишь, что я говорила тебе на причале? Но тебе будет хорошо только с Элиссой, Тор.

Она тут же пожалела о своих словах и уже ожидала колкости. Но Тор лишь смотрел на свою прелестную собеседницу и от души наслаждался ее смущением.

– Ну, смотря отчего хорошо.

– Тихо! Ты забываешь, что мой муж рядом?

Как ей нравились его шутки... Если бы он мог вот так поддразнивать ее, снова и снова!

– И будь добр, хорошенько присматривай за Локки. Не позволяй ему соваться куда не следует.

– Обещаю, что сразу же отправлю его домой.

Эйрин покосилась на брата, который гладил лошадь по бархатному носу. Мальчик напросился в провожатые к Тору и Саксену и не мог дожидаться, когда можно будет пуститься в путь.

– Ему это не понравится.

– Он слишком молод, Эйрин. Все еще жаждет умереть со славой. Но ему еще надо познать женщину, и не одну, – Тор поцеловал ей руку. – Тогда он поймет, что жизнь стоит того, чтобы за нее держаться.

Благодаря Квисту, который щедро предоставил лошадей, друзья уже к вечеру пересекали южную границу земель Карадуна.

Всадники наслаждались скачкой, но никто и не пытался угнаться за Клутом, который кружил в небе. Всю дорогу Саксен развлекал спутников, рассказывая, как странствовал с цирком Зорроса и служил в «Щите».

«Сердце Лесов зовет, Тор», – мягко напомнил Клут, едва вдалеке показалась живая стена Великого Леса.

Локки явно не хотел возвращаться домой. Тор чувствовал, что с губ мальчика вот-вот сорвутся слова мольбы... но не дал ему произнести ни слова.

– Локки, ты был нам настоящим другом. Обещай, что позаботишься о своей сестре. Уверен, когда мы снова встретимся, у тебя будет собственный корабль, а ты станешь славным морским разбойником... и переплюнешь самого Квиста.

Локки грустно улыбнулся.

– Море меня не манит, Тор. Я хочу служить в «Щите».

– Я уже слышал, – Тор кивнул. – Потерпи еще годик, и тогда Саксен сможет замолвить за тебя слово. Он пьет с самим прайм-офицером.

У мальчика загорелись глаза.

– Да ты что, Саксен? Ты в самом деле дружишь с прайм-офицером Хереком?

Что ж, купаться в лучах чужой славы тоже приятно.

– Клянусь. Подрасти немного, Локки, окрепни... и продолжай учиться. Я поговорю с Хереком, но только когда ты встретишь пятнадцатое лето.

– Договорились! – Локки сплюнул себе на ладонь, Саксен сделал то же самое, и они крепко пожали друг другу руки.

Тор мог вздохнуть с облегчением. У него не было ни малейшего желания таскать за собой Локки. Иногда этого было просто не избежать, но... мальчику будет куда безопаснее с сестрой, на севере. Чем дальше от Тала, тем лучше.

Самое неприятное, как обычно, осталось напоследок. Увы, без этого было не обойтись.

– Ну, Локки, – проговорил Саксен, – вам с лошадами пора домой.

Локки улыбнулся, быстро и крепко обнял клука, потом Тора и помахал Клуту. Ребенок, совсем ребенок... Жаль, что он никогда не узнает, что сокол прекрасно понял его и даже ответил... хотя услышал его только Тор.

«Да озарит Свет твой путь к дому, дружок».

Еще какое-то время Тор и Саксен стояли на дороге и махали ему вслед. Наконец Локки с двумя лошадьми, которых вел повод, исчез за поворотом дороги, и они одновременно обернулись.

– С возвращением, Саксен, – произнес Тор, глядя на густой строй деревьев.

– В гостях хорошо, а дома лучше, – откликнулся клук. Плечом к плечу они шли к лесу, а деревья встречали их, словно шеренга почетного караула, и в листве пробегал радостный шепот.

На краю леса стояла Арабелла. Отшельница утирала глаза, в которых блестели счастливые слезы. Два человека, которых она любила всем сердцем, возвращались. Вскоре уже все трое обнимали друг друга, а потом Великий Лес укрыл их своим мирным полумраком.

До Эксена Гидеон добрался спокойно. Всю дорогу он нес Фиггиса на руках, и карлика терзал невыносимый стыд. Слабость унижительна. Девятого из Паладинов несут на руках, как ребенка! Однако стоило ему посмотреть на того, кто его нес... Этот мальчик спас ему жизнь – жизнь, смыслом которой он был. Их судьбы связаны. Отныне Фиггис должен защищать своего спасителя любой ценой... пока смерть не разлучит их.

Они встретились совсем недавно, но карлик не уставал удивляться. Как сильна кровь Торкина Гинта! Достаточно посмотреть на мальчика. Вылитый отец: и внешность, и голос... Даже в движениях и осанке есть что-то общее. Фиггис почти не сомневался, что и нравом они будут сходны, хотя в этом еще предстояло убедиться. Во всяком случае, Гидеон уже показал, что храбрость и стойкость Тора ему не чужды.

– Фиггис, дружище, – радостный голос Гидеона прервал его мысли. – Догадайся, что я хочу тебе сказать?

– Надеюсь, ты собираешься сказать, что мы скоро будем в Эксене.

– Вот именно! Вон и знак у дороги. Осталась всего миля.

Гидеон опустил карлика на землю, позволяя ему осмотреться, и мысленно окликнул Лаурин, чтобы поделиться с ней радостью. Мальчик был горд: еще бы, теперь ему не нужно ждать, пока она про него вспомнит! Происшествие в Дунтарине словно что-то разбудило в нем, и теперь он мог заговорить с сестрой так же легко, как она с ним.

С минуту полюбовавшись окрестностями, Фиггис обернулся к Гидеону. Он принял решение.

– Мы должны войти в Лес прямо здесь.

– Откуда ты знаешь?

– Сердце Лесов поможет нам. И не только оно, но и весь Лес будет вести нас туда, где должен ждать твой отец. Идем.

Гидеон снова подхватил друга на руки и зашагал к деревьям, которые стеной стояли в стороне от дороги.

– Осталось недолго, – вслух подумал мальчик.

– Волнуешься, малыш?

– Нет. Просто нет сил ждать. Столько лет я спрашивал себя: какие они – мои родители? Почему я остался один? Для меня ничего нет важнее.

Фиггис украдкой вздохнул, представляя, что их ждет впереди.

– О, думаю, теперь все будет хорошо.

– Смотри, Фиггис!

Прямо перед ними, у кромки леса, стояла огромная волчица, ее мех отливал серебром. Волчица пристально смотрела на пришельцев и, кажется, терпеливо ждала.

– Мне было сказано, что меня встретит осел, отшельница или волчица... – благоговейно прошептал Гидеон. – Значит, волчица. Какая красивая...

– Это не просто волчица, мой мальчик. Ее зовут Солиана – карлика переполняли чувства, и его голос дрожал. – Пожалуйста, Гидеон, отнеси меня к ней.

Если бы Гидеон мог бежать, он бы бросился к волчице со всех ног. Пока он ковылял к ней с карликом на руках, Солиана все так же спокойно и внимательно смотрела на них, но не трогалась с места.

Наконец Фиггис обхватил своими короткими ручками шею волчицы, и потрясенный Гидеон увидел, как карлик плачет, зарывшись лицом в ее густой мех, а она лижет ему щеки. В этом было столько нежности, что мальчик почувствовал себя лишним. И вдруг...

Волчица заговорила с ним. Ее певучий, глубокий голос, который зазвучал в голове у Гидеона, был таким же красивым, как и она сама.

«Не стесняйся, Гидеон. Мы просто очень-очень давно не виделись. Для меня великая честь – приветствовать тебя в Сердце Лесов. С возвращением, мой мальчик. Отныне твой дом здесь. Сердце Лесов всегда будет защищать и любить тебя».

Гидеон не находил слов. Казалось, волчице ничего не стоит беседовать с ним, обмениваясь мыслями. Гидеон мог лишь с восхищением поклониться этому великолепному существу. Должно быть, она тоже из Паладинов и оказалась здесь, потерпев поражение в битве. И теперь все надежды на него, подумал Гидеон. Надо непременно сделать так, чтобы эта надежда сбылась... на что бы все они ни надеялись.

Фиггис утирал слезы. Гидеон почувствовал, что разум волчицы все еще открыт для него, и не преминул этим воспользоваться.

«А мой... мой отец?» – робко спросил он.

«Он ждет тебя, мой мальчик. Идем».

Гидеон был очарован. Подхватив Фиггиса одной рукой, он запустил пальцы в густой серебристый мех чудесной волчицы и пошел с ней в Сердце Лесов.

Лаурин потеряла счет времени. Голова кружилась от голода и усталости, но девочка заставляла себя идти. Медленно, шаг за шагом, но вперед и вперед. Подъемы давались тяжело, но в такие мгновения она звала Гидеона. Они болтали, брат пел ей, рассказывал смешные истории – словом, делал все, чтобы она продолжала путь. К тому же ее усилия каждый раз вознаграждались: за подъемом следовал спуск, а бежать под гору было одно удовольствие. Не раз Лаурин падала, ее локти и колени были покрыты ссадинами. Чертополох колот ее, крапива жалила, однако девочка вставала и с каким-то мрачным упорством продолжала путь. Каждый шаг приближал ее к Сердцу Лесов, и теперь она уже не поддастся слабости. Соррель погибла, доставив ее сюда. Так неужели она, Лаурин, не сможет дойти до конца?

Наконец она увидела. Вот о чем говорил Джил! Глубокая долина, а в ней, словно птичья кладка в гнезде, деревенька. Скорее всего, это и есть Эксен. Слева начинался Великий Лес. Девушка не думала, что у нее остались силы, и удивилась, когда ноги сами понесли ее. Она бегом спустилась в долину... и даже ни разу не споткнулась.

Гидеон рассказывал, что они с Фиггисом добрались до Эксена, и тут связь разумов прервалась. Впрочем, Лаурин это почти не беспокоило. Она почти у цели. Ветер доносил уютный запах печного дымка. Однако в Эксен Лаурин не пошла. Ее ждали там, где таинственно качали ветвями деревья.

У кромки леса Лаурин остановилась. Свет всеильный, как она запыхалась! Чтобы хоть как-то отдышаться, девочка наклонилась и уперлась ладонями в колени. Забавно: первый раз в жизни она сумела как следует пощупать свои коленные чашечки! Еще немного – и ее дыхание стало ровным. Вот так. Нужно успокоиться. Почувствовав себя лучше, Лаурин выпрямилась и...

На нее, невозмутимо пережевывая пучок травы, смотрел ослик. Соррель говорила об отшельнице, волчице и ослике. Помнится, их с Гидеоном это насмешило. Получается,

старушка сказала правду. Никакой ошибки. Этот ослик поджидает именно ее.

Лаурин шагнула вперед, но ноги вдруг перестали слушаться. Ну, еще немного... Перед глазами все плыло, девочка задержала взгляд на жующей мордочке и приказала ногам отнести себя к ослику.

«Надо просто подойти к нему, – твердила она, заставляя себя сделать еще шаг, отдающийся болью во всем теле. – Он поможет».

Сейчас она протянет руку и коснется его мягкой спины. И вдруг земля понеслась навстречу Лаурин, ударила ее прямо в лицо... и когда девочка очнулась, то поняла, что лежит у ног ослика, а сам он тычется ей в бок, словно просит ее подняться. Лаурин так устала, что почти не чувствовала собственного тела, а голова снова шла кругом. Однако ослик не сдавался. Его бархатная мордочка то появлялась, то исчезала в тумане и все толкала, толкала... Наконец Лаурин уступила, обхватила ослика за шею, поднялась на ноги – и тут же повисла у него на холке, такой упругой и теплой.

Деревья что-то шептали, убеждая сесть ослику на спину – или это ей только чудилось? Впрочем, мысль показалась юной путешественнице вполне разумной. Рядом очень кстати оказался толстый сук. Каким-то чудом Лаурин взгромоздилась на своего длинноухого провожатого, и тут же, совсем обессилив, ткнулась лицом в короткую гривку и крепко обняла его шею.

Кажется, ослик повернул и медленно, но уверенно потрусил вглубь леса, готового укрыть ее под своим густым пологом от всех бед.

Клут устроился на ветке высокого дерева и наслаждался покоем, который царил в Сердце Лесов. Здесь ему ничто не угрожало. Деревья качали головами, шепот листвы успокаивал. Здесь он дома. Здесь его место. Здесь он в безопасности.

Тор и Саксен сидели на земле и вели неспешный разговор. Друзья только что вволю напились из чистого ручья, а Сердце Лесов позаботилось о том, чтобы они утолили голод. Теперь можно было побеседовать о предстоящих делах. Тор уже думал о встрече с Элиссой и собирался спросить у клука совета, когда услышал у себя в голове голос Солианы.

«Тор... Яведу к тебе Гидеона, твоего сына».

Тор обернулся. Из густой чащи, обступившей опушку, на которой они сидели, вышла волчица. Тот, который шел с ней рядом, был строен, темноволос и высок не по годам. Казалось, Тор смотрит в зеркало.

Он вскочил, Саксен тоже. Оба ожидали увидеть малыша, а этого мальчика скоро можно будет назвать юношей. Он чуть опирался одной рукой на холку Солианы, на спине которой сидел карлик. В другое время это зрелище вызвало бы дружный смех. Но не сейчас.

Первым пришел в себя Саксен.

– Фиггис! – взревел он.

Этот возглас заставил отца и сына очнуться, хотя оба были слишком потрясены, чтобы произнести хоть слово. Тор робко шагнул вперед. Вот ребенок, которого он держал на руках лишь несколько мгновений, когда тот едва появился на свет. – Яркие голубые глаза смотрели на него пристально и настороженно.

– Гидеон? – прошептал Тор.

В Сердце Лесов стало тихо. Все глядели на того, к кому были обращены эти слова.

Путь до Эксена был неблизким, и все это время Гидеон готовился к встрече с отцом. И думал, что готов... но ошибался. К такому было просто невозможно подготовиться, и сейчас у него по хребту пробегала дрожь.

Кажется, Солиана что-то сказала этому человеку, потому что он вскочил, как ужаленный. Встреча потрясла его не меньше, чем самого Гидеона. Что он может ожидать? Мальчик надеялся, что мучительные раздумья над этим вопросом не отражаются у него на лице. Он так волновался, что чувствовал, как в висках стучит кровь.

Вот он какой – тот, которого он отныне будет звать отцом.

В том, что перед ним отец, сомневаться не приходилось. Гидеону казалось, что он

видит самого себя, повзрослевшего на десять лет. Ярго говорила, что их отец все еще молод и необыкновенно красив. И была права. Достаточно посмотреть в эти удивительные темно-голубые глаза. Ноги Гидеона словно выросли в землю, и он не мог сделать ни шагу.

Но тут отец позвал его. Сколько раз мальчик клялся, что будет держать себя в руках! Один звук этого голоса – и все намерения были забыты. Гидеон разрыдался, и Сердце Лесов смотрело, как он медленно опускается на колени.

Тору хватило трех шагов, чтобы оказаться рядом и обнять сына. Он плакал, прижимал мальчика к груди и шептал, шептал, как любит его.

Лишь несколько долгих мгновений спустя отец и сын разжали объятия и поняли, как тихо в Сердце Лесов. Никто и ничто не смело нарушить благоговейного молчания.

– Сын... – чувства настолько переполняли Тора, что его голос стал сиплым. – Как много мне надо тебе сказать...

Гидеон кивнул, все еще опасаясь, что голос выдаст его, и покосился на Фиггиса. Вот это да! Могучий золотоволосый клук – вероятно, друг отца, – уже подхватил карлика на руки и баюкал, как ребенка.

Тор откашлялся.

– Сначала давайте познакомимся. Гидеон, это Саксен Фокс, клук, Шестой из Паладинов. Он связан с твоей матерью.

Он успел увидеть, как глаза сына засияли при слове «мать» – а потом мальчик восхищенно уставился на клука, который расхаживал по поляне, качая своего друга. Словно почувствовав его взгляд, Саксен остановился и склонил голову. Подобной почтительности Тор за ним еще не замечал.

– Гидеон, это честь для меня – снова встретиться с тобой.

Мальчик был польщен. Он ответил столь же учтивым поклоном, а затем поспешил представить своего друга.

– Саксен... отец... – произносить это слово вслух было странно и приятно. – Это мой защитник, Девятый из Паладинов. Его зовут Фиггис, он горный карлик... он очень храбрый.

Фиггис улыбнулся, преодолевая боль. Возможно, скоро он снова лишится чувств, но здесь, в Сердце Лесов, на руках у старого друга, ему ничто не угрожает.

– Саксен, тебе давно было пора дать моим ногам отдых, с трудом произнес он.

Шутка напоминала о сражении с Орлаком. Саксен понял это и рассмеялся.

– Идем, друг мой. Что тебе нужно, так это отдых и исцеление.

Клут покинул свой насест и опустился на плечо Тору. Он тоже был рад снова видеть Девятого. Но Тор уже знал, что одного из его бесценных гостей скоро призовет Сердце Лесов.

– Фиггис, – торопливо проговорил он, – я очень рад, что мы встретились. Спасибо, что выручил меня на Кипресе.

Карлик усмехнулся, хотя это было очень нелегко.

– Я понял, что ты занят и не сможешь сделать то, что задумал, – сказал он и с удовольствием заметил, как на губах Тора появилась широкая, сияющая улыбка.

– Да уж. Локлин Гилбит цел и невредим, вернулся в свою семью. Мы перед тобой в долгу, – он поклонился и добавил: – Прежде, чем Сердце Лесов исцелит тебя, позволь сообщить, что здесь находится еще один твой старый друг... – Тор погладил сокола, который сидел у него на плече. – Это Клут из Роркъяля. Теперь у него другое тело.

– Клут?... – благоговейно прошептал Фиггис и тут же поморщился от резкой боли. Тихий звон, который стоял в воздухе во время их беседы, стал громче, в нем появилась настойчивость.

– Идем, – проговорил Саксен. – Пусть это место сотворит еще одно чудо.

Он отнес Фиггиса к могучему дубу, где плясали, звеня и переливаясь всеми цветами радуги, Небесные Огни, и бережно положил на мягкий мох. Из подлеска, словно змеи, выползли длинные лозы. Их усики, извиваясь, оплели Фиггиса, а ветви, скрипя от натуги, согнулись и образовали под ним что-то вроде колыбели. Потрясенный, Гидеон наблюдал,

как деревья легко поднимают Фиггиса, и карлик исчезает где-то высоко среди ветвей.

– Куда он делся? – только и мог вымолвить мальчик.

– Он будет исцелен, – почтительно ответил Саксен.

– Сердце Лесов охраняет своих, – Тор обнял сына за плечи. – Фиггису ничто не угрожает.

Гидеон удивленно посмотрел на отца и кивнул. Это просто не укладывалось в голове.

– Проголодался? – с улыбкой спросил Тор.

– Как волк, – ответил Гидеон.

«Весь в отца», – фыркнул Клут.

«Я это слышал, птица», – откликнулся Тор и с наслаждением услышал у себя в голове смех Клути.

Говорить и жевать одновременно – дело непростое. Однако Гидеон умудрился уплетать за обе щеки и при этом говорил без умолку. Тор и Саксен, напротив, скоро умолкли и с нарастающим смятием слушали, как мальчик рассказывает о своих странствиях по Таллинору.

Наконец, Тор встал и начал прохаживаться по поляне. Гидеон уже закончил свою повесть, но он так и не мог успокоиться.

– Все они... погибли?

Гидеон кивнул.

– Я... я не владел собой. Я даже не понимал, что делаю. Они собирались живьем зажарить Фиггиса и убить Ийсеуль! И я просто... сорвался.

Он окончательно смешался. Признаться в содеянном оказалось нелегко.

– Когда я работал в цирке, мы никогда не заезжали в Дунтарин, – проворчал Саксен. – Об этом местечке всегда ходила дурная слава. Туда им всем и дорога.

Тор скорчил рожу и клук понял, что мальчику негоже слушать такие слова.

– Отняв жизнь, ты ее уже не вернешь, – отчеканил он. – Никогда не пытайся решить дело с его помощью. Никогда!

Гидеон воздел руки, словно воин, который сдается в плен. Последние два дня на душе у него было скверно, а теперь он просто не знал, куда деваться. Он едва познакомился с отцом и уже рассердил его.

– Я не знал, что могу такое сотворить, – пробормотал мальчик и запустил в волосы пятерню.

Тор чувствовал себя последним мерзавцем. Ему хотелось успокоить сына, сказать ему, что он все сделал правильно, но подходящие слова не приходили на ум. Парень убил не меньше дюжины человек. Очевидно, что его сила очень велика... но это он должен управлять этой силой, а не она им. Гидеон снова начал приглаживать волосы. Он вспомнил, что сам так делает, когда волнуется. Эйрин подметила у него эту привычку и постоянно поддразнивала.

– А кто эта Ийсеуль? – он постарался, чтобы голос звучал мягче. – Что с ней стало?

– Она отправилась в родную деревню, – робко отозвался Гидеон. – Теперь ей ничто не угрожает. Я... надеюсь снова с ней увидеться.

Целая буря чувств охватила Тора – чувств, которых он никогда еще не испытывал. Его бесценное дитя больше не должно покидать Сердца Лесов. Это благословенный приют, где мальчик будет защищен от всего... в том числе и от тех сил, которые дремлют в нем. Здесь нет нужды к ним прибегать.

Мощь Орлака за пределами Сердца Лесов растет. Триединство еще не обретено, для этого сделано лишь несколько шагов. Тор вспоминал слова Лисе, и его охватывал ужас. Смотрительница сказала, что время почти истекло. Скоро падет Темезиус, и Орлак вырвется на свободу. Беседа с Клутом тоже не помогла. Похоже, таинственные Камни Ордольты и были Триединством. А может быть... Клут предположил, что Отец, Сын и Дочь, соединив свои силы, образуют нечто новое и могущественное.

Тор поделился этой догадкой с Саксеном. Клук был уже готов согласиться, но каково тогда место Элиссы? Если ее предназначение лишь в том, чтобы дать жизнь детям, зачем ей до сих пор защитник-Паладин? Тор ломал над этим голову, когда услышал встревоженный голос Арабеллы:

– Скорее, Тор! Сюда идет Кетай. Он везет Лаурин. Она чуть жива!

Гидеон первым вскочил на ноги, но Тор жестом остановил его. На поляну медленно вышел ослик. У него на спине лежала девушка, ее голова безвольно покачивалась из стороны в сторону, словно терлась о его гриву.

– Лаурин! – вскричал Гидеон.

Все, кто был рядом, бросились к Кетаю. Ослик остановился, и отец бережно взял дочь на руки. Потрясенный, он разглядывал ее одежду, забрызганную кровью и грязью. Корка застывшей болотной жижи и пыли не позволяла ему разглядеть лицо дочери. Тор даже не мог отвести пряди ее спутанных, перепачканных волос, которые намертво прилипли к ее лбу и щекам. Девочке нужна помощь, но что он может сделать? Тор растерянно огляделся по сторонам.

«Отдай ее деревьям», – приказала Солиана.

Тор послушно опустил дочь на землю. Он едва успел выпрямиться, как деревья склонились над ней, подняли, и вскоре она уже плыла среди крон, а заботливые руки-ветви все передавали ее друг другу.

Они несут ее к пруду. Молодой отец бросился туда, за ним последовали остальные. Клут и Солиана скоро опередили всех.

– Она умерла? – выпалил Гидеон, переводя дух.

Возможно, этот вопрос вертелся на языке не только у него. Но мальчик просто не сдержался, а через миг уже готов был забить свои слова себе в горло.

Тор не ответил. Он смотрел, как деревья опускают Лаурин в пруд. Небесные Огни засияли ярче, над водой поплыл певучий перезвон... и наконец, весь окруженный мерцанием, появился сам Дармуд Корил. Прежде, чем бог заговорил, Тор ощутил необъяснимое облегчение.

– Нет, сын Сердца Лесов. Наша дочь еще дышит.

«Оставь ее с нами, – подхватила своим бархатным голосом Солиана. – Пруд вернет ее к жизни. Прошу тебя, Тор, верь мне».

Тор кивнул.

– Саксен, Гидеон... нам придется подождать.

Это означало волей или неволей вернуться на опушку.

Но все мысли и все разговоры были только о Лаурин. Саксен видел, как встревожены Тор и Гидеон, но что он мог сделать? Только поддерживать беседу.

– Мне кажется, что вы с Лаурин почти не знакомы, – произнес он, обращаясь к сыну Тора. – Разве вы не вместе росли?

Гидеон задумался. Не спешит с ответами, подумал Саксен. Совсем как отец.

– Может быть, мы и вправду знаем друг друга с рождения, – сказал, наконец, мальчик. – Только я этого не помню, и меня это бесит. Соррель предупреждала, что мы будем понемногу забывать прошлое, но я вообще все забыл! Если только Лаурин что-то помнит... Но я нутром чую, что мы встретились совсем недавно. А как ты догадался?

– Я тоже об этом подумал, Гидеон, – признался Тор. – Думаю, Соррель решила, что так будет безопаснее. На самом деле, это только моя догадка. Наверно, Соррель сама все расскажет, когда сюда доберется.

Гидеон недоуменно посмотрел на отца, потом Саксена.

– Как... – в смятении проговорил он, – вы... Э-э-э... не знаете?

– Чего именно? – спросил Саксен.

Мальчик глубоко вдохнул, словно собирался нырнуть.

– Вы знаете, почему Лаурин так плохо? На них с Соррелью напали грабители. Конечно, это только одна причина...

Это было нелегко – пересказать все, что Лаурин поведала ему во время их мысленной беседы.

– Они увидели на дороге перевернутую телегу, а рядом с ней – человека, который был весь в крови, потому что расшибся, и молодого парня. На самом деле, они оба были целы и невредимы. Лаурин и Соррель хотели помочь, и тут все грабители на них набросились. Соррель крикнула Лаурин, чтобы та бежала прочь, и тут ее ударили, она упала, и больше Лаурин ее не видела. Потому что саму Лаурин потащили в лес. Главарь немного задержался, и Лаурин решила, что он знает, что с Соррелью, а тот сказал ей, что ее бабушка мертва. Думаю, это больше всего разозлило сестру. К тому же они пытались привязать ее к дереву... И она дала волю своей силе.

– Надеюсь, она никого не убила? – перебил Тор.

– Мне очень жаль, отец, – Гидеон пожал плечами, словно сам был в этом виноват. – Одного грабителя отбросило к дереву, и Лаурин считает, что он разбился насмерть. Она вырвалась и побежала прочь, а грабители за ней. Тот парень, что заманил ее к телеге, бежал быстрее остальных, и... Лаурин говорит, что только ранила его. Поверь, она сама не рада. Думаю, для нее это было настоящее потрясение. Она тоже не знала, на что способна. Потом подъехал королевский стражник... вернее, помощник прайм-офицера...

Тор вопросительно посмотрел на Саксена.

– Прайм-офицер теперь Херек, – клук передернул плечами. – Но про его помощника я в первый раз слышу.

– Продолжай, – попросил Тор.

– Ну... – Гидеон смутился. – Может быть, это был просто ратник, но он представился помощником прайм-офицера. Он случайно оказался в этих местах, потому что охотился за теми самыми грабителями, которые гнались за Лаурин.

– И? – спросил Саксен.

– Это все. Она отправилась в Эксен, но почему-то выбрала путь через холмы. Наверно, поэтому и пришла сюда чуть живая. Она сказала, что помощник прайм-офицера не хотел оставлять ее одну, но ему пришлось вернуться в свой лагерь.

– А Соррель? – мягко спросил Тор.

– Ратник сказал Лаурин, что нашел Соррель у обочины дороги, сказал Гидеон. – Она была мертва.

Тор встал и снова принялся расхаживать по поляне. Он был близок к отчаянию.

– Нет, нет. – пробормотал он. – Здесь что-то не так.

Мне еще надо задать ей столько вопросов...

– Больше я ничего не знаю, – закончил Гидеон, глядя то на отца, то на Саксена.

Клут, как всегда, появился вовремя.

«Встречай свою красавицу-дочь», – услышал Тор... и обернулся так резко, что Саксен и Гидеон вздрогнули и недоуменно переглянулись.

– Она скоро будет здесь, – объявил он.

В первый миг Гидеон решил, что Тор говорит о Соррели. Однако девушка, которая появилась на опушке, больше походила на Лаурин. Аккуратно расчесанные волосы были темнее, чем у его сестры – но может быть, просто потому, что они еще не высохли. Девушка была худенькой, нежно-зеленое платье позволяло видеть тонкие руки и хрупкие угловатые плечи. Не может быть. Эти глаза Гидеон слишком хорошо помнил. И тут незнакомка улыбнулась – застенчиво, словно украдкой.

Сомнений больше не оставалось: это была Лаурин. Незабываемая улыбка осветила ее прелестное личико, теперь чуть заострившееся, и у Гидеона упало сердце. Он в жизни не видел ничего более прекрасного, чем девушка, которая стояла перед ним.

– Лаурин! – завопил он и бросился к сестре. Второй раз за нынешний день он зывал к ней. Опередив отца, мальчик заключил ее в объятия и закружил. Какая же она легонькая!

«Я думала, что умерла и оказалась в Чертогах Света, – слышался ее голос у Гидеона в голове. – А потом вдруг проснулась и увидела огни. Они кружились и пели... Неужели ты

не мог меня подождать?»

«Тихо, – прошептал он. – Теперь мы вместе».

Гидеон опустил сестру на землю, и девушка одернула платье, которое дала ей Арабелла. Она была готова к встрече с отцом. Рядом с Гидеоном стоял высокий молодой человек, его лицо застыло. Неужели он настолько потрясен... или не может оправиться от боли? А может быть, и то, и другое? Он до сих пор не произнес ни слова, только смотрел на нее во все глаза.

Не было сомнений в том, что это их отец. Он так похож на Гидеона, только лицо уже утратило мальчишескую мягкость. Почему она думала, что увидит человека в возрасте? Лаурин не заметила ни одной седой ниточки в копне его темных волос. Такой высокий, такой сильный, такой красивый... У нее захолонуло сердце. О да, Ярго была права: он красив, как бог. Неужели это и вправду ее отец?

Сердце Лесов хранило молчание. Лаурин медленно перевела дух. Она не должна бояться.

– Здравствуйте.

Больше она ничего не могла сказать. В темно-голубых глазах Торкина Гинта – она уже знала, как зовут ее отца, – была боль. Потом золотоволосый великан, который стоял у него за спиной, сделал шаг вперед и коснулся его руки.

– Я тебя понимаю, Тор, – шепнул он. – Я тоже был потрясен, когда первый раз увидел Элиссу. А девочка – вылитая мать. А теперь соберись с силами. Ты ей очень нужен.

Тор смотрел на юную девушку, которая стояла перед ним. Он знал, что это не Элисса. Конечно, это не может быть Элисса. Это просто шутит его память. Но как они похожи... Тор не знал, что делать – плакать о том, что это не так, или радоваться встрече с дочерью. Саксен мягко подтолкнул его вперед.

Пожалуй, только держите меня, шепнула Лаурин своим ногам, а потом выпустила руку Гидеона и шагнула к отцу. Теперь они стояли рядом, она могла видеть, какие голубые у него глаза – голубыми казались даже слезы, которые стояли в них.

– Я Лаурин, – она попыталась говорить спокойно... и слезы, словно вода из переполненной чаши, потекли по щекам Тора.

– Я дал тебе это имя, моя бесценная девочка. Я дал его тебе в тот миг, когда твоя отважная мать родила тебя.

Он простер к ней руки, почувствовал, как внутри бушуют Цвета, и заключил в объятья свою красавицу дочь.

Орлак никогда не прикоснется к его детям.

Это была последняя мысль, которую осознал Тор, прежде чем полностью отдался счастью. Он дал руку к Гидеону, и вскоре отец и его дети уже стояли обнявшись. Солиана, Арабелла, Саксен, Клут и даже Кетай – все отступили в темноту, за деревья. Эти трое наконец-то были вместе, и не стоило мешать им наслаждаться блаженной радостью. Лишь Дармуд Корил по-прежнему смотрел на них.

«Почти», прошептал бог лесов и неслышно вздохнул.

«Почти!» – беззвучно откликнулась из Пустоты Лисе, и ее вздох был полон облегчения.

Глава 30

Десятый пал

Следующие несколько недель Тор знакомился со своими детьми. Сердце Лесов укрывало их от всего мира с его тяготами и тревогами, и это было восхитительно. Порой Тору казалось, что его сердце вот-вот разорвется от радости. Правда, Лаурин то и дело спрашивала, почему он так на нее смотрит, а Гидеон замечал, как отец садится к нему поближе, чтобы касаться его плечом. Мальчику это нравилось, но он ничего не говорил отцу, боясь спугнуть свое счастье.

Для Тора это было особое время. Он целые дни проводит с этими чудесными детьми...

Ему хотелось петь. И однажды он запел, несказанно удивив всех, кто был рядом. Да, он был счастлив, по-настоящему счастлив.

Лаурин уже влюбилась в своего отца. Любовь дочери, величайшая из всех ценностей. Тор видел, как девочка радуется каждой минуте, которую делит с ним, с какой теплотой отвечает на его любовь. Он чувствовал, как страдало это прелестное дитя, лишенное родителей. А теперь она обрела отца и так боится его потерять... И никогда не потеряет. Он этого не допустит.

Совсем не таким был Гидеон. К тому времени, как он попал в Сердце Лесов, его нрав уже сложился. Мальчик смирился со своим одиночеством и жил в ладу с самим собой. Да и голова у него золотая, думал Тор, глядя на сына. Такие, как он, ведут за собой сотни людей, а сила у него словно сочится из каждой поры. Стоит лишь прикоснуться к его разуму – просто прикоснуться, не для того, чтобы поговорить мысленно и можно почувствовать, как она бьется в нем, точно могучее сердце. Но Гидеон не осознавал, как велика его сила, как не осознавал своей красоты. Можно не сомневаться: эта скромность еще не раз выручит мальчика.

Сердце Лесов было подобно дому радушных хозяев, и дети были так же счастливы, как их отец. Тор, Саксен и Клут то и дело вспоминали волшебные девять месяцев, которые они провели здесь с Элиссой после побега из Карембоша. Однако все трое знали: счастью не суждено длиться долго. Впрочем... Это время дано Тору, чтобы наслаждаться покоем и учить детей, и не стоит тратить его на ненужные сожаления.

Гидеон и Лаурин жаждали узнать о своих родителях как можно больше. Оба уже забыли свое детство – даже Лаурин не могла вспомнить, что было, как она выражалась, «до Таллинора». Ни брата, ни сестру это не беспокоило. Правда, им было от души жаль Соррель, и особенно страдала Лаурин. Старушка была с ней первые дни ее новой жизни.

По совету мудрого Клута Тор рассказывал детям о том, как жил раньше он сам и как жила его мать, что он знает о странном путешествии, которое ему предначертано. Саксен вот уже несколько дней бродил где-то в лесу, и Тор не преминул этим воспользоваться.

В тот день они неторопливо завтракали на траве, а потом он продолжил свой рассказ, который уже близился к завершению. Тор ничего не скрывал от детей, он вспомнил даже сны об Орлаке. Почему-то ему казалось, что больше всего им понравится история о превращении Клута. Однако повесть о его последних странствиях породила такой поток расспросов, что он растерялся. Но Гидеону и Лаурин надо было непременно узнать, почему он вернулся в Сердце Лесов, чтобы ждать их.

Гидеон недоверчиво покачал головой.

– И теперь наша мать – королева этой страны?

– Насколько я понимаю, да, – ответил Тор. И что ты об этом думаешь? – Лаурин, как всегда, смотрела в корень. – Что ты чувствуешь?

Тор вздохнул. С самого начала он пообещал себе, что будет говорить со своими детьми начистоту.

– Опустошенность. Злость. Боль. Как будто сердце разлетелось на части. Может быть, я понимаю ее... надеюсь, – добавил он и смущенно улыбнулся. Эта рана еще не успела затянуться.

– Но ведь это могла быть ошибка, – с надеждой воскликнул Гидеон.

Тор покачал головой.

– Нет, сын. Я читал послание, переданное королеве Кипреса. На нем была королевская печать, а я хорошо помню, как она выглядит. К тому же ваша мать необыкновенно красива. Как ты, Лаурин.

Ущипните меня, подумала Лаурин. Она все еще не могла поверить, что кто-то может ей такое сказать – даже отец. Как известно, для любого отца нет девушки краше дочери.

– Любимый король полюбил бы ее, – чуть слышно добавил Тор.

– А Гот? – Лаурин поспешила сменить тему. – Насколько он для нее опасен? А для нас?

Тор поднес к губам глиняный кубок со сладким вином и сделал глоток.

– Не знаю. Я почему-то уверен, что он опять затаится. А потом появится снова, чтобы сеять зло. Но теперь я найду его первым. Вашу мать уже предупредили, а кто предупрежден, тот вооружен.

– Отец... – робко перебил его Гидеон. – Мы еще ни разу не говорили о Триединстве, хотя ты о нем упоминал. При чем тут мы с Лаурин?

– Ты прав, – Тор кивнул. – Просто я не знаю, о чем говорить. И тем более не знаю, как вы с этим связаны – потому что в этой жуткой паутине все связано со всеми. Это я могу сказать точно. Что же до Триединства, для меня это нечто необъяснимое, как и для Меркуда. Но у нас нет другого оружия, которое поможет нам сокрушить Орлака. Поэтому мне придется продолжать поиски, иначе все, что нам довелось пережить, будет напрасно.

– Может быть, это мы? – подала голос Лаурин. Отец и сын повернулись к ней. – Я хочу сказать... нас же трое, и теперь мы снова вместе.

– Может быть, – согласился Тор. – Это первое, что приходит в голову. Но мне кажется, нам кто-то должен дать знак. Сердце Лесов, Лисе... Если Триединство обречено, мы об этом узнаем. Пока знака не было, и мне кажется, что ты ошиблась.

– Что ты собираешься делать, где искать? – спросил Гидеон.

– Все мое время. Для начала вам надо пожить в Сердце Лесов и набраться сил. А потом мы отправимся в Тал. Вам пора встретиться с вашей матерью.

Что-то смущало Тора. Лаурин поняла, что вселяет в него нерешительность.

– И как, по-твоему, она примет эту новость?

Тор грустно улыбнулся.

– Гнев вашей матери пугает меня больше, чем ярость Орлака.

Дети улыбнулись, но уже знали, что и в этой шутке есть доля истины. Судя по рассказам Тора и Саксена, у их матери был весьма крутой нрав.

– Я не знаю, Лаурин, – продолжал Тор. – Не забывайте, какую боль, какие страхи она пережила, чтобы вы появились на свет. О тебе, Лаурин, она даже не знает. Хуже того, она уверена, что Гидеон умер, едва родившись. Она видела мертвого младенца – его показали ей нарочно, чтобы она поверила. Можете ли вы представить, что значит для матери потерять ребенка? И вот теперь оказывается, что ее сын все эти годы был жив и здоров, что от нее скрыли рождение второго ребенка. И все это устроил я. Я все знал и обманул ее, я позволил Соррели спрятать вас... Три обмана за раз. Знаете, как говорят? Хочешь разозлить женщину – обмани ее.

Гидеон и Лаурин кивнули.

– Наконец, мне придется признаться, что я позволил ей увидеть свою смерть. Она очень любила меня – так сильно, как я сам люблю ее. Однако я допустил этот обман. Элиссе пришлось смотреть, как убивают единственного человека, которого она могла бы любить, оплакивая умершего сына. Как вы думаете, что она почувствует, когда я явлюсь к ней, живой и здоровый? Выходит, что я снова солгал ей, снова предал ее? – Тор заметил испуг и тревогу на их лицах и торжественно произнес. – Посему предлагаю нам всем надеть латы!

Две сияющие улыбки подсказали ему, что грозу отнесло в сторону, однако тучи еще не развеялись.

– Если кому и надо надеть латы, то это мне. Конечно, ваша мать будет потрясена, узнав о том, что вы живы... но она полюбит вас. Клянусь. Вы – ее плоть и кровь.

– Твоя тоже, отец, – заметила Лаурин. – Я буду тебя защищать.

Тор ощутил прилив нежности. Какая она гордая и смелая, его дочь! Но ей понадобится вся ее смелость, вся ее сила, чтобы выдержать то, с чем им суждено столкнуться. Хорошо бы снова услышать Лисе... Она уже давно не являлась Тору во сне. Сколько времени у них осталось? Мало, очень мало. И лучшее, на что его можно потратить – это на обучение детей.

Он будет учить их, как его самого когда-то учил Меркуд. Гидеон обладает огромной силой, но не умеет подчинить ее себе. Это нужно исправить. Лаурин будет более искусна, и главное – научить ее принимать верные решения. Она должна знать, когда можно, а когда нельзя творить волшебство.

Итак, до следующего Восьмерика они остаются в Сердце Лесов, а потом отправятся в Тал. Этого будет достаточно, чтобы дети научились пользоваться своим даром... а он сам сможет собраться с силами и набраться мужества перед тем, как снова встретиться с Элиссой.

В то время как дети беседовали с отцом о своей матери, королеве Таллинора, сама она стояла посреди дворцовой кухни и пробовала заварной крем, которому предстояло стать украшением сегодняшнего пира. Еще один пир, который король устраивает в ее честь. В честь ее Дня Наречения. Несколько дней назад Элиссе угрозало сообщить королю, когда ей дали взрослое имя... И вот теперь во дворце будет пир, а в городе – представления.

– Столько шуму из ничего... Право, Лорис, не стоит, – она в который раз выговаривала мужу, но больше злилась на саму себя.

– Не спорь, любовь моя. Мне нравится потакать твоим сумасбродствам. Никаких возражений. И пир ты должна устроить по своему вкусу. Все будет так, как решите вы с нашей почтенной поварихой. Главное, чтобы еды хватило на всех, кто пожелает прийти и выразить тебе свое почтение. Ну, вино музыка, певцы – это как повелось. Саллементро может сочинить песню в твою честь.

Элисса застонала.

– Как? Еще одну?

– Хоть десять – этого все равно не хватит, чтобы воздать тебе должное. Насколько мне известно, в Тал пожаловал хор Мальери – самые прекрасные голоса, которые только можно представить. Они должны спеть на бесплатном представлении...

Лорис продолжал размышлять вслух, но Элисса уже не слушала. Во имя Света, ей снова предстоит выйти на балкон! Она едва успела оправиться после своей свадьбы. Казалось, весь Таллинор собрался на главной площади перед дворцом, чтобы славить новобрачных. Но Элиссе было не до веселья.

Несколько лет назад с этого балкона она наблюдала за казнью Тора. И теперь ужасные воспоминания ожили, словно все случилось вчера. Элисса была потрясена. Ей пришлось опереться на руку Лориса. Страшное видение снова стояло у нее перед глазами, и от него было не избавиться.

Да, Лорис наслаждается любовью и вниманием своих подданных, которые его по-настоящему любят. А она до сих пор вздрагивает, когда кто-то называет ее «Ваше величество». Они женаты почти три месяца, и она по-прежнему чувствует себя самозванкой, которая занимает чужое место. Когда Элисса жаловалась мужу, он только смеялся, целовал ее и умолял прекратить эти разговоры. Но в покоях, отведенных Элиссе, все еще витал аромат духов, которыми пользовалась Найрия. Словно воспоминания.

– Ну так побрызгай своими, – советовал Лорис. Но от его советов толку мало. Он слишком любит ее, и возражать бессмысленно.

Кроме того, Элиссе беспокоило, что жители Таллинора слишком быстро приняли ее. А ведь они так любили королеву Найрию! Но старый Корин, верный слуга короля, рассказал ей, какая долгая память у людей.

– Они никогда не забудут отважную девушку, которая гордо смотрела, как убивают ее любимого. Это самая страшная смерть, какую только можно придумать, и смотреть на такое страшно. Люди никогда не осуждали вас, Ваше величество. Они жалели вас и страдали вместе с вами. От того, что сотворил с вами этот мерзавец Гот, не заплачет только каменное сердце. И когда почтенный Гинт умер, все мы хотели бы разделить ваше горе.

Элисса почувствовала, как по щекам текут слезы.

– Спасибо, Корин, – прошептала она, благодарная ему за мудрый и своевременный совет.

– Позвольте им любить вас, Ваше величество. Лучшей подруги для нашего государя не найти. И они это видят. Вы – воплощение Таллинора и всего лучшего, что в нем есть. Милосердие, красота, утонченность, любовь к земле, простым людям, зверям и птицам... Вы

уже открыли пять школ и на этом не остановитесь. Обучая детей, вы заботитесь о будущем, но не забываете и прошлое. Вы знаете травы, вы носите знак Неприкосновенной. Земля Таллинора говорит вашими устами.

Старый слуга умер через два дня после этой беседы, и никто не оплакивал его так горько, как Элисса. Его мудрые слова все еще звучали у нее в ушах. Да, она должна доверять себе. Она – новая королева Таллинора. Только так она сможет завоевать уважение подданных.

Пусть она носит одежды из дорогих тканей, спит на шелковых простынях, пусть ей прислуживают тысячи слуг, но в душе она все равно остается Элиссандрой Квин из Пустошной Топи. И пусть придворные убеждают ее одеваться богаче, приказывать слугам, а не просить их. Она будет поступать так, как ей нравится.

Найрия, которой она восхищалась, могла порой показаться надменной, но это была лишь привычка держать себя особенным образом, которая в крови у высокородных. Работая секретарем у Лориса, Элисса почти все время находилась рядом с ним и поняла: получив трон по наследству, он никогда не позволял себе недостойных поступков и не уставал доказывать свое право носить корону. Король должен заслужить доверие подданных, говорил он.

Нет, раз уж ей суждено было стать королевой, она будет править так, как может и считает нужным. По-своему.

Вот почему сейчас она находилась на кухне. Вот почему она, закатав рукава нарядного платья, взбивала заварной крем, да так усердно, что на лбу выступили бисеринки пота.

– Ну как? – она сунула деревянную лопаточку в смесь и протянула поварихе.

Толстуха обожала Элиссу. Их дружба носила оттенок грубоватой доверительности, которую обе считали необходимой.

– Вряд ли я могу сказать Вашему величеству, что мне не нравится.

– Говори проще, – Элисса улыбнулась. – Повелеваю тебе придирааться.

– Ну... – повариха попробовала пышную желтую массу на лопаточке. – Восхитительно, Ваше величество.

Элисса всплеснула руками.

– Правда?

– Правда, – отозвалась повариха, которая и в самом деле не кривила душой. – А теперь перелейте его в чистую кастрюлю – Джое вам поможет. К вечеру застынет. Вы все на лету схватываете, Ваше величество.

– Мне так понравилось готовить, – призналась Элисса, утирая лоб рукой.

– Вижу, вижу, – толстуха положила на стол свою любимую поварешку. – Только не увлекайтесь. Вам уже наверх пора. Так что ступайте в свои покои и готовьтесь к празднику. Как вы покажетесь благородным господам в таком виде? Мокрая, пунцовая, что твоя роза... Ступайте, ступайте, моя милая королева, а то Его величество устроит мне взбучку.

Элисса надула губки. Спрятаться бы здесь, на кухне... Но повариха права: нужно готовиться к празднествам. Не то, что она не была благодарна людям, которые окружили ее таким вниманием – напротив, оно ей льстило. Но за что ей все это?

Она вытерла руки, поспешила в свои покои... и на самом пороге столкнулась с Джилом, который тоже туда направлялся.

– Ты меня ждал? – удивленно спросила Элисса.

Юноша наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Похоже, мама, никто не знает, где тебя искать. Ну кому придет в голову искать королеву Таллинора на кухне? Королеву, которая расхаживает по дворцу с ног до головы в... Что это? Мука?

– Ох, успокойся. Идем давай выпьем с тобой холодного эля.

– Эля?!

Элисса подмигнула.

– Только не говори Его величеству, что я пристрастилась к легкому таллинорскому

элю. Он из кожи вон лезет, пытаюсь приучить меня к изысканным винам.

– Это будет наша тайна, обещаю, – сказал Джил и последовал за ней.

Когда дверь приемной захлопнулась, Элисса приказала ему сесть, приказала слуге принести два бокала эля и занялась туалетом. Какая же она красавица... Разглядывая ее, Джил никогда не переставал этому удивляться. Умывшись и сменив свое повседневное платье на длинную мягкую сорочку, Элисса казалась беззаботной и совсем юной. Впрочем, Джил знал, что его приемная мать и в самом деле молода: она лишь недавно встретила свое двадцать пятое лето. Но много ли в королевстве женщин, которые, будучи моложе, сравнятся с ней красотой?

Он боготворил Элиссу. Да, свою родную мать, которая любила его всем сердцем, он никогда не забудет. Но с недавних пор Джил считал матерью Элиссу. Когда он впервые назвал ее мамой, она заплакала. То слово само сорвалось у него с губ, но после юноша звал свою наставницу только так: он уже понял, что ей это нравится. Да и сам он гордился, что может звать ее матерью... и думать о ней, как о матери. Это было на удивление просто.

Саксен понимал его. Именно клук сказал Джилу, что ему не стоит корить себя за то, что какая-то женщина заняла в его сердце место матери. Любовь матери и ребенка – самое чистое и святое, что есть на свете, а если они не связаны узами крови... Какая разница? Элисса любит его, как сына, а ему не надо бороться с собой, чтобы считать ее матерью – нужны ли другие доказательства тому, что они связаны этими чудесными узами? Но больше всего Джилу успокоил другой довод клука. По его словам, родная мать Джилу страдала, оставив своего сына в этом мире, но теперь может избавиться от чувства вины и, перенесясь в другие сферы, найдет там успокоение.

– В любом случае... – клук рассмеялся и похлопал мальчика по спине, – кто не любит Элиссу?

Теперь Джил смотрел, как его мать угнездилась на своей любимой софе. Королева Таллинора... Порой ему было трудно в это поверить. Но король без ума от его матери. Они были удивительно красивой парой, их смех часто оглашал коридоры и переходы дворца. Да, его мать счастлива, и народ Таллинора, оплакав королеву Найрию, снова радуется, глядя, как крепнет их любовь.

– Когда начинаются торжества? – спросил Джил, зная, что этот вопрос вызовет у нее раздражение. И правда, Элисса поморщилась.

– В семь. Знаешь, Джил, мне потребуются годы, чтобы к этому привыкнуть.

– Не выдумывай, мама. Ты же прирожденная королева, – он склонился, чтобы поцеловать ее в лоб. – Ты просто этого не понимаешь.

– Ты говоришь совсем как Его величество.

Она снова поморщилась, но на этот раз причина была иной. Джил не догадывается о правде, которая скрывается за этими словами. Но он становится все больше и больше похож на отца, и скоро придется рассказать, почему. Какое-то время можно уходить от разговора, но ничего хорошего из этого не выйдет. Шила в мешке не утаишь. Кое-кто из придворных и слуг уже заикаются о том, что помощник прайм-офицера слишком много времени проводит в обществе короля и королевы. «Он подражает королю, так же ходит, так же разговаривает, даже внешне на него похож». Вот что как-то раз случайно услышала Элисса. Так оно и есть, но ее беспокоили не разговоры, а то, что Джил не знал правды. Он такого не заслужил.

Несомненно, многие во дворце завидуют Джилу: не успели оглянуться, а его уже назначили помощником прайм-офицера. Еще бы, этот юнец уже командует ратниками, которые ему в отцы годятся! Спасибо Свету за Херека, за его мудрость, за его советы и наставления. Он бывалый воин, на него всегда можно положиться, но главное – он согласился с назначением Джилу. Когда Элисса спросила прайм-офицера, тот с удивительной прямоотой заявил, что Джил – единственный из всей королевской стражи, которого он сам бы назначил своим преемником.

– Парню будет нелегко добиться уважения, Ваше величество, – сказал ей Херек, – но у него для этого есть все. Думаю, он справится.

– Я тоже на это надеюсь, Херек. Ради его блага... Верьте в него, Ваше величество. Я доверил бы ему даже защищать вашу жизнь. Будет хорошо, если парень начнет учиться как можно раньше. Если что-то со мной случится...

Элисса не дала ему договорить. Херек всегда ей нравился. Он всегда говорил прямо, не играл словами, не льстил и терпеть не мог пустой болтовни. Он был всей душой предан Таллинору и его войску, но не тратил лишних слов и не любил шутить, и порой это трактовали превратно. Элисса знала, какое доброе у него сердце: этот человек заботился о ней в первые месяцы после гибели Тора. А как можно забыть сострадание, которое он оказывал Тору во время казни? Саксен тоже уважает Херека. Элисса не желала даже слышать эти намеки на близкую смерть прайм-офицера. Да и Джилу понадобится еще много лет, прежде чем он сумеет сменить Херека на посту.

Благодаря стараниям Саллементро музыканты превзошли сами себя. Еще бы, они играли для короля и королевы Таллинора... а те танцевали от души, подавая пример гостям. После череды быстрых танцев Саллементро дал танцующим передышку и спел песню, которую сочинил для королевы в честь ее Дня Наречения. Песня была веселая, и скоро припев подхватил не только хор, но и все, кто находился в зале. Элисса, растроганная, утирала слезы. Но вот снова заиграла музыка, гости покинули кресла, и Лорис повел свою супругу с возвышения, на котором стояли их троны. Танец назывался «Обдираем иву».

– Давай отдохнем, – взмолилась Элисса.

Лорис расхохотался так, что под потолком огромного зала откликнулось эхо.

– Если до конца вечера на твоих прелестных ручках не появится ни одного синяка, завтра жди повторения. Ты знаешь правила. Если ты станцевала «Обдираем иву» и не получила синяков, значит, плохо танцевала.

– Ты мучитель, не знающий жалости, – шепнула королева, прежде чем ее сияющий супруг яростно закрутил ее и подтолкнул к следующему танцору. В конце концов, ей больше нет нужды выходить на балкон, напомнила себе Элисса, и от этого на душе стало легче. Ее подданные увидели своих правителей, поели, выпили, а теперь разошлись и веселились кто где пожелает. Элисса помнила, как милостиво улыбалась, а с площади неслись крики. Люди приветствовали ее, желали долгих лет и всего, всего наилучшего.

После «обдиранья ивы» все утомились и расселись по местам. Слуги сновали по залу, поднося разгоряченным танцорам кружки с элем и кубки с легким холодным вином. Вот кому не до веселья, так это королевской страже: сейчас воины ходили по городу и следили за тем, чтобы веселье не стало слишком бурным. А сам Джил... Элисса только успела о нем подумать, как юноша пересек зал и подошел к ней.

– Не смей, Джил, – предупредила она, приподнимаясь в кресле.

– Следующий танец – мой, Ваше величество. Неужели вы откажете своему сыну, простому воину, на глазах у всех? – он низко поклонился.

– Ты знаешь, что я ненавижу вас обоих? – Элисса бросила гневный взгляд на Лориса и Джилу. Заговорщики... Она мельком отметила, что улыбаются они одинаково.

– Клянусь тебе, Элисса, это последний, – прошептал Лорис. – А потом я спасу тебя, уведу наверх и...

– Идем, Джил, – перебила Элисса и, не удержавшись, шепнула ему на ухо: – Не знаю, что тебя больше утомит – танцы или... то, о чем ты подумал.

Спускаясь в зал, она бросила испепеляющий взгляд на Саллементро, который тоже участвовал в заговоре. Музыканты заиграли что-то вроде веселой деревенской джиги, и это было неспроста.

– О, «Милый демон», моя любимая, – сказал Джил, услышав, как Элисса застонала. Он наслаждался.

– Я велю казнить Саллементро.

Но тут любящий сын закружил ее, и Элиссе показалось, что все яства, которыми ее потчевали на пиру, сейчас попросятся наружу. Она всегда считала, что в этом танце есть

что-то несправедливое: женщинам приходится кружиться волчком, а мужчины, которые заставляют их это делать, только притопывают.

Нет, надо остановиться – голова уже идет кругом... Но тут виски расколола невыносимая боль. Элисса даже не поняла, остановилась она или продолжает танцевать. А музыканты? Она видела, как на лице Джила появляется тревога, как он предлагает ей руку. Его губы шевелились, но Элисса ничего не слышала. Исчезли все звуки, лишь в ушах стоял зловещий гул.

Ей стало страшно. Элисса огляделась, ища глазами Лориса. Король уже бежал к ним, бледный от ужаса.

Потом гул в ушах прекратился, и она услышала звуки. Наверно, она не забудет этого до конца жизни... Истошный вопль мужчины, потом страшная тишина и тихий шепот. Шептались двое, но Элисса не могла разобрать ни слова. И снова крик, исполненный муки. Казалось, от этого звука ее череп разлетится на куски. Это кричало Сердце Лесов. Боль стала нестерпимой, и Элисса без чувств упала в объятия короля.

В зале началась суматоха. Музыка стихла, гостям было уже не до веселья. Джил отдавал приказы слугам и пажам – они должны были немедленно привести Келвина, нового придворного лекаря. Король, потрясенный, сидел на холодном каменном полу и качал головой, не желая верить в то, что произошло. «Она не может, не должна умереть, правда?» – спрашивали его глаза. Джил поймал его взгляд, и юноша удивленно пожал плечами. Он тоже ничего не понимал.

– Она дышит, Ваше величество, – проговорил он, чтобы хоть немного утешить короля. – Отнесем ее в покои.

– Вы танцевали, – пролепетал Лорис, – и вдруг она застыла, как вкопанная...

– Я знаю. Идемте, Ваше величество, прошу вас.

Джил спиной чувствовал взгляды придворных и гостей. Чудное представление. И завтра весь дворец будет гудеть от сплетен.

– Государь... – юноша нагнулся и поднял Элиссу, которая все еще лежала на руках у Лориса. – Позвольте мне. А вы проводите нас в ее покои.

Крики, которые донеслись из другого конца зала, заставили короля очнуться.

– Да... конечно, – Лорис кивнул. Тело королевы было таким маленьким и легким, что его мог нести и ребенок. – Идем.

Проходя через зал, Лорис оглянулся. Саллементро лежал на полу, окруженный толпой перепуганных гостей.

Джил тоже заметил менестреля. Человек, который почти так же близок его матери, как и он сам... Молодой офицер подозвал Цериса – этот человек давно служил при дворе и славился своей осведомленностью.

– Скорее, Церис. Найдите себе помощников, берите Саллементро и следуйте за нами...

– Похоже, они оба выпили плохого вина, а может быть, что-то съели, – с надеждой добавил юноша.

Тор учил Гидеона становиться невидимым.

– Ты просто мутнеешь, Гидеон, – Лаурин рассмеялась. – Плохо стараешься.

– Я стараюсь, – пожаловался он.

– На самом деле это несложно, – сказал Тор. – Главное – пойми, как это делается. Расслабься изнутри. Видишь Цвета?

– Вижу.

– Пусть набухают. Позволь им как бы поглотить тебя изнутри, но не давай им воли.

Гидеон затаил дыхание, пытаясь справиться с нарастающей в нем силой.

– Не пытайся переломить эту силу, Гидеон. Ты ею управляешь, а она не тобой. Не стискивай зубы. Дыши.

Мальчик шумно выдохнул.

– Хорошо. А теперь повтори все, что я тебя показывал... Медленно.

Он скорее чувствовал, чем видел, что делает его сын. Гидеон начал превосходно. Вот он произнес нужные слова и превратился в старика... Лаурин завизжала от восторга. Сколько ее брат бился над этим!

В этот миг Тору показалось, что голова раскалывается. Он только что сидел, скрестив ноги, напротив сына – да так и упал навзничь, не в силах пошевелиться и даже перевести дух.

Рядом скорчился Гидеон. Лаурин стиснула руками виски, ее лицо исказила мука, в округлившихся глазах была мольба. Отец мог избавить ее от этого ужаса.

Только бы не лишиться чувств... Последним усилием Тор коснулся разума сокола.

«Клут!..» – прокричал он.

«Темезиус»...

Больше Тор ничего не услышал. Сокол упал на землю, словно мертвый, и не шевелился. Мягкий мох не дал ему разбиться.

Связь разумов прервалась – Тору показалось, что лопнула туго натянутая тетива. Еще одна вспышка страшной боли, и в следующий миг он покинул собственное тело. Скорченное, оно осталось лежать среди травы и мха. Рядом застыли Гидеон и Лаурин. Тор больше не чувствовал боли, но был охвачен смятением... И ужасом.

Темезиус. Клут успел назвать имя Десятого. Это могло означать только одно: великан пал. Орлак вырвался на свободу.

Саксен тоже почувствовал невыносимую боль. Потом у него в голове раздался крик, полный отчаяния и муки, и клук бросился к Фиггису: недавно исцеленный карлик предложил ему погулять в Сердце Лесов. Но Саксену удалось сделать лишь несколько шагов. Он упал как подкошенный и мог лишь судорожно хватать ртом воздух, пытаясь справиться с болью... и молясь, чтобы она поскорее ушла.

Те же муки испытывали Солиана и Арабелла, которые находились в другой части волшебного леса.

Фиггис стоял под огромным дубом и, запрокинув голову, и восхищенно разглядывал его вершину, когда боль пронзила его маленькое тело. Лежа на земле и корчась, карлик думал о том, что не страдал так даже во время сражений с Орлаком... и вдруг заплакал, но не от боли. Фиггис понял, откуда она пришла. Его друг-великан пал под жестокими ударами юного бога.

Глава 31

Призыв

Тор снова летел. Он уже знал, что происходит: нечто подобное ему довелось пережить во время бегства из Карадуна, когда пришлось покинуть тело Клута. Правда, на этот раз страх был куда сильнее. И можно было не сомневаться: он летит навстречу этому страху.

Внезапно полет прекратился. Перед Тором стояли двое: прекрасный золотоволосый юноша и могучий великан. Орлак и Темезиус... Странное дело: Тор как будто стал частью юного бога, слышал все его мысли, разделял его чувства.

Орлак уже понял, что последние узы слабеют, и внезапно исполнился жалости к великану. Столько веков лишь на нем держалось братство Паладинов. Силой своего разума Орлак одолевал дерзких храбрецов одного за другим. Но все время, пока продолжалась битва волшебных сил, они с Темезиусом почему-то знали: именно великану предстоит вступить в последнюю схватку... и потерпеть поражение.

Их связывали странные чувства. Несомненно, они ненавидели друг друга, но в этой ненависти оставалось место благородству и глубокому почтению. Вот почему сейчас Орлак был опечален. Сколько нужно отваги, чтобы продолжать борьбу когда знаешь, что обречен.

Боль стала невыносимой. Темезиус скорчился на невидимом полу волшебной темницы

и выпустил Орлака. Связь разумов прервалась, путы исчезли. Юный бог был свободен и вышел из ненавистной клетки, в которой волшебство удерживало его много веков. Сложись жизнь иначе, они с великаном смогли бы стать друзьями. От любви до ненависти – один шаг... и обратно тоже. Возможно, они встретятся в другой жизни и пожмут друг другу руки.

Орлак посмотрел на Нанака, Хранителя Паладинов.

– Уходи, старик. Тебе здесь больше нечего делать.

Он не пытался унижить старика – он просто сказал правду. Лицо Нанака исказило отчаяние, и он рассыпался, превратившись в легкое облачко пыли. Оно еще висело в воздухе, и Орлак шагнул сквозь него, чтобы подойти к Темезиусу. Ему было нужно сказать гиганту последние слова, отдать дань почтения своему могучему противнику.

Что же до безумного смеха, которым бог встречал гибель каждого из своих стражей, в нем больше не было нужды. Он смеялся, чтобы разозлить их, лишить веры и силы. Смеясь в лицо тем, кто тебя пленил, становишься сильнее: чтобы это понять, не обязательно проводить века в заточении. Но глядя на могучего великана, который корчился у его ног, Орлак не чувствовал радости. О, Меркуд дорого заплатит ему. Этот мерзкий человечиска вынудил его жестоко унижать тех, кто заслуживал скорее дружбы, чем ненависти. Да, поначалу смотреть на это было легче. Он вспомнил одну красавицу, ее звали Солиана. Как он наслаждался, видя горечь поражения в ее огромных, глубоких глазах! Но теперь... Видя боль Фиггиса и особенно Темезиуса, он начинал понимать весь ужас того, что здесь происходит.

Великан совсем обессилел. Тор видел, что Темезиус умирает: он смог лишь приподнять голову, чтобы посмотреть на победителя.

– Это еще не конец, Орлак, – прохрипел он. – Это начало твоего конца.

Тор ожидал, что Орлак засмеется. Но бог заговорил ровно и спокойно. Даже самое пристрастное ухо не уловило бы в его голосе высокомерия.

– Ты храбро сражался, Темезиус. Я чту тебя и в твоём лице – всех Паладинов.

– Мы еще встретимся, – ответил великан и исчез. Там, где только что лежало его тело, была лишь Пустота.

Орлак вздохнул. Казалось, он искренне сожалеет о том, что случилось. Тору по-прежнему были открыты все мысли юного бога, все его воспоминания.

Сейчас он вспоминал, как умер его приемный отец. Этот человек прожил несколько веков – дар, которым наделил его истинный отец Орлака, Дарганот. Однако Меркуд не был бессмертен, и когда смерть настигла его, Орлак почувствовал это и пришел в ярость. Меркуд избежал его гнева. Немыслимо! И через миг он понял, что дух, который находился в теле Меркуда, не был духом презренного отца-обманщика. Он покинул умирающее тело и унесся... Куда? Несомненно, вернулся в то тело, которое ему принадлежало. Но кто это был? Орлак не знал. Зато понял, что него появился новый враг. Вот на кого он обрушит свое возмездие, прежде чем уничтожить Таллинор.

Однако даже дух оставляет следы. Этот яркий след, верный признак силы, Орлак запомнит навсегда. Пожалуй, не помешает взглянуть на этого наглеца. Вот почему, едва освободившись, Орлак призвал его. Бог легко определил, где пребывает его беспечный враг, бесцеремонно вырвал его душу из тела и повлек за собой... О да, ему это удалось.

«Смотри на меня, мошенник!» – крикнул Орлак.

Едва Темезиус покинул Пустоту, исчезла и сама Пустота. Орлаку больше не было нужды находиться подле своей темницы. Тор увидел, что стоит перед богом на высокой горе. Кажется, он уже бывал здесь когда-то... но что это меняло? Важно было лишь одно: Орлак вернулся в мир, из которого его изгнали много веков назад.

Однако освобождение Орлака было не самой худшей новостью.

«Я перенес тебя сюда, чтобы ты стал свидетелем всему, что случится, – раздался у него в голове голос бога. – Я не знаю, кто ты, не знаю твоего имени. Но отныне ты мой враг, и я найду тебя повсюду. Какой бы мощью ты не обладал, в сравнении с моей она – ничто. Проклятый Меркуд успел умереть и избежал моего гнева. Но ты – его воспитанник, и я

заставлю тебя страдать. Для меня вы едины, и ты заплатишь за себя и за него».

Тора охватил ужас. На миг ему показалось, что от его веры в Триединство, в Лисе, от его храбрости, которой он так гордился, не осталось и следа. Потом он вспомнил Клута и отважных Паладинов. Сколько они выстрадали ради него! Эта мысль придала ему сил, и Тор снова ощутил былой задор.

Бог, который был для жителей Таллинора лишь героем преданий... Вот почему он, Торкин Гинт, стал избранным. Лишь сила его дара, соединенная с мощью Триединства – чем бы оно ни было – сможет противостоять могуществу Орлака.

Тор запечатлел в памяти все, что предстало сейчас перед его мысленным взором... а потом ответил, спокойно и бесстрастно:

«Как сказал Темезиус, мы еще встретимся».

Орлак почувствовал, как в этом странном человеке что-то неуловимо изменилось. Какая сила укрепила его дух, почему он не пал к ногам бога, моля о пощаде? Это было непонятно, но впечатляло. Он говорит и держится так, словно принадлежит братству Паладинов. В нем нет страха. Да, с таким противником скучать не придется. Орлак кивнул. Это означало: «возможно, ты прав». Сейчас бог и человек напоминали поединщиков, которые передают друг другу свои мечи, чтобы осмотреть их перед боем.

«А теперь уходи и спрячься, – усмехнулся Орлак. – И жди меня».

Теперь бог чувствовал, как дует ветер. Он раскинул руки, словно хотел обнять весь мир. Его ноги попирали мягкую траву на вершине горы. Он вернулся. Он вернулся в страну, которую намеревался уничтожить.

Дух его врага все еще витал неподалеку. Орлак небрежно махнул рукой, и Тор внезапно почувствовал, что снова несется сквозь Пустоту.

Куда? Он не представлял, лишь понимал, что летит очень быстро... и вдруг словно наткнулся на незримую стену.

«Тор! – раздался у него в голове голос Лисе. – Как ты здесь оказался?»

Неожиданное появление Тора отвлекло Хранительницу. Только на миг, но Доргрилу было этого достаточно. Багровый туман промчался перед мысленным взором Тора и исчез, покинув пределы Пустоты.

«Лисе...»

«Нет!» – застонала Лисе – так громко, что Тор сжался, как испуганный ребенок. Он мог лишь смотреть туда, куда смотрела она. Из Пустоты можно видеть все, что происходит в других мирах, и Тор понял, что так ужаснуло Лисе. Багровый туман окутал Орлака, который по-прежнему стоял на вершине горы – теперь Тор узнал окрестности Кипреса.

Юноша-бог корчился, точно в судорогах, из груди рвалось хриплое рычание, его прекрасное могучее тело выгибалось немыслимым образом. На это не было сил смотреть.

«Скажи мне, что это не так», – прошептала Лисе, и в каждом звуке ее голоса был смертельный страх.

«Я не понимаю», – очень тихо отозвался Тор.

«Доргрил бежал. Орлак освободился, и Доргрил сливается с ним».

Тор снова обернулся. Теперь он слышал не только голос. Перед ним было что-то сияющее, невыразимо прекрасное. Женщина. И она плакала.

«Этого не должно было произойти, – рыдала она. – Я предала Сонм!»

Только сейчас Тор понял, что он видит Хранительницу Порталов, которая являлась ему – и не только ему – во снах, играла его – и не только его – жизнью. Она была так похожа на ту единственную женщину, которую он любил. Те же золотые волосы. Она была такой же маленькой, такой же хрупкой. Тора охватило смятение.

«Лисе, я вижу тебя».

«Я знаю. Тебе здесь не место, Тор. Как ты сюда попал?»

Тор понимал, что слышит ее мысли – иначе как бы могли ее слова набегать одно на другое, словно волны в море?

«Это Орлак. Он вырвал меня из Сердца Лесов. Мы немного поговорили, а затем он

отшвырнул меня... и я оказался здесь. А что за красный туман? Это про него ты говорила, когда являлась мне в прошлый раз? То, что никогда меня не коснется?»

Лисе разрыдалась еще горше. Может быть, дело в ее золотых волосах. Или глазах – он успел заметить их удивительный серо-зеленый цвет. Или в том, как она прячет лицо в узких ладонях. Так или иначе, но вопрос-мысль вырвался у него прежде, чем Тор успел себя остановить.

«Лисе, а ты случайно не родня Элиссе?»

Она подняла голову и отвела руки от лица – в точности как Элисса, когда она стояла на балконе и смотрела, как его убивают. Их взгляды встретились. Ошибки быть не могло. Тот же знакомый разрез глаз.

«Я ее мать, – твердо произнесла Лисе. В ее голосе больше не было страха, Хранительница вновь владела собой. – Идем. Тебе небезопасно оставаться в мире духов, а нам нужно о многом поговорить».

Тор вернулся в свое тело.

Он вскочил... и побледнел от ужаса. Его дети и Клут неподвижно лежали под деревьями.

«Они просто спят, – успокоила его Лисе. – Это особый сон, он приносит исцеление».

Тор удивленно поднял голову. Он по-прежнему прекрасно видел Хранительницу. Вот она, сидит в развилке дуплистого дерева.

«Как вышло, что я тебя вижу? Я же не сплю?»

Лисе грустно улыбнулась.

«Скажем так: тебе выпала особая честь. Только не проси, чтобы я встала и пошла. Мне дозволено лишь раз посетить мир людей. Но, соприкасаясь с деревьями, я могу возвращаться сюда. Щедрость Сердца Лесов и могущество Дармуда Корила велики, поэтому я здесь».

Страх, боль, унижение – Тору слишком много пришлось пережить. Он был едва жив, но сейчас хотел лишь одного – подойти к этой крошечной сияющей женщине как можно ближе. Превозмогая слабость, он заковылял к дереву, на котором она сидела, и опустился на мягкий мох.

«Красавица, – прошепелестела она, глядя на Лаурин. – Совсем как ее мать».

«И бабушка», – мягко откликнулся Тор.

Лисе улыбнулась.

«А теперь ты скажешь мне правду, Лисе?»

Она уже не раз давала ему понять, что это право нужно заслужить.

«Что ты хочешь узнать?»

«Почему ты бросила Элиссу?»

«Я не человек из плоти и крови, Тор. Я не могла оставаться в Таллиноре».

«Но тогда почему ты пришла в Таллинору?»

«Скоро ты сам это поймешь».

«Значит, нам с Элиссой суждено встретиться... и быть вместе?»

«Путь смертных предначертан богами, – таинственно ответила она. – Наберись терпения, Тор. И ты получишь ответы на все вопросы».

«Я могу ей сказать, что...»

«Что у нее есть мать, которая наблюдает за ней, но никогда ее не навещает? Мать-богиня? – Лисе рассмеялась. – Думаю, тебя и так ждет нелегкий разговор. Не стоит усложнять».

«А ты сама ей скажешь?»

«Конечно».

«И когда?»

«Когда придет время».

Снова тайны. Как его это бесит! Тор тяжело вздохнул. Конечно, Лисе не изменит ради него свое решение... и она права. Разговор с Элиссой и вправду обещает быть неприятным.

Сказать ей, что ее сын жив, что у нее есть дочь... При одной мысли о том, как встретит его любимая это известие, Тору становилось не по себе.

«Расскажи мне про Доргрила», – сказал он, и Лисе вздохнула – так же печально, как он сам.

«Доргрил сумел меня провести. Сотни лет он дурачил меня, болтая всякий вздор и жалуясь на свое унылое существование. Он хорошо постарался, и я поверила, что он безобиден», – в ее голосе послышалась досада.

«Лисе, тебе придется начать с самого начала. Я не знаю что было раньше. И поэтому не понимаю, о чем идет речь».

Хранительница перевела дух.

«Доргрил – один из Сонма. Он приходится братом королю Дарганоту и жаждет получить его корону. У младших братьев часто возникают такие желания».

Она явно взвешивала каждое слово.

«Продолжай», – кивнул Тор.

«У Доргрила созрел хитроумный план погубить брата и получить его корону. Однако весть о том, что королева Эвагора ждет ребенка, спутала его планы. Теперь Доргрилу предстояло избавиться и от короля, и от наследника».

«От Орлака?» – спросил Тор.

«Вот именно».

«Значит, замысел Доргрила провалился».

«Доргрил был близок к успеху, Тор. Он был уже готов совершить свое злое дело – убить короля и маленького принца. Когда королева объявила о своей беременности, Доргрил заколебался. Но он был слишком горд, слишком уверен в себе, это его и погубило. Жена Доргрила узнала об измене, которую готовит ее супруг, и рассказала об этом королю. Дарганот был потрясен, но не пожелал казнить брата. В мире еще не случалось подобного. Боги не сражаются с богами и уж тем более не убивают друг друга. Но Доргрил был опасен. Слишком опасен, чтобы ему позволили остаться среди богов Сонма. И тогда Дарганот принял решение. Он повелел изгнать брата в Пустоту – в этом месте и в самом деле ничего нет. Дух Доргрила покинул тело и много веков висел в Пустоте облаком багрового тумана. Ты уже его видел».

Лисе смолкла. Тору нужно было осознать все, что он только что услышал, а для этого требовалось время. Только бы он задал правильный вопрос...

Мысли вихрем проносились у Тора в голове. Любой разговор с Лисе превращался в настоящее испытание.

«Ты сказала "маленького принца". Значит, Орлак уже родился?»

Прекрасно. Значит, ее уроки не прошли даром!

«Тонко подмечено, Тор. Доргрила изгнали незадолго до того, как принц был похищен с Ордольта... с Поляны».

«Но почему Доргрил медлил, узнав, что королева ждет ребенка?»

Лисе ликовала.

«Пойми, Тор: рождения детей в Сонме ждут десятилетиями. Порой супруги проживают несколько человеческих жизней, прежде чем у них появляется ребенок... и бывает, что так и не дожидаются. Прежней королевской чете удалось произвести на свет двух наследников, близнецов. Это казалось невероятным. А вот еще одна причина, по которой Доргрила охватили сомнения. Он не мог знать, кто родится на этот раз, сын или дочь. Однако он был настолько самонадеян, что решил: если он уничтожит всю королевскую семью, то станет новым королем. Однако он слишком долго обдумывал новый замысел и упустил случай. Его жена, Ярго, выдала мужа».

Тор был потрясен. Он не ожидал услышать имя Ярго. Но времени у него в обрез. Если расспрашивать обо всех, кто так или иначе связан с этой историей, Лисе не успеет рассказать ему про Орлака, а это сейчас главное.

«А при чем тут ты, Лисе?»

О, да мальчика не просто сбить с толку!

«После того, как Орлака связали, было решено, что охранять его должен кто-то из Сонма. Орлак – бог и принц богов, поэтому заслуживает уважения и заботы. Но от него исходит угроза: он слишком долго прожил среди людей и не научился управлять своими чувствами, а значит, и своей силой. Узы, которыми он был связан, и волшебство Паладинов – вот и все, чем мы располагали, чтобы спасти Орлака от него самого, а Королевства от его гнева. В то время возникло слишком много вопросов, на которые нам надо было ответить, прежде чем принять окончательное решение.

И вот, наконец, у Старейшин Сонма родилась мысль о Триединстве. Это дерзкий замысел, он лишь сейчас приносит свои плоды. Ты тоже часть этого замысла. Мы всегда знали, что Паладины не смогут сдерживать Орлака до бесконечности. То, что они стояли столько веков, лишь доказывает их мужество и силу. Что же до меня... Я должна была следить за борьбой между Паладинами и Орлаком... и за тобой. Как Хранительница порталов, я могу странствовать по любым мирам. Когда Доргрила бросили в Пустоту, мне поручили стеречь и его. По правде говоря, мы не верили, что он все еще представляет собой угрозу. Как мы заблуждались!»

Тор нетерпеливо прервал ее рассуждения. Он уже давно понял, что его жизнь похожа на картинку-загадку, которую разрезают на кусочки, а потом складывают заново. И ему хотелось добавить еще несколько частей.

«Как ты думаешь, что задумал Доргрил? Что он получит, слившись с Орлаком?»

«Прежде всего, он получит тело. Пока он – бесплотный дух, а его собственное тело было уничтожено. Это страшное унижение для любого бога. Пока не пал Фиггис, Доргрил делал вид, что судьба племянника ему безразлична. И вдруг он заговорил со мной о ходе их противостояния. Это был знак. Мне следовало почуять неладное, но я... Он хитер. Он куда опаснее Орлака, потому что его ведет чистая ненависть».

Тор вскинул голову. Казалось, он окончательно запутался.

«Я была так беспечна. Так самоуверенна, – она с отвращением покачала головой. – Я решила, что Доргрил, как и сотни лет назад, всецело в нашей власти, что он больше никогда не сможет угрожать нам, что он – не более чем досадная помеха. А теперь, Тор, мы оказались перед лицом еще более страшной опасности».

Тор обхватил руками колени.

«Насколько все скверно?»

На самом деле, у него не было ни малейшего желания услышать ответ.

«Насколько? – Лисе издала злой смешок. – Доргрил захватил тело Орлака. Принц жаждет мщения и думает лишь об этом. Ничто не заставит его свернуть с этого пути. Но... его намерения, по крайней мере, известны. Теперь же появился Доргрил. Кто может сказать, чего может добиться бог, обладающий злобным, изворотливым умом, захвативший тело Орлака? Вспомни, какой силой обладает сам Орлак. Я начинаю опасаться за Таллинон и весь этот мир. За всех нас».

«Если Доргрил подчинит Орлака, наш мир будет уничтожен?»

Хранительница кивнула и опустила глаза.

«А чего хочет Доргрил?» – спросил Тор. Он начинал терять веру в себя.

Лисе недоуменно посмотрела на него. Неужели кто-то может не знать, к чему стремится безумный бог?

«Власть! Он мечтает о власти. Он страстно желает править. И если не Сонмом, то хотя бы смертными, которые не смогут ему противостоять. Орлак для него – просто орудие для достижения цели. И Орлак поможет ему, потому что Доргрил тоже обещает ему помощь. Я могу только догадываться, что задумал Доргрил. Но одну победу они уже одержали. Он вырвался из Пустоты, а его племянник – из волшебной клетки».

Тор потер глаза. За раз ему столько не переварить.

«А что нам теперь делать, Лисе?» – устало спросил он, отчаянно надеясь, что она знает ответ.

«Я должна об этом подумать... и посоветоваться с Сонмом. Пока же будем действовать так, как ты задумал. Орлак знает о тебе, но не знает, кто ты такой. Зато Доргрилу известно куда больше. Он приведет Орлака к тебе и твоим близким. Нам придется торопиться. Мы должны сделать все быстрее, чем собирались».

«Он не причинит зла моим детям, Лисе. Я готов защищать их даже ценой своей жизни».

Лисе печально улыбнулась.

«Может быть, тебе придется это сделать. Мне очень жаль, что я не смогла тебе помочь, Торкин Гинт».

Тор протянул руку и коснулся ее сияющей ладони.

«Это не твоя вина. Ты не могла предвидеть, что Орлак призовет меня. Скажи, а он может снова это проделать?»

«Представь, что твой разум закрыт щитом. Не допускай, чтобы этот щит исчезал даже на миг. Вспомни след Орлака и пользуйся своим даром, чтобы заранее почувствовать его приближение. Даже я не могу сказать, на что он сейчас способен... Хранительница сокрушенно покачала головой. – Слившись с Доргрилом и получив его мощь...»

«Я хорошо запомнил его. Почему-то этот след показался мне знакомым».

Лисе ничего не ответила и прижала к себе ветви дерева, словно хотела ими укрыться.

«Теперь я должна покинуть тебя, Тор. Думаю, таких встреч у нас больше будет».

Тор встал и поклонился.

«Эта встреча – великая честь для меня, Лисе».

«Держись, Тор, – ее сияющее лицо озарила улыбка. – Мы победим».

«Не забудь свое обещание. Поговори с Элиссой».

Она снова кивнула. На миг ее окутало ослепительное сияние, и Хранительница покинула этот мир.

Глава 32

Одержимый бог

Орлак скорее почувствовал, чем увидел приближение багрового тумана, но ничего не успел предпринять. Туман окутал его, а потом тело пронзила невыносимая боль. Туман словно стремился проникнуть в каждую пору его кожи. Да что же это такое?

Нет, он не уступит захватчику без боя. Орлак взревел. Он сделает все, чтобы изгнать из себя это чуждое создание.

Сколько продолжалась схватка? Мгновения? Часы? Этого Орлак не знал. Но когда он без сил распластался на вершине горы, в его голове зазвучал низкий спокойный голос – голос существа, которое хорошо владеет своими чувствами:

«Меня зовут Доргрил».

«Кто ты такой?» – бессильно выдохнул Орлак.

«Раньше я был одним из Сонма и жил в мире богов. Сейчас я гость сына и наследника того, кто им правил. А когда перестал быть одним и стал другим, я был никем и ничем – просто гневом».

«Но...» – беглец совершенно запутался.

«Я твой дядя», – спокойно объяснил не званный гость.

Орлак оцепенел от ужаса. Он помнил свое отчаяние, когда Сонм связал его, и сейчас переживал то же самое. Значит, они решили его уничтожить? И он говорит с посланником смерти?

«Убирайся вон!» – закричал Орлак.

«У меня нет тела, – весело ответил голос. Его обладатель явно забавлялся. – А твое мне вполне подходит. В конце концов, мы же родня».

Орлак попытался успокоиться. Он вспомнил, как воспитанник Меркуда отбросил страх и исполнился спокойствия, и сделал то же самое. Интересно, насколько захватчик может

проникнуть в его мысли.

Тягостные раздумья длились несколько мгновений. Пришелец молчал. Какое-то чувство подсказывало Орлаку: даже если ты боишься, не подавай виду. Притворись, что поддался, и постарайся побольше узнать о своем новом противнике.

«Чего ты хочешь, Доргрил?»

«Вот так-то оно лучше, племянник, – спокойно сказала существо внутри него. – Я намерен помочь тебе разрушить Таллинон. Ты ведь этого хочешь, не так ли?»

«А ты откуда знаешь, чего я хочу?» – огрызнулся Орлак.

«Я знаю, потому что много сотен лет следил за тобой. Ярадовался, когда гибли эти глупцы-Паладины. Жаль, что ты не мог услышать меня через Пустоту. Я ведь тоже находился там, и эта мерзавка Лисе глаз с меня не спускала. Она и представить не могла, как я хитер. Я притворился, что ты мне безразличен, но твои успехи придавали мне сил, мой мальчик. Я подбадривал тебя, я мечтал о твоей победе. Я знал, что ты победишь. Знал, что ты освободишь нас».

«Я не собирался тебя освобождать, Доргрил».

«Называй меня дядей, мой мальчик. Я брат твоего отца».

«Тогда почему ты не с ним... дядя?» – последнее слово Орлак произнес так, словно пробовал на вкус яд. – Почему ты не стал советчиком и помощником Его величества?»

«Неосторожность. Дарганот решил, что должен наказать меня в назидание другим, – Доргрил усмехнулся. – Он считал меня угрозой, когда мы были детьми. Мы с ним близнецы. Вся беда в том, что он слабее меня, хотя и родился первым. Будь я королем богов, наша жизнь текла бы совсем по-другому».

Орлак чувствовал, что силы возвращаются.

«Ты не останешься со мной», – произнес он и снова попытался освободиться.

Он боролся. Он требовал, чтобы не званный гость убирался, он прибегнул к волшебству, но жуткое существо крепко вцепилось в него. Вскоре боль стала нестерпимой: по сути, он избивал самого себя. Наконец, Орлак перестал сопротивляться и снова опустился на землю, тяжело дыша. Он обречен. Он стал одержимым.

Доргрил ждал. Несомненно, его вторжение потрясло этого юношу, который не состарился ни на один день с тех пор, как был Связан. Нужно просто выбрать удачный момент. А пока – молчать и ничего не предпринимать, пока мальчик не успокоится. Когда дыхание Орлака снова стало ровным, дядя заговорил.

«Между прочим, я могу тебе помочь».

«Как?» – угрюмо отозвался племянник.

«Я хорошо знаю человека, которого ты ищешь».

«Ты ничего не знаешь!» – яростно выкрикнул Орлак. В этот миг он был готов в отчаянии готов броситься с горы. Много веков подряд он без устали вел битву – и все зря. Теперь он во власти этого создания... Снова в ловушке.

«О, я неплохо осведомлен. Я знаю, как зовут этого человека. Знаю, что ты призвал его, чтобы он полюбовался, как ты добиваешь Темезиуса. Я знаю, как он выглядит. Я знаю, кого он любит, кто любит его».

Да, это и в самом деле стоит знать!

«И откуда это тебе известно?»

Он почувствовал, как существо заворчалось внутри него, словно устраиваясь поудобнее. Кажется, дядюшка получит большое удовольствие, делясь с ним своими познаниями.

«Я следил не только за твоей битвой. Я следил за человеком по имени Торкин Гинт. Да, первые столетия в Пустоте я не знал ничего, кроме отчаяния. Я был в гневе, я был оскорблен, а прочее было мне безразлично, – Доргрил издал колющий смешок. – Все, кроме унижения, которому меня подвергли. Лисе сказала мне о тебе пару слов, но какое мне было дело до того, с кем ты сражаешься и почему? Тебе все равно оставаться там целую вечность, подумал я. Но потом ты стал одерживать победу за победой. Ты сокрушал этих жалких недоумков,

которых поставили тебя стеречь. Я не мог не восхищаться твоим упорством. Потом я узнал, что с тобой случилось, и мне стало любопытно. Может быть, подумал я, тебе и впрямь удастся вырваться на свободу? Я стал следить за Меркудом и понял, что он ведет поиски, – но что он искал? Лисе отказалась мне объяснить. И вот в один прекрасный день я увидел, что он взял себе в ученики молодого деревенского писаря по имени Торкин Гинт. Понятно, что это было неспроста. Парень обладал удивительным даром творить волшебство. Конечно, это всего лишь «стихийный дар», а не то Искусство Силы, которое некогда почиталось. Он могуч, хотя... как может сила простого смертного сравниться с мощью богов? Однако Сонм верит, что Торкин Гинт спасет Таллино́р от твоего гнева. На него возлагают огромные надежды. Я помогу тебе найти и уничтожить его. Ты представить себе не можешь, какое это будет наслаждение».

Некоторое время Орлак хранил молчание. Над этим стоило хорошо подумать.

«А ты? – наконец спросил он. – Чего ты этим добьешься?»

«Я же сказал – наслаждение! Я люблю развлекаться. К тому же не могу упустить случай нанести Дарганоту ответный удар. Твоя сила, моя хитрость... Ты представить себе не можешь, во что мы превратим Таллино́р. Пусть случится все, чего так боится твой отец. Пусть страдают люди. А ты насладишься местью. Ты же знаешь: месть – это блюдо, которое всегда подают на сладкое».

Доргрил рассмеялся. Судя по тому, как звучал этот смех, он находился на грани безумия.

Как и мой, подумал Орлак. Но я никогда не сходил с ума. А вот Доргрил явно повредился в рассудке. Однако это не повод отказываться от расспросов.

«А что будет потом, Доргрил? После того, как мы сотрем Таллино́р с лица земли, уничтожим Королевства, разделаемся с Торкином Гинтом и всеми, кого он любит... что будет потом? Чего еще ты от меня потребуешь?»

Кажется, Доргрил не сразу нашелся, что ответить. Это продолжалось лишь миг, всего мгновение, но подтвердило подозрения Орлака. Он понял, что никогда не должен ему доверять.

«Ты мне поможешь, – сказал дядя. – Мы вместе уничтожим твоего отца и отомстим ему за все зло, которое он причинил тебе... и мне».

«Как? Насколько я понимаю, бога нельзя убить».

«Я завладею его телом – точно так же, как завладел твоим. Ты поможешь мне до него добраться, а потом мы с тобой мирно разойдемся, и каждый сможет делать то, что сам пожелает».

Орлак снова задумался. Теперь придется быть крайне осторожным. Несомненно, он в ловушке. Доргрил не собирается покидать его тело – по крайней мере, в ближайшее время. Своими силами ему с дядей не справиться – разве что удастся улучшить момент, усыпив бдительность захватчика. Но пока придется терпеть его голос у себя в голове, его дух в своем теле.

Значит, планы менять не стоит. Волей-неволей Орлак был вынужден признать: Доргрил и в самом деле может помочь ему найти врага. Как бы то ни было, теперь он вернулся в мир людей... а значит, ему придется не только жить, но и странствовать, как человеку. Ему придется пройти немало миль, год за годом вести поиски, которые вполне могут оказаться напрасными. Однако дядя может облегчить ему труд. Что же до него самого... Он еще что-нибудь придумает. Орлак уже понимал, что Доргрила придется уничтожить. Дядя ни за что не покинет его по доброй воле, и все эти разговоры о переселении в тело Дарганота – просто уловка. Но пока надо сделать вид, что он поверил в этот обман.

«Хорошо. Но обещай, что оставишь мое тело, когда мы вернемся в мир богов».

Это обещание ничего не стоит, подумал он.

«Согласен», – откликнулся Доргрил, и в голове Орлака снова загредел его безумный хохот. Юноша поднялся и зашагал вниз по склону.

«Итак, с чего мы начнем?»

Доргрил оказался в своей стихии. Плести заговоры было его любимым занятием.

«Прежде всего, не торопись. Ты сообщил Торкину Гинту, что возвращаешься в этот мир. Пусть какое-то время пребывает в смятении. Увидишь, оно будет становиться все сильнее».

«Ты недооценил его. Он меня не боится».

«Возможно, – спокойно ответил Доргрил. – Истина в том, что он себе не принадлежит. Он живет лишь для того, чтобы сразиться с тобой, и это неизбежно, мой дорогой племянник. Но у него есть друзья, которые ему дороги. И, что еще лучше, у него есть жена и дети, которых он безумно любит. Сейчас его дети вернулись к нему, в Сердце Лесов. Для него нет большего счастья в жизни, чем они. Но чем дорожишь, за то и дрожишь».

Орлак смутился. Ему показалось, что дядя плетет у него голове какую-то паутину из слов.

«Не стоит бросаться на поиски Торкина Гинта, – продолжал Доргрил. – Первым делом найди кого-то из тех, кого он любит. Он будет думать только о том, как защитить их, и пропустит твой главный удар. Гибель любимого существа – это потеря, к которой никогда по-настоящему нельзя быть готовым. Торкина Гинта охватит отчаяние. Он сможет разве что обороняться, но на то, чтобы нанести удар самому, ему не хватит сил. И у тебя появится возможность его уничтожить».

Потрясающе. Доргрил и вправду мудр... и его ум не скован правилами чести.

«И все-таки, с чего мы начнем?» – спросил Орлак.

«Время – наш союзник, мой мальчик. Для начала нужно выбрать какое-нибудь приятное местечко и поселиться там. Я слишком долго пробыл в Пустоте и соскучился по роскоши. Не стоит упускать случая насладиться жизнью. А уже потом можно убивать. Кажется, одно такое я знаю».

Доргрил явно наслаждался собой.

«Где это?»

«Кипрес. Это как раз неподалеку отсюда. Королеву Кипреса не так давно убили, в стране смута. Это местечко так и просится, чтобы его прибрали к рукам, а дворец с его богатствами – как раз то, что нам надо. Он как будто нарочно создан для того, чтобы строить планы».

«Значит, в Кипрес», – согласился Орлак.

Его дядя усмехнулся. Сегодня он неплохо поработал.

И он поудобнее устроился в теле бога, которого вознамерился уничтожить.

Глава 33

Нежданные гости

Элисса сидела в своем любимом кресле и отказывалась замечать яства, которые красовались перед ней. Ее не привлекало даже благоухание знаменитого куриного бульона, прославившего королевскую повариху на весь Таллинор. Сегодня вечером королева просто забыла о том, что может быть голодна. Все ее мысли были о странном случае, который произошел в прошлый Восьмерик. Снова и снова королева вспоминала тот вечер. Она много танцевала, перекидывалась шутками с Джилом. Да, день был долгим и утомил ее, а потом еще эти танцы... но не настолько, чтобы на глазах у всех лишиться чувств.

Лекарь Келвин настоял, чтобы она несколько дней отдыхала и ничего не делала, а также прописал укрепляющий настой, на вкус совершенно омерзительный. Одного глотка было достаточно, чтобы понять: почтенный целитель смешал все травы успокаивающего и снотворного действия, которые смог найти. Больше всего Элиссе хотелось выплеснуть это снадобье в окно. Однако рядом, мрачнее тучи, стояли Лорис и Джил, и ей ничего не оставалось, как осушить кубок.

Не исключено, что отвар и в самом деле помог. Вынужденная два дня провести в постели, Элисса внезапно почувствовала себя отдохнувшей, хотя терпеть не могла всю эту

суету вокруг своей особы. Зато Лорис перебрался в покои супруги. Как ей нравилось, когда каждый вечер, сжимая ее в объятьях, он приказывал слугам «не беспокоить»! Элисса понимала, насколько ее обморок напугал короля. Можно не сомневаться в тот миг он с ужасом вспоминал, как Найрия умирала у него на руках.

Элиссе не грозило умереть. Но она знала, что причина ее обморока не усталость после бурного вечера, не общий упадок сил и не пища, которая непонятно почему оказалась несвежей. Все почему-то решили, что всему виной перепелиные яйца. На первый взгляд, могло быть и то, и другое, и третье, но если разобраться... Почему пострадали только двое, она и Саллементро? Забавно, но ведь с Саллементро случилось в точности то же самое, что и с ней. А может быть, не с ними, а с Сердцем Лесов? Вот в чем Элисса не сомневалась Сердце Лесов – это единственное, что связывает их. Иначе чем это можно объяснить?

Вот почему сегодня вечером она выгнала из своих покоев всех, сославшись на головную боль. Элисса не любила врать. Однако Лорис как раз отправился по какому-то неотложному делу на запад – сказать по правде, очень неохотно. Теперь, когда исчез главный источник суеты, оставалось избавиться от остальных. Ей хотелось отдохнуть от неусыпного внимания и спокойно поразмышлять.

Что могло случиться? Что так встревожило Сердце Лесов, если отголосок докатился до нее и связанного с ней Паладина? Элисса вспомнила о Саксене. Где он сейчас? Может быть, тоже лежит где-нибудь без сил. А Клут? Нашел ли его Саксен? Почувствовал ли сокол, что мир снова пришел в движение?

В конце концов, ее мысли обратились к Тору, и на этот раз Элисса не стала этому противиться. Как бы ей хотелось, чтобы его чудесный голос снова зазвучал у нее в голове! Чтобы он сам оказался рядом! Ей так страшно... Молодая женщина боролась с этим страхом, пока могла, но сейчас, когда она сидела в своем любимом кресле перед чашкой с остывающим бульоном, ему наконец-то можно было дать волю.

Пал последний из Паладинов. Орлак вырвался на свободу. Так вот в чем дело! Ничто другое не заставило бы Сердце Лесов кричать от боли, ничто не заставило бы тех, кто связан с ним, ощутить эту боль. И голоса, которые она слышала в тот миг... Выходит, это Орлак наносил последний, смертельный удар Десятому?

Элисса содрогнулась. Ничего другого ей на ум не приходило.

В дверь робко постучали, и в покои на цыпочках вошла ее новая служанка – девушка весьма чувствительная, хотя и расторопная. Вся дрожа от волнения, она спросила, не угодно ли Ее величеству принять Саллементро. Время было уже позднее.

– Конечно. Пригласи его. Я сейчас выйду. И отправь всех спать, Татя. Мне больше ничего не нужно, благодарю тебя.

Служанка учтиво поклонилась и исчезла. Элиссе не понадобилось много времени, чтобы собраться. Однако когда она вышла в приемную, певец уже стоял у окна. Услышав ее шаги, он обернулся, и его печальное лицо озарила улыбка.

– Как вы себя чувствуете, Ваше величество? – он низко поклонился и поцеловал ей руку. – Какое это счастье – снова видеть вас.

Элисса кивнула, но не позволила своей ладони выскользнуть из его пальцев.

– Все прекрасно, Саллементро. А как ты?

Они говорили, как старые друзья.

– Перепелиные яйца тут не при чем, Элисса.

– Я знаю, – мягко ответила она.

– Я толком не понимаю и никогда не понимал. Просто такое чувство, будто все дело в том, что я – один из Паладинов и связан с тобой.

Королева шагнула к Саллементро и обняла его.

– Уверена, – тихо проговорила она, – Орлак вырвался на свободу.

И ощутила, как все его тело напряглось.

– Значит, ты в опасности! А я должен тебя защищать, как обещал Саксену! – воскликнул он, хотя не чувствовал в себе достаточно смелости.

– По правде говоря, я тоже не совсем понимаю, что происходит. Думаю, нам всем грозит беда, Саллементро. Всем, кто ведет эти странные поиски. Саксену, Клуту, нам с тобой... Всем, кто остался жив и обитает в Сердце Лесов.

– Что нам делать?

Она вздохнула, выпустила руку певца и устремила взгляд в окно, у которого он стоял.

– Я не представляю, что делать без Тора, Саллементро. Он был Тем Самым. Единственным орудием в борьбе с нашим врагом. Я не знаю, кого просить о помощи, кому можно хоть что-то рассказать. Лорису? Хотелось бы, но я сомневаюсь что Его величество в такое поверит. А ты как думаешь?

Музыкант обернулся и положил руки ей на плечи.

– В прошлый Восьмерик мы получили знак. Думаю, нам нужно ждать следующего.

Элисса поморщилась. Она чувствовала, как страх снова начинает расти.

– Но у кого хватит сил остановить бога, который решил уничтожить мир?

– Ни у кого из нас не хватит, – Саллементро не ожидал, что его голос зазвучит так уверенно. – Поэтому нам надо ждать, Ваше величество. В этом мире есть силы, которые не подчиняются нашей воле. Надеюсь, что Лисе скоро посетит меня и подскажет, что я должен делать.

– Что ж, у тебя есть хотя бы Лисе.

Он сделал вид, что пропустил колкость мимо ушей.

– Саксен тоже должен был это почувствовать. Где бы он ни находился, он поспешит вернуться к тебе. В этом нет никаких сомнений. Давай простождемся.

– И что тогда? Будем втроем сражаться против бога? Как? Я не в счет – я уже никогда не смогу творить волшебство, – она коснулась зеленого камня у себя на лбу.

– Я всей душой надеюсь, что знак будет. Что-то подскажет нам, что делать дальше.

Снова постучали. Элисса обернулась так резко, что юбки взметнулись.

– Меня больше ни на миг не оставляют одну. Все думают, что я вот-вот умру, – пожаловалась она, направляясь к выходу. – Надо же, королевы Таллинора повадились умирать!

Проклиная себя за эту язвительность, порожденную внезапным страхом, она настежь распахнула дверь. Татя, стоявшая на пороге, испуганно отступила назад, подобрала юбки и учтиво сделала реверанс.

– Ну? – спросила королева.

– Простите, что побеспокоила, Ваше величество... Это вам. Гонец сказал, что надо передать как можно скорее и прямо вам в руки.

Элисса посмотрела на грязный, кое-как свернутый обрывок пергамента.

– Кто это передал?

– М-м-м... один старик, Ваше величество. Он... Э-э-э... просил, чтобы я вам передала... что у Руфуса Акре наконец выпали все зубы, – служанка передернула плечами. Она понимала, что это звучит как полная бессмыслица, но ослушаться не посмела.

Не может быть. Элисса коротко рассмеялась, чтобы никто не понял, как она потрясена. Услышать это имя после стольких лет... Руфус Акре, чьи зубы походили на неровный ряд могильных плит, отчаянно пытался поймать ее букет во время Танца Цветов в Мятном Доле. В тот день она надеялась, что Торкин Гинт попросит ее руки. Королева в смятении покачала головой. Только два человека знали, кто такой Руфус Акре и чего он хотел. Только Тор и она сама.

– М-м-м... – Татя протянула свиток. – Помощник прайм-офицера сам говорил с этим стариком. Он уверяет, что я могу вам передать свиток, Ваше величество. Он сказал, что это просто безобидный дедушка, который выжил из ума. И еще Джил... э-э-э... то есть помощник прайм-офицера, решил, что... может быть, это письмо от вашего отца.

Элисса взяла свиток и снова покачала головой, все еще погруженная в воспоминания, которые охватили ее при имени Руфуса Акре. Татя все еще стояла на пороге, и королева, поспешно поблагодарив ее, захлопнула дверь, прежде чем она еще раз успела поклониться.

– Надеюсь, не самые скверные новости? – спросил Саллементро.

– Нет, – Элисса подошла к письменному столу. – Но это очень странно.

Нахмурившись, она срезала воск, развернула свиток и прочитала послание. Певец заметил, как у нее округлились глаза.

– Саллементро... это от Саксена.

– Что он пишет? – менестрелю показалось, что с плеч упала целая гора.

– Странно, – Элисса подняла голову. – Он хочет, чтобы я встретила с ним в маленьком лесу, что к западу от дворца.

– Зачем?

– Вот это и странно. Он не объясняет. Он хочет, чтобы я туда пришла, и с ним будет какой-то человек, которого он не может привести во дворец.

– Ты хочешь сказать, что Саксен здесь?.. Сейчас? И ждет тебя?

– Похоже на то, – она протянула послание Саллементро, и юноша пробежал его глазами.

– Он настаивает, чтобы ты не брала с собой никого, кроме меня...

– Разве это не странно? – воскликнула Элисса. – К чему такая таинственность? При чем тут Руфус Акре? Ты знаешь, кто такой Руфус Акре? – Вот и он не знает.

– А кто такой Руфус Акре?

– Да никто! – нетерпеливо воскликнула Элисса. – Только Тор мог такое придумать. Но он мертв.

Музыкант задумчиво прикусил губу.

– Может, Тор когда-нибудь рассказывал Саксену про Руфуса Акре. Поэтому Саксен и решил: если ты услышишь это имя, то поймешь, что тебе ничто не угрожает. Только мне кажется, что он неспроста все это затеял. Но Саксену я доверил бы даже свою жизнь.

Элисса посмотрела на него.

– Я тоже доверю ему свою жизнь. Нам стоит с ним встретиться.

– А как выйти из дворца, чтобы никто не заметил?

– Я знаю, – она не колебалась ни мгновения.

– Но тебе не кажется, что это может быть ловушкой? Может, стоит известить Джилу?

– Я помню почерк Саксена, – Элисса пожала плечами. – Скажешь, кто-то заставил его писать, приставив нож к горлу? В таком случае он скорее позволил бы себя убить. Нет, я уверена, записка от Саксена. Только вся эта скрытность меня смущает. И откровенно говоря, Джил будет последним, кого я об этом оповещу. Он и так носится со мной, как курица с яйцом, а от таких вестей просто сойдет с ума и прикажет «Щиту» прочесать все леса в округе. Он терпеть не может всякие туманные намеки и двусмысленные послания.

– А Его величество?

Она поняла намек.

Лорис в отъезде, Саллементро. Сейчас я полновластная правительница Таллинора – по крайней мере, в стенах этого Дворца. Так что буду творить, что пожелаю, – она улыбнулась. – А сейчас я желаю надеть плащ.

Прежде чем выйти, заговорщики постояли у двери, но ничего не услышали. Когда уезжал Лорис, во дворце царила тишина. По мнению Элиссы, весь шум и суету создавал Его величество. Отодвинув засов, королева приоткрыла дверь, и стражники, стоящие при входе, тут же вытянулись во фронт. Элисса и Салламентро вздрогнули. Вот так неожиданность!

– Ваше величество... – один из них церемонно склонил голову. Элисса взяла себя в руки.

– Кто приказал вам стоять у моих дверей?

– Помощник прайм-офицера Джил, Ваше величество.

– Как тебя зовут?

– Имон, Ваше величество, – он снова склонил голову. – Из отряда «Щит».

– Послушай, Имон из отряда «Щит», я не ребенок, я не больна и не позволю, чтобы меня так опекали. Я всего лишь лишилась чувств, и это было давным-давно! А сейчас я

собираюсь прогуляться в обществе Саллементро, и не хочу, чтобы кто-то ходил за нами по пятам. Ты понял меня?

– Так точно, Ваше величество. Я извещу помощника прайм-офицера, что вы...

Элисса повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Никого ты не известишь, Имон из отряда «Щит». Я сама зайду к нему и скажу все, что об этом думаю. Возможно, ты забыл, что он мой сын. А посему вы оба будете слушаться приказов королевы.

Стражник не ожидал такой атаки.

– Как пожелаете, Ваше величество.

– Я так желаю, – ответила Элисса и зашагала прочь. Саллементро едва поспевал за ней.

– Да, ты можешь быть суровой, когда захочешь, – прошептал он. Это было и в самом деле потрясюще.

– О, ты еще много не знаешь, – ответила Элисса, и он понял, что она едва сдерживается, чтобы не прыснуть от смеха. К счастью, всевидящее око «Щита» уже не следило за ними.

Беглецы направлялись к кухне. Те, кто еще не лег спать и по той или иной причине бродил по коридорам дворца, встречали королеву удивленными взглядами. Время было к ночи. Однако Элисса держалась на редкость надменно и даже дала двум пажам какие-то поручения.

«Великолепна», – подумал Саллементро. Он никогда еще не видел ее такой. У него на глазах Элисса превращалась в настоящую королеву, правительницу, исполненную достоинства. Она больше не та девочка, которой когда-то была. Не та прелестная молодая женщина, которая стала помощницей короля. Она королева, внезапно понял менестрель. Высокородная дама.

– Кто-то непременно скажет Джилу, – предупредил он. Нас слишком многие видели.

– Ну и пусть, – бросила Элисса через плечо. – Я не боюсь Джила. И мы уйдем прежде, чем он устроит погоню.

Вечер был скучным. Джил не настолько устал, чтобы ложиться спать: единственное, что могло утомить – это обход окрестностей дворца и бойниц. Ночная стража заняла места, начальники отрядов бдительно следят за всем, что происходит, и готовы принять должные меры. Он больше не нужен. Жаль, что не удалось отправиться с королем. Прайм-офицер Херек настоял, чтобы его помощник остался во дворце и принял на себя командование. Джил повиновался, но чувствовал себя неуютно. И... Во имя Света! Почему ему то и дело вспоминается девушка, которая в одиночку отправилась в Эксен через холмы? Что с ней случилось? Может быть, ее уже нет в живых?

Лаурин... Красивое имя. Наверно, такое же красивое, как сама девушка. Джил помотал головой, отгоняя эти мысли. Пожалуй, стоит навестить мать. Он до сих пор не мог успокоиться после того, что произошло во время празднования ее Дня Наречения. У нее всегда было такое крепкое здоровье! Юноша ломал голову, пытаясь найти объяснение этому странному случаю, но не придумал ничего подходящего. Он позволил лекарю Келвину считать, что Его величество слегка отравилась перепелиными яйцами, но прекрасно знал, что его мать терпеть не их может. Разве что... Кажется, их добавляют в печенье и крем.

В ее глазах он читал, что она считает это объяснение полным вздором и приняла его лишь с тем, чтобы успокоить приемного сына и мужа. Хорошо, что тогда случилось с Саллементро? Музыкант упал почти в один миг с королевой и тоже лишился чувств. Почему никто не придает этому значения? Джил попытался расспросить Лориса, но король запретил ему даже думать об этом. Похоже, Лорису очень не хочется понять, что перепелиные яйца тут не при чем... Но главное, что Элисса вполне оправилась. Сейчас он поднимется в покои матери, и они вместе поужинают. Может быть, в разговоре прозвучит какое-нибудь слово, которое прольет свет на эту загадку.

Однако в покоях королевы было пусто. Стражники, которых он сам там поставил,

исчезли. Подозвав пробежавшего мимо пажа, Джил приказал ему немедленно найти Имона из отряда «Щит» и привести как можно скорее.

Когда мальчик скрылся в коридоре, он тихо постучал в дверь, но никто не отозвался. Джил прислушался. Тишина. Он постучал еще раз. Все это очень странно. Почему не отвечает никто из служанок? Может быть, королева легла спать пораньше и отпустила их? Не исключено. Но куда подевались стражники?

Покои не должны быть заперты. У входа в башню – главный пост стражи, мимо которого никто не сможет пройти незамеченным, поэтому безопаснее нее места во дворце нет... Так и есть. Дверь открылась от легкого толчка. Джил вошел в приемную. Странно, здесь горели лишь две свечи, почти вся комната была погружена во мрак. Юноша уже собирался пройти в спальню, чтобы убедиться, что его мать спит спокойно, когда услышал за спиной покашливание. Обернувшись, он увидел на пороге ратника.

– А, Имон... Кажется, я приказал тебе и твоему товарищу охранять покои Ее величества. Или я ошибаюсь?

Имон вытянулся по струнке.

– Нет, вы не ошибаетесь, сударь.

– В таком случае я хочу знать, почему вы покинули пост?

Джил хотя и говорил ровно, однако уже весь кипел от гнева.

– Ее величество королева Элисса, покидая покои, отпустила нас.

– Она вас отпустила, и вы не сочли нужным известить об этом меня?

– Ее величество запретила мне извещать вас. Она ясно дала нам понять, что посетит вас сама и обо всем с вами поговорит, сударь.

Да, такого от своей матери Джил не ожидал. Неужели она не понимает, что лишает его уважения ратников, которого он добивался с таким трудом?

– Ее величество ко мне не заходила. Я вообще не видел ее с самого обеда.

Имон сконфуженно опустил глаза и принялся изучать плитку под ногами своего командира.

– Ну, и еще она сказала, что собирается прогуляться... сударь.

Во имя Света! Чем дальше, тем лучше.

– Она была одна?

Не хватало только, чтобы его мать бродила в крошечной темноте без сопровождающих!

– Нет, сударь. Ее сопровождал музыкант Саллементро. Джил задумался. Конечно, это немного меняет дело... но его мать никогда не была любительницей ночных прогулок.

– Скажи, Имон, она получала через служанок какие-нибудь послания?

– Получала, сударь. Служанка принесла ей свиток, и Ее величество почти тут же покинула свои покои.

– Понимаю... – молодой офицер вздохнул. – А она не говорила, куда именно направляется?

– Нет, сударь. Ее величество отпустила слуг, а потом и нас. И была очень разгневана, когда увидела, что мы стоим прямо у ее дверей.

– Да уж... – Джил много бы отдал, чтобы взглянуть на это послание. – Можешь идти, Имон. Но на будущее запомни: в отряде «Щит» служат только лучшие воины королевства, и это главное в твоей жизни. Ты не обязан исполнять приказы, которые противоречат приказам твоего офицера. Понятно?

– Да, сударь. Но Ее величество была в гневе, сударь.

Джил едва не расхохотался. Его мать в гневе? Что за чушь!

– Ты свободен, – устало проговорил он.

Ратник отсалютовал и поспешно удалился.

Джил сел и еще раз припомнил все, что произошло после того, как старик передал его матери то послание. Он был таким дряхлым и слабым, что один его вид мог тронуть любое сердце. Он даже не осмелился просить, чтобы королева приняла его, просто передал письмо.

По словам старика, он был родом из тех же мест, что она, и знал ее отца. В записке нет ничего такого, что может повредить королеве, сказал он, просто кое-какие новости. Просто письмо отца к дочери. Джил не почувствовал угрозы. В конце концов, это просто несколько слов на листке пергамента. Но куда его мать могла отправиться? И что было в той записке?

Он уже догадался, что Элиссе придется покинуть дворец тайком. Она знает, что ее сын не обрадуется, узнав, что она покинула среди ночи дворец, где находится под его защитой. Но как ей это удалось? Конечно, она прошла через кухню! Чтобы понять это, не нужно долго ломать голову. Ее величество хорошо изучила дворец, и для нее не секрет, что в том крыле есть множество выходов.

Через миг Джил уже мчался вниз по лестнице, прыгая через три ступеньки и чувствуя спиной удивленные взгляды стражников. Он просто не мог допустить, чтобы после всего, что случилось в прошлый Восьмерик, его мать подвергала себя опасности. В конце концов, он помощник прайм-офицера, и его долг – защищать королеву Таллинора.

Повариха помешала кочергой тлеющие угольки – в последний раз за этот вечер. Теперь до рассвета за очагом будет следить кто-нибудь из судомоек... или какой-нибудь маленький негодник, один из тех, кто помогает на кухне. Как же она утомилась... Завтра во дворец возвращается Его величество, и надо приготовить его любимые блюда. Она всегда так делает перед его приездом... Но сегодня она совсем выбилась из сил. Наверно, это потому, что недавно был пир в честь Дня Наречения королевы... когда случилось это несчастье.

Повариха покачала головой, ткнула кочергой в головешку, и ее охватило яркое пламя. Кому могло прийти в голову, что перепелиные яйца были несвежие, а она не заметила и подала их к столу! Возмутительная ложь, которая даже не стоит того, чтобы ее оспаривать... Толстуха пригнулась и принялась со всей силы раздувать пламя. Яйца были самые свежие – как всегда. На самом деле Ее величество неспроста лишилась чувств, но об этом все молчат. Ну и пусть. Ее совесть чиста.

Слава Свету, Ее величество теперь жива и здорова, и ее любимый певец тоже. Вот что главное... Повариха со стоном распрямилась, потерла поясницу и вдруг услышала чьи-то шаги и шепот. Она обернулась. Легки на помине! На пороге кухни стояла Элисса, одетая для прогулки, а рядом с ней Саллементро.

Повариха улыбнулась.

– Ну, здравствуйте, моя королева. Что привело вас к нам на ночь глядя?

Элисса прижала палец к губам.

– Тише, дорогая, – она говорила почти шепотом. – Я хочу немного прогуляться, только чтобы никто не знал. Этот несносный лекарь не дает мне выйти из покоев – если бы ты знала, как мне это надоело! Я уже прекрасно себя чувствую и хочу немного подышать свежим воздухом. Ты мне поможешь?

– Помочь вам, Ваше величество? Как?

Элисса взяла повариху под руку и заговорщически подмигнула.

– Мне составит компанию Саллементро.

Музыкант скорчил гримасу, всем своим видом показывая, что смирился с неизбежным.

– Я проберусь через ледник, – продолжала Элисса. – Если кто-нибудь будет спрашивать, видела ли ты меня... пожалуйста, умоляю тебя, скажи, что не видела!

– Но почему, девочка моя?

– Потому что мне надоело, что со мной носятся, как с немощной калекой. Я просто лишилась чувств. И яйца тут совершенно не при чем. А помощник прайм-офицера взял меня под стражу, ты представляешь? И я решила напомнить всем, что я королева. Почему меня подвергают подобному унижению? Правительница Таллинора вправе дышать свежим воздухом, когда пожелает, даже среди ночи.

Огромные серо-зеленые глаза смотрели на повариху с мольбой. Разве можно было перед таким устоять? По правде говоря, толстуха была счастлива. Раз королева весела и проявляет свой нрав, значит, она в добром здравии. О да, Ее величеству хватает и упрямства,

и своеволия – просто она нечасто это показывает.

– Конечно, моя дорогая. Я никого не видела. Я раздувала пламя в очаге и думала только о том, как бы побыстрее уйти с кухни. Если вы и проходили мимо, то я вас не заметила.

– Спасибо тебе, – Элисса чмокнула подругу в пухлую щеку. – Если бы ты знала, как мне помогла!

– Тогда убегайте, пока я вас не увидела.

Повариха отвернулась и в последний раз помешала угли. Огонь под огромным чаном, в котором побулькивала овощная похлебка, весело разгорелся. Можно не сомневаться, до утра он не погаснет. Повариха не знала, пойдет ли Элисса через ледник, но... почему бы и нет?

Прибежала судомойка, повариха объяснила ей, что следует сделать до рассвета, потом сняла передник, повесила его на крючок и потянулась. Вот уже сорок лет она вешает свой передник на этот крючок. Она зажмурилась, широко и сладко зевнула... а когда открыла, в дверях дворцовой кухни стоял помощник прайм-офицера.

– Свет всесияющий, сударь! Как вы меня напугали! – повариха прижала руку к своей необъятной груди.

– Простите, почтенная. Кажется, вам давно было пора зевнуть, и я не осмелился вам помешать, – он подмигнул, подошел к толстухе и крепко обнял ее.

Повариха обожала мальчика – с тех самых пор, когда его нашли привязанным к воротам дворца. Это была любовь с первого взгляда.

– Что готовим?

– Как всегда, овощную похлебку. Скушай тарелочку, Джил.

– Непременно, только чуть попозже. Ах, какой аромат...

Он запустил деревянную ложку в котел, попробовал и зажмурился.

– М-м-м... восхитительно. Кстати... Вы, случайно, не видели нынче вечером мою маму? Совсем недавно?

Джил спросил об этом как бы невзначай, но повариха была начеку. Как бы она ни любила сына, мать была ее любимицей.

– Ее величество? Нет, конечно. Я как раз собиралась идти спать, Джил...

– О, конечно. Не смею вас задерживать. Просто мне нужно срочно поговорить с мамой. Яобегаю весь дворец и нигде не могу ее найти.

– Не горюй, Джил. Твоя мама всегда любила побыть одна. Наверно, сидит в каком-то укромном уголке, читает или пишет.

– Гм-м... – Джил пристально посмотрел на повариху. – Наверно, так оно и есть. Доброй ночи.

Повариха покосилась на судомойку. Слава Свету, ее не было, когда Элисса заглянула на кухню. Ни у кого из прислуги нет такого длинного язычка, как у Нелли. И, как все девушки во дворце, она безнадежно влюблена в красавца Джила. Душу продаст за его поцелуй.

– Смотри, чтобы огонь не погас, Нелли. А не то утром шкуру сдеру.

– Конечно, сударыня, – отозвалась Нелли и почтительно поклонилась.

Удаляясь, повариха заметила улыбку, которую девушка подарила молодому воину. Улыбку эту трудно было назвать робкой. Повернувшись спиной к юным недотепам и чувствуя, что вот-вот упадет от усталости, повариха издала облегченное «ф-ф-фу!» – так резко, что ее пухлые щеки на миг стали совсем плоскими. И в самом деле, какая духота!

По полутемным дворикам королевского дворца украдкой пробирались двое. Элисса прекрасно знала, где стоят посты и когда стражники отправляются на обход. Еще будучи секретарем Лориса, она проводила целые вечера, беседуя с воинами: эти люди служили королю, и она должна была знать каждого. Скоро Элисса запомнила их имена, привычки, выяснила, когда и где сменяется караул. Стражники даже показали ей, как обходят окрестности. Теперь эти знания ейгодились. Она точно рассчитала, когда следует оказаться у маленькой железной калитки, чтобы беспрепятственно покинуть дворец. Когда

петли чуть слышно скрипнули у них за спиной, королева и ее верный друг прижались к каменной стене и какое-то время переводили дух. Наконец Элисса тихо рассмеялась.

– Забавно вышло, Саллементро.

– Надеюсь, ты так не скажешь, когда Его величество отправит меня на плаху за подобные забавы.

Однако и сам певец не мог сдержать улыбку.

– Вздор! – Элисса легко толкнула его в грудь. – Ты забыл, кого сопровождаешь, менестрель? Идем!

Держась за руки, они поднялись на пригорок. Когда-то Элисса часто сидела здесь с Саксеном, наслаждаясь возможностью побеседовать без посторонних ушей. Вдали смутно темнела кромка леса.

– Ты что-нибудь видишь? – шепнул Саллементро.

– Нет, – Элисса отбросила капюшон. – Давай подойдем поближе.

Едва она успела договорить, как впереди вспыхнул крошечный огонек – вспыхнул и тут же погас. Если Элисса и менестрель смотрели чуть в сторону, они ничего бы не заметили. Один из Небесных Огней заблудился, с нежностью подумала королева.

– Туда! – воскликнула она, выпустила руку Саллементро, подобрала полы плаща и бросилась к лесу – туда, где видела свет.

Саллементро последовал за ней. Вся эта затея с ночной прогулкой внезапно перестала ему нравиться. Непонятно почему у него в ушах снова зазвучали слова Элиссы: «Мы все обречены». Только этого не хватало. А если это все-таки ловушка и кто-то попытается навредить Элиссе? Что он будет делать?

И вдруг его тревогу как рукой сняло. Из-за деревьев вышел человек, которого Саллементро узнал бы даже в кромешной темноте.

– Саксен! – воскликнула Элисса, бросаясь в объятья клука. Конечно, следовало сохранять тишину... но она была слишком счастлива.

До этого мгновения бывший циркач и представить себе не мог, как ему не хватало этой чудесной женщины. Оказывается, все это время она оставалась для него хрупкой девочкой, почти ребенком, которую он с таким удовольствием поднял к куполу цирка тем вечером в Фрэгтлшеме – вечером, который изменил всю его жизнь. И теперь он снова держал ее в объятьях, с восторгом слушая ее счастливый смех. Он знал, что радость будет недолгой. Что ж, вот еще одна причина насладиться ею сполна.

– Поздравляю с бракосочетанием, моя королева! – клук чуть отстранился, а потом снова обнял, как дорогого друга. – Прости, что оставил тебя так надолго.

Наверно, следовало поклониться новой правительнице Таллинора, но Элисса, счастливая и сияющая, висела у него на шее... и против такого груза Саксен совершенно не возражал.

– Тебе повезло, клук. Ямогла бы приказать разрубить тебя на куски, но не сделаю этого, потому что влюблена в тебя по уши. Но это в последний раз. Никогда больше не бросай меня так надолго, – проворковала она, и клук почувствовал, что не он один умеет крепко обнимать.

– Саксен! – завопил Саллементро, который наконец-то догнал их. Саксен бережно опустил Элиссу на землю и сгреб менестреля в охапку, словно медведь.

– Осторожно! – застонал Саллементро. – Мои пальцы... Мне завтра играть на лютне!

– В гостях хорошо, а дома лучше, – клук широко улыбнулся, вдохнул свежий ночной воздух и заключил в объятья обоих разом – его руки были достаточно велики для этого. – Идемте со мной.

И он повлек их в рощу. Элисса была рада идти за ним куда угодно. Теперь она знала, что ей никто не угрожает.

– А к чему все эти тайны, Саксен? Саллементро не хотел меня отпускать – он решил, что это ловушка.

– Он проявлял осторожность, Ваше величество, – откликнулся Саксен. – И был

совершенно прав.

– Пожалуйста, зови меня Элиссой, – взмолилась она. – Хотя бы в кругу друзей. Ладно, что у тебя за ужасная тайна, которую нельзя раскрыть в стенах дворца? Кажется, ты собирався кого-то привести?

Улыбка Саксена исчезла. Теперь их скрывали деревья, и Элисса могла этого не заметить, но клук почувствовал неприятный трепет в животе. Вот он, миг, который решит все. Как Элисса примет весть, которую он принес? Хватит ли ей сил принять правду? Тысяча тревожных мыслей пронеслись в голове у Саксена, пока две пары глаз пристально и недоуменно смотрели на него. Он слишком долго пребывал в нерешительности. Лунное сияние лилось сквозь ветки деревьев, и он заметил, как по прекрасному лицу Элиссы пробежала тень беспокойства.

– В чем дело, Саксен?

Кажется, она догадалась, что ее ждут не самые приятные вести.

Клут тихо опустил руку на плечо Саксена. Прилетел, чтобы поддержать друга... На душе у клука потеплело, он погладил птицу, благодаря ее, и увидел, как глаза Элиссы снова сияют радостью.

– Клут! Саксен, ты его спас?

Клук кивнул. Слова застревали у него в горле. Оставалось лишь протянуть руку, позволяя соколу спуститься на запястье. Он поднес птицу Элиссе, и королева нежно поцеловала пернатого красавца. Это был сокол Тора, и она не могла его не любить.

– О, Клут... – на ее глазах показались слезы. – Ты жив. И снова с нами. Как будто и Тор тоже здесь...

Саксен похолодел. От этих невинных слов волосы у него встали дыбом. Бывший циркач покосился на Саллементро и в ответ на его немой вопрос грустно покачал головой. Он вернулся домой с дурными вестями. Но что, кроме них, привез этой прохладной ночью клук Саксен?

Что же до Клута, то причина его беспокойства пряталась в этот миг за деревьями и наблюдала за происходящим.

«Я не могу так с ней поступить», – проговорил Тор, мысленно обращаясь к своему пернатому другу. Говори он вслух, его голос бы дрогнул.

«Ты должен и знаешь это. Соберись с духом, Тор. Элисса куда сильнее, чем ты думаешь. Чем ты рискуешь? Тем, что она тебя возненавидит? У тебя нет выбора. Не забудь, Орлак уже на свободе».

При имени Орлака Тора охватил гнев. Теперь он уже ничего не боялся. Мятежный бог грозился разыскать всех, кого он любит? Значит, первой жертвой может стать Элисса. Чтобы защитить ее, придется открыть правду. Она возненавидит Торкина Гинта? Пусть ненавидит... но позволит себя спасти. Тор почувствовал, как слабеют колени.

Лаурин и Гидеон стояли справа и слева от отца, и Тор чувствовал их любовь, которая текла к нему, словно живительная влага.

«Не бойся, – шепнула Лаурин. – Если женщина по-настоящему любит, она не сможет презирать».

«Она простит тебя, отец», – добавил Гидеон, соглашаясь с сестрой.

Элисса попятилась и посмотрела на Саксена. Внезапно ей показалось, что человек, стоящий перед ней – уже не тот золотоволосый клук Саксен, которого она так хорошо знает. Что означает странное выражение его лица? Ему неловко, он встревожен... но ведь не потому, что Клут куда-то полетел? Саксен уже прочистил горло, но Элисса опередила его.

– Все равно, Саксен. Одним молчанием с бедой не справишься.

Клук молча кивнул.

– Мой отец умер?

– Нет Элисса. Я вообще не видел твоего отца. Это была просто хитрость.

Ему надо помочь, догадалась Элисса. Он измучился, исстрадался... Саллементро подошел сзади и взял ее за руку, но Элисса мягко освободилась.

– Значит, Гот? Ты что-то узнал о нем и боишься мне рассказать?

– И тот тоже. Но ради него я не стал бы вызывать тебя в лес среди ночи. Просто... я привел того, кто очень хочет тебя видеть.

И, к ее величайшему изумлению, опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

– Прости за все, что я возвращаю в твою жизнь, моя королева.

Что с Саксеном? Что за странные слова? Тысячи предостережений зазвучали в голове у Элиссy. Все ее тело кричало в тревоге. Саксен боится. Почему? Кого он привел, что пугает его настолько, что он не может заставить себя назвать имя этого человека?

«Выходи, Тор, – мысленно прошептал Клут. – Не медли. Наши сердца и наша любовь с тобой».

Приказав детям не показываться, пока он сам их не позовет, Тор вышел из-за деревьев. Когда сучок хрустнул у него под ногой, королева Таллинора обернулась.

Она уже перебрала в уме всех, кого знала, и ни на ком не остановилась. Кто он, этот таинственный посетитель? Когда хруст за спиной привлек ее внимание, она заметила в полумраке силуэт человека. Похоже, незнакомец прятался за деревьями. Элисса чувствовала, что у нее за спиной встал Саксен, что он протягивает руку, чтобы коснуться ее, и поспешно шагнула вперед. Таинственный гость по-прежнему оставался в тени. Рослый, широкоплечий... В этом было что-то до боли знакомое. Элисса затаила дыхание. Странно, почему никто не слышит, как бьется ее сердце. От этих громоподобных ударов закладывало уши, они должны поднять на ноги весь дворец! Гость приблизился еще на два шага. Невозможно. Он напоминал человека, которого не мог напоминать, которого просто не могло здесь быть. Когда он назвал ее по имени, Элисса окончательно убедилась, что разум играет с ней в какую-то страшную игру. Может быть, она спит? Должно быть, она уснула и заблудилась в собственных кошмарах. Но зачем Саксен послал ей этот сон? И почему человек, который только что вышел из тени, говорит голосом Торкина Гинта, почему он держится в точности как Торкин Гинт?

– Элисса... это я. Тор.

«Тор», – мысленно повторила Элисса. Внезапно ей стало нечем дышать.

– Но... Но Тор мертв. Саксен, что это за шутки? – ее голос предательски задрожал.

Саксен уже стоял рядом.

– Это не шутка, Элисса. Он жив.

Саллементро пришлось опереться о дерево, чтобы удержаться на ногах. Он не верил своим глазам и ушам.

Тор робко шагнул вперед. Еще два шага – и он сможет протянуть руку и коснуться ее. Элисса была так прекрасна, что дух захватывало – это было видно даже при тусклом свете луны. Потом Тор вспомнил, кто перед ним. Да, ее глаза широко распахнуты, как у безумной, она задыхается от волнения, и сердце у нее бьется, как у испуганной ласточки. Но эта женщина – королева Таллинора. Он должен преклонить колени и поклониться.

– Ваше величество...

Эти строгие слова развеяли страх, но не более того. Бесконечно потрясенная, Элисса смотрела на человека, которого любила всегда. Она больше не чувствовала собственного тела – оно слово онемело. Да, это и в самом деле он, красавец Торкин Гинт, отец ее мертвого сына. Этот человек безумно любил ее и ради ее спасения пошел на смерть. Она собственными глазами видела, как камень расколол ему голову. Она видела, как кровь хлынула у него из раны, и вместе с кровью ушла жизнь. Видела – и потому долгие годы пребывала в отчаянии, пытаясь смириться с потерей любимого.

И вдруг Элисса вспомнила, как странно держался Меркуд в день казни. Его ясные серые глаза глядели на нее так долго, словно старик хотел сказать что-то важное. Потом он все-таки заговорил, но произнес лишь одну фразу: «Найди Саллементро он один из Паладинов». И послал ей воздушный поцелуй. Это смутило Элиссу – да и не только ее. Херек, который тогда еще не был прайм-офицером, тоже отметил, что лекарь сам на себя не похож.

Словно десяток кулаков одновременно ударил ей в живот. Неужели Меркуд снова победил? Неужели старый хитрец сумел вырвать Тора из лап смерти?

Элисса обернулась и посмотрела на Саксена, но он стоял, потупившись, чтобы не встречаться с ней взглядом. Саллементро явно не участвовал в этом заговоре, но и он отвел глаза.

Королева снова повернулась к Тору. Он так и стоял, преклонив колени. Можно подумать, ему интереснее разглядывать травинки, чем ее.

Горе обрушилось на Элиссу, словно морская волна. Еще немного, и она захлебнется, не успев последний раз вдохнуть воздух. Боль, страдание, гнев... Три старых товарища, которые снова вернулись, чтобы потешаться над Элиссой Квин.

– Встань! – она наконец-то нашла силы заговорить. – Встань и посмотри на меня, предатель.

В первый миг никто не пошевелился. Этот приказ застал врасплох даже ее саму. Затем Тор поднялся на ноги.

– Посмотри мне в глаза, – приказала Элисса.

Тор чуть поднял голову, и крохотные огоньки, которые сопровождали его в течение последних дней, осветили его лицо.

Значит, это были все-таки Небесные Огни, догадалась Элисса. Ее трясло, и приходилось со всей силы стискивать кулаки, чтобы справиться с собой. Теперь, когда его лицо было озарено ярким светом, сомнений не оставалось. Таких невыносимо голубых глаз не могло быть ни у кого, кроме Торкина Гинта. В следующий миг Элисса разглядела красноватый шрам на лбу – след от того самого камня.

Гнев вскипел в ней. Элисса сделала шаг к Тору и занесла руку, и случилось то, чего не ожидал даже он. Как маленькая, хрупкая женщина смогла не просто дотянуться до его щеки, но и отвесить пощечину такой силы, что он пошатнулся?

А потом королева разрыдалась. Все слезы, которые скопились за годы печали, потоком хлынули из ее глаз.

«Тор! – предостерегающе крикнул Клут. – Сюда кто-то идет».

Джил обыскал весь дворец и его окрестности, но безуспешно, и не на шутку встревожился. Неудивительно: у него не оставалось сомнений, что королева находится за стенами дворца, хотя ворота оставались закрыты. Никто из стражи ее не видел, Саллементро тоже исчез. При этом все, как один, утверждали, что ни Ее величество, ни придворный менестрель во дворах дворца не появлялись. В таком случае, куда они подевались? В конце концов, юноша снова оказался возле кухни, но внутрь заходить не стал. Он уже не сомневался: если Элиссе захотелось тайком покинуть дворец, она нашла способ. Но зачем ей вообще понадобилось куда-то уходить?

В этот миг со стороны рожицы, из-за пригорка, донесся приглушенный вскрик. Звать подмогу было некогда. Джил со всех ног бросился туда. Только он один отвечает за безопасность королевы Таллинора. Если с головы его матери упадет хоть один волос, виновный заплатит за это собственной жизнью.

Юный офицер влетел в рощу с обнаженным мечом в руке, пробился через подлесок... и замер как вкопанный. Какой-то рослый темноволосый человек поднимался с земли. Похоже, кто-то сбил его с ног. Рядом стояли Саллементро и Саксен. Саксен? Будь он неладен! Он-то откуда взялся?

Клук обнимал за плечи королеву, а та безутешно рыдала.

– Во имя Света, что здесь происходит? – крикнул он, приставив к горлу незнакомца острие меча.

Саксен понял, что должен вмешаться. Парень явно не в себе и сгоряча может натворить дел.

– Успокойся, Джил. Ее величество жива и здорова. Просто она только что получила известие, которое ее очень взволновало... и огорчило. Нам надо проводить ее назад во

дворец.

Джил пристально посмотрела на Саксена, потом на Саллементро. Клук явно что-то не договаривал. Однако в рощице было темно, и юноша едва мог разглядеть лица людей, которые стояли перед ним – не говоря уже о том, чтобы понять их настроение. Нет, Саксену он готов доверить свою жизнь, и мать могла бы подписаться под этими словами. Так есть ли причины отказывать клуку в доверии?

– Ты! острое меча коснулось шеи темноволосого человека. – Ты кто такой?

Тор был готов ответить, но Элисса опередила его. Она уже овладела собой и говорила, как истинная королева.

– Это наш общий друг. Он привез важные вести. Твой долг принять его, как любого почетного гостя.

Джила охватила сомнения, однако он отвел меч и убрал его в ножны, а потом шагнул к Элиссе.

– У тебя все в порядке, мама?

Королеве удалось улыбнуться, хотя в глазах до сих пор стояли слезы.

– Прости, что обманула тебя, сын, – она коснулась его щеки. – Просто мне кажется, что ты слишком меня опекаешь. Все хорошо. Проводишь нас? Идем, старый друг, – она говорила весело, но было слышно, что это лишь притворство. – Нам есть о чем побеседовать.

– Ваше величество... – проговорил Тор, и все взгляды обратились к нему. – Я... приехал не один. Будет ли мне позволено взять с собой моих спутников?

Саксен в отчаянии закрыл глаза. Встреча с Тором оказалась нелегким испытанием для Элиссы. То, что она увидит потом, может убить ее.

– Как хочешь. Я рада всем вам.

Как беззаботно она это произнесла... И голос у нее больше не дрожит, и голову она держит высоко, как всегда.

Королева взяла своего приемного сына под руку и направилась прочь из рощицы. Саллементро поспешно присоединился к ним.

«Накиньте капюшоны», – мысленно предупредил Тор, и дети повиновались. На цыпочках покинув укрытие, они пошли рядом с отцом и Саксеном, следом за маленькой хрупкой женщиной – королевой Таллинора, их матерью.

Клут остался в роще. Он не завидовал ни Тору, ни его семейству, ни своим соратникам-Паладинам – потому что уже знал, что их ждет.

Глава 34

Час откровения

Королева провела гостей в свои покои. За все это время никто не произнес ни слова, и тишина становилась напряженной. Незнакомцы, которых привел Тор, так и не сняли капюшоны, но Элиссе было не до того: ей едва удавалось сохранять самообладание.

– Спасибо тебе, Джил, – она поцеловала юношу. – Прости, что заставила тебя поволноваться... Можно, я кое о чем тебя попрошу? Сделай одолжение, найди кого-нибудь из служанок. Мы с удовольствием чего-нибудь выпьем.

Сегодня она сама на себя не похожа, отметил помощник прайм-офицера. И гости у нее странные. Однако перечить он не осмелился.

Следом покои королевы покинул Саксен.

Едва дверь за спиной клука закрылась, он негромко окликнул юношу, и тот обернулся.

– А теперь будь добр, Саксен, объясни мне, – мрачно прошипел он. – Ослепи тебя Свет, что тут творится?

Похоже, Джил был в ярости, однако каким-то чудом держал себя в руках. Да, мальчик вырос. Человек, который стоял перед Саксеном, заслужил уважение, с которым положено относиться к помощнику прайм-офицера.

– Да, мне придется многое тебе объяснить, – Саксен покачал головой. – Все очень

сложно и запутано, но... верь своей матери. Это связано с ее прошлой жизнью – ты же знаешь она не всегда жила в Тале. Пока же могу сказать тебе только одно: никто из этих людей не причинит ей зла. Они привезли вести, которые ей непременно захочется услышать. Пусть они поговорят без посторонних. А мы с Саллементро встанем у дверей и будем караулить, пока ты не вернешься.

Джил кивнул. Его друг сказал много... и не сказал ничего.

– В таком случае, Саксен, без меня никого не впускать и не выпускать. Мы поняли друг друга?

– Слушаюсь, сударь.

Клук заметил, как у юноши вытянулось лицо. А парень не ожидал такого ответа от своего старого учителя, подумал он.

– Скоро вернусь, – буркнул Джил, бросив свирепый взгляд на Саллементро, который только что вышел из покоев королевы.

Менестрель вздохнул. Он уже понял, что Джил озадачен не меньше его самого – слабое, но утешение. Ничего, подумал Саллементро, тихо затворив дверь. Скоро вернется король, а вместе с ним – привычная размеренная жизнь. То, что происходило сейчас, напоминало бред сумасшедшего.

В покоях королевы по-прежнему царил молчок. Элисса и трое ее гостей стояли, переглядывались, и чувствовали себя весьма неудобно.

Элисса подождала, пока закроются двери. Что бы ни случилось, она не пустит все на самотек... и не даст воли своим чувствам.

– Может, ты представишь меня своим друзьям? – осведомилась она прежде, чем Тор успел произнести хоть слово. От нее так и веяло стужей.

Он вспомнил слова предупреждения, которые Орлак произнес на вершине холма, о мести, которую задумал бог. Они ни на шаг не приблизились к разгадке тайны Триединства. Тор чувствовал, как бушуют Цвета. Он кипел от гнева, но это был гнев на самого себя. Сколько боли и печали он приносит тем, кто рядом! Нет, хватит отчаиваться. Сегодня Элисса получит подарок, который он привез ей. Этот подарок – ее дети. Их дети. Тор запустил пятерню в волосы и пригладил их. Коней на переправе не меняют... но как это трудно – сказать то, что он хочет сказать, сделать то, что намерен сделать! Нельзя просто сообщить такую новость женщине, которая уже пережила одно потрясение. Впрочем... правду говорить не всегда легко и приятно, но это его долг.

– Элисса....

Услышав свое имя, она вздрогнула, как натянутая струна. Тор заметил это, но останавливаться не собирался.

– Это Гидеон и Лаурин... мои дети.

Душа королевы, казалось, умерла тысячу раз. Дети. Значит, он женился, у него есть дети. Ей жизнь такого подарка не сделала. Что ж, да будет так. Элисса сжала кулаки с такой силой, что ногти вонзились в ладони. Она не хотела никого видеть, все, что ей требовалось, – это собраться с силами. Еще один удар. Но она не заплачет. Двое в капюшонах молча стояли у окна, и Элисса заставила себя к ним повернуться. Словно почувствовав это, они откинули капюшоны и поклонились.

– Ваше величество... Ваше величество...

По вечерам Элисса любила полумрак, поэтому в это время в ее приемной горело лишь несколько свечей. Но сомнений не было: мальчик – сын Торкина Гинта. Он стоял перед ней, расправив плечи, и королева не могла отделаться от одной-единственной мысли: таким же был Тор, когда поймал ее букет после Танца Цветов. Чистое юное лицо... и ослепительно-голубые глаза Тора, способные смягчить любое сердце. Он был так же хорош собой, как и его отец, и Элиссе хотелось возненавидеть этого прелестного мальчика, как его отца... и как мать, из чрева которой появилось это дитя любви. Чудный подарок, который она сделать не смогла.

Гидеон шагнул вперед. Что делать? Чего ждет от него отец? Почему не открывает всей правды? Но эта ослепительно прекрасная женщина, которая стояла перед ним – его мать – так страдает... Неужели он не может просто прикоснуться к ней? Юноша взял ее маленькую, узкую руку, низко склонился и коснулся ее губами.

Королеву разрывали противоречивые чувства. Отец, вылитый отец. В этот миг она даже не смела поднять на Тора глаз. Переведя дух, она освободилась руку, но все еще чувствовала прикосновение его губ к своей коже.

И тут она увидела девочку.

Безупречное овальное личико в обрамлении блестящих волос цвета меда, хрупкая, чуть угловатая фигурка... Да ослепит ее Свет! Может быть, это сон?

Прежде, чем маленькая красавица успела произнести положенные слова – а она, несомненно, знала, как выразить королеве почтение, – или хотя бы пошевелиться, Тор подошел к Элиссе. Это было почти невыносимо. Любовь к человеку, который предал ее, вела схватку с ненавистью, разум был не в силах постичь происходящее. Все, что могла Элисса, – это смотреть в огромные серо-зеленые глаза Лаурин, дочери Тора. Глаза, которые взирали на нее почти со страхом.

И в этот миг Тор коснулся ее руки. Это прикосновение было красноречивее любых слов, и Элиссе показалось, что на нее дохнуло жаром.

– Элисса, – теперь Тор говорил очень тихо, – Лаурин никого тебе не напоминает?

Слова застряли у нее в горле.

– Смею ли я заметить... – королева сделала над собой усилие, – что Лаурин напоминает... меня?

И она наконец-то посмотрела в невероятно голубые глаза.

А потом произошло то, чего произойти не могло. Тор обнял ее и прижал к груди. Как она это допустила? Как она позволила такую бесцеремонность человеку, который достоин лишь презрения и ненависти? Но когда этот человек поцеловал ее прямо в макушку, Элисса почувствовала, как слабеют колени... и поняла, что счастлива.

– Она может быть похожа только на тебя, любовь моя. Это твоя дочь... наша дочь. А Гидеон – наш сын.

Вот и все. Сказано.

Казалось, в комнате замерз воздух. Королева приоткрыла рот, потом снова сжала губы, словно не желала выпускать слова, и растерянно смотрела то на дочь, то на сына. Но они тоже не знали, что делать и что сказать. Может быть, отец...

Тихий стук в дверь вывел Элиссу из оцепенения. Тор заметил, как она проводит одной рукой по бедру, словно оправляя платье, а другой прикрывает рот. Потом закрыла глаза, и ее лицо стало почти неестественно спокойным. То же самое он видел в день своей казни. Да, она пережила его смерть – значит, переживет и воскресение. Она такая смелая и сильная.

Не глядя ни на кого, Элисса молча подошла к двери и впустила служанку.

– Живее, Нелли, – проговорила она. – Поставь поднос на тот столик. Я все сделаю сама.

Девушка повиновалась и поспешно покинула покои, забыв напоследок поклониться. Впрочем, Элисса как будто не заметила этой оплошности. Она снова повернулась к своим гостям и сплела пальцы – их движения могли выдать ее волнение.

– Как это возможно, Тор? – очень спокойно спросила она. – Если я родила этих детей в Сердце Лесов, они должны быть гораздо младше.

– Ты позволишь нам присесть? – осторожно напомнил Тор. – Путь был неблизким.

– Конечно, – Элисса покачала головой. – Простите. Лаурин, может быть, ты поможешь? Сделай одолжение, разлей вино.

Девочка вздохнула с облегчением. Наконец-то можно хоть чем-то занять руки! Еще немного – и она бы просто взорвалась и все испортила, вопреки призывам Гидеона, которые то и дело звучали у нее в голове. Лаурин кивнула, улыбнулась – правда, улыбка получилась немного натянутой, – и направилась к столику. Королева присела у окна, держа спину неестественно прямо.

– А теперь рассказывай, – сурово произнесла она, посмотрев на Тора.

Пока Лаурин наполняла и разносила кубки, Тор начал свой рассказ. Элиссе показалось, что ее сердце сейчас разорвется, и боль, которую она таила в нем все эти годы, разольется по жилам, словно яд. Слезы хлынули неудержимым потоком. Во имя Света! Она даже не подозревала, что произошло сразу после рождения ее детей!

Гидеон больше не мог на это смотреть. Он вскочил, преодолевая робость, сел рядом с королевой Таллинора и сжал ее в объятьях. Это была его мать. И она оплакивала сына, которого считала мертвым, и дочь, о которой узнала лишь сейчас.

Тору было не легче. Запинаясь, он рассказывал обо всех ужасах, которые пришлось пережить. О том, как искал ее – лишь для того, чтобы увидеть в лапах Гота. Он уже начал рассказ о своей казни, когда осекся и понял, что не может говорить. К счастью, Лаурин поспешила успокоить отца.

Под конец Тор посвятил Элиссе в секрет перемещения душ.

– Ятолько сегодня ночью догадалась, что в теле Меркуда был ты Верно? – прошептала Элисса. Она то и дело шмыгала носом и уже знала, что глаза покраснели от слез. Да, хорошо, что ее никто не видит!

– Я... просто не знал, что тебе сказать. Вокруг было столько народу...

Элисса кивнула. Это была не самая большая из ее потерь.

– Продолжай, Тор.

И Тор рассказал. Он рассказал, как Сердце Лесов вернуло его к жизни, как они с Клутом летали в Карадун, чтобы выследить Гота, как Клут был пойман, как ему самому пришлось отправиться на Кипрес. О том, как ему удалось отыскать Клута, как он вернулся в Сердце Лесов и там встретился со своими детьми. Их детьми.

Пока он говорил, Элисса молча сидела в объятьях сына. А когда заговорила...

– А где все это время были вы?

Она не ожидала, что сможет говорить так спокойно. Лаурин поняла, что вопрос обращен к ней, и пожала плечами.

– Соррель перенесла нас в другой мир, где время идет быстрее. Мне очень жаль, но ни один из нас не помнит, что там было. Соррель предупреждала, что мы все забудем... Так и случилось.

Элисса грустно покачала головой.

– Соррель... Значит, она перенесла вас...

– Сердце Лесов помогло ей, – поспешно объяснил Тор. – Детей надо было спрятать в безопасном месте, Элисса. Вспомни, что тогда творилось.

– Я ничего не помню. Помню только, как мы с тобой были счастливы с Сердце Лесов. А потом – твою казнь. Между ними – туман... – она повернулась к Гидеону. – Я видела мертвого ребенка. Такого крошечного...

– На самом деле ты ничего не видела, Элисса. Тебе внушили, что ты его видишь – чтобы ты поверила в гибель своего сына... Так было нужно, чтобы защитить тебя. Так сказала Лисе.

– Ненавижу эту Лисе, – честно призналась она. Интересно, что сказала бы Элисса, если бы узнала, кем ей приходится Лисе? Тор стиснул зубы. И при этом Хранительница продолжает играть ими, как куклами.

– Где сейчас Соррель? – внезапно спросила Элисса.

Ее гости смущенно переглянулись.

– Думаю, она мертва, – проговорил Тор. – Перед моей казнью Меркуд говорил, что его время пришло. Наверно, ее время тоже.

Элиссе снова охватила печаль. Еще одна смерть. Еще один дорогой человек ушел из жизни.

– Много у тебя еще новостей, Тор?

– Много, но с остальными можно подождать. Теперь ты знаешь, ради чего я приехал... так что мне пора.

Пора? Это еще почему?

– Нет, – возразила она. – Я тебе не позволю. Вы останетесь здесь, и мы еще немного поговорим...

Элисса снова покачала головой. Она смотрела на своих детей, которые уже встали, собираясь последовать за отцом, и не верила своим глазам.

– Я так рада, что вы...

Она не договорила. Последнее слово потонуло в рыданиях.

Тор, Лаурин и Гидеон обняли ее, чтобы разделить с ней печаль. Всем им довелось потерять семью.

Убедившись, что пожелания матери выполнены, Джил наскоро проверил посты. Он был слишком взвинчен, чтобы сразу возвращаться в покои королевы. В конце концов, Саксену и Саллементро можно было доверять: они не позволят никому приблизиться к Элиссе с недобрыми намерениями.

Теперь можно было заняться бумажной работой: из окрестностей столицы постоянно приходили вести. Молодой офицер был от души рад узнать, что король вернется в столицу завтра, как и собирался. Теперь нужно было лишь направить несколько воинов из отряда «Щит» в сторону городка, расположенного на расстоянии дневного перехода от Тала, чтобы встретить короля. Джил едва успел подготовить приказ, когда снаружи послышался шум.

– Посмотри, что там такое, Брэйш, – бросил он. Воин покинул караулку, но вскоре вернулся.

– Какая-то старушка, сударь.

– Хорошо... Накорми ее похлебкой. И распорядись, чтобы кто-нибудь проводил ее во флигель и устроил на ночлег.

– Она требует, чтобы ее впустили, сударь. Она хочет видеть королеву.

Джил чуть не упал со стула.

– Королеву?!

– Так точно, сударь.

– Ты знаешь, что сейчас ночь? Скажи этой сумасшедшей: пусть идет своей дорогой. А утром приходит и попросит как положено, чтобы королева ее приняла. И не отвлекай меня по пустякам.

– Но она чуть жива, сударь. Боюсь, она и десяти шагов пройти не сможет. Она... э-э-э... Она представилась бывшей наставницей Ее величества.

– Клянусь свиными яйцами! – выругался Джил. Он был взбешен не на шутку. – Никому ничего нельзя поручить... Где она?

– У главных ворот, сударь.

– Воистину, – пробормотал помощник прайм-офицера, шагая в сторону дворцовых ворот. – Если хочешь, чтобы что-то было сделано должным образом, делай это сам.

У главных ворот и вправду стояла старушка – маленькая, полноватая и на вид очень слабая. Джил не мог отделаться от смутного чувства, что где-то ее уже видел, однако раздраженно отогнал эту мысль.

– Послушайте, сударыня. Время позднее, уже за полночь. Ее величество спит... – Конечно, это была ложь, но ложь неизбежная. – Мы не станем будить королеву только для того, чтобы вы с ней поговорили. Вы понимаете?

Старушка просунула длинный костлявый палец сквозь железную решетку, словно хотела проткнуть офицера.

– Это ты чего-то не понимаешь, юноша, – просипела она. – Скажи королеве, что пришла Соррель. Меня она примет в любое время дня и ночи.

– Я не стану ей ничего передавать. Ступайте и приходите завтра с утра.

Джил рассвирепел. Он был сыт по горло сегодняшней ночью. Некоторые люди считают, что их высокое положение и знатность позволяют плевать на порядки, установленные ради их же безопасности.

Соррель словно не слышала его.

– А Саксен Фокс здесь?

– Саксен?!

Вот так неожиданность!

– Послушайте, кто вы такая? – выдавил молодой офицер, запоздало сообразив, что незнакомка уже представилась. Он обернулся. Его воины стояли позади и старательно делали вид, что любуются небом, стенами дворца, смотрят на сторожевые башни... куда угодно, но только не на своего командира.

Старушка великодушно промолчала.

Джил недолго размышлял над своим положением. Похоже, он не справляется. Он не в состоянии... или не в настроении... На самом деле он был и не в настроении, и не в состоянии с тех пор, как село солнце.

– Позови клука, – устало бросил юноша, обращаясь к одному из стражников. – Сейчас он возле покоев Ее величества... – и добавил, снова повернувшись к старушке: – Если Саксен поручится за вас, можете войти.

Дети сидели в дальнем углу приемной Элиссy, лакомились сыром, орехами, фруктами, насыпанными прямо на поднос, и тихо беседовали. Самое страшное было позади, и теперь они ожили и повеселели.

Лаурин была потрясена. Ей и в голову не могло прийти, что ее мать такая юная, такая красивая! Она должна быть гораздо старше. Правда, Элисса еще ни разу к ней не прикоснулась. Однако внутреннее чувство подсказывало Лаурин, что причиной тому – страх. Элисса боится поддаться чувствам. Все должны видеть, что она сохраняет присутствие духа, что все по-прежнему в ее руках. Прежде всего, она – королева. У них еще будет достаточно времени, чтобы узнать друг друга поближе. Лаурин ждала этого с нетерпением, но сейчас просто радовалась, глядя, как беседуют ее родители.

Ее родители сидели у окна. Шторы были задернуты, скрывая их от чужих глаз.

Тор держал кубок в ладонях, не смея с ним расстаться. Он боялся, что его рука, освободившись, тут же постарается найти ладонь Элиссy. Слишком опасно. Как это ни больно, но между ними – преграда, отныне и навсегда. Преграда, имя которой Лорис.

– Полагаю, я должен поздравить тебя, Лисса... – пробормотал Тор. – С удачным замужеством.

И подумал, что сказал самую большую глупость в своей жизни.

Элиссy тоже разрывали противоречивые желания. Тор был рядом, но она даже не смела его коснуться. И он назвал ее «Лисса»... Она прикусила щеку, чтобы снова не разрыдаться.

– Не надо, Тор. Я не могу объяснить...

– Ты ничего не должна объяснять. Правда. Ты видела, как я умер. Я вообще удивляюсь, что ты так долго оставалась одна. Потерять ребенка, потерять меня, потерять всех нас в Сердце Лесов... Надеюсь, ты с ним счастлива.

Он не лукавил – по крайней мере, очень на это надеялся. Куда труднее было просто смотреть на Элиссy.

– Счастлива... – эхом откликнулась она и позволила себе маленькую роскошь – посмотреть в эти глаза, которые она так давно любила.

Пожалуй, лучше поговорить о чем-нибудь другом, подумал Тор. О чем угодно, только не о том, что стоит между ними, мешая обнять ее, и прижать к себе.

– У нас чудесные дети, Элисса. Сильные и смелые. Оба Чувствующие, их дар очень силен – особенно у Гидеона. Мы подарили миру двух удивительных людей, даже если...

Он не мог договорить, но Элисса поспешила на выручку.

– Они и в самом деле просто чудо, – она попыталась улыбнуться. – Жаль, что они увидели меня такой. Надеюсь, нам удастся познакомиться поближе. Может, задержитесь здесь хотя бы ненадолго?

– Им стоит остаться, но я не думаю, что король примет меня с распростертыми

объятиями.

Снова король. Ни слова о короле. Элисса поняла, что даже не задумывалась о том, что почувствует Лорис, когда обо всем узнает. Почему-то ей казалось, что это случится очень и очень нескоро. Чувства захлестывали ее, она была как во сне.

– Расскажи мне про Джилу, – попросил Тор.

– Я усыновила его несколько лет назад. Однажды утром стражники нашли перед дворцовыми воротами мальчика, привязанного к решетке... Несчастный бездомный ребенок. Найрии стало его жаль...

Элисса заметила, как Тор улыбнулся. Он тоже помнил, что Найрия жалела таких детей.

– Она поручила мне заботиться о мальчике. Только представь: совсем малыш, сирота... Ему была нужна мать. А я так и не оправилась от потерь, и мне самой нужна была помощь. И он стал первым моим спасителем. Он, Саксен, Саллементро, Найрия... а потом и Лорис.

– Он тебя очень любит.

– Да, Тор. Его величество очень сильно меня любит.

– Нет, я про Джилу.

– О... – она так смутилась, что не могла найти слов. – Э... да, конечно. Мы с Джилом живем душа в душу. Просто он последнее время сам не свой – из-за того, что на прошлый Восьмерик я лишилась чувств. Я вдруг почувствовала, что мир пришел в движение...

Тор не выдержал и взял ее за руку.

– Я тоже это почувствовал. И не только я. Дети, Саксен, обитатели Сердца Лесов...

– Это Орлак? Он вырвался на свободу?

– Да. Он призывал меня.

Пальцы Элиссы крепко сжали его ладонь.

– Ты видел его? – в тревоге спросила она.

– Мы даже побеседовали. Он намерен уничтожить нас. Всех.

– Во имя Света! – выдохнула Элисса. – А Триединство?

– Я призвал детей в Таллинон. Мне казалось, что это поможет раскрыть тайну, над разгадкой которой мы бьемся. Но я не продвинулся ни на шаг, Элисса. Я боюсь за них. И за тебя.

– Что ты собираешься делать?

– Первым делом – вот что, – и он коснулся ее лба.

Зеленый камень соскользнул ему в руку. Элисса изумленно вскрикнула... и впервые за много лет увидела мир... настоящим. Тор коснулся ее разума, и она снова услышала у себя в голове его голос:

«А еще вот что».

И он накрыл ее губы своими.

Она не сопротивлялась, и Тор поцеловал ее. Очень нежно.

«Я должен был это сделать. Я должен был сказать тебе, что никогда не переставал любить тебя. Я люблю тебя, и поэтому отпускаю. Я знаю, как тебе нелегко, и пришел сюда не для того, чтобы запутать все еще больше. Мне просто надо было предупредить тебя и сказать, что тебе ничего не грозит, пока я обдумываю следующий шаг».

Элисса собиралась ответить, когда в дверь постучали, и Саксен, появившись на пороге, объявил, что неожиданности на эту ночь еще не закончились.

– Как еще? – пробормотала Элисса, выходя из-за занавески. – Боюсь, мое сердце этого не выдержит... Проходите!

Саллементро распахнул дверь, и Саксен появился снова, на этот раз – с огромной кучей лохмотьев в руках.

Потом куча зашевелилась. Тор, Элисса, дети – все словно превратились в статуи. А потом...

– Соррель! – закричала Лаурин.

И в гостиной началось светопреставление.

Глава 35

Откровение

Саксен опустил старушку на огромную софу. Соррель лежала с закрытыми глазами и тяжело дышала.

Она умирает, догадался Тор. Каждый выдох уносил у нее частицу жизни. Но может быть... Он протолкался к софе. Саксен и Саллементро, чувствуя себя беспомощными и бесполезными, покинули приемную и вернулись на свой пост.

Тор положил ладонь ей на лоб, и Цвета внутри ярко вспыхнули. Он не ошибся. Время, отведенное Соррели в этом мире, истекло. Он посмотрел на Элиссу и грустно покачал головой. Еще миг – и он отошел бы в сторону, но старушка схватила его за руку. Чудесная улыбка внезапно осветила ее морщинистое лицо, и эта улыбка предназначалась только ему. Губы старушки шевельнулись, но если бы не тонкий слух, Тор ни за что бы не услышал, что она шепчет.

– Триединство ускользает от тебя?

Он кивнул.

– Оно близко, мой мальчик. Ищи в Великом Лесу. Сердце Лесов защищает своих.

Соррель закрыла глаза. Казалось, она уже отправилась на встречу с богами. Вопреки всем усилиям, Лаурин расплакалась, и Гидеон снова обнял ее, пытаясь утешить... хотя горевал не меньше.

– Она еще жива, – тихо сказал Тор. И не ошибся: тяжелые веки Соррели снова поднялись.

– Где Элисса?

– Я здесь, Соррель, – королева подошла к софе, склонилась над старушкой и взяла ее за другую руку. Слезы текли у нее по щекам – оказывается, она не все выплакала за эту ночь. Осталось еще немного слез, чтобы пролить их над женщиной, к которой она была так привязана.

– Ах, моя девочка. Какой ты стала красавицей. Дай взглянуть на тебя, – Соррель издала хриплый смешок. – Королева Таллинора... Кто бы мог подумать?

– Не трать силы, Соррель, – прошептала Элисса. – Может быть, позвать лекаря?

– Нет, моя хорошая. Лучший лекарь Таллинора здесь, и он уже понял, что моя жизнь подходит к концу. Мне просто надо было увидеть тебя в последний раз. Я вернула тебе то, что принадлежит тебе по праву. Этих детей отняли у тебя, чтобы спасти. Спасти тебя, спасти их. Мне очень не хотелось тебя покидать, моя девочка, но я должна была защитить вас, потому что вашим жизням нет цены. Ты прощаешь меня?

Элисса не могла говорить. Тор прижал ее к себе – только это и дало ей сил, чтобы кивнуть сквозь слезы.

– Замолчи, Соррель, – пролепетала она. – Побереги себя.

Соррель закашлялась и судорожно вздохнула. Лаурин отвела глаза. Она не могла смотреть на ее страдания. Это ее вина: она бросила старушку, посчитав ее мертвой.

Однако старая травница не сдавалась.

– Но я должна говорить, моя королева. Времени мало. Я добралась сюда, потому что должна сделать еще кое-что, прежде чем моя душа покинет тело. Самое важное из всего, что мне уготовано.

Соррель закрыла глаза, собираясь с силами. Когда она снова подняла веки, ее взор уже мутнел, словно старая женщина уже отправилась в свое последнее странствие.

– Говори, Соррель, – подбодрил Тор и кивнул Гидеону. Лаурин надо было вывести из комнаты: девочка слишком тяжело переживала то, что происходило в этой комнате. Мальчик послушно обнял сестру и повел к двери. Детям и вправду стоило подышать свежим воздухом.

– Можно выйти на улицу? – слышался из-за двери голос Гидеона.

– Мы с вами, – откликнулся Саксен. Он был рад, что для него наконец-то нашлось дело.

Саллементро с готовностью согласился, и они вчетвером отправились в другую часть башни, на балкон, где можно было спокойно поговорить.

Едва дверь захлопнулась, Соррель схватила Тора и Элиссу за руки, заставив склониться.

– Слушайте меня внимательно, – прохрипела она. – Есть третий ребенок... Сын. Он родился после того, как я отослала себя прочь, Тор. Он был очень слабеньким, едва дышал. Дармуд Корил ответил на мою мольбу. Он взял ребенка и обещал о нем позаботиться.

Она снова задышала с трудом, силы покидали ее. Тор и Элисса были так потрясены, что потеряли дар речи... и не сразу заметили, как слабеют руки Соррели.

Первым в себя пришел Тор.

– Где он, Соррель? Где наш сын?

– Я не знаю, – теперь она шептала чуть слышно. – Ищи в Сердце Лесов. Его зовут Рубин.

Она улыбнулась, в последний раз вздохнула, и с этим вздохом ее душа тихо покинула тело.

– Соррель! – закричала Элисса. – Мой сын... мой сын!

Она почувствовала, как Зелень окутывает ее, приветствует, зовет в свое убежище, тянет в глубину, где ей уже ничто не будет угрожать – ни печаль, ни боль.

Но Тор устремился следом. Его голос в ее голове звучал мягко и нежно – он знал, что принуждение лишь заставит ее уйти глубже.

«Не уходи, Элисса. Не убегай, прошу тебя».

«Наш ребенок, Тор... Его бросили. Оставили умирать в лесу. Значит, я видела именно его!»

Она все глубже уходила в Зелень.

«Он не погиб. Он жив. Сердце Лесов позаботилось о нем. Бог лесов не дал ему умереть. Рубин жив. И мы должны его найти. Непременно, любимая! Разве ты не понимаешь? Без Рубина нет Триединства».

Элисса попыталась оттолкнуть его. Пусть оставит ее в покое. Пусть перестанет разговаривать с ней. Пусть даже не пытается. А Тор все не сдавался, призывал ее к борьбе... Зачем? Сегодня она приняла слишком много ударов, и этот стал последним. Зелень манила своей безмятежностью, в которой так хорошо укрыться.

«Триединство, Элисса. Подумай! Это наши дети... Трое наших детей. Это и есть Триединство! Рубин – третий. Не я и не ты! Мы должны найти его, пока еще поздно».

«Триединство?»

Элисса замерла в нерешительности. Она чувствовала, как Тор тянет ее из Зелени.

«Да. Гидеон, Лаурин, Рубин... Ты нужна своим детям, Элисса».

Она все еще не могла решиться.

«Ты нужна мне, Элисса».

Неизвестно почему, но именно это ей и нужно было услышать. Покинув Зелень, она последовала за Тором – обратно в комнату, где они сидели, где Соррель держала их за руки. Только Соррели больше не было. Она превратилась в пыль.

Тор посмотрел на Элиссу, его голубые глаза горели от волнения.

«Мы нашли Триединство», – прошептал он, и Элисса улыбнулась.

«И себя тоже», – ответила она... и сама испугалась своих слов.

Высоко в кронах деревьев раздался победный клич сокола.

И Сердце Лесов, услышав его сквозь ночь, возликовало.